

ПИТЕР УСТИНОВ

Крамнэгел

Журн. "Иностр. лит., №№ 8-10, 1981

РОМАН

Перевод с английского Ю. ЗАРАХОВИЧА

1

Город торчал из пустоты брошенными вставными челюстями. Не было никакой видимой причины, почему его следовало построить именно там, а не где-нибудь еще, — ни большой реки, ни укрытия гор, ни хотя бы морщинки на земной поверхности. Наверное, здесь просто сбросил свой заплечный мешок какой-то усталый пионер, или, возможно, как раз на этом месте пала лошадь, и из такого вот невзрачного зернышка вырос Город — как дерево или как болезнь.

Трудно было сказать: то ли он рос слишком быстро, чтобы обзавестись пригородами, то ли он из них одних и состоял — в конечном счете выходило одно и то же. Как обычно и бывает в городах подобного рода, испятнавших веснушками огромное плоское лицо Среднего Запада, здесь продавалось несколько больше подержанных автомобилей, чем на них могло найтись покупателей, а вечерами, несмотря на пуританские нравы, призывно — как проститутка, шепчущая вслед проходящему мимо клиенту, — манили и подмигивали неоновые огни реклам. Затем все небо озарялось адским огнем — знаменем столь же ясным, как звезда, сзывавшая мудрецов в Вифлеем, и гласившим, что в электрическом оазисе посреди нефтяной и пшеничной пустыни мутным ключом бьет жизнь и в одиночестве нет резона.

Днем же все выглядело иначе. Становились заметными трогательные потуги на стиль — как будто всю историю прокрутили ускоренным темпом, словно ленту на магнитофоне, а всю эволюцию втиснули в жалкие полстолетия существования Города. Законодательное собрание — ибо Город был столицей штата, хотя и не самым большим скоплением в нем домов и людей, — размещалось в сносной имитации Парфенона, тогда как местный арсенал был решен в стиле средневекового форта, усовершенствованного фабрикантом игрушек. Источником вдохновения для проектов наиболее почтенных небоскребов послужили, без сомнения, органные трубы; их опасные высоты были усеяны горгульями, а нижние этажи изобиловали мозаиками в стиле, прерафаэлитов, скрывавшими за подчеркнутым внешним благолепием дьявольский подтекст. Короче говоря, это был Город, ничем не отличимый от многих других, Город, который его обитатели, находившие поэзию и просвещенность там, где чужаки не видели ничего, кроме серости и скуки, считали великолепным местом, здесь можно жить и растить детей, невзирая на

ПИТЕР УСТИНОВ — PETER ALEXANDER USTINOV (род. в 1921 г.).

Английский писатель, драматург, режиссер, киноактер. Внучатый племянник русского художника А. Н. Бенуа. Окончил Лондонскую театральную студию. Автор пьес «Ни проблеска надежды» («No Sign of the Dove», 1953), «На полпути к вершине» (поставлена Московским театром им. Моссовета) и др., романов «Проигравший» («The Loser», 1961), «Неизвестный солдат и его супруга» («Unknown Soldier & His Wife», 1967), «Уважаемый Я» («Dear Me», 1977; автобиографический роман). Лауреат нескольких премий «Эмми» (присуждаемых в США за лучшие телепередачи и программы), лауреат международной премии ЮНИСЕФ за 1978 г. Снял более чем в 50 фильмах, в том числе в известном советским зрителям фильме «Спартак» («Оскар» 1961 г. за лучшее исполнение мужской роли).

Роман «Крамнэгел» вышел в 1971 году («Krumnagel». New York, New American Library, 1971).

марихуану, расовые мятежи, студенческие беспорядки, весьма высокий уровень убийств и, что еще хуже в глазах моралистов, весьма высокий уровень изнасилований.

Человека, призванного бороться с этими проявлениями зла и оберегать от них сограждан, звали Крамнэгел. У него было много друзей и много врагов, которые, вполне естественно, часто оказывались одними и теми же людьми, ибо Крамнэгел занимал пост начальника полиции. Это был огромный детина, высокий и одновременно массивный, с тем достаточно внимательным взглядом широко раскрытых глаз, который считается умным, когда встречается у собак, и который своей агрессивной настороженностью производит куда менее обнадеживающее впечатление даже на самых наивных, когда встречается у людей. Беспокойный взор Крамнэгела смягчался, однако, его твердой решимостью быть доступным, человечным, приятным. Он поощрял критику, однако никогда не прощал ее. Он беспредельно верил в простого парня с улицы, однако придерживался самого низкого мнения о нем. Он был американцем, и американский образ жизни так же неотъемлемо вошел в его кровь и плоть, как неотъемлемо вписался в его мысли и в угол его служебного кабинета за креслом свернутый американский флаг.

— Отличный день, начальник! — крикнул ему мистер Половски, мужской портной, стоявший в дверях своей лавочки. Мистер Половски был гражданином Америки в первом поколении и потому искал поддержки в общении с людьми — чем более обыденном и менее вызывающем на спор, тем лучше.

— Да вроде ничего с е б е , — откликнулся Крамнэгел, следуя мимо него по тротуару.

— Для вас особенно, — заискивающе подхватил мистер Половски, и стекла его очков сверкнули в лучах удивительно яркого солнца.

Крамнэгел, может, и услышал его слова, но вовсе не подал виду. Мистер Половски вернулся в свою лавочку, готовый в разговорах со знакомыми придать этому эпизоду особое значение.

Да, уж сегодня-то Крамнэгел мог бы и проехаться в своем черном, украшенном золотой звездой полицейском автомобиле — либо за рулем, откинувшись на спинку сиденья, привалившись боком к дверце, опершись локтем на раму открытого окна и барабаня пальцами по крыше; либо, пренебрегая своей властью и положением, как и подобает истинному демократу — подле положенного ему по штату шофера, однако он предпочел идти пешком.

— Замечательный человек во многих отношениях, — сообщил мистер Половски своему подмастерью. — Правда, неприятный, но все равно замечательный — вы только представьте себе: идет пешком! — да и вообще, где сказано, что начальник полиции должен быть приятным?

Поскольку подмастерье не был большим эрудитом, то он не знал, потому и не ответил.

— Для сентября отличный денек, а, Барт? — окликнул Крамнэгела мистер Массульян из дверей своей лавки. Заведение было из тех, где уже уцененные вещи распродают с еще большей скидкой, так как хозяин вынужден срочно спустить весь свой товар, чтобы не вылететь в трубу, но почему-то в результате этих распродаж он неизменно остается в большом выигрыше.

— Да вроде ничего с е б е , — промычал Крамнэгел, продолжая жевать резинку.

— Все-таки отличный! — вынимая изо рта окурки сигары, упрямо повторил Массульян, как будто ему возражали. Больше всего на свете Массульян боялся, что последнее слово будет не за ним. Умение завершить беседу на своих условиях внушало ему чувство уверенности в себе, даже если собеседник уже был вне пределов слышимости.

— Все-таки отличный! — повторил он еще раз после того, как Крамнэгел окончательно скрылся из виду.

Подходя к гостинице «Гейтуэй-Шератон» — новейшей из жемчужин в венце городского гостеприимства, — Крамнэгел пытался поймать свое отражение в витринах, чтобы окончательно удостовериться, что у него все в порядке.

— Ну как оно, начальник?

— Гм...

— Слушайте, начальник, я тут получил кой-чего новенького — а у нас что, опять неприятности?

Мистер Бун, владелец полусерьезного книжного магазина, где полные собрания сочинений Эсхила, Исаака Ньютона и Германа Гессе стояли корешок к корешку с

трехтомной историей онанизма всех веков и народов, поднял над головой номер журнала, на обложке которого возлежала обнаженная девица.

— Я сегодня не на службе, Байрон, могли бы и знать.

— Заходите в любое время, начальник, если что понадобится, в любое время, днем и ночью.

— Ладно, увидимся.

Швейцар в дверях отдал ему честь. Он отдал честь швейцару. Глаза их на миг встретились. Они посмотрели друг на друга с симпатией и недоверием. Очутившись в вестибюле среди гостей, Крамнэгел окинул тревожным взглядом газетный киоск, кафетерий, застекленный закуток «Подарки пионера», стол проката автомобилей.

— Разрешите вас проводить, начальник? Это в Бизоньем зале.

— Я знаю где. Я ищу миссис Крамнэгел.

— О, извините.

Как раз в этот момент в автоматически раскрывающихся дверях появилась Эди. С такой внешностью она имела бы большой успех в эпоху немого кино: нос пуговкой, чуть водянистые глаза, надутый ротик и невинный взгляд, не лишенный приятного намека на извращенность.

— Привет.

— Привет, Эди, ты опаздываешь.

— Нет, приятель, это ты рано пришел. Я никогда не опаздываю. Я — жена полицейского, не забывай об этом.

Крамнэгел и не думал забывать. Он всегда об этом помнил, хотя и не без некоторого неудовольствия, поскольку до брака с ним Эди уже побывала замужем дважды — и каждый раз за полицейским.

Электронные часы под средневековый глокеншпиль на небоскребе фирмы жевательной резинки «Бичнат» пробили двенадцать.

— Вот видишь! — воскликнула Эди, игриво ткнув серебристым ноготком в кончик его носа.

— Ладно, ладно, ты права, — вздохнул Крамнэгел. — Бывает и так. Ну, хорошо, пошли.

Бизоний зал — главный банкетный зал гостиницы — был оформлен в современном стиле, однако в нем стояли изрядно мешавшие официантам настоящие крытые фургоны, почтовые кареты и чучело бизона. Из окон зала открывалась величественная панорама. В хорошую погоду были видны не только окрестности Города, но и лежащая за ними прерия. Когда чета Крамнэгелов появилась на пороге, в зале мгновенно вспыхнули аплодисменты. Один из присутствующих сразу же ринулся вперед, как бы в порыве миролюбия.

— Мы долгое время враждовали, Барт, — вы уж извините, Эди, — но я первый хочу сказать вам, что глубоко польщен оказанной мне честью — приглашением сюда, и я специально отменил важнейшую консультацию, чтобы успеть. Город не был бы Городом без вас, Барт... и Эди... А ведь именно его мы и любим, наш Город, и во имя него и трудимся, не так ли?

— Разумеется, Арни, — ответил Крамнэгел. — Я и сам не сказал бы лучше. — Эта взаимная демонстрация дружелюбия вызвала одобрительный смех зрителей. — Да нет, серьезно, — продолжал Крамнэгел, — у нас с вами были разногласия, ну и что — у кого их нет? Вот и у нас с Эди тоже были разногласия, сплошные разногласия. — (Смех.) — Но это же не значит, что я ее не люблю, верно? — Он так прижал ее к себе, что она чуть не завопила от боли. Однако ей удалось выдать из себя вместо вопля вымученную улыбку, адресованную присутствующим В зале женщинам, умиравшим от зависти. — Я не хочу сказать, что люблю вас, Арни... — (Смех.) — Я, пожалуй, один из тех редких чудачков, которые считают, что мужчины должны оставаться мужчинами, а женщины — женщинами. — (Снова смех, переходящий в аплодисменты, по мере того как слушатели осознали всю глубину высказанной мысли.) — Но я вас, Арни, очень ценю, всегда ценил и буду ценить, и — как знать? — если мне когда потребуется проверить черепушку, я сразу смекну, к кому обращаться.

Арни Браггер, самый уважаемый в штате психиатр, протянул Крамнэгелу руку, и огни фотовспышек запечатлели момент великого примирения.

Стук молоточка известил сановную публику о том, что пора обедать. Банкет начался.

Перебрасывавшиеся тарелками официанты придавали залу некое сходство с футбольным полем во время тренировки. У входа на кухню, как тренер на краю площадки, стоял метрдотель, все отмечая в уме, прикрикивая на тех, кто покидал поле с пустыми тарелками в руках, подбадривая тех, кто возникал в дверях с новыми блюдами. Крамнэгел почти не прикасался к еде. Он с отвращением думал о том, что ему предстоит произнести речь. Как и большинство тех, кто считает себя человеком действия, он был ленив, и ничто не доставляло ему большего удовольствия, чем развалиться в кресле и смотреть по телевизору боевики, отождествляя себя с сыщиком.

Его, пожалуй, легко было понять, поскольку ему выпало несчастье возглавлять городское полицейское управление в тот период американской истории, когда единственным видом преступности, борьба с которым приносила успех, были вымышленные преступления на телеэкране. Эти преступления обладали еще и той особенностью, что раскрытие любого из них не требовало более двадцати семи минут благодаря непреклонным законам коммерции, оставившим три минуты на рекламу продукции оплативших передачу фирм. Крамнэгел вздохнул. Трудный выдался год. Пресса не прекращала его травить. В свободном демократическом обществе пресса вечно цепляется к должностному лицу, особенно если все ее органы принадлежат одной и той же семье. Ну, в самом деле, он-то чем виноват, если по делу об убийстве Рэбника, по делу о таинственной смерти шести братьев Пенаполи (в том числе и пресловутого мафиозо Анасаного Джо), по делу об обезображенном трупе наследницы фабриканта лейкопластыря — труп нашли в выброшенном почтовом мешке, — по делу ветерана войны, забитого до смерти его же собственным ножным протезом, по делу свихнувшегося «зеленого берета»¹, который взорвал рейсовый самолет и до сих пор шагает на свободе (об этом писали крупнейшие газеты страны), — по всем этим делам так до сих пор никого и не арестовали? Да и что толку арестовывать преступников в наш непостижимый век научной экспертизы? Вот взял он недавно бандита, требовавшего выкуп за похищенного им человека. Взял с полицным, как раз в тот момент, когда бандит пытался получить выкуп. Железное, казалось бы, дело. И что же вышло? В зале суда появился представлявший преступника Арни Браггер и до того заморочил судье голову своей психоаналитической обструкцией — три дня речь только и шла о Фрейде, Юнге и Теодоре Рейхе, — что под конец несчастный богобоязненный судья и измотанные присяжные передали подсудимого на короткий срок под наблюдение врачей, а затем отпустили на все четыре стороны. Браггеру, правда, не пришлось долго доказывать, что его клиент действовал в состоянии временного умственного расстройства. Поскольку тот потребовал, чтобы деньги за выкуп положили в металлический контейнер и бросили на дно бассейна, и был взят полицией, как только вынырнул из воды с этим контейнером в руках, но его дело представляло собой лишь один пример из многих сотен дел, в которых Браггер обманул если не правосудие, то справедливость, прибегая к смеси фантастического нахальства, высокопарных, велеречивых фраз об Америке (этой беспредельно гибкой и расплывчатой абстракции) и призывов к простым, без выкрутасов, добродетелям и болтая благодаря неисчерпаемым запасам природной энергии часами ни о чем с неподдельной искренностью и глубокой увлеченностью.

Размышляя об этих проблемах, Крамнэгел перехватил взгляд Браггера и виновато улыбнулся. Браггер же не только с готовностью улыбнулся в ответ, но даже подмигнул, что сразу заставило Крамнэгела задуматься над тем, какие мысли о нем самом сидят в голове у этого мерзавца.

На банкете присутствовали все, кто что-то значил в этом мире. Губернатор штата — Дарвуд Макалпин, человек умеренный и осторожный, сохраняющий устойчивость в любую бурю. Его мать, Элис Хокомер Дарвуд, унаследовала два огромных состояния — от своей матери, Найоби Хокомер из рода пивных королей (на этикетке фамилной продукции изображен Рип Ван Винкль и надпись: «Ради пива «Хокомер» стоит проснуться»), и от отца, Линкольна Дарвуда, запатентовавшего первый в истории рубчатый резиновый каблук для мужских ботинок. («Гордитесь — вас хранит от падения Двойной Захват Дарвуда.») Немалые деньги достались губернатору и от его отца, а в придачу к ним — вечно моложавая физиономия здоровяка спортсмена с неизменной презрительной миной. Губернатор принял место, отведенное ему в обществе с ранней

¹ «Зеленые береты» — солдаты отборных подразделений вооруженных сил США, обученные ведению специальных операций. Многие из них заслужили печальную славу садистов и убийц, пополняющих после демобилизации ряды уголовников. (Здесь и далее — прим. перев.)

юности, принял безропотно и без тени протеста, и сейчас, на пороге наступавшей в его жизни долгой осени, не выказывал ни довольства, ни огорчения выпавшей ему судьбой, поскольку она была столь же органической частью его самого, как и его собственная кожа. Он беспредельно верил в демократию, наделявшую правом голоса даже самых бедных и черных, но позволявшую им отдавать голоса лишь за самых богатых и белых. Он верил в нее потому, что не имел ни желания, ни способности занимать свой мозг раздумьями о какой-либо другой вере. И вообще занимать он умел лишь гостей, что и делал непрерывно и, казалось, без устали.

Сейчас с губернатором беседовал мэр Города, Отис Калогеро, грек по происхождению, человек недостаточно либеральный, чтобы угодить либералам, и недостаточно консервативный, чтобы угодить консерваторам; недостаточно продажный, чтобы угодить мошенникам, и недостаточно узкомыслящий, чтобы угодить ханжам. Иначе говоря, он был олицетворением известного явления нашего времени — политик, побеждающий на выборах лишь потому, что никто не настроен против него столь же решительно, как против других кандидатов. Отнюдь не лучший из людей — просто наименьшее зло.

Именно такие события и используют большие люди, чтобы переговорить с другими большими людьми о взаимно интересующих их вопросах, с хозяйской гордостью отметил про себя Крамнэгел. Но вдруг, несмотря на свою центральную в сегодняшней церемонии роль, он по какой-то необъяснимой причине рассердился. Жена Крамнэгела оживленно болтала с его заместителем Алом Карбайдом, и Крамнэгелу казалось, что, слушая его, она смотрит на его губы, как бы угадывая слова. Почему это она не может смотреть ему в глаза, как все нормальные люди? Ощувив на себе взгляд мужа, Эди неожиданно повернулась, радостно подпрыгнула в кресле и послала ему несколько быстрых воздушных поцелуев. Крамнэгел выдал из себя улыбку, а Ал Карбайд подмигнул ему точно так же, как только что перед ним Арни Браггер. В конце концов, решил Крамнэгел, это его день, и в мире, черт побери, полно дружелюбия, проникавшего даже в черные души замов и психиатров. Снова застучал молоточек, и мэр попросил монсеньора Фрэнсиса Ксавьера О'Хэнрэхэнти, президента католического университета Тернового венца, вознести благодарственную молитву.

— О, б о ж е , — сказал монсеньор, как бы проверяя экзаменационную работу, в которой бог опять допустил ту же ошибку, что и в прошлый р а з . — О, боже, ты являешь нам чудо своей всеобъемлющей мудрости и своей вседесушности, и нет предела нашему унынию, когда ты покидаешь нас, ты являешь нам красоту и чудеса индустриальной мощи нашей великой страны, в которой дочери твои и сыновья могут славить тебя под сенью конституции согласно со своими верованиями и взглядами. Горстка твоих детей возносит тебе сейчас хвалу за щедрость этого стола и молит тебя благословить наш чудесный штат, и наш Город, и особенно его полицейское управление...

Взгляды всех присутствующих обратились к Крамнэгелу, и он явственно ощутил, как бог, благословляя, прикоснулся к его лбу полицейской дубинкой, и покраснел.

— Наше полицейское управление, под руководством его начальника Бартрама С. Крамнэгела, всегда старалось идти путем благочестия и улучшить жизнь в нашем Городе. Господи боже наш, помоги же ему в этом важном, воистину всепоглощающем деле. Освяти незыблемость семьи, отцов утверди в их отцовской власти, матерей в их материнской любви и научи детей наших чтить тебя в стенах нерушимой крепости американского дома.

Мэр взглянул на часы. Всем ведь предстояло возвращаться на службу в свои заведения. Монсеньор заметил его взгляд и успокаивающе кивнул. В конце концов, ему ведь тоже предстояло возвращаться на службу в свое заведение, как и всем остальным.

— Да пребудут с полицейским управлением нашего Города гнев твой и благодать твоя: гнев — дабы покарать злодеев, а благодать — как бальзам для заживления ран, нечаянно наносимых современной жизнью. Да смягчит его карающую десницу милосердие, а милосердие да будет сочетаться с твердостью стали. Аминь.

Некоторые неумные личности позволили себе захихикать, поскольку как раз в этот момент официант уронил высокую стопку тарелок, но в большинстве своем присутствующие сохраняли завидную выдержку, устремив к богу все свои помыслы. Мэр поднялся из-за стола.

— Спасибо вам, монсеньор, — сказал о н . — Чудесная была молитва, и если она не получит отклика сверху, значит, что-то неладно с нашим спутником связи.

Аудитория тепло встретила его слова: хотя поведение почти каждого зиждилось на краеугольном камне благочестия, существовало все же общепринятое мнение, что для своего же собственного блага Всевышний должен идти в ногу со временем. Глубже всего, пожалуй, подобные настроения укоренились в душе именно монсеньора О'Хэнрэхэнти, поскольку он, как частенько говаривал сам, «служил в местном рекламном агентстве, обслуживающем небесную клиентуру», а в качестве вспомогательного двигателя торговли всегда держал про запас кладезь анекдотов о грешниках и детях; анекдоты эти успешно сводили веру до уровня дозы слабительного.

— Ну что ж, все мы — люди занятые, — оживленно продолжал мэр. — И все знаем, по какой причине здесь собрались. Мы здесь собрались сегодня для того, чтобы почтить великого полицейского, великого гражданина и великого американца. — (Раздались аплодисменты. Крамнэгел нервно ткнул ножом в стол, чувствуя, что похвала, хотя, может, и заслуженная, все же несколько чрезмерна. Мэр покивал головой, потеревил свой серебряный, словно рыба чешуя, галстук.) — Мне нет нужды объяснять, о ком я говорю. — (Смех в зале. Все взгляды устремились на Крамнэгела. Эди в экстазе прыгала в кресле.) — Это Бартрам С. Крамнэгел. — (Снова аплодисменты. Мэр заговорил отвратительно слащавым тоном, как будто вдруг наступило рождество, и лихая лава любви к ближнему потекла в зал.) — Мы с вами знакомы уже много лет, Барт... не стоит уточнять, сколько именно, а то мы оба лишимся работы. — (Смех, переходящий в аплодисменты. Ничто не ценилось в этом кругу так, как умение человека весело взглянуть на себя со стороны. Крамнэгел кипел от ярости. Мэр был старше его на год и знал об этом. И не имел никакого права на грязные намеки. Но Крамнэгел выдавил из себя непринужденную улыбку, рука его поднялась в приветственном жесте.) — И все эти годы вы, конечно, трудились — может, один я и знаю как, — чтобы сделать полицейское управление нашего Города лучшим во всем штате. — (Жидкие аплодисменты, но, господи ты боже мой, что это еще за сомнительный комплимент?) — Хотя я и должен отметить, что при правлении моего предшественника — демократа Сеймура Фензи — уровень преступности был чуть-чуть ниже, чем сейчас. Впрочем, возможно, его правление отличалось такой серостью, что одна только боязнь скуки отпугивала организованную преступность подальше от нашего Города. — (Смех среди гостей-демократов.)

— Преступности было меньше, потому как населения в Городе было меньше, вот почему! — выкрикнул с места Крамнэгел.

Губернатора передернуло. Неужели до этого тупицы совсем не доходит ирония?

— Причины мне хорошо известны, Барт, — громко выкрикнул мэр, улыбнувшись. — Но вот вряд ли широко известно то, что Барт Крамнэгел явился на вербовочный пункт всего лишь через двадцать минут после того, как узнал о нападении на Пирл-Харбор... — (Тьфу ты, опять он про это.) — ...пришел добровольцем, чтобы снова начать все с самой нижней ступеньки ради служения родине. — (Восторженное одобрение в зале. Но прежде чем мэр продолжил речь, раздался громкий голос некоего Реда Лейфсона, самочинного урядителя наблюдательного комитета в составе одного человека, ведущего несколько радио- и телевизионных программ и колонку в газете; светясь улыбкой, он сидел в своем инвалидном кресле-каталке.)

— Так что же случилось? Почему его не призвали?

Мэр обменялся с Крамнэгелом почти неуловимым взглядом.

— Дело ведь не в этом, Ред, дело в самой поступке, а что вышло потом, вряд ли уж так важно, — твердо заявил мэр.

— Разве я не имею права знать? — спросил Ред, резко подчеркивая слово «я».

Гад ползучий. Вернулся с войны без обеих ног, отчего впоследствии сложилось мнение, которое сам Ред не только не пытался рассеять, но, напротив, всячески поддерживал, будто он потерял их во время особо опасного и героического парашютного десанта при выполнении заведомо самоубийственного задания глубоко за линией фронта. Ред всегда тщательно избегал уточнения, с какой именно стороны линии фронта это происходило, что, пожалуй, было и к лучшему.

— Барта не пропустила призывная комиссия...

— По состоянию здоровья?

— Не только, — продолжал мэр. — Один из моих предшественников, мэр Касбэк... — (Мэр, заметьте, выбрал одного из своих покойных предшественников.) — ...так вот, Фил Касбэк рассказывал мне, что специально обращался с ходатайством к военным властям, чтобы Барта оставили на его посту, как человека, крайне необходимого стране во время войны.

— Но ведь он тогда еще не был начальником полиции.

— Нет, сэр, не был, но все понимали, что когда-нибудь станет им.

Ред добродушно улыбнулся. То, что он перебил мэра, не вызвало ни замечаний, ни какой-либо реакции вообще. Реда боялись в Городе. Он устанавливал свои собственные правила и, когда это его устраивало, придерживался их.

Крамнэгел весь кипел. За каким чертом понадобилось этому треклятому мэру ворошить прошлое? Кому какое дело, что он хотел пойти добровольцем? Этак еще всплывет и то, что его не взяли из-за геморроя, — хорошенький будет материал для газет. И не опровергнешь — все ведь зафиксировано в хранящихся где-то документах. А, чтоб их...

— Безустанная борьба, которую Барт ведет с растущей волной преступности и правонарушений еще с тех давних пор, когда он был молодым полицейским с многообещающим будущим, хорошо известна и отражена во многих документах, ставших частью официальной истории, — продолжал мэр. (Вот-вот, снова он об этих паршивых документах.) — И если количество убийств все же возросло — семьдесят шесть в позапрошлом году, девяносто одно в прошлом году и пятьдесят четыре за первые шесть месяцев этого года, — то возросло и количество произведенных полицией арестов. Проблемы эти хорошо известны нам всем, но если кому и понятно, как их решать, то это Барту. После разгрома организованной преступности в Чикаго многие семьи мафии стали искать прибежище в других местах — на наши головы свалились банды Перилли и братьев Пенаполи, — и я откровенно скажу то, о чем нечасто говорят вслух: Чикаго очистили от преступности за счет других городов. Вот уж действительно: проделали великую патристическую работу по очистке! Взяли и вытрясли в оковер коррупции, насколько не беспокоясь о том, куда с него полетит грязь! — (Раздались аплодисменты, но мало кто заметил, что мэр ни слова не сказал о ныне здравствующих семьях мафии, остановившись лишь на бандах Перилли и Пенаполи, оказавших полиции конкретно ощутимую помощь, истребив друг друга под корень.) — Кто придумал «полицейско-ловушку», как любовно окрестил его сам автор? Барт Крамнэгел. — (Крамнэгел глубокомысленно кивнул.) — Полицейские, заgrimированные под женщин, наркоманов, хиппи и извращенцев, проникают и сейчас в уголовные шайки, свободно возвращаются в преступном мире, сея панику, подозрения и страх среди правонарушителей. Кого первого осенила мысль привлечь дежурных педагогов, переводящих школьников через дорогу, чтобы они записывали номера подозрительных машин, нарушающих правила движения? Барту Крамнэгелу. Мы помним его любимый лозунг: «Полицейским становятся с пеленок» и благодарим его за дальновидность, за гражданскую доблесть, за высокое чувство ответственности и патриотизма. — (Аплодисменты.) — А теперь разрешите мне предоставить слово губернатору нашего великого штата, моему старому другу, чудеснейшему человеку и отменному политику — а такое сочетание не часто встретишь, вы уж мне поверьте... — (Смех, аплодисменты.) — ...Дарвуду Х. Макалпину.

Поднявшись из-за стола, губернатор вперил взгляд в потолок, как бы предавшись каким-то туманным, но забавным воспоминаниям. Затем раздался его красивый шуршащий голос, столь изысканный и сдержанный, но и не лишенный, однако, призвука огрубелой шероховатости, с каким рвется плотный дорогой пергамент, что было вызвано в основном регулярным употреблением «мартини».

— Господин мэр, — начал он. — Отис. Для человека, которому приходится следить за общей картиной жизни нашего великого штата и у которого обычно нет времени вдаваться в частности, сегодняшней банкет является чудесным событием. Он ничем не уступит самым роскошным и великолепным банкетам, на которых мне довелось бывать, и я обязательно хочу поблагодарить прекрасных руководителей и хозяев отеля «Гейтуэй-Шератон интернэшнл» за их умение работать и за оказанную нам любезность. — (Аплодисменты.) — Я хочу поблагодарить и присутствующего здесь монсеньора за просто восхитительную молитву, одновременно и благочестивую, и мудрую, и... политически грамотную. — (Смех в зале, сигнал к которому подал сам влелеречивый монсеньор.) — Мне, разумеется, нет нужды приукрашивать наши с вами отношения, господин мэр, отношения всегда теплые, сердечные и приятные даже в тех случаях, когда некоторые разногласия во мнениях подвергали их испытанию если не кислотой, то... ну, скажем, по меньшей мере хорошо очищенным виски. — (Сей пассаж в «народном стиле», исполненный неразборчивым говором местных старожил, вызвал несколько восторженных воплей, а две-три воодушевленные сладким рейнвейном души затянули гимн штата: «Там, где колюшка плывет, там, шиповник где растет, там, ребята,

место для меня». Губернатор поднял руку, жестом сдерживая шум.) — Но сегодня мы собрались главным образом, чтобы почтить начальника полиции Крамнэгела. Мне не хватает ни красноречия, ни знаний, чтобы добавить что-либо к дани уважения, возданной этому отличному полицейскому офицеру. Но я хочу сказать одно: в наши дни студенческих беспорядков, бросающих школу и дом недоучек, общего упадка родительского авторитета и всеобщего поругания тех норм личной порядочности, которым нас учили как основам христианской этике наших предков, мы ни в ком не нуждаемся так сильно, так остро, так воистину отчаянно, как в умелых, крепких и строгих полицейских. — (Вызванные этими словами аплодисменты переросли в грандиозную овацию: вся горечь, накопившаяся в родительских душах из-за домашних неурядиц, выплеснулась в горячее одобрение жесткого курса.) — Начальник полиции Крамнэгел, вы — олицетворение полицейского того типа, который нам особенно нужен... Родившись в скромной семье, проведя детство на улицах Города, вы, Барт, могли бы пойти и по кривой дорожке, на которую свернул кое-кто из друзей ваших детских игр, но, влекомый не обещаниями наград, а одним лишь скромным огоньком, горящим в вашем сердце, огоньком, зажженным стремлением приносить пользу, вы избрали путь служения общественному благу, народу, свету справедливости и богу. Вы поступили правильно, когда были маленьким американским мальчиком. Вы поступаете правильно сейчас, будучи взрослым, зрелым американцем.

Под одобрительный рев присутствующих дружеские руки подвели Крамнэгела к губернатору.

— Приветственный адрес, который я сейчас держу, — сказал губернатор, — выразит куда лучше, чем мои слова, все, чем мы обязаны этому человеку. С чувством глубокой гордости вручаю я вам этот... этот прекрасный документ. Пусть многие и многие годы он напоминает вам о сегодняшнем дне.

Рукопожатие губернатора потрясло Крамнэгела своей мужественностью — настоящий нокаут, а не рукопожатие. Крамнэгел глянул на адрес. «Да будет сим известно...» — начинался он витиеватым, под средневековые, стилем. Буквица была ярко раскрашена, а по бокам вились гирлянды из лавровых листьев, наручников, дубинок и патронов; солнечный диск венчал силуэт Города, из которого броско, как подпись под старомодной политической карикатурой, выступали слова: «за службу». Крамнэгел с трудом разбирал буквы: зрение изменило ему. Аплодисменты начали отдаваться в его голове звуком какого-то электронного инструмента, эхом биения сердца, кошмаром.

— Господин губернатор... с э р , — начал он чисто машинально.

— погодите минутку.

— Что такое?

— погодите минутку, — заговорил рядом с ним новый, совсем другой голос, несомненно принадлежавший кому-то из членов губернаторской свиты. Незнакомец курил сигару из совсем молодого табака, от дыма которой Крамнэгела едва не затошнило, и дышал отвратительным табачным перегаром. — Губернатор еще не кончил говорить.

— Что такое?

Дышавший табачной вонью рот придвинулся к уху Крамнэгела.

— Губернатор будет говорить еще.

— А-а...

У Крамнэгела помутилось в глазах, как у боксера, уже неспособного даже найти на ринге свой угол.

— Позвольте мне т а к ж е , — продолжал губернатор, — вручить вам вместе с адресом еще один символ глубочайшего уважения и признательности, переданный мне минуту назад, символ уважения всех сотрудников полицейского управления и признательности ваших начальников — два билета первого класса для кругосветного путешествия — вам и вашей очаровательной супруге!

В зале раздался рев, в котором смешались чувства самые разнообразные, — так, пожалуй, взревела бы толпа, выиграв Рокфеллер «кадиллак» в грошовой благотворительной лотерее. К Крамнэгелу мгновенно вернулась ясность мысли, в крови заиграл адреналин, и он заметил, как Ал Карбайд, крадучись, пробирается на свое место, хлопая на ходу в ладоши. Это он, должно быть, передал губернатору билеты. Крамнэгела охватила слепая ярость, резко контрастировавшая с морем улыбающихся лиц, которые жадно ждали его ответа.

— Господин губернатор... Господин мэр... О, да, и монсеньор, простите, пожалуйста...

Несмотря на гнев, Крамнэгел говорил мягким, смиренным, заискивающим голосом. Только опыт и выучка заставляли его держать себя в руках. Боксер услышал гонг и выпрыгнул на ринг, устремившись в верном направлении и приняв боевую стойку. Противник не должен догадываться, что нанес ему жестокий удар.

— Если мне и удалось сделать в жизни что-то хорошее, то я хочу за это поблагодарить всех, кто прямо или косвенно связан с полицейским управлением, тех, чьими стараниями стало возможным... Конечно... конечно же... чудесное испытываешь чувство... когда тебя ценят... Нет такого человека на благодатной божьей земле, чтобы он хорошо работал, если его работу не ценят... И плевать я хотел, если кто другой думает иначе! — (Монсеньор кивнул, как бы мрачно удивляясь справедливости этого наблюдения, а слушатели оценили его самобытную прямогу.) — И вот еще что. Не родился на земле такой парень, которому по плечу делать все одному... то есть не родился еще парень, способный жить без помощи... но вам, ясное дело, никто помогать не станет, если вы сами не умеете помогать другим... Не знаю, понятно ли я говорю... но... но мне очень во многом помогла моя мать, моя мама... — (Стоило лишь ему произнести это слово, как в зале воцарилась задумчивая тишина и многие губы, даже те, что стискивали сигары, свело в натянутые улыбочки.) — Я вряд ли скажу что-нибудь новое, ну да, по мне, так лучше старое, но правдивое, чем новое, да фальшивое... Моя мама... ну, что я могу сказать, я, сдается мне, только потом уже понял, каких жертв ей стоили заботы о нас всех... нас ведь было трое... все были сыты, одеты, бага чтили... И если я стал тем, кем стал, что ж... — (Сама бессвязность его речи была Достаточно красноречива.) — Отец... — (Тут он улыбнулся с вымученным восторгом, и все присутствующие немного расслабились, поняв, что самый священный предмет уже отступает на пропахший лавандой задний план.) — Отец... он был строг, но, ей-богу, всегда справедлив. Если он ловил нас на драке или, так сказать, на неправде, его ремень тут же выпрыгивал из брюк, что гремучая змея, а мы сразу шагали к деревянному сараю, не дожидаясь повторного приглашения. Да, он был строг, но он научил нас отличать белое от черного. — (Двусмысленность последней метафоры несколько омрачила всю радость мазохистских воспоминаний Крамнэгела, и в зале раздалось покашливание, которого он, впрочем, не понял.) — Должен я также сказать и о своей чудесной жене, миссис Крамнэгел... Встань, поклонись, Эди... — (Готовая вот-вот прослезиться, Эди встала и поклонилась.) — Не знаю никого другого на белом свете, кому бы так повезло, как мне. Я нашел Эди сразу вскоре после того, как ее муж — да, да, я назову его имя, он ведь был моим другом, товарищем моим, и погиб, выполняя свой долг... прости, Эди, но я обязан это сказать... Чет Козловски был отличным полицейским, одним из самых лучших полицейских всех времен, и где бы ты сейчас ни был, Чет, я хочу, чтобы ты знал, что таких, как ты, теперь уже не бывает. Несмотря на горе утраты, Эди сочла возможным... что ж, даже если я и не мог заменить ей Чета... она согласилась стать миссис Крамнэгел... Благослови тебя господь, Эди, — (К этому моменту Эди заливалась слезами так, что была уже не в состоянии реагировать.) — Ну, вот, а что касается полицейского управления, то я просто хочу, чтобы вы знали, что я до последнего вздоха... повторяю, до последнего вздоха буду бороться за то, чтобы наша полиция была самой лучшей и самой толковой во всем штате... и, даже более того: во всем, черт побери, мире! — (Вот это выдал! Естественно, грянули аплодисменты. Теперь Крамнэгел перешел на более мирный тон, как обычно — исключительно по соображениям благозвучия — поступает большинство ораторов, если подобный переход оправдывается реакцией аудитории.) — Я знаю, что наша работа подвергалась критике. — (Он взглянул на этого калеку паршивого, Реда Лейфсона, усмехавшегося в своем кресле на колесиках, и ответил ему усмешкой на усмешку.) — Вот, например, дело Тэда Морасаки, молодого американца японского происхождения, страдающего дефектом речи. Его приметы совпадали со словесным портретом и фотороботом молодого филиппинца, которого разыскивали федеральные власти за торговлю наркотиками. Он остановил патрульную машину, чтобы что-то спросить у полицейского — все вы, наверно, помните этот случай, — и полицейскому показалось, что он опознал разыскиваемого, поэтому он, значит, попросил его предъявить документы... ну, парень полез в карман за водительскими правами, а полицейский решил, что тот полез за оружием, и поэтому выстрелил первый... Вы, наверно, помните похороны... Я послал венок лично от себя, полицейское управление выставило почетный караул... Мы получили благодарственное письмо от родителей паренька — просто чудеснейший человеческий документ. Так что вот: я никоим образом не оправдываю действий этого патрульного. Он получил

выговор и был переведен из уголовной полиции в полицию нравов. Вот как решительно я отреагировал, но все же позвольте вам кое-что сказать: когда человек лезет в карман, а у вас есть основания считать, что в кармане у него револьвер, то вам некогда миндальничать. Либо он, либо вы, а разбираться будем в участке.

— Или в морге, — приятным голосом сказал Ред Лейфсон.

— Еще один случай, — продолжал Крамнэгел, не обращая на него внимания, — Молодой человек по имени Касс Чокбэрнер, отличный парень и хороший американец с безупречным армейским послужным списком, собрался, значит, жениться и зашел в ювелирный магазин Зиглера, что на перекрестке улиц Монмут и Седьмой, чтобы купить кольцо. Он, значит, заплатил за покупку — дело это было давно, в сороковых годах, — и тут увидел, что к остановке подходит его автобус — в те времена, значит, маршрут пригородного автобуса проходил по Седьмой улице — это было еще до того, как ее сделали односторонней. Ну, так вот, он бросил на прилавок деньги, схватил кольцо и выбежал из магазина. Постовой увидел, как он выбежал из магазина, выстрелил и уложил его наповал. Этим постовым, дамы и господа, был я — и, доложу я вам, нагорело мне тогда по первое число. Я, конечно, глубоко сожалел о случившемся, просто крайне сожалел, но что же прикажете в таких случаях делать? Когда на твоих глазах из ювелирного магазина вылетает молодой парень — который, может, только что пришел хозяина, — тебе некогда разбираться, на автобус он спешит или нет, да и вообще, если у парня есть монета, чтобы ходить по ювелирам, то ведь в голову не придет, что он бежит на автобус, верно? А если он преступник и подбежит хозяин магазина к дверям и увидит, что постовой не принял никаких мер, только приказал парню подойти к нему и ответить на пару вопросов, то где потом этот постовой окажется?

— Вы, помнится, говорили, что хозяин-то был убит, — опять перебил его Ред.

— В глубокой луже, вот где, — продолжал Крамнэгел, — так что когда вы критикуете полицейского за ошибку, совершенную при исполнении служебных обязанностей, всегда помните, что эту ошибку он совершил в какую-то тысячную долю секунды, когда на колебания и сомнения нет времени. И думайте о том, сколько жизней спасено, сколько преступников задержано или уничтожено, потому что полицейский сумел принять верное решение! — (Лицо его посуровело.) — Преступник — это человек, преступивший закон, человек, который не чтит ничего, кроме своих преступных талантов, не опасается ничего, кроме собственных нервов, и думает лишь о том, как преуспеть. — (За долгие годы выступлений перед новобранцами Крамнэгел отработал четкие формулировки.) — Мне безразлично, как, каким путем и какими средствами мы выиграем войну с ним, но мы вышли на бой, чтобы победить, и как перед богом, именно этого мы — чтоб им всем... прошу прощения... — добьемся!.. — (Аплодисменты.) — Плевать мне, если я убью или покалечу злостного гомосексуалиста. Плевать мне, если я оборву карьеру торговца наркотиками, раз я защищаю этим невинных детей и спокойствие наших улиц. И поэтому я так восхищен и тронут этим отличным, художественно выполненным приветственным адресом, всеми великолепными словами, которые в нем написаны, и его прекрасным оформлением. Он, разумеется, будет висеть на самом почетном месте в моем скромном доме. — (Крамнэгел насутился.) — Разумеется, я очень признателен и за билеты в кругосветное путешествие тоже, но, по-моему, здесь у нас еще столько работы... а мир никуда не денется... и я в самом деле считаю, что нельзя мне покидать поле боя в такой горячий момент. — (В зале начали переглядываться. Может, здесь заговор, чтобы убрать его в отставку? Среди присутствующих стали раздаваться непроизвольные возгласы симпатии и одобрения.) — И если бы не Эди... Вот что я вам скажу, друзья любезные: я поеду, если мэр даст мне слово, что, когда я вернусь, мое место останется за мной.

Мор моментально вскочил на ноги.

— Это же банкет в вашу честь, Барт! Да никому и в голову не приходило даже думать о вашей отставке! А теперь вот, ей-богу, пришло.

— Вы тут упоминали про то, сколько нам с вами лет...

— Да что вы, Барт, право... Я же пошутил! Шутки вы никогда не слышали, что ли?

— Шутки я слышал. Только бывают разные шутки.

— Вот как? Но, право же, мы достаточно давно знакомы, чтобы...

Крамнэгел посмотрел на своего заместителя.

— К тебе, Ал, это не относится, сам понимаешь.

Улыбка сползла с лица Ала Карбайда. Только сейчас до него дошло, что слова Крамнэгела могли относиться к нему.

— Ну, ладно, ладно, я поеду, поеду, чтобы доставить всем удовольствие, но... ненадолго!

Поднялся со своего места губернатор.

— Я только хочу сказать, что вернусь к себе в резиденцию, вынеся из этого примечательного события память о том, с какой чудесной силой горит в сердце этого человека пыл служения своему делу. В наш век малодушия и неверия встреча с таким человеком воистину вдохновляет, и я еще раз хочу поблагодарить вас, Барт. Старые уроки не забываются, сэр.

Раздалось еще несколько разрозненных хлопков, и все гости поднялись со своих мест, думая уже совершенно о другом.

2

К тому моменту как Крамнэгел появился в своем кабинете с табуреткой и молотком в руках, намереваясь прибить приветственный адрес к стене, он уже выпил немного больше, чем следовало. По этой, видимо, причине он и вогнал гвоздь себе в палец и завопил, изрыгая ругательства, пока жена не напомнила ему, что он — взрослый человек, страж порядка и всем гражданам пример. После банкета Крамнэгел вернулся из гостиницы в полицейское управление пешком, по пути обсасывая про себя все подробности достославного события; мозг его застала мутная пелена, оставленная вином, пить которое он не привык, и, с усилием продираясь мыслями сквозь нее, он пытался решить, удался его триумф или нет. Ему казалось, что прохожие теперь вели себя менее дружелюбно, чем до банкета, но это, наверное, просто давала себя знать мания преследования, дремлющая в душе каждого человека. Добравшись до своего кабинета в управлении, он попытался сделать вид, что работает, но раза два засыпал за столом, причем один раз проснулся от собственного храпа и увидел усмешку на лице стоявшего рядом и разглядывавшего его Ала Карбайда — а не проскользнуло ли в этой усмешке ехидное удовлетворение? «Ты уже стар, отец Бартрам, — сказал юнец»¹. «Ну, покажу же я им» — и снова отключился на минутку. Нет, это не возрастное, все, должно быть, от этого гнусного пошла — калифорнийского бургундского.

Управление он — человек, всегда засиживавшийся до поздна, — покинул в тот день рано. В коридорах толпились переодетые женщинами полицейские, последними мазками приводившие в порядок косметику, прежде чем выйти на панель, соблазнительно семеня ножками и скрывая под платяницами натренированные мышцы, готовые молниеносно выполнить прием каратэ. Другие полицейские по-мужски грубовато пошучивали, натягивая на коротко остриженные головы хипповые парики, да так, чтобы кудряшки скрывали выбритые до синевы мордастые лица. В вестибюле Крамнэгел неожиданно столкнулся с кучкой типичных ветхозаветных евреев, белых, как сметана, в бархатных воротниках, густо обсыпанных пылью и перхотью, в больших черных шляпах; спускавшиеся на щеки пейсы придавали им какой-то болезненно-невинный вид.

— Это еще что за чучела, черт побери? — поинтересовался Крамнэгел.

— Сержант Волински.

— Постовой Джегер.

— Лейтенант Сайвертс.

— Сайвертс? — зарычал Крамнэгел. — Что вы здесь устроили за чертовщину? Бал-маскарад прямо в управлении?

— Это А. С. П., капитан.

— А. С. П.? — вскричал Крамнэгел. — Господи, да я напрочь забыл о нем! А знаете, ребята, что скажу? Вы смотрите на все сто! Здорово, ей-богу, здорово! Да какого черта я все время тебя поминаю, господи, скажи мне, Христа ради?

«А. С. П.» означало «антисемитский патруль», новое изобретение Крамнэгела (а, может, на самом деле, Ала Карбайда?), явившееся следствием отчаянных просьб руководителей городской еврейской общины. По улицам Города, смутно напоминая восседающих на непомерно больших мотоциклах валькирий, носились орды возбужденных юнцов, одетых в черную кожу, украшенную знаками различия времен войны 1914 года, и избивали раввинов прямо под стенами иудейской богословской школы.

¹ Перефразированная строка стихотворения Льюиса Кэрролла из «Алисы в стране чудес».

Неожиданное столкновение с более спортивной породой святых людей должно было внести смятение в их ряды. Кухахая от охватившего его восторга, Крамнэгел вывалился на улицу и позволил отвезти себя домой в патрульной машине. Коктейль из алкоголя с интригами — все это вино за обедом, да потом пара банок пива в управлении, да стакан «бурбона»¹ с Алом Карбайдом, чтобы показать, что он на Ала камня за пазухой не держит, да потом еще три-четыре стакана «бурбона» с лейтенантами Армстронгом, Кьюликом и Перри, чтобы камень на Ала лежал за пазухой и у них, — возымел свое действие, и Крамнэгела снова пришлось будить, когда машина затормозила возле его дома.

И вот теперь он уже сидел в пижаме, которую шутки ради подарила ему жена, — пижаме в тюремную полоску, с номером на груди и с надписью: «Меня разыскивают... в кровати» на спине. Палец его был щедро забинтован, и он уплетал уже третью порцию размороженного и разогретого ужина, специально приготавливаемого для телезрителей, чтобы тем не приходилось отрываться от экранов. Крамнэгел и не отрывался — он внимательнейшим образом смотрел программу новостей, шедшую по одному из семи каналов. Он уже посмотрел на себя по трем другим каналам и был разочарован. Слишком много места было уделено тому, как он мямлил вначале, а самые боевые куски его речи не показали, изображение на экране было таким темным, что зубы губернатора, вручавшего приветственный адрес, сверкали, как фары приближающегося потока машин. Камера показывала улыбающиеся лица всякой мелкой сошки, присутствие которой на банкете не заслуживало объяснения. О Крамнэгеле комментаторы говорили безразличным голосом и без тени похвалы.

По четвертому каналу выступал со своей версией последних известий Ред Лейфсон. Хотя, согласно опросу телезрителей, его программа не принадлежала к основным источникам новостей и информации, она была единственной, которую смотрели абсолютно все. Крамнэгел поджидал ее с опаской, и недовольство начало накапливаться в его душе задолго до начала передачи. К тому моменту, как Ред появился на экране, улыбаясь из своей инвалидной коляски (выглядел он при этом как топорно сделанная гипсовая статуя из тех, что стоят в парках), а рядом трясся в потоке небесной пыли маленький глобус (что должно было изображать его «мир»), Крамнэгела уже охватила ярость.

Ред Лейфсон увещевал китайское руководство так, будто его взгляды имели вес в Пекине; затем он дал понять, что Соединенные Штаты лет на пять отстали от русских в освоении космоса. Никто понятия не имел, откуда он берет свои данные, да и берет ли он их откуда-то вообще, — главное заключалось в том, что к его словам прислушивались в Городе так же внимательно, как если бы это были слова кого-нибудь из членов сената США, сказанные, впрочем, с не более весомым основанием. Ред свирепо обрушился на ставшие почти повседневым явлением примеры коррупции, нещадно критикуя членов Верховного суда, небрежно принимавших крупные подношения в обмен на ничтожные услуги; генералов, финансово заинтересованных в программах по культурному обслуживанию войск; не обошел он никого, вплоть до рядового церковного миссионера, оказавшегося на поверку хозяином борделя в Сайгоне, который поставлял клиентам по телефонным вызовам сифилитических проституток. Программу свою Ред вел тоном разящего благолепия: «Мне-де от всего рассказанного еще больше, чем вам самим». И если бы Реду Лейфсону сказали, что манипуляция информацией является разновидностью злоупотреблений, он прорычал бы в ответ, что свобода печати подвергается угрозе то ли со стороны явных, то ли со стороны тайных коммунистов, то ли со стороны «новых левых», хотя, кто они такие, он себе толком и не представлял.

А вот освещение спортивных новостей носило у Реда Лейфсона характер менее противоречивый — хотя бы потому, что здесь результаты легче подвергались проверке, зато Лейфсон чувствовал себя вправе советовать спортсменам уйти из спорта, если в данном сезоне им не везло. Он анализировал результаты их недавних выступлений, сопровождая свой комментарий демонстрацией диапозитивов, изображающих спортсменов в действии и заведомо подобранных так, чтобы они выглядели возможно более нелепо. Затем Ред вновь напяливал на себя маску добродушного дядюшки и задавал вопрос вроде: «Не пора ли опустить занавес над спортивной карьерой Холли Шметечка в сборной университета Тернового венца? Разумеется, опускать занавес не всегда приятно, Холли, но зрители-то валом валят с трибун во время ваших выступлений.

¹ Американское виски.

Так не лучше ли, старина, поставить точку сейчас и выжать из толпы хоть какие-то аплодисменты, пока их еще можно выжать вообще?»

Политика, спорт, а о банкете пока ни слова. Местные новости. Еще один раввин, избитый налетчиками, отважно бормочет в луже крови банальные фразы о необходимости прощать обидчиков. Полицейские волокут одуревшего от наркотиков негра, только что убившего своего брата из-за того, что они с ним никак не могли решить, где сидеть в закуской, — его мать, закатив глаза, шныряет из стороны в сторону так быстро, что камера не поспевает за ней. Член преступного синдиката, представший перед судом по обвинению в жульнических махинациях с городским бюджетом и оправданный, повторяет с размеренностью метронома, что ему нечего добавить к словам судьи, — его сияющий от восторга адвокат сообщает репортерам, что клиента ждет продолжительный отдых на Багамских островах. Полицейские вышвыривают группу хищников с территории университетского городка — окровавленных, ободранных, шатающихся юнцов, падающих под градом ударов; хриплые выкрики сержантов, поднятые руки тех, кто пытается закрыть лицо, стыдясь быть узнанным, настороженное ухо и пытливый взгляд послушно выдрессированного пса — лучшего друга человека, готового по команде на человека наброситься. Шум, беспорядок, полная бессмысленность происходящего, смерть, столь же необъяснимая, как и сама жизнь, — экран дергался нервным тиком очередной дневной порции местных новостей.

— Ага, наконец-то он дошел до дела, сукин сын! — завопил Крамнэгел.

— Уж коль мы заговорили о делах полицейского управления, было бы несправедливо обойти молчанием одно из тех прекрасных событий общественной жизни, которые все еще способны напомнить нам о днях, ушедших в прошлое, — промурлыкал Ред Лейфсон. — Гостей поили то ли калифорнийским, то ли мозельским, потчевали то ли бифштексом, то ли телятиной, а чествовали то ли Барта Крамнэгела, то ли дыры в структуре нашего полицейского управления, где их не меньше, чем в мишени, по которой упражняются в стрельбе агенты ФБР.

— У-у, сволочь!

— Будем откровенны. Мы услышали много интересного. Начальник полиции Крамнэгел пошел записываться добровольцем в морскую пехоту через полчаса после нападения на Пирл-Харбор. Армия, право же, потеряла хорошего человека, отказав ему по причинам, которые мои сотрудники... — (Он рассмеялся, заглянув в лежавшую перед ним бумажку.) — Но эти причины никак — ну, просто никак — не подлежат огласке. Остается лишь пожалеть, что полицейское управление не получило в его лице работника столь же ценного, сколь потеряла армия. Давайте смотреть правде в глаза, Барт: что-то не так уж много уголовников попадает сегодня в тюрьму. Аресты вроде вышли из моды. А скольких насильников сумело задержать brave подразделение переодетых в баб полицейских? Ей-богу, очень даже интересно наблюдать полицейских, прогуливающихся по улицам в столь живописном виде, за который нормальный человек загремел бы за решетку как извращенец. Я, право, не хочу сказать, что все это способствует росту престижа полиции в глазах общественности, я всего лишь хочу сказать, что картина уж больно впечатляющая — да и слухи ходят, что некоторые из ваших сотрудников получают от этого ух какое удовольствие... но где же аресты? А как обстоят дела с этим вашим последним всплеском фантазии — с патрулем, переодетым в школяров хедера? Сколько им удалось сцапать потенциальных гаулейтеров и кровопийц? Сколько, а? — Ред даже присвистнул. — И не говорите! Эти ваши идеи, Барт, должно быть, великолепно звучат в стенах вашего кабинета. Может, они даже сохраняют какой-то блеск при проведении инструктажа. Но почему же, черт побери, они так жалко выглядят на практике, а? Нет, Барт, мне не отвечайте, мне отвечать не надо. Ответьте Городу!

— Свинья, сволочь, погань проклятая! — завопил Крамнэгел, выключая телевизор и срывая с телефона трубку. Дежурным по управлению оказался лейтенант Армстронг. Крамнэгел, у которого от ярости начали дергаться веки, приказал тому смотреть в оба за машиной Реда Лейфсона и следить, куда бы Ред ни ехал.

— Чтоб всю машину увесить штрафными квитанциями, как рождественскую елку игрушками... любое нарушение, самое мелкое, немедленно оформлять протоколом... техническое, любое другое... чуть что — сразу привлекай по статье... По всем статьям, ясно? Если он действительно наколется на чем-нибудь серьезном, то просто прекрасно... Знаю, что сам не водит, но это неважно... Да, Марвин, раз уж мы все равно о нем. Разыщи по архивам сведения о том, как этот дешевый хриstopродавец потерял свои

ноги... Это он так говорит, а я тебе говорю, что он либо в лифте застрял, либо на него наскочил официант с тележкой, когда он в какой-нибудь гостинице подглядывал из коридора в замочную скважину... — Он заревел во все горло: — Плевать мне где, пусть тебе хоть в Форт-Нокс¹ придется вламываться! Но чтоб материал лежал у меня на столе!

Крамнэгел повесил трубку. Чувствуя, что после беседы с Армстронгом он успокоился и немного пришел в себя, он включил телевизор снова, но теперь уже на другую программу, чтобы не нарываться больше на мистера Лейфсона.

«Мы же были друзьями, помнишь, Сидни? Помнишь, как мы на рыбалку ездили, а, Сид? Вдвоем, только ты и я... Ездили на рыбалку, рыбку удили...»

Раздался выстрел, за которым последовал шум падающего тела. Устроившись в кресле-качалке поудобнее, Крамнэгел на ощупь, как слепой, потянулся к банке с пивом, уже целиком с головой погрузившись в новую передачу и напрочь забыв о Лейфсоне.

Ближе к концу фильма в дверях появилась Эди. Мешанина из напитков подействовала и на нее. Свою прическу она превратила в заросли дикого кустарника, откуда отдельные пряди падали ей на глаза. Наряд ее состоял из черных прозрачных пижамных брючек и черного прозрачного балахона, ее запястья и щиколотки украшали выпущки из искусственного меха. Сквозь балахон просвечивал усыпанный звездами лифчик, подхватывавший грудь, оставляя обнаженными соски. Эди курила вставленную в мундштук из слоновой кости сигарету.

— Привет, любовничек, — прохрипела она.

— Тс-с-с! Он сейчас так промахнулся, господи ты боже мой!

— Кто промахнулся?

— Лем Крэддокс.

— Это еще кто, черт его дерит?

— Частный детектив. Китайцу, значит, трепанул, а старику, значит, ничего не сказал, вот он и... — Крамнэгел взглянул на жену и присвистнул.

— Секса не желаете? — осведомилась она.

— Ты вся такая аппетитная, что прямо так бы и съел, — ответил супруг, снова поворачиваясь к экрану.

Эди давно уже привыкла и к нему, и ко всем его повадкам. Замужество за тремя полицейскими даром не прошло. Подойдя к проигрывателю, она поставила пластинку. Музыка с настроением. Под такую музыку хорошо раздеваться. Она зажгла палочку благовоний, и густой виток голубого дыма начал подниматься вверх анемичной коброй. Она пригасила свет. Крамнэгел впился в экран, от души надеясь, что Крэддокс успеет произвести арест, прежде чем ему самому придется исполнять супружеские обязанности. Но Крэддокс все медлил. Крамнэгел разрывался от нерешительности. Он взглянул на часы, и вдруг экран заслонила волнующаяся тощая грудь Эди, и прямо перед его лицом очутились губы, влажные, как мостовая в дождливый вечер. Эди зажмурила глаза в предвкушении экстаза. Передний зуб был испачкан помадой, и от нее пахло спиртным.

— Ну, давай же, да в ай, — прошипела она.

Ничего не оставалось делать, кроме как повиноваться, но Крамнэгел был далек от мыслей о позорной капитуляции. Он атаковал полураскрытый рот с такой яростью, что голова жены упала прямо в его подставленные руки, тем самым вновь открыв экран для обозрения. Крэддокс лез в дом через чердак. Тьфу, черт, похоже, что самое важное-то он и пропустил. На кой ляд нужно Крэддоку переться через чердак, когда в доме есть нормальные двери? Хотя... постой-ка... неужто китаец?.. Из приоткрытых век Эди брызнул предупреждающий зеленый луч, Крамнэгел виновато зажмурился и потянулся рукой к обнаженной груди. «Так, Макмайкл, значит, хотите поиграть? — спросил Крэддокс жестко, приглушенным голосом. — Ну что ж, раз вы так желаете...»

Послышался шум схватки, но у Крамнэгела не хватило мужества открыть глаза. Жаль, что он не успел сделать звук погромче.

Минуту спустя он услышал, что по телевизору уже идет рекламный ролик — женский хор восхвалял достоинства ментолового дезодоранта. Так он теперь никогда и не узнает, кто был убийцей. Тьфу, черт!

Проснулся Крамнэгел в половине пятого утра и осторожно выбрался из постели.

— Ты куда собрался, любовничек?

¹ Хранилище золотого запаса США.

— В сортир.

— Да, другого такого романтика на всем белом свете не сыскать, чтоб тебя разорвало! — не на шутку рассердилась проснувшаяся Эди.

— Что я такого сказал?

Она запустила в него подушкой.

Крамнэгел шагнул было обратно к кровати, но потом передумал и включил телевизор. Шла «очная рекламная передача, в которой диктор всю ночь болтал с усталым шимпанзе, пытаясь прославить товары тех фирм, которым оказалось не по карману более подходящее для рекламы время.

— Выключи, — пробормотала она, снова засыпая.

Оставив телевизор включенным, он отправился в уборную.

Три часа спустя они пили кофе, который молча заварил он сам.

— В чем дело, крошка? — спросил он.

Эди начала плакать. Крамнэгел подлил себе в кофе молока.

— Конечно, я понимаю, — попытался он утешить же и н у. — Ночью у меня не очень-то получилось, но все будет по-другому, как только мы доберемся до Азии. Наверное, они правы: я действительно перетрудился, надо отдохнуть, не нервничать... А то уже очень выходит тяжело для тебя... хотя, видит бог...

— Что он видит? — резко спросила Эди, промокая глаза салфеткой.

— Бог видит, что ты была замужем за полицейскими и раньше и должна понимать...

— «Чет Козловски, где бы ты ни был, я хочу, чтобы ты знал: таких, как ты, теперь уже не бывает», — жестоко и нагло передразнила его голос Эди, а затем перешла на свой обычный раздраженный тон: — Чет Козловски был педераст.

— Не смей! — поднялся он из-за стола.

— Это правда, черт побери, и все тут!

— Не смей так говорить о моем друге! — прорычал Крамнэгел.

— О, вот оно что?

Крамнэгел рухнул на стул. Женщине не требуется много воображения, чтобы выставить мужчину импотентом, если она хочет причинить ему боль, или гомосексуалистом, если она хочет ударить еще сильнее.

Теперь атмосфера накалилась до того, что, несмотря на раздражение, Крамнэгел счел своим долгом попытаться разрядить ее.

— Да-а, — сказал он. — Видел я как-то в книжке картинку Тадж-Махала. Прямо как в сказке. Чудесная работа.

— Мы не поедem в Тадж-Махал, — хмуро буркнула Эди.

И ничего не попишеш. Подождяв минуту, Крамнэгел накрыл ее руку своей тяжелой огромной ладонью.

— Есть же и другие места, — сказал он отважно. — На этом паршивом Тадж-Махале свет клином не сошелся. — Поскольку реакции на его слова не последовало, он спросил: — По какому маршруту мы поедem?

— У меня все записано.

— Ну и отлично.

Еще одна бесконечная пауза. Затем:

— Что отлично?

— То, что у тебя все записано. Так мы хоть будем знать, куда едем. Чтoб никаких там неожиданностей. Нет, правда, я даже предвкушаю удовольствие от нашей поездки.

— Но ты же говорил...

— Забудь, что я говорил. Что у нас там — Греция? В Грецию едем, да? Колыбель нашей цивилизации, это уж точно... Желудь, из которого проросла наша конституция. И Италия, а? Былая слава Рима! Помнишь тот фильм — «Мантия»? Как раз про это. И Израиль! И Аравия!

На этом известные ему страны кончились. Но сумев больше ничего придумать, он по зрелом размышлении поднялся из-за стола.

— Куда ты?

— В душ.

3

Прежде чем встать на стезю своих великих приключений, Крамнэгел позаботился о том, чтобы перед отъездом нанести ряд визитов с целью «прояснить», — как он это

сформулировал, — отношения». И пригласил в дешевую бифштексную Ала Карбайда. Как ни старался Крамнэгел скрыть неприязнь к своему заму, одного вида этого худого серого лица с кружевом вен на висках и с глубокими впадинами щек, подергивающего носом и прищелкивающего зубами, заглатывая лук со сметаной подобно какой-то истеричной рыбе тропических широт, было достаточно, чтобы пробудить в нем чувство чисто животного отвращения. Чтобы человек хотел — и мог! — поглощать целые горы пищи с упорством обжоры и постоянством сластолюбца и при этом оставался жилистым и крепким, как стальной т р о с , — нет, здесь явно что-то не так!

— Ну, так как бы ты руководил нашей полицией? — спросил Крамнэгел, обескураженный направлением, которое принял их разговор.

Ал улыбнулся и ответил тихо:

— Мне вряд ли пристало говорить о том, как бы я вел себя на твоём месте, Барт.

— Это почему?

— Да потому, что оно твоё место, а не моё.

— Когда-нибудь оно может стать и твоим.

— Есть большая разница между «может» и «станет».

Крамнэгел умолк.

— А если я тебе прикажу отвечать? — спросил он наконец.

Ал лишь шире раздвинул рот в улыбке, обнажив больше зубов, чем обычно свойственно улыбающемуся человеку.

— Так приказ это или нет, а, Барт? Я же сейчас не на службе.

— Послушай, я просто хочу знать, что я, по-твоему, делаю не так.

— С какой стати я должен считать, что ты что-то делаешь не так, Барт?

— Да с такой, Ал, что нормальный человек не может не подозревать, что он что-то делает неправильно, вот с какой! — повысил голос Крамнэгел.

Немного поразмыслив, Ал Карбайд начал рассудительно:

— Ну, ладно, начальник. Скажу. По-моему, ты неправ в том, что слишком много требуешь с подчиненных.

— То есть заставляю их работать всюю? — От такой славы Крамнэгел и не думал отказываться.

— Нет. Я о другом. По-моему, ты не можешь требовать, чтобы они играли роли хиппи, шлюх, раввинов и бог знает кого еще. Они — не актеры, они — полицейские. И работают они плохо только потому, что от них слишком многого хотят.

— Что же ты предлагаешь?

— Одеть их в подходящую одежду. Ну, такую, какую они сами носили бы вне службы. И не назначать больше парней изображать из себя раввинов только потому, что подошла их очередь, и не требовать от полузащитников нашей футбольной команды убедительно разыгрывать из себя девочек на панели. Да вот, пожалуйста, тебе конкретный пример: только в прошлый вторник мне пришлось снять с антисемитского патруля сержанта Ламберта, когда тот уже выходил на дежурство. Выходил потому, что никто не решился взять на себя ответственность исключить его из списка — ведь список подпisał ты, Барт. Вот такие вещи и выставляют наше управление на посмешище.

Крамнэгел почувствовал себя достаточно смущенным, чтобы тут же ринуться в атаку.

— Почему это Ламберту было неудобно выходить на дежурство в составе антисемитского патруля, как всем другим? — поинтересовался он. — Что он вообще имеет против антисемитского патруля? Уж не антисемит ли сам? Почему это Ламберт не пожелал переодеться раввином?

— Потому, что сержант Ламберт — н е г р , — мягко объяснил Ал.

Крамнэгел на секунду прикрывал пивной кружкой.

— Что ж, может, ты и п р а в , — вздохнул он. — Может, нам и впрямь надо попросить что-то другое. Но ведь эти патрули-ловушки мне вроде как собственные дети, Ал. Дай им время встать на ноги, они, может, еще и сработают. Давай проявим хоть немного веры, Ал. Ей-богу, ведь в этом и есть вся жизнь — в вере, правда?

— Конечно, конечно. Я ведь выкладываю тебе свои мысли только потому, что ты меня заставил, Барт. Я знаю, что патрули — твоё детище. Я ничего общего с ними иметь не хочу — то есть я хотел сказать, что не претендую ни на какую от них славу. И не только потому, что я ее не заслужил, но и потому, что с помощью твоих патрулей мы так никого ни разу и не задержали. Нет, не верю я в них.

— Все, кончил? — прошипел Крамнэгел. Уж чего-чего, а подобного несогласия со стороны подчиненных он не терпел.

Теперь настала очередь Ала Карбайда рассердиться. Глаза его блеснули пронзительной холодной голубишной.

— Нет, не кончил, — сказал он очень тихо. — Чем мы вообще занимаемся в этом нашем полицейском управлении? Боремся с организованной преступностью или устраиваем цирк?

— Что такое?

— Вопрос, Барт, всего-навсего вопрос. Ты же поощряешь вопросы. Так за кем же мы охотимся, кого ловим: какого-то извращенца, разгуливающего в женском платье, гомика, свихнувшегося от одиночества, сопливого прыщавого дурня в кожаной куртке со свастикой или организованных преступников, настоящих гангстеров, тех людей, которые раскланиваются и с тобой, и со мной, когда мы встречаем их в приличных домах, которые посылают нам поздравительные открытки к рождеству?

— Ну, знаешь! — завопил в ярости Крамнэгел, но тут же, прежде чем продолжить тираду, внимательно огляделся по сторонам и понизил голос: — Слыхали мы такие разговорчики, Ал, всю жизнь слыхали, пока карабкались к верхушке дерева сами... так болтать можно только по молодости, и только по молодости можно слушать этот треп без того, чтобы не психануть.

— Ты стал такой уж старый, Барт? — спросил Ал, спросил, как ударил.

— Я достаточно стар и достаточно молод для своей работы — и не в возрасте здесь дело, Ал, а в том, что лучше меня полицейского в округе нет!

Ал промолчал.

— Идеалы! — фыркнул Крамнэгел. — Мы живем в мире, который не мы придумали, Ал. Организованная преступность не нравится мне так же, как и тебе — даже еще больше не нравится, — но она реальность, жизненный факт... все равно что мой кабинет в управлении — дали мне, значит, комнату в один прекрасный день, а я ее, между прочим, не обставлял, взял с мебелью, какая там была... Может, мне эта дерьмовая мебель и не нравится, но это мебель, с которой мне приходится жить.

— Как начальник полиции ты обладаешь достаточной властью, чтобы сменить мебель, которая тебе не нравится, Барт.

— Но дело в том, что именно эта мебель мне и нравится, — решительно отпарировал Крамнэгел.

— И организованная преступность тоже?

— Я просто выбрал неудачный пример, вот и все. С каждым может случиться. — Он вдруг заговорил напряженным шепотом: — Я слежу за ними — и когда настанет время, когда все нужные факты будут у меня в руках, я врежу им так, что они даже не поймут, что на них свалилось.

Ал нахмурился.

— Может, ты и следишь за ними, Барт... Мне трудно сказать...

— Раз я сказал, что слежу, — взорвался Крамнэгел, — значит, так оно и есть!

— Но меня беспокоит то, что они даже не считают нужным следить за тобой, а гуляют себе, как будто полиции вовсе нет.

Крамнэгел понизил голос и заговорил как заговорщик — с лукавым удовольствием:

— А я именно того и добиваюсь. Я не хочу их настораживать. Я дождусь, пока марихуану не начнут разводить на каждом подоконнике и пока в каждом дворе не начнут выращивать это паршивое зелье, и только тогда на них обрушусь, но не раньше. Как только они почувствуют себя в полной безопасности, вот тут-то я их и возьму.

— К тому времени уже может оказаться поздно, Барт. Съезди-ка в любой другой город нашего штата — везде ведь думают, что наше управление уже куплено на корню, да и статистические данные по преступности и наркомании не в нашу пользу — нам этими данными не прикрыться.

— Пусть так и думают... пусть все так думают... это поможет нам в конечном счете накрыть всех разом.

Ал пожал плечами и помолчал немного, но улыбка больше не появлялась на его лице.

— У тебя на все есть ответ, Барт.

— Припиши это моему опыту, Ал.

— Позволь задать еще один вопрос, начальник. Наша полиция действительно куплена?

Крамнэгел грохнул кулаком по столу и, с видимым усилием сдерживая гнев, прошипел голосом, в котором отчетливо прозвучали угроза и неприязнь:

— Тебе бы следовало быть умнее и не задавать таких вопросов.

Ничуть не дрогнув, Ал Карбайд в упор уставился на Крамнэгела пристальным взглядом бледно-голубых глаз.

— Я спросил, потому что должен знать наверняка, начальник. Говорим ли мы об одних и тех же людях, когда говорим об организованной преступности?

— Мы говорим о преступном синдикате, — невнятно буркнул Крамнэгел.

— Имена, Барт, имена...

— Имена ты знаешь не хуже меня...

— Джо Тортони... Милт Роттердам... Бутс Шиллигер...

— Д а , — нервно согласился Крамнэгел.

— Судья Уайербэк... его честь мэр Города, — продолжил Ал.

— Ты, знать, совсем с ума спятил, — вспыхнул Крамнэгел. — Ума в тебе не больше, чем в сборщике хлопка.

Он расплатился, и они покинули ресторанчик, не сказав друг другу больше ни слова.

В непродолжительной беседе с мэром Крамнэгел постарался тщательнейшим образом объяснить свою болезненную реакцию на упоминание о возрасте, ни на секунду не опускаясь до извинений. Мэр же отнесся к этому происшествию легко.

— Никто из нас не безупречен, Барт, как говаривала мне моя старая мать-гречанка.

Крамнэгел счел замечание мэра неприличным, поскольку он сам — хотя и не обладал достаточной наглостью, чтобы считать себя безупречным, — ни на минуту не допускал мысли о том, что хоть в чем-то может оказаться безупречным. И умеет же эта скотина мэр сыпать ему соль на раны!

— Какой порядок вы предусматриваете на время моего отсутствия? — спросил он.

— Ну, тут все очень просто, — ответил мэр. — Существуют же установленные правила на случай вашего отсутствия, вашей болезни, неспособности исполнять свои обязанности, экс-сетера экс-сетера ¹. — (В устах мэра латынь почему-то прозвучала как «сетера» в отставке.) — Согласно им, ваш пост — временно, разумеется, — занимает ваш заместитель. В данном случае — Ал Карбайд.

— Мы только вчера с ним вместе обедали, господин мэр.

— Очень мило.

— Да. Он думает, что мы не прилагаем достаточно усилий, чтобы искоренить организованную преступность.

— Какую такую организованную преступность? — Мэр был само изумление.

— Именно об этом я его и спросил, — поспешно заверил Крамнэгел.

— Шайку Перилли? Или братьев Пенаполи? Но это ведь древняя история. Какая же у нас сейчас организованная преступность?

— То-то и оно... Я вот тоже не знал и спросил, значит, о чем это он... Я прямо, как вы сейчас, господин мэр, сказал ему: «Назови имена».

— А он?

— А он и назвал, — осторожно сказал Крамнэгел.

Мэр раскурил сигару и посмотрел на Крамнэгела сквозь табачный дым.

— Следует ли мне знать его мнение, кто они? — так же осторожно спросил он.

— Как сказать... Может, я просто выношу сор из избы...

— Вы — начальник полиции, Барт. А я — мэр. Не вынося сора из избы, мы не сможем руководить.

— Ну, ладно... в общем, он назвал Джо Тортони...

— И кого же еще? — улыбнулся мэр.

— Бутса Шиллигера.

Улыбка на лице мэра сразу съезжилась.

— Милта Роттердама.

Теперь мэр больше не улыбался совсем.

— И судью Уайербэка.

¹ Искаженное латинское «et cetera» — «и так далее».

Мэр моргнул. Затем рассмеялся.

— Удивительно, что в такую компанию Ал не зачислил и меня, — пошутил он.

— Ну, он так далеко еще не зашел, — в тон ему рассмеялся и Крамнэгел.

Как раз в это время зазудел на столе селектор.

— Да? — нажал на кнопку мэр.

В динамике забился консервированный голос его секретарши:

— К вам мистер Роттердам, сэр.

— Попросите его подождать. — Мэр выключил аппарат. — Что ж, Барт, извините, но... дела. Наслаждайтесь путешествием и передайте мои наилучшие пожелания миссис Крамнэгел.

Пожав мэру руку, Крамнэгел покинул кабинет.

Не успел он скрыться за дверь, как мэр тут же включил аппарат внутренней связи.

— Мистер Роттердам ждет приема один?

— Нет, сэр, с ним мистер Тортони.

— Проводите их через кабинет казначея Харкера, хорошо? Я не хочу, чтобы они наткнулись на Крамнэгела.

— Хорошо, сэр.

Отойдя к окну, мэр прищурил глаза и глубоко затянулся сигарой, размышляя о том, что Ал Карбайд — человек толковый и стоящий и что такого человека всегда безопаснее иметь союзником, нежели врагом.

Крамнэгел же тем временем выходил на улицу, восторгаясь собственным умением — как хитро он сумел подложить Алу Карбайду свинью — и удивляясь своей удаче: он ведь сам оказался свидетелем того, что Милт Роттердам ждал приема у мэра. Сей факт может оказаться весьма весомым, прими дела определенный оборот. Да, хороший подвернулся козырь. Жизнь ведь штука тонкая: никогда не знаешь, что случится.

Вернувшись в управление, он вызвал Карбайда к себе, но не сказал ему ничего, только велел установить наблюдение за Роттердамом.

— Есть на него факты? — поинтересовался Ал.

— Нет, просто интуиция... И еще: узнай-ка фамилию и всю подноготную секретарши мэра — маленькая такая, рыженькая, лет двадцати пяти...

— Мэрилин Шопенгауэр.

Крамнэгел окинул Ала холодным взглядом.

— Узнай, — повторил он, как будто и не слышал слов Ала, и затем покинул управление.

Он был в восторге от пронизательности, с какою сумел направить этого поганого умника по столь опасному пути, на котором он неизбежно свернет себе шею. Чем ближе честолюбивый Ал докопается до истины, тем больше вероятности, что мэр и вся шайка запаникуют, а на кого ставить в открытой войне между мэром и законом, Крамнэгел уж как-нибудь разберется.

Он, разумеется, оценивал других, исходя из того, как реагировал бы на события сам: ведь мало кто из людей способен на большее. В его уме враждующие стороны были четко разложены по полочкам, и неспособность представить себе возможность компромисса между одинаково сильными врагами, ничего не видящими в войне, кроме убийства, а в мире, кроме прибыли, — иными словами, компромисса меж разумными деловыми людьми, — была в общем-то своеобразным проявлением цельности его натуры. По меньшей мере, именно так он оценивал конфликты, в которых не участвовал лично.

Его третья — и последняя — встреча несомненно была самой трудной из всех. По правде говоря, она была назначена еще до того, как Крамнэгел узнал о предстоящем путешествии. Отменять же ее сейчас ему не хотелось: он нуждался в закреплении публичного рукопожатия, имевшего место на банкете. Крамнэгел отправился к Арни Браггеру. Арни, хотя и подтвердил время встречи, оказался у себя дома не один. В его кабинете, уютно устроившись в кожаном кресле, сидел Мервин Шпindelъман, адвокат и близкий сотрудник Арни, человек, уже начинавший пользоваться общенациональной известностью благодаря своему филлярству в зале суда, в результате чего он все больше и больше времени проводил за пределами Города, затуманенная те вопросы, которые должен был прояснять, с помощью стилиста столь же выпреженного, сколь и педантичного. Складывалось впечатление, что каждый свой процесс он рассматривает как спортивное

состязание, в котором сам он выступает в роли чемпиона, его клиент — в роли мяча, а судья — в роли рефери, которого можно и надуть.

Только что вышел из печати третий том его автобиографии, скромно озаглавленный «Привычка побеждать», и сейчас он надписывал экземпляр на память Крамнэгелю: «Начальнику полиции Крамнэгелю, который иногда бывает моим оппонентом, но никогда — врагом».

Крамнэгел поблагодарил его.

— Мы ведь все вас любим, — небрежно бросил Шпиндельман, легко похлопывая его по плечу. — Я специально задержался у Арни, чтобы лично вручить вам книгу.

Однако уходить Шпиндельман и не собирался.

Крамнэгел нахмурился. Эту привычку он обрел давным-давно, еще в школе, дабы показать учителям, что всерьез трудится над решением данной ему задачи. Поэтому и сейчас, когда он не знал, что следует сказать или сделать, он хмурился. Арни усмехнулся и покачал свой бокал так, чтобы в нем застучали друг о дружку льдинки.

— Чему же мы обязаны честью такого визита — при этом мы, разумеется, просто счастливы видеть вас.

Крамнэгел посмотрел ему прямо в глаза с внезапной и обезоруживающей прямотой.

— Дайте мне передышку, Арни, — сказал он.

— Передышку? — откровенно изумился тот.

— Вы думаете, так легко осуществлять правопорядок?

— Одну минуту, — перебил его Шпиндельман. — Если разговор примет тот оборот, который, как я подозреваю, он и примет, я хочу сразу оговорить, что он ведется строго неофициально.

Адвокат за работой!

— Разумеется, — согласился Крамнэгел. — Что, по-вашему, мне очень хочется, чтоб все знали, как я к вам ходил милости просить?

— Просить милости? — вскричал Шпиндельман. — Но вы отнюдь не пришли сюда просить милости. Вы пришли, как пришел бы любой уважающий себя полицейский, по-дружески попросить не мешать лишний раз вынесению обвинительного приговора, чтобы дать вам возможность показать себя в лучшем свете.

— Не себя, Шпиндельман, — пылко заверил Крамнэгел. — А полицейское управление, дело правопорядка — и не только здесь, не только в нашем штате, черт побери, а во всей, черт побери, стране, если на то пошло! Неужели вы сами не видите, что у нас творится? Стоит нам арестовать кого-нибудь по более серьезному поводу, чем вождение автомобиля в нетрезвом виде, как на следующее же утро в зале суда появляется один из вас или вы оба и затуманиваете всем мозги. У этого маниакального убийцы было, понимаете ли, трудное детство! А этот насильник страдал импотенцией в результате полученной на войне контузии! У вас все расписано! Местные судьи — они ведь не бог весть какие мудрецы, и вы их просто забалтываете, а потом что выходит? И маньяк-убийца, и бандит, изнасиловавший ребенка, отправляются в психиатрическую лечебницу под наблюдение и в скором времени снова гуляют на свободе как исцеленные. Исцеленные до следующего преступления!

Арни Браггер жестом дал понять Шпиндельману, что он тоже хочет принять участие в споре, и заговорил очень мягко, почти таинственно.

— Барт, — замурычал он, — понимает ли кто-нибудь из нас мир, в котором мы сейчас живем? Да и существовало ли когда-либо поколение, способное понять свой мир?

— При чем здесь это?

— Сто пятьдесят лет назад матросов на флоте протаскивали под килем за мелкие провинности, а крестьян вешали за украденную овцу.

— Кому, черт побери, придет сегодня в голову воровать овец?

— Барт, окажите мне любезность, выслушайте меня, я ведь пытаюсь вам сказать нечто весьма важное. Я хочу сказать, что времена меняются. Раньше за все карали смертью. Тюрьмы были набиты битком. Это были решения, продиктованные необходимостью. Постепенно, очень медленно, по мере того как росло уважение к человеческой жизни, мы стали ограничивать применение наказания смертью только теми случаями, которые, на наш взгляд, действительно заслуживали их: убийства, похищение людей... Но много ли мы прошли — и достаточно ли быстро? Любое ли преступление заслуживает наказания, если состояние, в котором оно было совершено, являлось

временным отклонением от нормы и это отклонение излечимо? Ведь убийца способен на убийство лишь в определенные моменты, а в другие времена он может быть прелестным парнем. Возникает вопрос: должны ли мы судить его на основании случайного отклонения или исходя из совокупности всех его действий? А если мы способны вскрыть корни его проблемы и превратить его в надежного члена общества, смеем ли мы тогда наказывать его за то, что является его болезнью? Вы же не пошлете человека за решетку только за то, что он страдает насморком или, что еще хуже, за то, что он когда-то страдал насморком!

— Вот, пожалуйста, сейчас вы как раз и делаете со мной то же самое, что всегда делаете с судьями!

— Но вы понимаете, о чем я?

— Нет.

Арни улынулся.

— Нет, — повторил он, — не понимаете, потому что и у вас, и у суда существуют свои — весьма жесткие — точки отсчета. Не думаю, что вы вообще смогли бы существовать, действовать, не имея вы устава. Вы не можете мыслить и действовать иначе, нежели исходя из представления, что мир статичен, а время — неподвижно. Но это отнюдь не так, Барт.

С улицы донесся странный звенящий звук. Арни подошел к окну и, раздвинув портьеры, выглянул на улицу.

— Скажите, пожалуйста, что это, по-вашему, такое? — спросил он.

— Психи, одно слово, — ответил Крамнэгел.

Улицу пересекала группа молодых на вид, одетых в желтые балахоны буддистов. Наголо бритые мужчины и женщины медленно шли через дорогу, звеня колокольчиками, они напевали, не обращая ровно никакого внимания на нетерпеливые гудки автомобилей. Арни и Крамнэгел провожали их взглядом, пока они не достигли противоположного тротуара и не расположились на полупустой автостоянке с намерением помолиться.

— Для вас эти люди, насколько я понимаю, всего лишь нарушители правил уличного движения и не больше? — спросил Арни.

— Разумеется. И на этой автостоянке им тоже делать нечего. Она принадлежит фирме «Левретт корпорейшн».

— Ну да. Ничего другого в данной ситуации вы не видите. И то, что их может посетить божественное озарение, вам глубоко безразлично.

— Да вы что, никак и впрямь принимаете всерьез всю эту чушь собачью? — удивился Крамнэгел. Ему никогда не приходило в голову, что Арни Браггер может руководствоваться мотивами иными, нежели эгоизм и личная неприязнь.

— Я принимаю всерьез все, в чем есть привкус тайны, Барт. Значит, я принимаю всерьез абсолютно все в этой жизни. И даже — при чрезвычайных обстоятельствах — полицейское управление и органы юстиции. Самую же великую тайну представляет собой человек. Человек, Барт! И я отношусь к нему серьезно.

— Но, я надеюсь, вы проводите грань между законопослушными гражданами и правонарушителями?

— Нет, не провожу. Абсолютно никакой.

— Вы что, рехнулись?

— Барт, вы помните дело Бострома? Бросивший школу парень, арестованный за немотивированные убийства год или два назад?

— Еще бы не помнить! Уж не хотите ли вы сказать, что были правы, спасая Холлама Бострома от газовой камеры?

— А вы были правы, что не возбудили дела против его отца?

— Его отца? — переспросил Крамнэгел в полном недоумении.

— Да, его отца. Разве вы не помните? Я ведь раскопал всю его подноготную: мать — проститутка из городка Пеория в штате Иллинойс, а отец — полковник американской армии.

— Ну, мало ли что скажет проститутка!

— А если это правда?

— Ну, можно ли винить офицера за то, что он завалился под куст со шлюхой? Да еще в такой дыре, как Пеория! Тогда уж всю армию надо сажать на губу!

— Но что, если результатом столь снисходительной терпимости явился маленький монстр вроде Холлама Бострома? Тот полковник, по всей вероятности, добропо-

рядочный, богобоязненный гражданин и отец — как раз того сорта, что вы воспели в своей речи, Барт, — когда он дома и когда его держат в узде жена, проповедник и мундир. Но стоит ему попасть в служебную командировку в Пеорию — и дело обстоит совсем иначе, и вот вам последствия. Разве это справедливо?

— Я и не говорю, что справедливо. Я просто говорю, что лучшей системы, чем существует, все равно еще не придумали... Но и фактора случайности тоже не исключишь... Все мы только люди, в конце концов.

— О, вот вы как теперь заговорили! — встрепенулся Шпиндельман. — И именно поэтому вы и пришли к нам требовать головы, а то и двух, выражаясь жаргоном французской революции, чтобы укрепить репутацию своего управления, — именно потому, что все мы только люди!

— Вы переворачиваете мои слова наизнанку!

— Переверните их обратно!

— Вы отлично знаете, чего я, черт побери, хочу, Шпиндельман, и вы, Арни, тоже. Я всего лишь прошу передышки для своего управления.

— Иными словами, вы хотите получить один-два судебных приговора, не сталкиваясь с обычной оппозицией с нашей стороны, — уточнил Шпиндельман.

— Можно сказать и так, если хотите...

— Но разве есть дела, которые больше заслуживают такого отношения, чем другие?

Наступило молчание.

— Ехали бы вы оба в какой-нибудь другой город и оставили бы наши заботы нам...

Шпиндельман расхохотался. Арни лишь улыбнулся в ответ на жалобные слова Крамнзгела.

— Послушайте, Барт. — Арни снова как бы рассуждал вслух о тайнах бытия. В словах его зазвучали нотки понимания и сочувствия. — Есть у вас хотя бы малейшее представление о той черной ночи, которую переживает сейчас род человеческий, и особенно эти наши Соединенные Штаты именно потому, что мы — самые богатые, самые сытые, глубже всех отравленные чувством вины, самые уязвимые? За последние пятьдесят лет, — продолжал он, — наш образ жизни претерпел больше изменений, чем за предшествующие пятьдесят тысяч. Пространство сжалось, а местами и совсем исчезло. Можно по душам беседовать с людьми, находящимися за тысячи миль, и смотреть при этом им в глаза. За нас решаются все сложные задачи, требующие умственного труда. И нам не остается ничего, кроме как наслаждаться. А это ведет к лености души, Барт. Естественно или неестественно, но все это произошло слишком быстро. Современный ребенок уже просто не успевает усвоить, что к чему; ему даже не приходится задумываться над тем, что из себя представляла жизнь раньше, до того, как она вошла в русло рационализации, — ему нет в том нужды. Он уже не способен представить себе существование без современной техники и современных приборов. Более того, история его утомляет. Жизнь в обществе учит его смотреть только вперед и видеть впереди лишь Космонавта, Супермена и других ницшеанских героев, в одиночку выигрывающих межпланетные битвы в комиксах. Даже если он окажется вне общества — история все равно не заинтересует его. Не история, а предстория человечества овладеет тогда его воображением: жизнь в пещерных коммунах, где можно спать с любой подернувшейся под руку самкой, воровать ради пропитания и напроць забыть о том, что такое чувство ответственности. И природа отнюдь не остается безучастной ко всей этой сумятице, к этому вторжению в эволюционный процесс, к наглому вызову, брошенному структуре бытия, — нет, она реагирует, реагирует быстро — взрывами, катаклизмами, катастрофами, безумной и бессердечной какофонией, действиями, не поддающимися объяснению: бессмысленными убийствами по пустяковому поводу, размножением, представляемым как часть дьявольских усилий по поддержанию формы, о возможных последствиях которых почти никто не задумывается, бредовыми маниями и страннейшего характера склонностями, как будто наивысшим выражением честности является нагота, а существование половых органов люди открыли вот только-только. И весь этот новейший вселенский грохот озаряется дергающимся стереотипным и монотонным светом расплавленного наркотиками воображения. — Арни замолк. Затем добавил медленно: — Мне ненавистно все, происходящее с нами, Барт. Ибо я не понимаю, что с нами происходит. Я ненавижу то, чего не понимаю, если чувствую, что мне следовало бы это понимать. Здесь, видимо, и лежит различие

между мною и вами, Барт. Вы думаете, что понимаете. А я знаю, что не понимаю. Поэтому и пытаюсь понять. А вам и пытаться не приходится.

— Боже ты мой, да позволь я себе думать так, как вы, я б не смог произвести больше ни одного ареста, — ответил Крамнэгел. — Не говоря уже о том, что я просто спятил бы.

Арни печально улыбнулся:

— Вот поэтому, надо полагать, вы и стали полицейским, а я — психиатром.

Крамнэгел не был настроен идти на компромисс.

— Не знай я, что вы — психиатр, — заявил о н , — точно бы решил, что вы еще дурнее тех шальных буддистов, которые незаконно вперлись на автостоянку «Леверетт корпорейшн».

— Наши мнения всегда формируются нашими способностями и нашими темпераментами, Барт. Вы — максималист. Вам подавай все сразу. Если в январе вы произвели пятьсот арестов, то в феврале вам хочется улучшить показатели.

— Так ведь оно и естественно.

— Пожалуй, да — для вас. Но если мне удалось разобраться хотя бы в единственном мотиве или в комплексе мотивов поведения одного пациента в январе, я едва ли могу надеяться на подобную удачу в феврале.

— Знаете, что с вами неладно, Арни? Вы просто паршивый пессимист.

Арни больше не улыбался. Казалось, он боролся с обуревавшими его противоречивыми чувствами. Наконец, он заговорил снова:

— У меня был сын, Барт.

Шпидельман встрепнулся, но Арни успокоил его быстрым движением руки.

— А я и не знал, — сказал Крамнэгел, чувствуя, что разговор вот-вот коснется какой-то трагедии.

— Поскольку наша беседа носит доверительный и неофициальный характер, я не вижу для вас необходимости помнить о ней впоследствии...

— Я сразу же забуду о н е й , — тихо пообещал Крамнэгел.

— Но прежде, чем я расскажу вам... Послушайте, Барт, в чем, на основании вашего опыта, вы видите основные источники детской преступности?

— Я бы сказал, в развалившихся семьях, в отсутствии контроля со стороны родителей.

— Да, да... Вечные клише. Условный рефлекс. Всему виною развалившиеся семьи.

— Ну есть, наверное, и исключения.

— Еще бы им не быть. У нас вот была семья просто идеальная. Бернард — мой сын, его мать и я были в наилучших отношениях. Все было как надо. Любовь, привязанность, чувство юмора, взаимное уважение — все, что хотите. Если и встречаются благословенные семьи, то наша семья была именно такой. Он играл в футбол, как молодой бог, был обручен с милой девушкой, все само шло ему в руки. Но потом... — Голос Арни оборвался. — Потом... Возможно, и чересчур стабильное воспитание имеет свои пороки... Наверное, юноша чувствует себя слишком примитивным, не вписывается в общую картину... А страдания и бунтарство обладают, наверное, в сегодняшнем обществе терапевтическими свойствами — не знаю. В общем, в один прекрасный день он просто исчез. Ушел из дому — вот и все. И не спрашивайте меня больше ни о чем, я все равно больше ничего не знаю.

— Где же он сейчас? — спросил Крамнэгел, обескураженный столь неожиданно оборвавшимся рассказом.

— Не знаю.

— Но он жив?

— Кто же знает?

— Но это смехотворно. Вы можете найти парня. Полиция объявила розыск?

— О, разумеется. Несколько лет назад. Еще до того, как мы перебрались в Город. Все это произошло в Омахе, штат Небраска, когда я работал в тамошней больнице.

— То есть он просто вот так взял и испарился?

Арни кивнул.

— Но теперь, — спокойно вымолвил о н , — теперь я, пожалуй, не хочу уже знать, жив он или умер. Если он захочет вернуться, пусть сделает это сам, по доброй воле и по собственному желанию, если он на них еще способен. Я вынужден заключить, что он оказался вне общества. И вот что я хочу вам сказать, Барт: все, что я в своей

жизни делаю, — это просто молчаливый призыв к нему... призыв вернуться... уразуметь, что я не филистер... что я отчаянно пытаюсь понять мир, который я так щедро подарил ему... и что, если он захочет упитанного тельца, телец ждет его, ему стоит лишь попросить... но если — что весьма вероятно — он предпочел бы, чтобы телец остался живым... Что ж, я соглашусь и на это... — Помолчав немного, Арии добавил с мучительным усилием: — Так что, Барт, вы теперь и сами понимаете, что не к тому обратились за помощью.

— Ну, этого я не пойму, — начал было Крамнэгел.

— Я помогу вам только в одном случае: если вне общества окажетесь вы.

Крамнэгел лишь покачал головой.

Стремясь разрядить атмосферу, Шпиндельман бурно ворвался в разговор:

— Вот вам ирония судьбы, Барт, ирония и полный парадокс. Я — плохой отец и всегда был плохим отцом. Детей я не понимаю, никогда не понимал и не пытался понять. Их незрелость нагоняет на меня тоску. Вечно несут чушь да еще пробуждают в женщинах все самое худшее. С полным на то основанием могу сказать, что детей я ненавижу. И тем не менее у меня их четверо — исключительно по недосмотру. Ну, сейчас им уже за двадцать, так что они становятся более или менее сносными людьми. Однако я никогда не уделял им своего драгоценного времени ни на секунду больше, чем требовалось. Я считал нужным предложить им лишь одно — мой собственный пример. И, видимо, этого хватило. Ховард уже кончает юридический, Эрнест там же на втором курсе, Люгер собирается поступать туда же, а Сильвия... Ну, Сильвия — девушка. Она обручена с Лайонелом Уэйнфлэшем, одним из самых толковых парней в фирме «Левинс, Коннор, Якобович и Лехман». Нельзя, Барт, просто никак нельзя осложнять дело любовью, заботой, вниманием — всей этой личностной дребеденью. Нельзя — это роковая ошибка. Держите свои чувства при себе и тратьте их только на женщину, с которой крутите в настоящий момент. А начни вы только размазывать нюни, как масло на бутерброде, — накличете беду, и поделом вам будет. Половиной всех своих бед люди обязаны тому, что не умеют контролировать свои эмоции разумом. Все думают, что запасы человеческой доброты и терпения беспредельны. Но это отнюдь не так. И все верят, что принадлежность к роду человеческому обязывает их беспокоиться почти что обо всем на свете. И это отнюдь не так. А хуже всего то, что каждый считает себя личностью исключительно значимой и глубокой. Какое заблуждение! Большинство людей вообще стоят не больше, чем те химические вещества, из которых они состоят. Посмотрите на себя, Барт, на ревностного служаку-полицейского. Ну что вы печетесь о репутации полицейского управления? Что оно, черт его дери, сделало для вас хорошего, чтобы заслужить такое участие с вашей стороны? Что оно вообще вам дало, кроме неприятностей, головных болей да еще, наверное, и язвы в придачу?

— Есть ведь еще и долг, — запротестовал Крамнэгел.

— Чушь собачья! — рявкнул Шпиндельман, вспыхнув. — Несете чушь, как испорченный патефон! Долг? По-вашему, вы так выкладываетесь только ради престижа наших органов правопорядка? Да на самом деле они для вас то же самое, что для неграмотного индейца племена чероки его тотемный столб. Очнитесь, Барт, и поймите, наконец, пределы своих возможностей. Вы принесете гораздо больше пользы, если перестанете надрывать в погоне за результатами и станете относиться ко всему легко. Плывите по течению, Барт, и вы переживете всех ваших врагов. Только так и можно выжить. Вы заработаете себе куда больше друзей, переводя старушек через Главную улицу Города, нежели хладнокровно пристрелив мелкого воришку в гетто.

— А вы сами? — пылко спросил Крамнэгел. — Вы что, хотите, чтобы я поверил, что вам все равно, выпраете вы судебный процесс или нет, что вам плевать, как вы будете выглядеть в глазах публики?

— Я — дело другое, — любезнейшим образом ответил Шпиндельман. — Потому, что я и вправду — редкого ума человек, блестящий юридический талант. Это слова не вашего покорного слуги, это слова литературного обозревателя из толидской «Блэйд», я же просто вынужден согласиться с ним. Я знаю, что репутация создается на безнадежных делах, хотя деньги делаются совсем на других. Но чем лучше моя репутация, тем гуще приток монеты. Следовательно, хотя моя защита убийцы-психопата не приносит мне ни гроша сама по себе, она как потенциальный магнит притянет ко мне в конечном счете не одну кругленькую сумму. Мне, видите ли, Барт, не приходится плыть по течению потому, что я один из тех, кто поднимает волну. А теперь, после

всех этих откровений, наша беседа возвращается на официальную стезю. Мне нечего скрывать. Я не скрываю ничего, даже своего успеха.

Крамнэгел допил водичку, образовавшуюся из растаявшего на дне стакана льда. Ему стало ясно, что визит окончен, и он от души пожалел, что вообще пришел сюда.

— Помните, что я сказал вам, Бар т, — промолвил похоронным голосом Ар ни. — Не о сыне, а о вас.

— Как же, ждите доль ше, — ответил Крамнэгел.

— Когда вы уезжаете? — весело спросил Шпиндельман, крепко хлопнув Крамнэгела по плечу.

— Собирались завтра. Прививки для Европы уже сделали: там, говорят, воду не дезинфицируют. Но отложили отлет до вторника.

— Почему же?

— Завтра тринадцатое. А я тринадцатого числа ничего не предпринимаю. Это у меня всю жизнь.

— Типичный случай хронической триакайдекафобии, — мрачно произнес Арни.

— Это что еще за чушь такая? — осведомился Крамнэгел.

— Иррациональный страх перед числом тринадцать.

Крамнэгел прямо задохнулся:

— Есть такая болезнь?

Арни не спеша кивнул.

4

Когда гигантский самолет взмыл над Городом, на Крамнэгела снизошло хорошее настроение. В салоне все еще звучала легкая музыка, а нервы современного человека реагируют на сигнал не хуже, чем условные рефлексы цирковой собаки. Крамнэгел знал, что должен сейчас чувствовать себя отдыхающим богачом, душа которого раскинулась на покое в гамаке безупречно стерильной роскоши, и он повиновался, проверяя при этом, правильно ли откидывается его кресло и достаточно ли оно уютно, и отвечая на дежурную улыбку стюардессы такой же дежурной улыбкой. Затем он помог Эди опознать с воздуха различные общественные здания и даже с беспокойством заметил пробку на одном из ведущих в город шоссе. (О чем только этот чертов Ал думает?.. И где патрульный вертолет?) Откинувшись в кресле, он выпил в качестве аперитива «мартини», поскольку до обеда оставалось всего лишь три часа, и задремал, пока Эди читала «Снежную гусыню», стремясь разобраться в британском характере.

Полет протекал без происшествий, и казалось, ему не будет конца. Беспокойный сон, в который погрузился Крамнэгел, вылился в какое-то сюрреалистическое видение, охватывавшее его жизнь и дела. Снилось ему, что он произносит беззвучную речь на большом банкете, но никто из присутствующих не слушает его. Гости стояли группками, их сигары дымилась, как деревья в горящем лесу, сквозя клубы дыма продирались официанты с подносами, высоко поднятыми над головой. Потом прямо по банкетному столу, как по облачку, прошла группа буддистских монахов, неся на плечах паланкин, на крыше которого зазывно и с непристойной энергией жестикулировала обрита наголо Эди, сверкая обнаженной грудью. Вдруг Крамнэгел понял, что он догола раздет, и нечаянное его открытие спровоцировало, казалось, истерическую овацию зала. Ноздри его носа зашевелились, учуяв легкий запах жвачки, и он проснулся, увидев прямо перед собой склонившееся лицо стюардессы.

— Могу я быть вам чем-нибудь полезной? — спросила она.

Поспешно окинув себя взглядом, Крамнэгел обнаружил с еле уловимой смесью досады и облегчения, что полностью одет.

Он не пропустил ничего из того, что предлагают в самолете: ни напитков, ни орешков на маленьких подносиках из гофрированной жести, ни обеда, ни ужина, ни мягких тапочек, ни маски на глаза, чтобы удобнее было спать. Не пропустил он даже фильма, хотя фильм попался из тех, что вряд ли способны собрать аудиторию, если аудитория не сидит в самолете и ей все равно некуда деться. Несмотря на усталость, Эди заметно оживала по мере приближения к цели. Сообщение пилота об огнях Белфаста, мелькнувших в разрывах между облаками, вдохновило ее настолько, что она всадила ногти в веснушчатое запястье супруга и спела ему прямо в ухо «Улыбку ирландских глаз», компенсируя живостью некоторую фальшь исполнения.

Храня верность традиции, Лондон был совершенно не виден, пока самолет не снизился почти что до самой земли, — тут город вдруг оказался прямо под его крыльями. Крамнэгел восторженно взревел.

— Вот ведь сукины дети! — орал он, разглядывая в окно ползущие по дорогам машины. — Нет, как тебе это нравится? Ты посмотри — да они же все едут не по той стороне! Бог ты мой, да я бы здесь за один вечер выписал столько квитанций, что мог бы спокойно удалиться на покой!

Он пытался поделиться своим изумлением с другими пассажирами, но все они, видимо, уже бывали за границей раньше и потому либо не обращали на него внимания, либо просто снисходительно кивали в ответ.

Мелкий дождичек встретил их у трапа и проводил до дверей иммиграционного контроля. Крамнэгелу не очень понравилось то, что к гражданам стран Британского содружества явно проявлялось отношение более благосклонное, но чувства свои он держал при себе, заморгав, однако, от первого столкновения с запахом английского дезинфектанта — тем самым неистребимым и свирепым запахом, который на веки вечные пропитал бесчисленные холодные коридоры и мрачные лестничные клетки, темно-коричневым запахом, который сразу кажется ближайшим родственником спитого чая.

Хотя Крамнэгела об этом не спрашивали, он сам заявил работнику иммиграционной службы, что он — начальник полиции. Англичанин — с длинными спутавшимися соломенными волосами до плеч — молча протянул ему обратно паспорт после того, как его еще более длинноволосый коллега вместе с ним тщательно изучил документ.

— Как это вам, ребята, позволяют носить такие длинные волосы? — спросил Крамнэгел.

— У нас свободная страна, — ответил англичанин, открывая паспорт следующего пассажира.

Столь откровенная нелюбезность и нежелание пожертвовать хотя бы секунду, чтобы проявить дружелюбие — не просто вежливость, а именно дружелюбие, — допекли Крамнэгела.

— Боже, храни королеву, — монотонно буркнул он, как бы произнося пароль.

Работники иммиграционной службы и тут не обратили на него никакого внимания.

— Вы, парни, что, флотские офицеры? — поинтересовался Крамнэгел у таможенника.

— Таможенные и акцизные чиновники, с э р , — ответил тот таким тоном, как будто последнее слово было еще неприличнее первых, а все вместе звучало просто непристойно. Говорил он столь манерно, и голос его был столь полон туманных намеков на инсинуацию, что казалось, его списали на нынешнюю должность из кордебалета по инвалидности.

— Ну-ну, так что же мы имеем заявить? — поинтересовался он. — Если, конечно, что-нибудь имеем заявить в о о б щ е , — съязвил он, не удержавшись.

— Мы — американские граждане, понимаете? — начал Крамнэгел.

— Неужели? — выдохнул таможенник в наигранном изумлении.

Эди отважно улыбнулась, но таможенник лишь возвел взгляд к небесам и заговорил, не глядя на них:

— Нет, мне почему-то и не думается, что у нас есть что-либо такое, о чем стоит заявить разорившимся британцам, или все-таки есть? То есть зачем это нам тратиться на ерунду? То есть зачем нам это делать, когда в мире есть много неразвитых стран, все еще жаждущих получить наши устаревшие пушки? То есть... Ведь все обстоит именно так, не правда ли? — И таможенник изобразил на чемодане загогулину своим нежно-голубым мелком.

— Немедленно прекратить, Майтлэнд-Кливер! — раздался голос его старшего коллеги, человека со впалыми щеками, выросшего за его спиной эффектно и бесшумно — прямо как сотрудник М. И-5¹.

— А, так, значит, сегодня я уже Майтлэнд-Кливер? — прошипел таможенник.

— Немедленно прекратить, Майтлэнд-Кливер, — повторил старший таможенник почти тем же тоном, что и в первый раз, добавив, пожалуй, выразительности.

— Еще только вчера я был просто Ронни.

— Майтлэнд-Кливер! — выкрикнул на этот раз таможенный чиновник значительно более высокого ранга. Лицо его исказила ухмылка столь же грозная, сколь и фальшивая.

— Искренне надеюсь, что вам не причинили никакого излишнего беспокойства, —

¹ Британская контрразведка.

обратился к Крамнэгелам старший таможенник. Сочетание слов «излишнее» и «беспочуйство» — явление, безусловно, исключительно британское, но Крамнэгелам не дано было понимать подобные несоответствия, да и в страну они ведь попали только-только.

— Что за дела с этим парнем? Уж не гомик ли? — Эди дернула его за рукав и вызывающе огляделась по сторонам.

— Он несколько перетрутился и устал, скажем так, — тактично заметил старший таможенник. — Я надеюсь, вы разбираетесь в наших деньгах, не так ли, сэръ?

— Да, у нас есть брошюрка с объяснениями.

— О да, в ней вы найдете все подробности, сэръ. Позвольте мне воспользоваться этой возможностью и приветствовать вас и миссис Барроуз на земле Соединенного Королевства.

— Миссис Барроуз? Это еще кто такая, черт ее дерит?

— Но ведь вы мистер Барроуз? Особо важное лицо?

— Ничего подобного.

— Нет-нет, как же е , — упорно стоял на своем человек из М. И-5. Его не так-то легко было сбить со следа. — Компания «Джерико стил»?

— «Джерико стил»? Господи Иисусе, да будь я из «Джерико стил»...

— Уинкуорт! — Таможенный чиновник еще более высокого ранга подошел к ним все с той же свирепой ухмылкой на лице и небрежным жестом удалил незадачливого деятеля из М. И-5, который отошел, нервно теребя свой не успевший побывать в употреблении мелок.

— Итак, мистер и миссис? — Он не договорил фразу, дав прозвучать в ней вопросу.

— Крамнэгел.

— Очень рад. Очень, очень рад. Позвольте мне воспользоваться случаем и приветствовать вас и миссис... на земле Соединенного Королевства.

— Нас уже приветствовали.

— Что ж, в наши дни излишнее приветствие никак не повредит, не так ли, сэръ? Я имею в виду, что во всем теперь чувствуется недостаток любезности, сэръ, не правда ли? Вежливость — *toùjours*¹ вежливость, как принято среди культурных людей, чудеснейшая вещь, чудеснейшая во всех отношениях, сэръ.

— Вы что, так ничего из багажа и не откроете?

— Зачем же беспокоить вас, да еще сразу по прибытии в страну, сэръ? То есть ведь если вы перевозите что-то незаконное, я все равно ничего не найду, если только вы мне сами не поможете, не так ли? Но если вы такой человек, который способен на перевозку чего-то незаконного, то вы вовсе не такой человек, чтобы помогать таможеннику, верно?

— Так что же вы тогда вообще здесь делаете?

— А что мы все здесь делаем?

— Ну, мы вот приехали посмотреть Великобританию.

— И за сколько же дней, позвольте вас спросить?

— За три дня.

— Разве вы сумеете за три дня увидеть здесь больше, чем могли бы почерпнуть за те же три дня из хорошо иллюстрированной книги, не покидая своего дома?

— Раз уж нам дали билеты... — оправдываясь, произнес Крамнэгел.

— О, это меняет дело, — сказал таможенник. — Такова человеческая природа, — не правда ли, сэръ? — исследователем которой — вряд ли есть необходимость пояснять это — я являюсь. Да, таков человек! Дайте мне билеты на казнь через повешение, и я безусловно вынужден буду пойти на это зрелище хотя бы из чувства вежливости. Вот мы и снова вернулись к вопросу о вежливости — *toùjours* вежливость. Все дороги рано или поздно заставляют нас снова возвращаться к ней.

— Билеты на казнь через повешение? Это у вас что, публичное зрелище? — трагическим голосом спросил Крамнэгел.

— Весьма вероятно, что мы вернемся к подобному положению дел. Весьма. Общественность все время высказывается то «за», то «против» этого. В поисках средства устрашения, учитывая ничтожно низкое количество убийств в нашей стране, общественность готова на все что угодно. Будучи исследователем человеческой природы, о чем я уже имел честь сообщить, я просто изумлен тем, что у нас так мало

¹ Всегда (*франц.*).

убийств. Имея возможность наблюдать общество в разрезе, я не могу не прийти к выводу, что убийство как способ времяпрепровождения следует скорее поощрять, нежели осуждать.

— Да вы с ума сошли! — завопил Крамнэгел.

— Toujours вежливость, сэр, не устану я повторять. — И он зачиркал мелком по чемоданам.

— Клодсли! — раздался теперь голос самого старшего таможенника.

Клодсли, на лице которого появился оттенок меланхолии, достойной испанского монаха, ответил, что сию минуту идет. Меланхолию снова сменила свирепая ухмылка, напроць стершая выражение философской самоуглубленности и заставившая чету Крамнэгелов спешно пройти дальше, в то время как за их спиной массивный человек в пальто из верблюжьей шерсти начал возмущаться и кипеть:

— Меня зовут Барроуз, и я...

— О, разумеется, сэр, будьте любезны, откройте, пожалуйста, ваши чемоданы. Да, пожалуйста, все до одного.

— Все они здесь психи как на подбор, все до одного, — сообщил Крамнэгел жене, когда они сели в такси. — Двое хиппи в иммиграционной службе, гомик и пара чокнутых в таможне — н-да, вот было бы здесь работенки Арни Браггеру! А возьми это такси — как тебе нравится ехать стоя, Эдн?¹ Мы, должно быть, едем со скоростью десяти миль в час и к тому же не по той стороне дороги. Сколько, он сказал, стоит проезд до города?

— Четыре фунта, — ответила Эди.

— Это сколько будет в настоящих деньгах?

— Даже не соображу. Долларов десять? Какая разница? — Она схватила Крамнэгела за руку. — Ведь мы в Англии, понимаешь? В Англии, откуда отплыли отцы-пилигримы!

— И ничего нет удивительного, что отплыли, раз здесь такие таможни.

Когда такси затормозило у гостиницы «Лексингтон Тауэрс», филиала гостиничного концерна Фрискина из города Де Мойна, штат Айова, дверцу машины открыл швейцар в форме солдата времен Гражданской войны между Севером и Югом.

— Это еще что за чучело? — изумился Крамнэгел и полез в карман за бумажником.

— Рядовой Гражданской войны, — отчеканил лупоглазый кокни. — А зачем — не пойму. Работа, понимаете ли, новая, вчера только мне обломилась. Видно, значит, чтоб приезжающие были как в своей тарелке. Наша гостиница — дочернее предприятие от отелей «Фрискин». И в начальниках — сплошные янки, как и во всех британских заведениях, кроме пакистанских ресторанчиков. Пожалуйста к портье, и тут же ваш багаж доставят вслед за вами. Если что нужно — не стесняйтесь, спросите. Мы здесь для того, чтобы обеспечить вам комфорт и уют в атмосфере непринужденной и со вкусом организованной роскоши. Чаевые только при отъезде, спасибо, и очень было приятно вас обслуживать. Что вся эта галиматья означает — можете не спрашивать, мне ее просто пришлось вызубрить из фирменного проспекта.

— По-моему, все это звучит очень мило, — сказала Эди, чуть кивнув с королевским величием.

— Сколько? — спросил таксиста Крамнэгел.

— Восемь колов, — ответил тот душевно и с сердечной теплотой.

— Что такое кол?

— Фунт.

— Вы же вроде сказали четыре.

— Четыре — в один конец. А мне еще вернуться надо.

— Но мы-то с вами обратно не едем.

— То-то и оно. Мне придется ехать пустым.

— Что-то я вас не пойму. С какой стати вам вообще ехать обратно? В городе пассажиров нет, что ли?

— Я аэродромный таксист. Конторы у нас, видите ли, разные. Мне пассажира, который не в аэропорт, брать нельзя. Нестоящее дело. Лицензию отберут.

— Дайте ему шесть, — посоветовал швейцар.

¹ В лондонских такси вместо переднего сиденья для пассажиров устроено большое пустое отделение для багажа.

— Да? — Все еще сомневаясь, Крамнэгел тем не менее отсчитал шесть однофунтовых бумажек. Уже было поздно, и шел дождь. Эди озябла.

Как только Крамнэгелы скрылись в дверях, таксист протянул швейцару однофунтовую бумажку.

— Очень мило с вашей стороны.

Следующие два дня Крамнэгелы провели в строгом соответствии с программой, заранее разработанной Эди. Стояли в благоговейном восторге перед памятником Альберту¹ и, казалось, слышали, как по сердцу столицы грохочут маршем римские легионы. Провели несколько минут в парламенте, прислушиваясь к волнующей дискуссии по поводу власти на местах и жилищного строительства, которая открыла им глаза на то, как действует конституционная демократия, еще более почтенная, нежели их собственная. Осмотрели бриллианты короны и темницы Тауэра и обошли в сопровождении гида Хэмптон-Корт. Третий, и последний, день Эди оставила для своих дел. На американской военно-воздушной базе где-то в Хартфордшире служил ее сводный брат майор Батт О'Фехи. Крамнэгел не питал к нему особой симпатии — именно, может, потому, что они были очень друг на друга похожи. Выпивка служила обоим необходимой стартовой площадкой для запуска механизма светского общения, хотя Крамнэгел предпочитал напитки помягче, вроде пива — ничто не доставляло ему такого наслаждения, как со вкусом рыгнуть, — а майор О'Фехи предпочитал виски как более быстрое средство доставки в то состояние эйфории, которое только одно и способно принести наслаждение людям, слушающим, ничего не слыша, и говорящим, ничего не говоря.

Начался этот третий день просто ужасно. Уверенный в своих способностях слесаря, Крамнэгел взял напрокат машину, дабы самолично разыскать базу ВВС США. В прокатном бюро оказался свободным лишь крохотный автомобильчик британского производства, которому изрядно досталось за его рабочую жизнь. Коробка передач вела себя так, будто ее всю ночь продержали в густо засохшем к утру клее. Сцепление не сцепляло. Двигатель временами вдруг начинал нести как одуревшая лошадь, потому что педаль газа застревала в полу. Каждый раз при включении тормозов кресло водителя либо прыгало вперед, либо отскакивало назад — в зависимости от настроения.

Пытаясь найти дорогу, чтобы выбраться из Лондона, Крамнэгел раз шесть осаживал мотор, потому что никак не мог понять, включена ли скорость, а если включена — то какая.

К тому времени, когда они достигли пригородов, Крамнэгел уже был вне себя от гнева и обрушился на Эди, сидевшую рядом с картой на коленях.

— Что я такого сделал, чтобы бог меня покарал этой задрипанной колымагой! — вопил он. — И все из-за того, что тебе загорелось свидеться с этим треклятым... Он ведь даже и не настоящий тебе брат, если на то пошло! Если б он хоть был... Если бы вы с ним поддерживали хоть какие-нибудь родственные отношения, я бы еще мог понять, но проехать целых пять тысяч миль только для того, чтоб посмотреть на паршивого майора Батта О'Фехи, — это, знаешь ли, слишком даже для родственных чувств. — И поспешил добавить: — Вот ведь кретин!

Эди сидела среди этой бури и либо вообще отказывалась отвечать на вопросы мужа, где они находятся, либо холодно отвечала, даже не заглядывая в карту.

— Слушай, ты хочешь добраться до этого своего паршивого майора или нет? Я ведь, знаешь ли, всего-навсего шофер, и не жди от меня ничего большего. Ты мне только скажи, куда ехать, и я направлю туда наш роскошный лимузин. Я, может, предпочел бы провести сегодняшний день в Виндзорском замке, или на Эдинбургском фестивале, или где еще, ну да уж что поделаешь. Может, у тебя и в Париже есть родня или мне все-таки удастся взглянуть на Эйфелеву башню?

Эди вышла из положения, заревев — сначала тихонько, затем громко и отчаянно. Теперь в камень обратился Крамнэгел, выдавая обуревавший его душу гнев лишь стилем езды, который достиг апогея в небольшой деревушке. Эди завопила, увидев мчавшийся прямо на них грузовик.

— Какого черта? — воскликнул Крамнэгел.

— Ты едешь не по той сто...

¹ Принц-консорт королевы Виктории.

Далее имело место бурное столкновение интересов между огромным восьмиколесным грузовиком, перевозившим часть дома, и маленьким автомобильчиком. К счастью, когда они столкнулись, грузовик еле двигался, а Крамнэгел успел нажать на тормоза, но авария все равно произошла изрядная. Автомобильчик — вернее, его составные части, разбросанные по дороге, — напоминал обломки игрушек, выброшенные злостным баловником из детской коляски.

Водитель грузовика оказался родом откуда-то с севера и изъяснялся усеченным телеграфным стилем, да к тому же с таким акцентом, что Крамнэгел не понимал ни слова. Однако слов понимать и не было надобности: по интонациям говорившего было достаточно ясно, что тот считает Крамнэгела идиотом по меньшей мере и, вероятно, еще кое-кем похуже.

Крамнэгел соображал медленно, поскольку все еще был настолько перепуган, что даже побледнел. Эди сидела привалившись к дверце и закрыв глаза. Крамнэгел весьма патетично объяснил появившемуся полисмену:

— Я, значит, американец, и напрочь забыл, что вы здесь ездите не по той стороне.

Полисмен оказался весьма расторопным, кто-то неизвестный принес Эди горячего чая, и шофер грузовика постепенно успокоился.

Было быстро решено, что местное такси доставит Эди на авиабазу, а Крамнэгел пообедает пока в закусочной, затем, как он выразился, «проглотит фильмишку», а вечером они встретятся в той же закусочной и тем же местным такси вернутся обратно в Лондон.

Уезжая, Эди благодарно чмокнула Крамнэгела, а тот чмокнул ее в ответ. Приехала аварийная машина и взяла на буксир остаток прокатного автомобиля. Толпа разошлась. Крамнэгел остался в полном одиночестве в поселке Уинкуорт-Трэвис.

5

Поселок был типичный — медленно, веками накапливавшаяся импровизация, внешне распятая на магистральном шоссе, которое безжалостно прорезалось сквозь тихий сельский уют не без сопротивления со стороны поселка, обозначившегося в виде головок окружительных поворотов, опасных пешеходных переходов и хорошо замаскированных въездов с боковых улочек. Все здесь казалось Крамнэгелу удивительным и самобытным, особенно потому, что транспортные проблемы волновали его куда больше, нежели романская архитектура. Стоя на углу, он как зачарованный следил за мрачно-торжественной дисциплиной дорожного движения, временами нарушаемой каким-нибудь романтиком шоссе, плюющим на дорожные знаки с той уверенностью в себе и не знающей преград напористостью, которые создала в этой древней стране в более славные времена высокую репутацию пиратству. Подгоняемый непреодолимой жаждой общения, Крамнэгел подошел к молодому полисмену, который по-совиному выглядывал из глубин своего шлема и останавливал время от времени без особого усердия поток машин, чтобы дать перейти улицу пешеходам.

— Наше в а м, — приветствовал он полисмена.

— Простите, сэр?

— Чего нового?

— Нового? Извините, сэр.

С этими словами полисмен мужественно пересек улицу перед самым носом у машины, чтобы помочь на переходе группке мамаш с колясками. Крамнэгел снова почувствовал, что ему не уделяют достаточного внимания. В глубине души он ведь считал, что предпочтение должно отдаваться ему, а не каким-то пешеходам.

— Итак, сэр, вы что-то здесь ищете? — вернувшись на тротуар, спросил полисмен.

— Я тоже полицейский, — объявил Крамнэгел.

— Да, та еще работенка, — отреагировал на его слова полисмен. — Я вовсе не намерен заниматься ею всю жизнь.

— Не намерен? — переспросил Крамнэгел, с трудом разбирая акцент собеседника. — Что же может быть лучше для мужчины?

— Я увлекаюсь архитектурой.

— Архитектурой? — Крамнэгел не поверил своим ушам.

— Да. Ну, строительством домов.

— Я знаю, что такое архитектура, — заявил Крамнэгел.

— Я всегда увлекался ею. А вы откуда родом? Из Канады?

— Из Канады? Из США — из Соединенных Штатов Америки.

— Да? — Слова Крамнэгела, казалось, не произвели на молодого полисмена никакого впечатления. И почему вдруг Канада? С какой стати этот юнец вспоминает сперва о Канаде и только лишь потом о Соединенных Штатах?

— Я начальник полиции. На меня больше тысячи человек работает.

— О, но в таком случае вас вряд ли можно считать полицейским, — заметил юноша. — Вы скорее кабинетный работник.

— Ни черта подобного! — возмутился Крамнэгел. — Да я почти все время с парнями на улицах, а бумагами в моей конторе занимаются другие. Я никогда не забываю, что начал службу простым постовым — как вы сейчас. Да, сэр, был и я когда-то новичком, совсем зеленым, с самых азов начал...

— Простите.

Юноша снова остановил движение, и колонна школьников, подобно гигантскому крокодилу, поползла по шоссе. Пока болтающая и смеющаяся масса детей переливалась через узкое шоссе, раздосадованный Крамнэгел шагнул в сторону. Поведение юного полисмена не пришлось ему по душе — более того: общение с ним никак не помогло борьбе с охватившим Крамнэгела весьма странным чувством одиночества, к которому он не привык и которое в его возрасте было малоприятным. Все равно как если бы часть его души, никогда ранее признаков жизни не подававшая, часть души, существование которой люди в большинстве своем осознают еще в детстве, — та самая, что заставляла детей часами простаивать у окон, уткнувшись носом в стекло, — вдруг неожиданно проснулась и начала его терзать. Дома он привык к известности, его уважали, знали и боялись. Не обязательно было и форму надевать — его и так узнавали. Он всегда ходил с высоко поднятой головой — даже тогда, когда ничего не случалось. Он привык к тому, что люди ощущают его присутствие, привык замечать их реакцию краешком глаза, и этого было ему достаточно для сохранения душевного равновесия. Он жил этим постоянным напоминанием о пройденном пути, позволявшем ему тешить свое тщеславие и гордиться своим скромным происхождением: ведь, если посмотреть, чего он достиг, скромность происхождения выглядела не чем иным, как маркой качества его личности.

Здесь же, в этом поселке, который настолько погряз в своих косных заботах, что вовсе не замечал его августейшего присутствия, Крамнэгела вдруг охватило предчувствие беды, какой-то ужасной ошибки, как случается иногда во сне. Никто даже не смотрел на него. То ли все они здесь напрочь лишены наблюдательности, то ли в проявляемой ими враждебности скрывался какой-то умысел. О, разумеется, когда он обращался к ним, вели они себя вполне любезно, но то была любезность, в которой не чувствуется признания. Ему даже стало не хватать Эди — отнюдь не по причине глубокой к ней привязанности, но потому, что во всей округе она была единственным человеком, знавшим, кто он такой.

Крамнэгел остановился перед памятником жертвам войны — скромным маленьким обелиском с выгравированным сбоку пальмовым листом. Обелиск был воздвигнут в память восьми человек, павших во время войны 1914—1918 годов. О погибших же в последнюю войну — ни слова, как будто люди перестали помнить павших, сбившись со счета. Из церкви за памятником вышел на улицу священник с профессионально-угрюмой улыбкой на лице. Крамнэгел стоял неподвижно, как в засаде, и, когда священник поравнялся с ним, сказал:

— Доброе утро.

— Доброе утро, — удивленно ответил священник. — Хотя... разве сейчас утро? — И взглянул на часы. — Пожалуй. Но с натяжкой, конечно.

— Почему на этом камне нет имен павших в прошлую войну?

— Разве нет? О, боже, а я и не замечал. Большое спасибо, что обратили внимание. Подумать только! Однако, с вашего позволения... — Священник приподнял шляпу и поспешил прочь.

— «Подумать только», — передразнил его Крамнэгел. — Господи ты боже мой!

Постепенно недоумение и растерянность, вызванные столь оскорбительным безразличием к нему со стороны заходистного поселка, начали перерастать в гнев — вернейший союзник всех тех, кому не дано умение понимать. Так что Крамнэгел, привлеченный «легким ленчем», обещанным вывеской, появился в дверях «Кафе Тюдоров» в том настроении, которое лишает человека какой бы то ни было восприим-

чивости. Его флирт с историей начался с того, что голова его вошла в соприкосновение с балкой, приведя тем самым в действие истерический колокольчик, прекративший возвещать его появление в зале, только когда он сел за столик и снял пиджак.

— Какого дьявола вы не уберете эту балку? — спросил он официантку.

— А, никак американец пожаловал? Ну, тогда ничего странного, что вы ее не оценили, — ядовито ответила она.

Крамнэгел с неудовольствием отметил, что от платья ее несло чем-то прогорклым, и в изумлении уставился на ее кружевной чепец — слабую попытку придать кокетливый вид сохшейся головке с редкими волосами, недовольно поджатым ртом и ханжеским выражением лица.

— Вот именно! В точку попали. Я американец, и ваша балка мне никак не понравилась.

— Что ж, она находится на этом месте с тысяча пятьсот восьмого года и, надо думать, имеет полное право находиться там и далее. Тем более что мы все равно не можем ее снять.

— Это еще почему?

— Охраняется государством. Как и почти весь поселок. Историческое место. Здесь было сражение.

— Сражение? Здесь? — Крамнэгел что-то не помнил, чтобы немцы высаживались в Англии во время мировых войн.

— Да, сражение. Там, где сейчас кладбище, под принцем Рупертом коня убили.

— Под принцем Рупертом? — Напрягли свои умственные способности, Крамнэгел перебрал все когда-либо виденные им фильмы. — Когда это было?

— Девятого октября тысяча шестьсот сорок седьмого года. Он был гневой.

— Кто?

— Конь.

— Вы-то откуда, черт подери, все это знаете? — Крамнэгел больше не мог выносить столь педантично-детальную лекцию, да еще от женщины.

— Нет надобности грубить мне, — остерегла его официантка, и ее холодные глаза школьной учительницы сверкнули за стеклами очков.

— Я и не грублю. Где еще в этом поселке можно пообедать?

— В «Гнедом коне и голове принца».

Крамнэгел поднялся со стула.

— Но только там больше не готовят обедов.

— Я ведь вас спрашивал, где можно пообедать, — со вздохом напомнил ей Крамнэгел.

— Вам же будет лучше, если перестанете перебивать и дадите мне договорить. Обедов там больше не готовят, но раньше готовили. Вот приехали бы вы перед прошлым ноябрем, там бы и пообедали. И очень вкусно к тому же.

— Но я приехал не перед прошлым ноябрем. Я сейчас приехал. И я хочу знать, где в этом поселке можно пообедать.

— Здесь. Но у нас вы получите только легкий обед.

— Ну, ладно, пусть будет легкий. А потом я съем легкий ужин или два для компенсации.

— Но вы должны взять себе в толк, что легких ужинов мы не готовим.

— Хорошо, тогда я обойдусь и тяжелым.

— Мы вообще не подаем ужинов. Если желаете поужинать, вам придется идти в «Гнедого коня и голову принца».

— Сейчас или до прошлого ноября?

— До прошлого ноября они не готовили ужинов.

— Даже легких?

— Никаких. А вот сейчас готовят легкие.

— Послушайте, сударыня, — взмолился Крамнэгел, — тот мост мы перейдем, когда доберемся до него. Просто скажите мне, что у вас есть, — И он тяжело плюхнулся на стул.

— Дежурный суп. Яичный салат. Паровой пудинг на нутряном сале.

— А что еще?

— Больше ничего.

— Как, это все?

— Все.

— О, боже!

Официантка глянула на него так, будто он самым неподобающим образом нарушил приличия.

— Какой у вас дежурный суп?

— Просто суп. Без названия.

Крамнэгел, выражаясь его же собственным языком, начал закипать.

— Но он же сделан из чего-то конкретного, а не просто из одной горячей воды. Должен же он быть из чего-то, черт его возьми.

— Сожалею, но сегодняшнего супа я еще не видела.

— О, господа! В этом проклятом меню всего три блюда, и если уж вы тут работаете, то могли бы знать, что делается на кухне. Ну, яичный салат — это ладно, это еще можно догадаться: салат, в котором яйцо, так, что ли? Паровой студинг... Десерта я не ем, так что мне... То есть наплевать мне, значит. Так что остается суп. Можете вы узнать, из чего он, или я уж слишком многого хочу?

— Из чего бы он ни был, — последовал ледяной ответ, — другого у нас нет, значит, не важно, из чего он, потому что именно его вы и получите. А что вы не едите сладкого, так все равно придется платить за него. Раз стоит в меню, значит, мы обязаны подавать, хотите вы того или не хотите. Ну, так как, узнавать вам, из чего суп, или просто подавать?

Крамнэгел уселся поудобнее.

— Просто дайте мне пива.

— У нас нет лицензии на торговлю спиртным. Если хотите пива, идите в «Гнедого коня и голову принца».

— Вот те на, — буркнул Крамнэгел и снова встал из-за столика.

— Но они открывают только в половине шестого.

— То есть я даже треклятого пива не могу...

Официантка торжествующе кивнула.

Крамнэгел снова сел. Он чувствовал себя униженным до того, что чуть не плакал.

— Тогда принесите, пожалуйста, супа, только горячего.

— Горяченького захотели, да? — произнесла официантка, принимая к сведению его просьбу и каким-то образом сделав так, что она прозвучала как непомерная претензия.

За соседний столик уселись две пожилые дамы и сразу заговорили заговорщицким шепотом. Вслед за ними вошла мрачная пара — высокий лысый человек, порезавшийся во время бритья, и с ним весьма крупная женщина. За весь обед они не промолвили ни слова. Затем пришли отец с сыном — уже немолодые, и было слышно лишь хриплое старческое дыхание отца, да сын что-то басовито бубнил. Если бы не стук ложки о тарелки, решил Крамнэгел, можно было бы подумать, что ты — прямо в церкви.

Суп отказался раскрыть тайну своего происхождения. Невозможно было даже угадать, что было написано на этикетке консервной банки, из которой его извлекли. Он представлял собою горячую непрозрачную жидкость коричневого цвета. Яичный салат оказался не чем иным, как разрезанным на две половинки крутым яйцом с синопным оттенком по краям, торжественно-похоронно возлежащим на листьях салата, тронутых золотистой желтизной осени. Сие приглашение к чревоугодию дополнялось двумя иссохшими ломтиками огурца и несколькими дольками свеклы. Все вокруг Крамнэгела поглощали пищу с прилежанием диккенсовских детей из рабочего дома, вкладывая в каждое движение неопишущую изысканность. Запихнув салфетку за ворот рубашки, старик отец заталкивал листья салата себе в рот лихорадочно трясающейся рукой, роняя листики то на скатерть, то себе на брюки, и тогда его пожилой сын перекладывал их обратно на тарелку отца с элегантным проворством фокусника. Крупная дама разделила каждую половинку яйца частей на восемь, прежде чем рискнуть отправить его в рот, который широко не раскрывался, а был лишь приоткрыт для принятия пищи крошечными кусочками. Далее дама деликатно и очень долго разжевывала их, чтобы потом проглотить с видом явного неудовольствия. Высокий мужчина ел с безупречной аккуратностью, располагая еду на своей тарелке так, чтобы каждый лежавший на ней кусок соответствовал куску, отправляемому в рот.

Крамнэгел следил за этим молчаливым трудолюбием со все возрастающим чувством беспокровиства. Общее молчание действовало ему на нервы. Видеть пожилых дам, не повернувшись к ним, он не мог, поэтому он повернулся и уставился на них.

Они ответили ему снисходительным взглядом, как бы жалея его, и жалея потому, что он казался чужаком, не посвященным в тайны английской сельской гастрономии.

Откуда-то из-за пределов тишины выплыли их улыбки; тиканье часов напоминало бие-ние сердца. У Крамнэгела даже дух перехватило.

— Да что у вас тут — ни радио нет, ни чего такого... а?

Он сам удивился тому, как громко прозвучал его голос. Пожалуй, он просто утра-тил уже ощущение нормальной громкости. Худой человек перестал жевать и поднял голову, как почуявшее опасность животное. Затем быстро улыбнулся, словно успокаи-вая умалишенного.

— Да, у меня есть радио. До ма, — объявил он каким-то особо высоким стаккато.

— Неужели она не действует вам на нервы? Эта тишина тягучая?

Старик прохрипел что-то вопросительное. Его сын пробормотал в ответ что-то успокаивающее, одновременно подбирая с пола листики салата. Пожилые дамы — одряхлевшие жрицы сего престранного культа — лишь улыбнулись печально. Высокая дама сложила свой малюсенький рот так, что он стал казаться шрамом на обществен-ном сознании, и с сосредоточенностью мистика вперила взор в кружевные занавески. С неожиданной напыщенностью зашипели часы и нехотя, с паузой пробили два раза — как будто откуда-то издалека донесся колокольный звон. Крамнэгел попросил счет и поинтересовался, хватит ли для уплаты одного фунта. Не удостоив его ответом, офи-циантка сказала, что с него пятьдесят семь новых пенсов. Крамнэгел оставил на столе фунт. Забрав его нетронутый пудинг, официантка ушла на кухню, сосчитала в уме до трех, затем вернулась в зал и подала пудинг старику.

Крамнэгел направился в кино, надеясь хоть там увидеть что-то знакомое.

Но ему не везло. Привыкнув к темноте, он увидел королеву, принимавшую парад какого-то почетного караула в сопровождении нескольких мужчин, которые едва ли что видели из-за лезших им в глаза белых перьев. Королева упорно улыбалась, офицеры же из-за трепыхания перьев выглядели абсолютно безучастными к происходящему. Какие-то плохо одетые, но симпатичные женщины приседали в реверансах, когда коро-лева обращалась к ним, и толпы детей размахивали флажками, как бы повторяя зара-нее отрететированные движения.

— Ерунда собачья! — громко сказал Крамнэгел. Услышать собственный голос было все равно что встретить старого друга. Его высказывание никого не задело, по-скольку в зале он практически сидел один.

Проскакал на пони член королевской фамилии, имени которого Крамнэгел не разо-брал; в озаряемом фотовспышками темном холле какой-то гостиницы сделал мрачное заявление о состоянии платежного баланса страны премьер-министр. По всей видимости, это были самые свежие и наиболее животрепещущие новости из жизни Британии на сегодняшний день.

После киножурнала в зале вспыхнул свет, и под музыку тридцатых годов на экране замелькали рекламные диапозитивы местных компаний — на более светлых из них отчетливо выделялись отпечатки пальцев, — а по пустому залу продефилировала одетая в гусарский костюм девушка, неся в руках поднос со сладостями. Вокруг ее ничего не выразивших глаз растекалась тушь. Крамнэгел окинул ее взглядом и улыб-нулся, но у нее, казалось, не хватало энергии даже на то, чтобы улыбнуться в ответ. Крамнэгел окинул взглядом ее фигуру — фигура была объемистая. Один из сетчатых чулок порван. «Женщины», — вздохнул Крамнэгел и принялся насвистывать, отчего сразу почувствовал себя более или менее прилично. Он даже припомнил слова некоторых песенок и начал напевать их, притоптывая в такт музыке. Развлечение, разумеется, не бог весть какое, но оно давало Крамнэгелу теплое чувство встречи с чем-то давно знакомым, и за это он был признателен.

Фильм попался английский и грешил вседозволенностью и неизбывным англи-ским провинциализмом. Он был поставлен по мотивам бестселлера одного молодого местного уроженца, и действие разворачивалось в окрестностях Дарлингтона. Критики всегда узнают жизненность и достоверность, если встречают их в произведении: так произошло а в данном случае, хотя мало кто из них имел пусть даже туманное пред-ставление о жизни в окрестностях Дарлингтона. И посему они не знали удержу в похва-лах блестящей наблюдательности авторов фильма, хотя Крамнэгел этой блестящей наблюдательности, естественно, не заметил — по нему, актеры с равным успехом могли говорить на суахили.

Временами, когда действующие лица разговаривали помедленнее, Крамнэгелу уда-валось разобрать слова. Вот, например, когда девушка в дешевой косынке на голове

сказала, прижавшись спиной к стене муниципального здания: «Сегодня никак нельзя, голуба, я нездорова», Крамнэгел все понял и даже объявил во всеулышание:

— Времени жалко на такое дерьмо!

Секс он понимал и принимал, но жизнь была для него сущей неразберихой. «Какое отношение это имеет к любви, так его растак?» Конечно, то, что девушка должна заниматься любовью — на то и кино, но с какой это стати камера должна ловить ее в столь неудобный момент жизни, как будто для этого нет рекламных коммерческих роликов, которые обходятся с подобными проблемами тактично и со вкусом. Что же до ее юного компаньона, то его во всей красе показали в государственном венерологическом диспансере. Поскольку роль доктора играл хорошо известный местный комик, остальные пять-шесть зрителей буквально сотрясались от хохота.

— Блевать от этого хочется! — выкрикнул в темноту Крамнэгел.

С юношей сурово поговорил отец, пригрозив вышибить из него дух, если он еще раз подцепит гонорею, — так, во всяком случае, понял его слова Крамнэгел. А в следующей сцене достойный родитель уже катался по кровати с огромной бабищей.

И снова аудитория — как бы мала она ни была — зашлась от смеха.

Камера оператора прошлась по ряду грязных, запущенных домишек, зацепившись за освещенное окно в одном из них. В этой комнате, раскрыв в приступе страсти рот, лежала с волосатым рабочим-итальянцем мать героя фильма, благочестивая ханжа-фанатичка, не выпускавшая из рук Библии. И все это для того, чтобы показать, что в нашем мире распутство плодит распутство. Круг замкнулся. Вернулись к исходной точке. Распад семьи. Ей-богу, фильм прямо для Арни Браггера и ему подобных. Чуть собачья.

Выходя из кино, Крамнэгел объявил кучке людей, изучавших развешанные у входа кадры из фильма:

— Надо быть последним психом, чтоб ходить на такое дерьмо. Одно слово — грязь!

К его изумлению, этого оказалось достаточно, чтобы заставить колебавшихся принять решение. Они сразу же выстроились в очередь за билетами.

— И что это за паршивая страна такая? — вслух поразился Крамнэгел.

А люди поглядывали на него сочувственно и откликались на его возмущенный взгляд виновато-непристойными улыбочками. Крамнэгел пошел своей дорогой; события этого дня окончательно вывели его из равновесия.

(Продолжение следует)

Крамнэгел

РОМАН

Перевод с английского Ю. ЗАРАХОВИЧА

Таверна «Гнедой конь и голова принца» еще не открылась. Крамнэгел потряс дверь и попытался заглянуть в мутное окно, прикрыв ладонью глаза. Неожиданно рано стемнело. Никаких признаков жизни. Было холодно. Пройдясь взад-вперед по унылому тротуару, Крамнэгел в конце концов ускорил шаг, потому что голубая вечерняя сырость уже пронизала его до мозга костей — на окрестных полях лежала дымка тумана. Из луж, въедаясь ему в ноздри, поднимался пронзительный запах навоза. Именно таким представлял себе он ад. Ботинки его вязли в грязи, той же грязью ласково обдавали его проходившие мимо машины. Выйдя в поле, он облегчился. Да, ужасный выдался день, просто ужасный, а ведь наступлению этого дня способствовало все бескрайнее двуличие его собственного полицейского управления! В небе крамнэгеловского воображения возникло улыбкой Чешпирского кота¹ ухмыляющееся лицо губернатора — сверкая прекрасными зубами, он с презрительным равнодушием взирал на безобразную terra incognita², расстилавшуюся во мраке во все стороны от гордого одинокого утеса богом избранной страны. Доведенный до отчаяния неожиданным и непривычным одиночеством, Крамнэгел затыкнул «Америка прекрасная»³, но внезапно прервал пение, ощутив, что ослабшая струйка мочи, конвульсивно дергаясь, летит ему прямо на ботинки. Завопив от отчаяния во всю глотку, он попытался вытереть ботинки о заднюю сторону брючин, но лишь забрызгал брюки грязью. Затем полез в карман за сигаретами и обнаружил, что сигареты кончились. Он вышвырнул пустую пачку таким жестом, будто пустил камешек «печь блины» по воде. От того, что в карманах нашлось несколько коробков спичек, ему стало совсем тошно,

Теперь окончательно стемнело. В «Гнедом коне и голове принца» зажглись огни, и издалека таверна походила на рождественскую открытку. В зале сидели четверо стариков и старуха. Заведение открылось минуты две назад, но они, казалось, сидели там давным-давно. Три старика, пристроившиеся на скамье, взглянули на пришельца с меланхолией, которую у стариков легко принять за враждебность. В пожилой даме было что-то кричаще мужеподобное; она была из тех потускневших, беззубых, потрепанных и изжеванных жизнью особ, чей когдатощий порок — любовь к черному пиву — увы, не считается больше пороком. Четвертый старик расположился за стойкой, и в позе его было нечто, свидетельствовавшее о желании обособиться. Если у остальных кепки на голове сидели прямо, символизируя тем самым конформизм, уравновешенность и, следовательно, добропорядочность, то он свою кепку лихо надел набекрень. Горло у него было укутано клетчатым шарфом, оба конца которого свисали до пола. Лицо, не лишнее сумасшедшинки, алело отблесками былых бурь, в глазах горело пламя нетерпимости, а испятнанные никотином губы время от времени кривились, когда его сознание пронизывала очередная буйная мысль. На кончике носа у него дрожала капля, и он тщетно пытался втянуть ее обратно в ноздрю.

— Привет, — сказал, войдя, Крамнэгел.

Продолжение. Начало см. в № 8.

¹ Персонаж из книги Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес».

² Незведанная земля (*лат.*).

³ Известная патриотическая американская песня.

Три старика изумленно посмотрели на него, а старуха пожевала пустым ртом. Только старик за стойкой вздрогнул при этом неожиданном вторжении, но не снизошел до слов.

— Пиво есть? — спросил Крамнэгел у барменши.

Но непосвященному не было дано понять ее ответ.

— Чего-чего?

Барменша повторила, выговаривая слова мучительно медленно, но так и не пролив света на их смысл.

— Послушайте, я всего лишь навсего хочу пива... холодного пива... со льда.

Из последующего ответа Крамнэгел ухитрился почерпнуть, что льда нет, поскольку сломался холодильник.

— Господи Иисусе — нет льда?!

— Никак янки? — поинтересовался старик-шотландец, ехидно подмигнув.

— Я американец, если вы это хотели сказать.

— Ну да, я так и думал... приперся сюда со своими замашками... поразительно, должен сказать...

Три старика на скамейке захихикали.

— Во-во, Джок, покажи ему! — подзадорил один из них.

По какой-то необъяснимой причине Крамнэгел почувствовал, что попал в ловушку, и огляделся по сторонам, оценивая противников.

— Ничего, ничего, не обращайтесь на него внимания, — подбодрил его самый миролюбивый из стариков. — Это всего лишь старый Джок.

— Всего лишь старый Джок! — сказал как сплюнул старик-шотландец. — В продажном мире буржуазных ценностей раздается трезвый глас, но вот и всё ему признание — «всего лишь старый Джок»... Что ж, позвольте вам кое-что заметить: старый Джок, конечно, не великий пророк, но у него вполне хватает мозгов, чтобы разъяснить мистерику замухрышке Эдварду Бригсу, что дни его разложившегося общества сочтены и, более того, что не нужно быть гениальным математиком, чтобы на пальцах одной руки сосчитать, сколько осталось жить роялистско-капиталистическим заговорщикам, куда их не сметет безжалостная волна народного гнева и возмущения.

Старуха бросила на него из-под своей заношенной фетровой шляпы неприязненный взгляд.

— Будь любезен, придержи язык, Джок, и не распускай его в присутствии дамы. — Она подмигнула.

— В присутствии дамы? Тоже мне дама! Да по сравнению с тобой, Лили, вавилонская блудница и та сойдет за даму!

Старуха даже хрюкнула от удовольствия.

— Что это вы за чертовщину несете? — осведомился Крамнэгел, принимая поданную ему кружку теплого пива. — И кто такой Эдвард Бригс?

— Это я, — ответил ему один из стариков. И тоже подмигнул. Подмигиванье, похоже, было в этих краях своего рода хворью.

— Рад познакомиться. А я — Бартрам С. Крамнэгел.

— О!

— Звучит по-иностранному, — прошамкала Лили.

— Тебе все звучит по-иностранному, старый ты осколок эдвардианской старой империи! — отрезал Джок.

— Это уж точно, я такая я, — согласилась та и мигнула. — А ты, милоч, мне пивка не поставишь? — обратилась она к Крамнэгелу.

— Ну, разумеется. Эй, послушайте! — окликнул он барменшу. — Обслужите-ка нас, сударыня. Ставлю всем.

Он буквально расцвел, чувствуя себя кем-то вроде посла среди этих чужаков. Эп нуждался в их дружелюбии.

— Только не мне, Эгнес, будь любезна.

— Что это с вами такое? Вы не пьете? — поинтересовался Крамнэгел

— Из принципа.

Из принципа?

— Из принципа не стану пить с представителем эксплуататоров трудящихся масс.

Крамнэгел хмуро улыбнулся и кивнул.

— Не обращайтесь на него внимания, это всего лишь старый Джок, — передразнивая своих новых знакомцев, заметил он.

Три старика одобрительно подмигнули. Крамнэгел решил выиграть время и поднес кружку к губам. Его чуть не стошнило.

— Это еще что такое, черт побери! Чем вы тут поите — подогретой мочой? — проревел он.

Старуха чуть не умерла от восторга, во взглядах трех стариков проскользнули искорки веселого злорадства. Мало что может прийти англичанину больше по душе, чем быть неправильно понятым, да еще самым неожиданным и самым занятым образом. Если вкусы в большинстве своем приобретаются, то англичане из кожи вон лезут, чтобы приобрести именно такие вкусы, которые не присущи больше никому. Соответственно и получаемое ими удовольствие подогревается созерцанием тех, кто пытается следовать им в их предрассудках, но терпит в этом неудачу. В таких случаях все взгляды сосредоточиваются на той самой банановой кожуре, на которой человек поскользнулся.

— На этот раз я соглашусь с вами, — сказал неисправимый болтун Д ж о к . — Англичанин любит мучить свое нёбо теплой водичкой из-под мытой посуды и выдавать ее за нектар, и все только потому, что никто другой ее пить не станет. Я выпью солодового виски, но за свой собственный счет.

— Вам же хуже, — заметил Крамнэгел, нисколько не обидевшись, ибо налицо была явная коммерческая глупость.

Хладнокровие Крамнэгела заметно раздражало Джок. Что за забава дразнить спокойного быка? И Джек стал искать тряпку достаточно красную, чтобы вывести это чужеродное тело из состояния апатии.

— Знаете что, — неожиданно сказал Крамнэгел. — Я тоже выпью виски. Сударыня, двойной скотч! — И он посмотрел на Джок так, будто сделал ему важную уступку, и сделал ее самым элегантным образом.

Джек внимательно изучал свою добычу.

— Будем!

— Дернули.

Они выпили, и все присутствующие приветствовали угощавшего своими кружками теплого пива.

— Так-то оно лучше, — объявил Крамнэгел. — Я вообще не любитель крепкого, но ваше пиво как будто прямо из стиральной машины. Одного стакана хватит, чтобы загадить всю Ниагару.

В ответ — смехи и подмигивание.

— Так чем же вы зарабатываете себе на жизнь, мистер? — поинтересовался Джек.

— Зовите меня просто Барт.

— Барт?

— Барт. Я полицейский.

— О... — «О» оказалось весьма длинным и протяжным, как будто полученная Джоксом информация укладывалась на какую-то полочку таинственного шкафа.

— А что?

— Вы, значит, управляете движением этих хромированных чудиц, да? Этих огромных машин, в которых вдовы с огненными волосами ездят за покупками?

— Я управляю людьми, которые управляют и ми, — ответил Крамнэгел, обретая в себе уверенность. — Я начальник полиции.

— Начальник полиции? — Брови Джокса моментально взлетели к самым волосам. — Ну и ну, большая к нам заплывла рыба. Большущая рыба из тех вод, где кишат акулы Уолл-стрита и черномазые, которых эти акулы едят.

Крамнэгел с интересом посмотрел на Джокса. В напыщенной речи и необычных образах ворчливого старика было что-то занимательное. В известном возрасте право на свою долю сумасшедшинки имеет каждый, и если существует умственная дорога, решил Крамнэгел, то он поможет Джоксу благополучно перейти ее.

— А чем вы зарабатывали себе на жизнь, старина? — спросил он.

— Зарабатывал? Зарабатывал? — Не веря своим ушам, завопил Д ж о к . — Зарабатываю!

— О, в таком возрасте и все еще ведете активный образ жизни — это же просто здорово!

Но Джек не принял жеста солидарности.

— Я цеховой староста профсоюза электриков. Профсоюза славной памяти и замечательных побед. Староста местного отделения номер девятьсот шестнадцать, металл-

мастерские «Паркер Маккиннон» ниже по шоссе, изготовителя домашних бойлеров и чудо-печек марки «Непобедимый».

— В самом деле?

Крамнэгел успел заметить, что все три старика исподтишка делают какие-то негативные жесты по адресу Джока.

— Он был цеховым старостой, — осмелился сказать один из них.

— И остаюсь им по сей день, мистер Бристоу, соглашение не было аннулировано а посему оно и по сей день сохраняет силу и действительно, согласно всем законам, правилам и постановлениям. — Предвидя дальнейшие возражения, он заговорил еще пронзительнее: — Я получил решение, вынесенное самим министерством. От девятого апреля. Действительно по настоящее время и впредь до дальнейшего уведомления.

— «Паркер Маккиннон» больше не существует, — мягко заметил мистер Бристоу.

Джок закрыл глаза, готовясь торжественно изречь то, что последовало, и пропел на манер псалма:

— «Паркер Маккиннон» находится в процессе реорганизации и, даже можно сказать, консолидации. Это я признаю. Что верно, то верно. Сейчас происходит немало слияний, и такой фирме, как «Паркер Маккиннон», вполне разумно принять в этом процессе участие. Мы сливаемся с корпорацией «Интекс».

— Это американская корпорация, — вставил Крамнэгел.

— Нет, не американская.

— Нет, американская.

— Нет, не американская.

— Говорят вам: «Интернэшнл энд Тексас», ясно?

— «Интернэшнл телевижн эксчейнджес компани лимитед».

— Господи ты боже мой! Да ведь это одна из наших корпораций-гигантов! У них же филиалов где только нет! А дирекция в Делавэре. Ну да, Дувр, штат Делавэр. Вот уловка какая, чтоб, значит, поменьше налогов платить. Они делают ракеты класса «Земля — земля» марки «Старспаркл», ракеты класса «Спрейчив» для подлодок, а также антибаллистические баллистические ракеты «Тотем» и черт знает еще сколько всякого такого добра. Этот «Интекс» — большая штучка!

— Значит, мы говорим о разных «Интексах», — надменно фыркнул Джок.

— Один только «Интекс» и есть — американский, вы уж мне поверьте. «Интернэшнл энд Тексас». Сокращенно: «Интекс». Разве не ясно?

— «Интернэшнл телевижн эксчейнджес компани лимитед»... город Абердин.

Удивительно, как распалются взрослые люди из-за того, где находится компания, в которой никогда не служил ни один из них и по отношению к которой ни тот, ни другой не испытывали никаких чувств — ни глубоких, ни поверхностных. То, что до этого они разве что не оскорбляли друг друга, никоим образом их не взволновало, но вдруг у них вздыбились перья по причинам, глубоко скрытым во тьме человеческого сознания. Крамнэгела искренне разгневали попытки принизить американский индустриальный гигант, Джок же угрюмо кипел про себя, поскольку в глубине души подозревал, что ошибался, но считал, что это исключительно его дело и никого больше не касается. Чтобы успокоиться, оба пропустили еще по стаканчику.

Неожиданно Джок извинился и вышел.

— Все-таки кто он — этот старый хрыч? — спросил Крамнэгел.

— А, у него не все дома, — сказал мистер Бриггс.

— Я бы так далеко заходить не стал, — заявил старик по фамилии Бэйли. Как и все деревенские мудрецы, он был большой мастер по части оценок и ярлыков: всему своя полочка.

— А я бы и дальше зашел, — заметил Бристоу.

— Э, нет, я бы так далеко заходить не стал, — стоял на своем Бэйли.

— А я говорю, что у него не все дома, — повторил Бриггс.

— В любом случае он был большой шишкой, доложу я вам, в ранние дни профсоюзного движения на берегах Клайда, в судостроительной промышленности, — пояснил Бэйли.

— Трудно в это поверить, — пробормотал Бристоу.

— Да нет, правда. Дружил с Уиллом Галлахером и со всей компанией. Эрн Бевин. Суповые кухни. Голодные марши. Интернационал. А потом переехал на Юг с фирмой «Паркер Маккиннон», но они уже год как сидят без дела. А его, сдается мне, держат за ночного сторожа при пустой фабрике. В память о старых днях, наверное.

— Хорош ночной сторож, нечего сказать! Из пивной не вылезает, — хихикнула старуха. — И все равно надо отдать ему должное: никто не знает столько соленых анекдотов, как он. До чего грязный старикан — просто прелесть. Знатный, наверное, был в свое время жеребец!

— Вряд ли у него хватало времени, чтоб этим заниматься, как ты думаешь, Берт? — весело спросил Бриггс.

— Думаю, что вряд ли. Хотя он ведь не был женат, так что какое-то время у него на это находилось.

Раздался хохот.

— Что-то уж больно он голодранцем выглядит для профсоюзного вождя, — заметил Крамнэгел.

— Голодранцем? Нет, право же, я бы так не сказал, — возразил Бэйли.

— Да нет, просто он типичный шотландец.

— Голодранец, да еще какой! — подтвердил Бристоу.

— Шотландец из голодранцев, — предложил компромисс Бриггс. — Но ведь вряд ли можно ожидать от коммуниста, чтобы он носил костюм в полоску.

— Он коммунист? — приглушенным голосом переспросил Крамнэгел.

— О, да, — ответил Бриггс. — Баллотировался когда-то в парламент от коммунистической партии, но только потерял залог¹.

Как раз в этот момент Джок вернулся в зал, слегка путаясь ногами в концах своего шарфа, и заказал еще виски.

— И мне налейте, — прорычал Крамнэгел и увидел вдруг Джок в совершенно ином свете. Он увидел, как компания «Интекс» — «Интернэшнл энд Тексас», этот добрый и доверчивый гигант, раздающий лучшим рабочим свои акции в порядке поощрения и ставящий негров на должности, ну пусть не решающие, но все же ведь ответственные, эта великая сила, несущая миру добро, слепая, как само правосудие, во всей своей беспредельной доброте и милости пригревает на своей широкой груди участника коммунистического заговора с партийным билетом. Этому кошмару должен быть положен конец. И, благодарение господу, он оказался здесь, дабы сделать это.

— Мне сказали, что вы коммунист, — сделал он тонкий заход.

— Да, и горжусь этим.

— Гордитесь? Хм... Объясните-ка, что привело вас к коммунистам?

— Ну все, теперь он заведется, — простонали старики.

Джок окинул их презрительным взглядом, а Крамнэгел жестом призвал к молчанию. Он хотел вести следствие самостоятельно.

— Чувство истории, — величественно произнес Джок. — Чувство социальной несправедливости, социального неравенства. Желание добиться во всем справедливости.

— А разве не настанет справедливость, если научится быть справедливым каждый человек? — спросил Крамнэгел.

— Ей-богу, вы коммунист, хотя сами того не знаете! — в деланном изумлении воскликнул Джок.

— Никогда им не был. И никогда не буду.

Столь категоричная защита рабства со стороны раба заставила Джок нахмуриться. Рот его скривился в сатанинскую улыбку жалости, и он сощурил глаза.

— Ишь как вы в себе уверены! Выставляете свои цепи напоказ — будто они не кандалы, а наиченнейшие браслеты!

— Что вы мелете, черт поberi!

— Сказать вам, кто вы такой, господин полицейский? Глина вы, вот кто. Глина, из которой правящие классы лепят все, что им заблагорассудится, что только позволят пределы человеческого унижения. Когда труба зовет, вы первым бежите на войну, подбрасывая шапку в воздух. В Берлин, в Париж, в Нью-Йорк — куда угодно, хоть к черту на рога! Когда кто-нибудь из ваших политиканов требует жертв, вы первым готовы жертвовать чем угодно: кровью, деньгами, жизнью. Когда тот же золотушный политикан чмокает какого-нибудь ребенка, вы тут же отдаете ему свой голос, — что, разве не так? А стоит ему нацепить ковбойскую шляпу и побренчать одним пальцем на банджо, как вы сразу считаете его человеком из народа, да? Вас слеза прошибает от патриотизма. Вы идеальный материал для гипнотизера. Стоит только войти сюда человеку с собачьим ошейником, как вы сразу начнете следить за тем, что вы говорите, сразу

¹ Избирательный залог, установленный для кандидатов в члены палаты общин, не возвращается, если кандидат собрал менее 10 голосов избирателей.

нацепите на себя тошнотворную улыбку, а когда раздастся голос — неважно чей: «На молитву!» — вы грохнетесь на колени хоть на долю секунды да раньше всех остальных, ну, разве не так?

— Что вы пытаетесь мне сказать? — спросил Крамнэгел, преисполненный решимости не утратить выдержки, которая должна была оставаться его козырем, его тайным оружием. — Вы пытаетесь мне сказать, что я сам себе не хозяин? — Сделав паузу, он заказал еще порцию виски для всех лишь для того, чтобы продемонстрировать свое спокойствие. Теперь всем уже было безразлично, кто пла т и л. — Вы когда-нибудь слышали о демократии? — спросил он наконец.

— А, опять, значит, примемся за этот гнилой орех? — вскричал Джок.

— Вы пытаетесь мне сказать...

— Какого черта вы думаете, будто я пытаюсь вам что-то сказать? — заревел Джок внезапно выйдя из с е б я . — Либо я сумел вам что-то сказать, либо нет. Если нет, то потому лишь, что вы слишком большой дурак, чтобы меня понять. Если да, то потому лишь, что каким-то чудом вы поймете. Я не пытаюсь вам ничего сказать. Я вам говорю!

Закрыв глаза и поджав губы, Крамнэгел ждал, пока тот выговорится до конца. Дождавшись, он открыл глаза.

— Вы говорите мне, что демократия — как вы ее назвали — гнилой орех?

— Я вам говорю, что демократия — гнилой орех.

— Будем, — сказал мистер Бриггс.

— Будем, — отозвались эхом все присутствующие.

— Дернули, — добавил от себя Джок после того, как все воздали дань традиции.

— Вы принимаете участие в выборах? — спросил Крамнэгел.

— Куда вы теперь гнете? Хотите развесть бодягу насчет американской войны за независимость и про то, как вы изобрели демократию еще до греков и Сократа? Слушайте вы, голова садовая, я баллотировался в парламент. Знаете, что такое парламент? Порочный дядюшка вашего конгресса. И почти такой же бесполезный. Выборы? У вас они превращены в своего рода моральную повинность, разве не так? Вы не способны понять, что воздержаться от участия в выборах — такой же способ выразить свое мнение, как и любой другой. Нет. Раз вам дают пару паршивых кандидатов, вы должны голосовать за не самого паршивого из них. А по мне, именно это и есть предательство демократии! Нет, я никогда не голосовал на выборах. Никогда. Почему? Потому, что никогда не было кандидата-коммуниста, за которого я мог бы отдать свой голос, вот почему. А погути лейбористов показать, что они почти что наши, меня не обманут, нет — я уж, пожалуй, скорее голосовал бы за тори. По мне, откровенный бандит лучше, чем маскирующийся. Волк в волчьей шкуре — это хоть по-честному.

— То есть вы не станете голосовать, если вам не дадут кандидата-коммуниста? — расхохотался Крамнэгел, качая головой. — Господи Иисусе, вы, значит, согласитесь воспользоваться благами демократии только в одном случае: чтобы отдать свой голос за человека, который заведомо поклялся их уничтожить. Ничего себе логика!

— Да, логика! — вскричал Джок. — А такие, как вы, используют демократию лишь для того, чтобы ограничить выбор народа рамками статус-кво...

— Чего-чего?

— Статус-кво. Существующее положение вещей. Капиталисты. Средний класс. И только на самом что ни на есть последнем месте — рабочие. Может такой человек, как я, баллотироваться на выборах в Соединенных Штатах?

— Конечно!

— А может он победить на выборах?

— Но здесь ведь вам победить тоже не удалось, а?

— Вот именно. Потому что здесь такая же прогнившая система, как и у вас. Вы же ее отсюда и заимствовали. А вот в Советском Союзе...

— В Советском Союзе вообще нет выборов.

— Есть, и еще какие!

— Нет. У них и партий даже нет.

— А у вас есть, да? А какая разница между этими нашими партиями, чтоб им пусто было? Ни малейшей! «Коммунистический манифест» — это единственная альтернатива великому заговору капиталистических партий. Как вы думаете, почему, едва кончилась война тысяча девятьсот четырнадцатого-восемнадцатого годов — прошу прощения, для вас это была война тысяча девятьсот семнадцатого-восемнадцатого годов, — почему, как только закончился этот грандиозный пожар с монументальным

побоищем, великие державы надумали послать армии интервентов в Советский Союз? Они знали, что опасность в конечном счете заключается не в одном из империалистических соперников, а в новой концепции о месте человека в обществе, провозглашенной юным голосом международного социализма. Британские войска высадились в Мурманске, друг мой, французские войска... А не забыл ли я кого? Ну, разумеется, забыл: американские войска вторглись в Советский Союз, чтобы в корне пресечь красную заразу. Но ничего у них не вышло.

Крамнэгел почувствовал, как в голову ему бросилась кровь.

— Позвольте вам сказать вот что, — начал он задыхающимся от волнения голосом. — Во-первых, Соединенные Штаты никогда не вторгались в Советский Союз, и вам прекрасно это известно. Во-вторых, Соединенные Штаты никогда еще не проигрывали ни одной войны. Никогда! Никогда!

— Соединенные Штаты никогда не вторгались в Советский Союз? — вскричал Джок. — Как же тогда, по-вашему, называется высадка войск одного государства на территории другого? Вы, видно, называете это вторжением лишь в том случае, если оно увенчалось успехом? Так я должен вас понимать? Тогда спасибо за поправку, господин полицейский. Ваше вторжение провалилось, поэтому вы тактично набросили на него вуальку в учебниках истории, чтобы детки продолжали верить сказкам о том, будто великие Соединенные Штаты никогда не проигрывали войны.

— Это грязная ложь! — завопил Крамнэгел.

— Спокойно, спокойно, — пробормотал мистер Бэйли.

Джок щедрым жестом заказал выпивку для всех.

В напряженной тишине все усталились в пол, за исключением Джок, вперившего взгляд в потолок. Старуха облизнула губы в поисках последней капли горькой пены.

— Ну, ладно, ладно, — произнес Крамнэгел более примирительным тоном, — давайте оставим в покое историю, хорошо? Давайте говорить про сейчас.

— Сейчас — часть истории, то есть скоро станет ею.

— Ну, хорошо, а как насчет трудовых лагерей в России? Как насчет разгонений евреев...

— Вы, надо понимать, хотели сказать: «Как насчет гонений на евреев»...

— Черт с ним, что я хотел сказать, это неважно, — храбро заявил Крамнэгел. — Вы что, отрицаете, что они существуют? А как насчет того, что русские вооружают арабов? А насчет того, что писатели у них не могут писать чего хотят? А тайная полиция, которая понаставила микрофонов в гостиницах и частных квартирах? А дикие собаки и колючая проволока на границах — я сам в кино видел! Все это вы тоже будете отрицать?

Джок прикрыл глаза.

— Совершенства в мире нет, — ответил он. — Я уверен, что в Советском Союзе есть своя доля потенциальных преступников, подонков и подрывных элементов. Я всего лишь хочу сказать, что они их лучше держат в руках, нежели мы. Потому-то и существуют трудовые лагеря, друг мой. В вашей стране такие элементы либо сидят в тюрьме, либо шатаются по улицам, собираясь совершить преступление, за которое сядут в тюрьму. Что же до писателей, которые, по вашему мнению, не могут писать как хотят...

— Будем, — предложил мистер Бристоу.

— Будем, — откликнулись эхом остальные.

— Дернули, — сказал Джок. — Что же до писателей, то позвольте вас спросить, а есть ли в мире такой писатель, который пишет именно то, что он хочет? Писатель пишет на продажу, не так ли? Так же, как женщина, которая старается быть привлекательной не только для себя самой, но и для других... И если писатель не может удовлетворить требованиям капиталистического рынка, он терпит неудачу; а если он терпит неудачу, он голодает. Если коммунистический писатель не может писать так, чтобы удовлетворить требованиям коммунистического рынка, он тоже терпит неудачу, но при этом не голодает никто. Наша свобода, как видите, так далеко не заходит.

Ирония Джок не дошла до Крамнэгела, которого все больше и больше раздражало красноречие оппонента, но ему не удавалось вцепиться в какую-нибудь более или менее понятную фразу, чтобы дать ему отпор.

— Вы тут говорили, что полиция ставит микрофоны в гостиничных номерах и в частных квартирах. Что ж, недавно я видел фильм о том, как именно этим занимается

ся ФБР. И, наконец, если мне не изменяет память, вы упомянули о том, что Советский Союз вооружает арабов. Что вы, черт побери, вообще об этом знаете?

— Очень даже много, — заявил Крамнэгел. — И как бы вы ни искажали факты, вам это не поможет. Евреи имеют право на свой национальный очаг, так? И, значит, много веков подряд им в этом праве отказывали. Шесть миллионов евреев погибли в концентрационных лагерях. И они всего лишь хотят добиться права на свой национальный очаг, а Соединенные Штаты как раз и помогают им осуществить это право.

— И все?

— А чего же вам еще? Разве этого мало?

— Мало. При чем тут арабы? Разве арабы уничтожили шесть миллионов человек в концентрационных лагерях?

— Вы же сами знаете, что нет. Их убили фрицы. Немцы то есть.

— Так что же плохого в том, что Советский Союз вооружает арабов? Разве вы не вооружаете Израиль?

Крамнэгел вздохнул. Его прямо передернуло от раздражения. Заказав еще раз выпивку для всех, он почесал в затылке.

— Вы антисемит? — спросил он наконец.

— Как может коммунист быть антисемитом? — расхохотался Джок. — Согласно религиозным авторитетам, евреи были народом, избранным богом. По мне, так пожалуйста. Но, может быть, этого хватит? Зачем же им еще и самим себя избирать? Или они относятся к выбору, сделанному богом, так же скептически, как и я?

— Вы атеист? — тоном обвинителя спросил его Крамнэгел.

— Разумеется.

Вот ведь наглец — даже не стыдится открыто признаться в этом.

— Более того, я хотел бы заметить, что объявление евреев избранным народом было первым в истории проявлением расизма.

Крамнэгел моргнул. Он видел двух Джоков, сидевших впритык и двигавшихся до отворачивания синхронно.

— Все это мура собачья!

— Убедительным аргументом отвечаете, нечего сказать.

Крамнэгел попытался громко и добродушно рассмеяться, уловив даже сквозь внезапно окутавший его туман, что тут есть вроде бы что-то смешное. Он сделал усилие, чтобы встать, но рухнул прямо на старуху, да так, что та расплескала свое пиво. Старуха добродушно хохотнула: она-то пить умела.

— Будем, — сказал мистер Бэйли.

— Дерни себя за нос, — пробормотал Крамнэгел и затрясся от охватившего его хохота — до того он был рад, что сумел сразуотреагировать.

— Будем, — сказал Джок.

Его взгляд тоже утратил белую твердость, но он был полон презрения к человеку, не умеющему пить. Он впился в стойку бара, как в поручень корабельной палубы, раскачиваемой бурными волнами моря.

— Сионизм — это европейская концепция, сформулированная европейскими евреями в конце прошлого века в попытках вновь обрести утраченное достоинство. И когда... да слушайте же вы, чтоб вас... я же не для себя излагаю сию премудрость, я все это и так знаю — знаю, ясно?.. Так к чему же ведет поиск утраченного достоинства? К самому порогу фашизма — вот к чему! Взять хотя бы Бенито Муссолини...

— Сами, чтоб вам треснуть, не знаете, чего несете, — тихо, угрожающе произнес Крамнэгел.

— Взять хотя бы Бенито Муссолини, — не отступался Джок, брызгая слюной и пытаясь чеканить каждое слово, чтобы побороть растущее опьянение исключительно четкостью речи. — Любовался гробницами вдоль Аппиевой дороги! Йозеф Шicklгрум, то есть Адольф Гитлер...

— Сами, чтоб вам треснуть, не знаете, что несете, — повторил Крамнэгел.

— А как насчет Кубы?

— Кубу вы сюда не прилетайте! — мгновенно встрепенулся Крамнэгел, ибо Джок явно покушался на доктрину Монро.

— А вы меня не пугайте, — вдруг завопил Джок, гордость которого была уязвлена чванливостью пьяного полицейского. — Почитали бы лучше кое-какие материалы Общества дружбы с Советским...

— Ей-богу, не будь ты таким плюгавым старым замухрышкой, я б тебе показал...

— Где же твой боевой дух? Остался в развалинах какой-нибудь сожженной напалмом вьетнамской деревни?

— А, чтоб тебя, довел ты меня все-таки!

Крамнэгела даже передернуло от ненависти к непонятности огромного мира. Он попытался было рвануться к Джоку, но пол так качался под его ногами, что он не мог сдвинуться с места.

— А ну, иди сюда, ты, гук¹ паршивый! — зарычал он.

— Рот себе прополощи, — приказала ему вдруг неожиданно ожившая старуха.

— Вот, полюбуйтесь на эту великую руку помощи, протянутую миру! — кричал Джок, брызгая слюной. — Припрется всякая горилла и начинает пороть всякую пошлятину...

— Гук! Гук! Гук! — вопил Крамнэгел.

Оба прочно, как якорями, уцепились за мебель, поскольку не могли двинуться ни вперед, ни назад, столь же величественные и столь же беспомощные, как парусные фрегаты в безветренный день. Джок вдруг вспомнил о висевшей на кончике носа капле и полез в карман — по всей вероятности, за носовым платком.

Сквозь пьяную мглу Крамнэгел заметил, что рука Джока нырнула в карман и, должно быть, мгновенно сработал рефлекс, ибо, когда щелкнули два револьверных выстрела, даже сам Крамнэгел толком не сообразил, что стрелял он. Глянув секунду спустя на собственную руку, он увидел в ней револьвер, из ствола которого курился дымок. Джок с изумлением глянул на свою руку, затем перевел взгляд на грудь. Его кепку подбросило к потолку, и она упала за стойку бара.

— О, боже, ты еще хуже, чем я думал, — прошептал Джок и медленно сполз на пол.

Старики, пошатываясь, поднялись с мест, а старуха все повторяла: «Что ты надеялся, что ты наделал?» — будто увещевая ребенка. Крамнэгел первым осознал, что произошло.

Протрезвев от случившегося, он заметил, что все присутствующие напуганы видом револьвера, который он все еще держал в руке, и сунул револьвер в кобуру под мышкой.

Спустя минут пять появился молодой полисмен. За ним прибыл доктор.

— Вы были очевидцем происшествия? — спросил полисмен Крамнэгела.

— Разумеется, это же я в него стрелял.

Полисмен уставился на него неверящим взглядом.

— Вы, сэр?

Три старика и старуха нервно подтвердили слова Крамнэгела.

— Сдайте, пожалуйста, ваше оружие, сэр.

— Я бы лучше оставил его у себя, — ответил Крамнэгел, доставая свое удостоверение в целлофановой обложке. — Я, видите ли, сам полицейский. Начальник полиции. Вот здесь все про меня сказано... Да я же с вами разговаривал, помните, в поселке? Так вот, это я. — Он указал на свою фотографию на удостоверении. — А этот тип, — ткнул он пальцем в Джок, — полез в карман за оружием, чтоб в меня стрелять. Я выстрелил в него в порядке самозащиты.

— Самозащиты? Вот как?

Полисмен опустился на колени рядом с Джоком.

— Он жив? — спросил полисмен доктора.

— Жив, но в тяжелом состоянии. Надо срочно вызвать «скорую помощь».

— У него нет в кармане оружия, сэр, — сказал полисмен Крамнэгелу минуту спустя. — Только носовой платок.

— Только платок, — повторил Крамнэгел, впервые начиная испытывать смутное беспокойство. — Поищите в другом кармане.

— Там только ключ и коробок спичек.

Поднявшись на ноги, полисмен отряхнул колени.

— Будет лучше, если вы сдадите оружие мне, сэр.

— А обратно мне его вернут? Я вам лучше подпишу что угодно. Я же вам сказал: я в этого типа стрелял в порядке самозащиты. Ведь я вас сам сюда и вызвал, понимаете? Я...

— У вас есть разрешение на ношение оружия, сэр?

— Конечно есть, я же начальник полиции...

¹ Презрительная кличка, которой американские солдаты называли вьетнамцев.

— Я имею в виду разрешение, выданное английскими властями, сэр?

— Нет. На черта мне сдалось английское разрешение?..

— В таком случае, сэр, будет лучше, если вы сдадите мне оружие. Вы носите его незаконно.

— То есть как это незаконно...

— Мы не носим оружия, сэр.

— Не носите...

Крамнэгела разобрал смех. Издевательский или истеричный — сказать трудно. Так или иначе, но Крамнэгел рассмеялся, и от этого ему стало легче. Проверив, стоит ли револьвер на предохранителе, он протянул его полисмену.

— А теперь, сэр, прошу следовать за мной.

— После вас.

— Пожалуй, я должен предупредить вас, что все, сказанное вами, будет внесено в протокол и может быть использовано как показания.

— Показания?

Крамнэгел даже пошатнулся и нахмурился, как человек, внезапно ставший жертвой измены.

— Какого черта?..

6

Сэр Невилл Ним был холостяком и человеком слишком блестящим для своей должности — возможно, даже чуть-чуть излишне блестящим для любой должности. Занимая пост главного прокурора министерства внутренних дел, он постоянно соприкасался с самой неприглядной стороной человеческой природы, но сумел найти среднюю линию между двойным искушением — безграничной черствостью и безграничной строгостью и придерживался ее не без своего рода иронической мягкости. Он рано вставал и завтракал в своих пыльных унылых покоях. Завтрак ему подавала экономка миссис Шекспир. За завтраком сэр Невилл был не очень разговорчив, поскольку читал в это время газету, решал кроссворд в «Гардиан», пока набиралась вода в ванну, и только после ванны, прежде чем отправиться пешком на работу в министерство, сэр Невилл уделял пять минут для ласковой и не лишённой сложности беседы на самые разнообразные темы со своей экономкой. Сегодня же, однако, не успел он раскрыть газету, как сразу воскликнул:

— О, боже!

Миссис Шекспир моментально почувствовала, что ее хозяин на сей раз жаждет общения.

— Я могу быть чем-нибудь полезной, сэр?

Сэр Невилл нахмурился и улыбнулся одновременно.

— Вы знаете, миссис Шекспир, мир стал настолько тесен, что стандарты и принципы, не имеющие ничего общего между собой, внезапно оказываются в вынужденном соседстве. В нашем веке столько аномалий, что количество предсказуемых несчастий растет с пугающей быстротой. Их безбрежное множество так пугает меня, что я каждое утро открываю газету с мрачным предчувствием. И вот сегодня да, именно сегодня — сбился один из терзающих мое воображение кошмаров.

— Глубоко сожалею, сэр Невилл, право, сожалею.

— Спасибо, миссис Шекспир. Полагаю, вы бы хотели узнать, что именно произошло.

— Да, я бы не прочь, если и вы не возражаете.

— Американский полицейский открыл огонь в сельской пивной в Хартфордшире и ранил местного профсоюзного лидера — шотландца.

— Ну, от них всего можно ждать — от американцев. Вы ведь бываете в кино, сэр Невилл?

— В кино я не ходил со времен расцвета Гарольда Ллойда, а тогда так называемый «постовой» представлялся персонажем забавным, объектом добродушных насмешек и шуток.

— Теперь-то все по-другому, — проворчала миссис Шекспир. — Я знаю, я ведь вожу в кино своего младшего. Теперь все фильмы — сплошная кровавая баня с легавым в центре — их теперь так называют, этих ваших постовых.

— Легавый? — Сэр Невилл даже поморщился.

— Да, легавый. И легавый должен выстрелами проложить себе дорогу из любой беды.

— Вот здесь-то вы и попали в самый корень проблемы, миссис Шекспир.

— Да? — Миссис Шекспир даже несколько растерялась от собственных достижений.

— Совершенно верно. Мы не можем изменить американский образ жизни. Пытаться сделать это — значит слишком много брать на себя, даже если бы это вообще было возможно. Американцы, по всей видимости, приписывают смерти качества веселого приключения, и они, безусловно, имеют право на это. Пожалуй, это наш недостаток, но мы не способны найти в смерти ничего, кроме довольно безвкусной скуки или, при некоторых обстоятельствах, явного облегчения. Тот же человек, который в Америке выстрелами прокладывает себе дорогу из беды, может легко оказаться тем человеком, который здесь своими выстрелами проложит себе дорогу в беду. Сдается мне, что точнее характер нашего дела и не сформулировать. Поймите меня правильно: я критикую его поведение отнюдь не с позиций высокой морали. Профсоюзный лидер-шотландец в самом сердце сельского Хартфордшира — явление само по себе уже настолько невероятное, что, кто знает, возможно, он действительно заслуживал смерти, пусть даже от руки какого-то заезжего легавого. Так ли иначе, мое беспокойство вызвано вопросами чисто технического характера, так же как и мои постоянные кошмары. Ведь на наши головы обрушилось дело, выносить суждение по которому не компетентны ни английские судьи, ни английские адвокаты, ни английские присяжные, ни английское общественное мнение. — Сэр Невилл сделал паузу. — Спросите меня «почему», миссис Шекспир.

— Почему, сэр Невилл?

— Потому, что никому из нас не понять, что такое быть американским легавым в американском городе. Попробуйте осмыслить с английской точки зрения мотивы, которые заставляют человека подобного сорта применять оружие, и вы не найдете в них никакого смысла. Английская жидкость обладает намного более высокой точкой кипения, чем ее американский эквивалент. Да, нам предстоит одно из тех злосчастных дел, где судебная ошибка просто неизбежна.

— Неизбежна, сэр? Но ведь такого никак не может быть в Англии.

— Если бы я опустился до того, чтобы застрелить человека в американском городе Де Мойн, миссис Шекспир, я бы не хотел, чтобы меня судили по американским стандартам или — что еще хуже — по американским стандартам, видоизмененным во имя проявления доброй воли в духе Дэвида Копперфилда и миссис Минивер.

— Я понимаю, сэр, понимаю, — в суровом раздумье пробормотала миссис Шекспир. А она большую часть того, что говорил ей сэр Невилл, не понимала, именно поэтому он ей это и говорил. Возможность еще утром разогреть свой мыслительный механизм на глазах свидетеля, не способного ни на какие инициативы, которые могли бы затуманить обдумываемый вопрос, вызывала у него удивительное чувство освобождения от бремени.

— А сейчас я приму ванну, миссис Шекспир.

— Вы еще не доели яйцо, сэр Невилл.

Сэр Невилл скрылся в ванной, никак не обосновав свой отказ доест яйцо.

Придя на работу, он принял своего помощника Билла Стоккарда и высокого чина из Скотланд-Ярда — главного инспектора уголовной полиции Пьютри. Они сидели, попивая чай.

— И ведь он отнюдь не рядовой полицейский, — говорил Пьютри. — Он начальник полиции города с почти миллионным населением.

— Я этого не знал. — Сэр Невилл задумчиво помешивал ложечкой чай. — О боже, да это же намного осложняет дело, не правда ли?

— Почему же?

— Видите ли, нам будет еще труднее судить его.

Стоккард еле заметно улыбнулся. Он хорошо понимал ход мыслей своего начальника.

— О господи, да начни мы размышлять над тем, что судить легко, что трудно, а что вообще невозможно, мы бы уже давно все свихнулись, — заметил Пьютри, раскуривая трубку. — Вы только вспомните все эти обрядовые дела — ритуальные убийства

и каннибализм в районе Ноттинг-Хилл-Гейт ¹! А кровавая месть в Беркемпстеде, когда сводились счеты вражды, начавшейся пятьсот лет назад в Северной Нигерии! Вы думаете, его светлость судья Бекуит и судья миссис Макквистон были способны принять в том случае справедливое решение, а? Что скажете? Нам тогда нужен был колдун в полном боевом облачении, который в порядке наказания отрезал бы виновнику нужный орган — и точка.

— Но потом все равно последовала бы, я полагаю, апелляция, — сухо улыбнулся сэр Невилл.

Пьютри рассмеялся.

Загудел зуммер селектора, и Стоккард щелкнул рычажком.

— К вам господин из министерства иностранных дел, — раздался голос секретарши.

— О? — Стоккард вопросительно глянул на сэра Невилла, тот кивнул.

— Хорошо, просите. — Стоккард выключил аппарат. — Что же теперь? — спросил он.

— Янки, наверное, пригрозят направить Шестой флот, если мы не выпустим их человека, — пошутил Пьютри.

— Вряд ли они пошлют Шестой флот из-за какого-то полицейского чиновника. Рональда Рейгана или Ширли Темпл ² — еще куда ни шло, но Шестой флот — маловероятно, — заметил Стоккард.

Отворилась дверь и вошел коротенький, очень неопрятный человек, который как-то очень странно держал голову — то ли собираясь извиняться, то ли играя на воображаемой виолончели и прислушиваясь к ее звучанию. Глаза его бегали вверх, вниз и по сторонам, и при этом на губах бродила жеманная улыбочка. Когда он переставал гримасничать, лицо его сразу становилось утонченным и достойным, однако это обстоятельство, казалось, очень смущало его, и он изо всех сил старался произвести впечатление неприглядной никчемности. Представился он как Гайлз де Монтесано. Он был отпрыском одной из старых английских католических семей, и звук «р» раскатывался в его устах далекой барабанной дробью.

— Сегодня утром мы получили сообщение из консульства Соединенных Штатов по поводу господина Крамэнгела, — заявил он.

— Уже? Однако, быстро они работают, быстро, — заметил сэр Невилл.

Улыбнувшись, Монтесано стал похож на святого, умирающего мученической смертью на костре.

— Сообщение, полученное нами, носит неофициальный характер, поэтому мы так быстро и получили его, — пояснил он. — Прошу учесть, однако, что оно носит неофициальный характер только потому, что за ним пока еще не последовало официальной памятной записки или чего-либо подобного.

— Не понимаю, — сознался Пьютри.

— Видите ли, — еще отчаяннее скривился Монтесано, — видите ли, сообщение поступило в форме телефонного звонка мистера Элбертса, личного помощника генерального консула США, и он вполне ясно дал понять, что его звонок не следует считать сугубо неофициальным, поскольку за ним, безусловно, последует письменное сообщение. Не знаю, право, достаточно ли понятно я изъясняюсь...

— М-м-м... Не могли бы вы изложить нам содержание сообщения американцев? — мягко направил его в нужное русло сэр Невилл. — Полагаю, что именно в этом и заключалась цель вашего визита к нам.

— Совершенно верно, совершенно верно, — захлебнулся безрадостным смехом Монтесано. — По всей видимости, американцы хотят заверить нас, что не рассчитывают на какое-то особое отношение к этому человеку. Говоря словами мистера Элбертса, он должен был бы лучше соображать. И сам виноват, если не сообразил.

— То есть никакого давления, — сказал Пьютри.

— Что есть отсутствие давления, как не способ оказать давление? — заметил сэр Невилл.

— А-а... — с мудрым видом протянул Стоккард.

---

¹ Ноттинг-Хилл-Гейт — район бедноты в западной части Лондона; населен в основном иммигрантами из бывших колоний Британии, известен как место расовых столкновений в 50—70-х годах.

² Ширли Темпл — известная американская актриса, ставшая работником дипломатической службы и дослужившаяся до ранга посла.

— Должен отметить, что сначала именно так восприняли звонок мистера Элбертса и мы, — заявил Монте сано. — Сообщение показалось нам слишком уж поспешным... И все же у меня сложилось впечатление, что они искренне смущены случившимся.

— Они и должны быть смущены, — сказал Пьютри.

— Они полагают, что он подвел свою страну.

— Это только потому, что он — за границей, — заметил сэр Невилл. — Дома, по всей вероятности, он получил бы за это медаль.

— Ну, что вы! — Стоккард никак не мог поверить, что существует такая огромная разница между англичанами и людьми, которых он любил называть «нашими американскими кузенами».

Зазвонил телефон.

Стоккард снял трубку. Послушав немного, он сказал:

— Я с н о. — И положил трубку на рычаг. Сэр Невилл даже не взглянул на него.

— Умер шотландец, не так ли?

— Да.

— Рассуждать больше не о ч е м, — сказал Пьютри.

— Да, я ждал этого. Мне так и казалось, что наша проблема разрешится возникновением новой проблемы. Итак, мистер де Монте сано, все рассуждения о давлении носят теперь исключительно академический характер. Я больше не могу закрывать глаза на случившееся. Я могу пойти на некоторые скидки, но только в рамках дела об убийстве.

— Конечно, разумеется.

— Можно ли спросить, что вы намерены предпринять? — поинтересовался Пьютри.

— Буду всеми силами добиваться обвинения в непредумышленном убийстве. Какое же здесь предумышление!

— А почему он носил с собой оружие?

— Почему все мы носим с собой зубные щетки, стоит нам уехать из дому хоть на одну ночь? Сила привычки.

— Неужели, по-вашему, он такой идиот?

— Не забывайте, что он полицейский.

— Н-да. К тому же их полицейский.

Узнав о смерти Джока, Крамнэгел, не стесняясь, расплакался, к вящему смущению присутствовавших при этом полицейских.

— Он же был просто милый старичок, — повторял Крамнэгел как молитву, то и дело спрашивая, осталась ли у Джока семья. Когда ему отвечали, что, насколько известно полиции, семьи у Джока не было, Крамнэгел стал благодарить за это господа бога. Глубина скорби Крамнэгела смутила его стражей, которые обращались с ним скорее как с достойным военнопленным, чем с арестованным преступником. Неожиданное сочувствие к жертве, вызванное лишь тем, что жертва скончалась, возбудило в них изрядное недоумение, поскольку до сих пор оправданием поступка Крамнэгела служило то, что закоренелый и злобный агитатор-коммунист оскорбил Соединенные Штаты и лез из кожи вон, чтобы спровоцировать обычно уравновешенного американца, начальника полиции, и заставить его совершить преступление.

К концу дня Крамнэгел постепенно взял себя в руки. Улучшению его настроения во многом способствовал визит Эди, хотя она и явилась в сопровождении нелюбимого им майора Батта О'Фехи, который смачно жевал резинку во время пылких родственных объятий.

— Пойди и скажи им все, как ты сказал на своем чествовании, — потребовала Эди, ударяя его кулаком в грудь.

— Обязательно. Я себя в обиду не дам. Если б только тот бедный старикашка... — Он умолк, глаза его наполнились слезами при одной только мысли о Джоке.

— Он не первый в мире покойник и не последний, — заявила Эди, которой совсем не нравилось то, как действовал на воображение супруга этот подохший шотландец.

— Во-во, — заметил О'Фехи, перекаывая жвачку в другой угол рта.

— Помнишь тот день, когда ты пришел сообщить мне про Чета... Чета... Козловски... Я тогда была замужем за ним и имела право плакать, верно?

Крамнэгел чисто по-мужски потерял челюсть.

— Знаю, Эди, знаю. Просто я не спал всю ночь.

— Я понимаю. Эди все понимает. — Встав на цыпочки, она поцеловала мужа в щеку.

— Слышь, Батт, сигаретки у тебя не будет?

— Извини, друг, сигаретки нет, есть жвачка, если желаешь. С куревом я завязал: табак и подводное плавание — вещи несовместимые.

— На жвачку меня что-то не тянет. Во всяком случае сейчас.

Атмосфера напоминала канун важного матча по боксу, за исключением того, что репутация и данные противника оставались факторами абсолютно неизвестными. Герой и его свита не могли даже строить догадок относительно противостоящего им бойца. Нельзя было ни посоветовать, ни поглумиться, ни посмеяться, ни порыдать. И Крамнэгел уж никак не чувствовал себя в большей безопасности от того, что Батт О'Фехи смачно жевал резинку и время от времени поглядывал на часы. Надо же было, чтобы с ним это случилось, сволочь он эдакая.

На следующий день произошли два события. Прежде всего Крамнэгелу предложили адвоката — Мод Эпсом, королевскую советницу юстиции. Как он сам сказал посетившей его Эди, он чуть не лопнул от злости.

— За каким чертом мне суют эту бабу? Да где это слыхано — баба-адвокат! Я этих сукиных детей насквозь вижу: хоть я продул процесс! Ведь обвинение-то явно подстроено, чтоб их... Да я, черт возьми, абсолютно уверен, что этот вонючий комми где-то прятал револьвер — успел, наверное, сунуть его за стойку. Полицейский-то там оказался совсем зеленый, такой сопляк, что ему даже личного оружия не доверили — он вообще не догадался там и посмотреть, а теперь-то уж этот паршивый кабак обыскивать без толку... все они заодно. Чтоб их!

— За каким дьяволом ему посылают бабу? — вскипела Эди, воображение которой уже нарисовало сцену в камере: встрепанная адвокатесса в пылких объятиях нежных лапиц ее Барта.

— Должен заметить, что мисс Эпсом — одна из лучших защитниц в стране, — ответил полицейский сержант. — Я никогда не слышал, чтобы она позволяла мужчинам какие-нибудь глупости. Поэтому, наверное, она до сих пор и не замужем, — добавил он добродушно.

Вообще-то идея пригласить для защиты Крамнэгела женщину родилась в мозгу сэра Невилла. Принимая мистера Элбертса, личного помощника американского генерального консула, нанесшего ему визит в сопровождении Гайлза де Монтесано, сэр Невилл предельно ясно изложил свои опасения в связи с данным делом к вящему удовлетворению своего гостя, и одновременно предложил пригласить женщину-адвоката блестящего дарования, чтобы тем самым изощренно и хитро повлиять на атмосферу этого невероятного процесса. Надо полагать, что рассказ о стрельбе и убийстве, изложенный мелодичным контральто, существенно отдалил существо дела от реальной действительности.

И теперь мистер Элбертс нанес визит Крамнэгелу, чтобы установить необходимый контакт с ним и попытаться убедить его в том, что приглашение женщины-адвоката было искренней попыткой помочь ему, а не грубым маневром, рассчитанным на то, чтобы подорвать силы этого Самсона в предстоящем ему бою.

К несчастью, между четой Крамнэгелов и мистером Элбертсом лежала пропасть привычек, мнений, взглядов и вкусов еще более глубокая, чем та, что отделяла каждую из сторон от англичан, которые хотя бы пытались эту пропасть преодолеть. С первого же взгляда друг на друга соотечественники насторожились. Крамнэгел олицетворял все то, что раздражало и огорчало Элбертса в его собственной стране. Усевшись с изяществом афганской гончей на шатком стуле в маленькой комнате, предоставленной в их распоряжение руководством полицейского участка, Элбертс изучал злоумышленника из-под опущенных век.

Убогость его речи, неспособность его мозга следовать (пусть даже на почти-тельном расстоянии) за логическим ходом мысли, грубость черт и выражения лица, вся отвратительная вульгарность этого человека и его жены преисполнили Элбертса тупого чувства ярости. Мысль же о том, что эта дубина была представителем власти на местах, заставляла Элбертса вновь и вновь приходить к выводу, что за исключением ряда районов Новой Англии его Соединенные Штаты — это всего-навсего огромная недоразвитая страна.

— Я искренне убежден, что вам следовало бы всерьез подумать о том, чтобы согласиться с кандидатурой мисс Эпсом, — сказал мистер Элбертс, настоятельно качнув головой.

— Слушайте, вы женаты? — без обиняков спросил Крамнэгел.

— Некоторым образом да, — ответил Элбертс, придав своему ответу известную весомость.

— Тогда вы должны знать, что есть вещи, которых собственной жене не расскажешь, но выложишь первому встречному. Не суйся в разговор, Эди, — бросил он жене, которая и не собиралась открывать рот.

— А вы подумайте о том впечатлении, которое произведет женщина-адвокат на суд, особенно на процессе по делу о непредумышленном убийстве с помощью огнестрельного оружия. Мне удалось узнать, что люди, ведущие ваше дело, руководствуются именно этими соображениями.

— Значит, у них головы набиты трухой, если они этим руководствуются, — прорычал Крамнэгел, так что Элбертс вздрогнул. — А кто у них здесь вместо окружного прокурора? Что он из себя представляет?

— У них нет окружных прокуроров.

— Я же спросил: «Кто вместо»? Я знаю, что наших прокуроров у них нет, я грамотный.

— Не имею представления. Нам, видите ли, не каждый день приходится иметь дело с соотечественниками, угодившими за решетку за уголовное преступление. Я не очень разбираюсь в их юридической системе, да и в любой другой, слава богу.

— Ну, он-то уж точно будет мужчина, да?

— Надо полагать.

— Вот и я про то же. Так разве моей дамочке сдюжить против него в драке?

— В драке? Не понимаю, право, каким вы себе представляете английский суд.

— Но ведь наши традиции позаимствованы отсюда. Так?

— Да, — терпеливо согласился Элбертс.

— Значит, раз мы позаимствовали свои традиции отсюда, то и у них в суде все происходит с грызней и дракой, как и у нас. А в судебной драке обо всей этой ерунде собачьей насчет того, чтоб «женщин вперед», никто и не вспоминает. Адвокат туда приходит, чтоб выиграть дело, и если он хоть чего-нибудь стоит, плевать ему, как именно он его выиграет. Слушайте, я в суде полжизни провел, я, черт побери, знаю, о чем говорю. И я вам вот что скажу, мистер: дамочке-адвокату в суде делать нечего. Ну, конечно, если она защищает какую-нибудь смазливую бабенку, которая только что пришила мужа, разоделась во все черное и жутко жалеет о том, что натворила, а сама до смерти рада, — тогда все о'кей. Здесь я с вами согласен. Но некоторые дела просто не для женщин. Может, епископы — это одно, а адвокаты — совсем другое. И вы, черт побери, можете сказать это кому угодно с большим приветом от начальника Крамнэгела.

Вздыхнув, Элбертс поднялся со стула.

— Я уверен, что все будет хорошо, — сказал он, протягивая руку с улыбкой столь же великодушной, сколь и неискренней.

— Иначе быть не должно, это я вам говорю.

— Пожалуйста, не волнуйтесь, миссис Крамнэгел.

— Мне случалось переживать и худшее, — сказала Эди.

— Вот это правильное настроение.

И покачав головой на тонкой шее — прощальный знак вызывающей изрядные сомнения солидарности, — Элбертс отправился на ретроспективную выставку Джексона Поллока¹ в галерее Тейт.

По настоянию Крамнэгела кандидатура мисс Эпсом была снята, и его посетил новый кандидат в защитники — Локвуд Крэмп, член парламента от избирательного округа в Северной Ирландии. Он не совсем соответствовал представлениям Крамнэгела о том, каким следовало бы быть его союзнику, ибо даже внешность его никоим образом не укладывалась в рамки привычного американцу стандарта. Но при всем при этом выглядел он как человек, отобранный для защиты Крамнэгела именно за умение драться в суде и ни за что иное. Его изрядно помятое лицо, по которому, оставив глубокие следы, прокатились и война и мир, являло собой гамму разнооб-

¹ Джексон Поллок (1912—1956) — известный американский художник-абстракционист.

разнейших оттенков красного цвета, разрываемую пучками буйной верескоподобной рыжеватой растительности, украшавшей его уши, ноздри и скулы.

(«Хоть бы сбрил он эту пакость, что ли», — жаловался Крамнэгел потом жене.)

Локвуд Крэмп носил длинные и колючие бакенбарды, обрамлявшие большой рот, из которого торчали бивнеподобные зубы, оставляя, однако, место для изгрызенной черной трубки. Трубка эта беспрерывно изрыгала удушающие клубы дыма, а по подбородку из-под нее все время сочилась слюна. Самым же интересным в его лице были голубые глаза, детски-наивные и доверчивые, — огромные круглые пуговицы, совершенно плоские, они выглядели из-под рыжих бровей с искренностью, одновременно смешной и волнующей. Сразу становилось ясно: вот человек, который в жизни не знал ничего, кроме физической отваги, и эта черта характера была, вероятно, и его силой, и его слабостью. Возможно, он и был рожден для того, чтобы вести за собой людей, но вряд ли для того, чтобы люди за ним шли.

Его совещание с Крамнэгелом в камере носило мучительный характер беседы учителя с учеником, пытающимся сдать «хвосты» по домашним занятиям.

— В вооруженных силах вы не служили вообще?

— Нет, сэр, не служил.

— Жаль, жаль... Ну, ничего.

— Это вы к тому, что присяжных было бы легче разжалобить, имей я «Пурпурное сердце»? ¹

Крэмп хмуро усмехнулся.

— Такие вещи помогают, хотя и не должны бы помогать. Я когда-то знал немалое количество героев войны — в мирное время они, как правило, становились весьма неуравновешенными гражданами. Дело в том, что одно с другим несовместимо и не может ужиться в человеке, но суды все равно этого не понимают. Вас не взяли в армию по здоровью?

— Да, сэр, по здоровью.

— Чем вы были больны? Может, удастся выжать сочувствие к вашей болезни. Что у вас было? Рак? Туберкулез? Что-нибудь повлиявшее на психическую уравновешенность?

— Нет, сэр, не э т о . — Крамнэгел сглотнул слюну.

— Ну, раз нет, то мне и знать ни к чему.

О, черт, теперь у этого типа сложится превратное о нем представление!

— Болезнь была такая, которую каждый человек может подцепить.

— А, одна из тех, значит... — хмыкнул Крэмп. — Ну, тогда лучше о ней и не заикаться.

— Нет, вовсе не «одна из тех», — возразил Крамнэгел. — Одна из других.

— Из каких таких других? — пристально посмотрел на него Крэмп.

— Да не из тех... из этих...

— Не понимаю... Вы случайно не гомосексуалист?

— Господи Иисусе! — Крамнэгел швырнул коробок спичек через всю камеру.

— Сядьте и не будьте ребенком, — одернул его Крэмп. — Сейчас нет времени ни на что, кроме полного и безраздельного делового сотрудничества. Нам надо как следует подготовиться к процессу, а застрелив в пивной беззащитного старика, вы даете мне не такой уж богатый материал для защиты. У нас есть выбор только из двух возможностей. Первое: объявить вас маньяком. Второе: доказать, что все происшедшее явилось лишь результатом трагического недоразумения. Говоря по правде, первое сделать легче.

— Какой же я маньяк! Я просто вдрызг надрался! — вскричал Крамнэгел.

— Это, поверьте мне, отнюдь не лучшая линия защиты.

— Но он ведь тоже надрался!

— Он, к сожалению, мертв. И нам уже нет никакого дела до того, надрался он тогда или нет.

— И все равно никакой я вам к черту не маньяк!

— Глубоко сожалею об этом.

— Вот что, я хочу ехать домой, вернуться, значит, к тому, что оставил. Я начальник полиции и намерен им оставаться. Начальник полиции — и никто в мире этого у меня не отнимет.

¹ Медаль за ранение в бою.

Но тут на Крамнэгела внезапно нахлынули нелегкие мысли об Але Карбайде, о котором он за последнее время начисто забыл.

— Вы хотите сказать, что ожидаете оправдательного приговора, после которого вас отпустят домой и разрешат возобновить вашу прежнюю деятельность?

— Конечно. А как же иначе?

— Ну, знаете, вы верите в меня и в мои возможности гораздо больше, чем верю в них я сам, — пробормотал Крэмп.

— Слушайте, ведь то, что случилось со мной, могло случиться с кем угодно, и вам отлично это известно.

— Нет, — ответил Крэмп. — Мне это неизвестно. Здесь такое могло случиться только с уголовным преступником или с американским полицейским. А теперь я должен — если мне это удастся, разумеется, — попытаться доказать суду, что уголовный преступник и американский полицейский — это не одно и то же.

7

Сэр Невилл обнаружил, что по мере приближения суда он все чаще и чаще задумывается над делом Крамнэгела, рассматривая его со всех возможных сторон — со стратегической, и с тактической, и просто с человеческой. С людьми, овладевшими сложным предметом во всей его многогранности, случается порой, что широта их воззрений и терпимость к новому увеличиваются, а не уменьшаются по мере их профессионального и служебного роста. Таким человеком был и сэр Невилл: его видение мира давно уже не сковывалось буквой закона, но всего лишь ограничивалось рамками его духа. Предложить всеми силами добиваться обвинения в непредумышленном убийстве мог только человек либо юридически безграмотный, либо столь чистый в помыслах, как сэр Невилл. Это было невообразимо, ибо в Англии заведомо никто не мог поверить, чтобы человек — будь он хоть зулус, или мальгаш, или туземец с Мальдивских островов, не говоря уже о начальнике полиции американского города, — не отличил бы старика, достающего из кармана носовой платок, от выхватывающего револьвер бандита.

Как заметил по этому поводу Билл Стоккард, «ребенку, смотрящему вестерн, никогда и в голову не придет, что ковбой, сходящийся на главной улице Карсон-Сити, лезут в карман за носовым платком. С какой же стати требовать от людей веры в противоположное?».

Сэр Невилл рассмеялся. Ему нравился Стоккард. Нравился своей молодостью и прямоотой: ведь сэр Невилл знал, что вслед за покидающей тело молодостью душу вскоре покидает прямота. Глядя на Стоккарда, он вспоминал свой собственный путь наверх.

— Я согласен с вами, — ответил он Стоккарду, у которого сразу отлегло от сердца. — Суд сам должен прийти к обвинению в непредумышленном убийстве, и прийти на основании доказательств того, что обвинение в предумышленном убийстве в данном случае неуместно.

— Вот именно! — И, улыбнувшись собственной нескромности, Билл Стоккард добавил: — Но ведь вы знали это с самого начала и просто водили нас всех за нос, не так ли, сэр Невилл?

— Я знал это с самого начала, — очень серьезно ответил сэр Невилл. — В противном случае я не занимал бы этого кресла в этом кабинете. Но уверяю вас, что за нос я не вожу никого. Ну, разве что только самого себя. Я просто-напросто бьюсь в обычной агонии демократических порядков, Билл. Я точно знаю, как именно следует поступить — и отнюдь не во имя торжества правосудия, о нет, вовсе не ради этого, а только для того, чтобы правосудием не злоупотребляли. К несчастью, мои полномочия не так уж широки, и мне ничего не остается, кроме как следить за происходящим и доверять действующим лицам. А я не доверяю им, Билл. Я никому не доверяю, кроме себя самого. — Улыбнувшись наконец, сэр Невилл добавил: — Разумеется, я говорю это со всей должной скромностью.

— Вы совершенно правы, называя происходящее «обычной агонией демократических порядков». Все мы в этой агонии бьемся.

— Да, и поскольку бьемся действительно все, то при диктатуре было бы не в пример спокойнее.

— Не могу представить себе вас под пятой диктатуры, сэр.

— Какой же толк в диктатуре, если попадешь под ее пяту? Вот будь диктатором я сам, тогда бы я не возражал против нее никоим образом.

— Я вам не верю, сэр. Не при вас будь сказано, но диктатор из вас вышел бы никудышный. Уж больно сложный вы человек.

— Серьезно?

— О да. К тому же вы чересчур вежливы.

— Я тешу себя мыслью, что временами бываю очень груб.

— Только истинно вежливому человеку доступна великолепная техника настоящей грубости. А у диктаторов на это нет времени. Они вынуждены быть нечувствительными. И не могут себе позволить прислушиваться к чужому мнению.

— Гм-м... Пожалуй, вы были бы столь же плохой опорой диктатору, сколь я был бы плохим диктатором. Дойдя в нашей беседе до столь обнадеживающего момента, позволю себе пригласить вас отобедать.

Билл знал, что означало приглашение сэра Невилла, и на минуту замялся. Он был слишком современен, чтобы получать удовольствие от обедов в клубах. Он предпочел бы где-нибудь быстро перекусить. К тому же дома жена, трое детей... Нет, у него совсем не было времени на сидение в залах, где почтенные старцы потягивают портвейн, пересказывая друг другу последние сплетни.

— Судовольствием, — ответил он.

По дороге в клуб сэр Невилл разговорился:

— С вашей стороны было очень любезно принять мое приглашение, Билл. Я ведь знаю, что для клубов у вас просто нет времени.

— О, это совсем не так...

— Именно так, и я вполне это понимаю. Вы — человек семейный. И ваша жизнь идет совсем по другому руслу. Клуб как общественный институт — всего лишь прибежище для стареющих подростков, но есть, разумеется, и иная подоплека. Англия — это страна, не имеющая конституции. Письменно не фиксируется практически ничего; по ходу дела мы уничтожаем все свидетельства, не оставляя иного наследия, кроме никем не истолкованных традиций, причем все, что мы делаем, мы делаем с кажущимся безразличием, в действительности же в своем таинственном поведении мы руководствуемся неписаными и никогда не упоминаемыми вслух правилами, по сравнению с которыми мафия выглядит скорее организацией муниципальной службы, нежели тайным сообществом. Своего рода инстинкт, выработанный привычкой, предрассудками, реакцией на нюансы и бог знает какими еще движениями души, всегда подскажет упорядоченному уму британского чиновника, в каком клубе и в котором часу могут вероятнее всего встретиться его друзья и его враги. И только в тех редчайших случаях, когда ему случается ошибиться, он горько вздыхает, думая о неисповедимых путях, которыми следует жизнь: «Никогда ведь не угадаешь...». Но подобные ошибки случаются столь редко, что не стоят и внимания. Тем не менее, исходя из соображений политики — ведь политика не делается ни в парламенте, ни в министерствах, она делается в клубах, — так вот, исходя из этих соображений, а вовсе не из желания помочь вам приятно убивать время, я и настаивал на том, чтобы вы баллотировались в клуб «Блэкс».

— Я вполне понимаю ваши мотивы, сэр Невилл, и я глубоко вам признателен, несмотря на то что мой годовой доход сокращается на семьдесят пять фунтов.

— Ну, вас ведь еще не приняли! Дело, несомненно, затянется еще лет на пять, не меньше. Так вот, видите, не такое уж это разорение, как вам кажется. Однако сейчас мы идем не туда.

— Я знаю.

Сэр Невилл метнул на Стоккарда цепкий взгляд.

— Почему вы так думаете?

— В основном потому, что мы идем совсем не в ту сторону.

— Ах, да...

— Мне кажется, что мы идем в «Кембл».

— Почему, черт побери, вам кажется именно так?

— Мне кажется, что вы хотите повидаться с сэром Аароном Уэллбехолденом.

В это время он обычно бывает там.

— Вы способный ученик, — удовлетворенно кивнул сэр Невилл.

Сэр Аарон Уэллбехолден был человеком огромных размеров; нижняя губа его

всегда была так выпячена, что влажность ее внутренней стороны оказывалась доступной всеобщему обозрению. Временами он ворчал и приноживался, подобно старому бульдогу. Он обладал благородством крайнего уродства, скрашивавшим даже вспышки его скверного характера или по крайней мере делавшим их извинительными.

— Что это вдруг вам загорелось меня видеть? — спросил он, шумно и с удовольствием потягивая розовый джин.

— Я пришел сюда отнюдь не только для того, чтобы повидаться с вами, — солгал на ходу сэр Невилл. — Я просто хотел угостить обедом моего юного помощника Билла Стоккарда. Я ведь, знаете, тоже член этого клуба.

— Ходили слухи, что вы променяли нас на клуб «Блэкс», — проворчал сэр Аарон, окропляя джином свой жилет, залитый слезами многих других не донесенных до рта деликатесов.

— *Semper fidelis*¹.

— Что?

— Я сказал: «*Semper fidelis*».

— А, да, латынь. — Сэр Аарон одобрительно хмыкнул. — Что ж, тогда не будем портить себе обед делами, а? Давайте покончим с ними до того, как перейдем в столовую. Зачем вам понадобилось искать меня в моем логове?

— Право же, А. У., совершенно ни за чем, разве что для душевного спокойствия.

— Для душевного спокойствия? Неужели ваша душа бывает когда-либо спокойной... как, впрочем, и моя, а?

— Сразу слышу совестливого юриста.

Сэр Аарон чихнул и весь заколыхался от удовольствия, его нижняя губа блестяла, как коралловый риф на мелководье.

— Хорошо зная вас, могу предположить, что вы обеспокоены делом этого американского парня.

— Мы оба слишком уж долго занимаемся нашей профессией, — помолчав, тихо заметил сэр Невилл.

— Я не буду притворяться, будто понимаю его характер или мотивы его поступков. Я не понимаю их совсем. Абсолютно не понимаю. А я терпеть не могу дел, которых не понимаю. Вы же сами знаете: в таких случаях теряешь всякое чувство справедливости. Или, по меньшей мере, становишься мысленно в оборонительную позицию.

— Может, оно и к лучшему?

— Почему вы так говорите? — спросил сэр Аарон. — Мы все время забываем — а это, пожалуй, единственный приятный сюрприз, который мы можем обеспечить нашему заокеанскому гостю, — мы все время забываем, что роль обвинителя в английском суде заключается не в том, чтобы выиграть дело, но лишь в том, чтобы как можно точнее и беспристрастнее изложить суду факты. Проиграть процесс для нас грехом не считается. Некоторые из нас были бы рады проигрывать каждый свой процесс.

— Что ж, А. У., вы, безусловно, правы, мы об этом забываем, — и я так благодарен вам, А. У., хотя и не так уж удивлен тем, что вы мне об этом напомнили. Ведь некоторые из лучших юристов страны не в состоянии противостоять воздействию повышения температуры в зале суда.

— Потому-то их и считают лучшими, — пробормотал сэр Аарон лукаво.

Наступило молчание. Сэр Аарон покручивал в руке свой второй стакан розового джина, пристально разглядывая плескающуюся в стакане жидкость и как бы пытаясь увидеть в ней будущее.

— Есть ли у вас хоть малейшее представление о том, почему нормально устроенный человек вдруг стреляет в другого человека в пивной?

— А почему китайки уродуют себе ноги, или африканцы удлиняют себе шею с помощью колец, или буддийские монахи сжигают себя на улицах, чтобы придать большую убедительность своим аргументам?

— Иными словами, вы считаете его поступок настолько для него естественным, что тут и объяснений не требуется?

— Пожалуй.

— Но почему же такого не бывало раньше?

¹ Верен всегда (*лат.*).

— Может, и бывало.

— Вы хотите сказать — здесь, у нас?

— Да, разумеется.

— Ужасно.

Снова пауза.

— У вас ведь есть внуки, А. У.?

— Целых четверо маленьких попрошаек. Только не говорите мне, что жаждете взглянуть на их фотографии. Я умышленно не ношу с собой фотографии моих родных.

— Вот еще одна черта характера, из-за которой вам трудно понять американцев.

— Да что американцы — англичане ведь тоже путешествуют. И, распаковывая чемоданы, первым делом достают нечто вроде складного алтаря, на котором красуются все, кого они успели произвести на свет. О боже мой, да ведь если человек не способен запомнить, как выглядят его жена и дети, он просто их не заслуживает. Но почему вы заинтересовались моими внуками?

— Они ведь смотрят вестерны, верно? — спросил сэр Невилл, благодарно посмотрев на Билла, который несколько раньше навел его на эту мысль.

— Да что внуки! Я сам смотрю вестерны, старина. Жизнь была бы много беднее без столь простых выходов из положения и столь простых решений. Тем не менее это вымысел, а не реальная жизнь.

— Как бы далеко ни заходил вымысел автора, он ведь всегда — пусть отдаленно — основывается на реальной жизни.

— Верно, только *людей* таких в жизни не бывает, я это хотел сказать.

— Где-то они есть. Почти такие.

— Я вам не верю.

Сэр Невилл решил зайти с другой стороны:

— Если вам нравится опера, вы ведь обычно ходите в оперу ради музыки, а не ради сюжета, не так ли?

— Я не люблю оперу.

— Я тоже не люблю оперу, но если бы мы ее любили, то ходили бы в театр слушать музыку, а не затем, чтобы выяснить, кому достанется девушка, а кому — нож под ребра. То есть проникновенная мелодия может тронуть даже обывателя, в то время как история шута, в бурю и дождь несущего в мешке труп своей дочери, явно абсурдна.

— Верно... И все же — было же дело буквально на днях: какой-то безработный комик — нелепейшее убийство века...

— Абсолютно точно. Вы сами сделали вывод, к которому я вел, А. У. Процесс, о котором вы говорите, даже бульварную прессу вынудил проявить интеллект, и она окрестила его «Делом Риголетто».

— Ваш вывод мне ясен. Я и сам к нему приходил. Нет такого абсурда, который не мог бы случиться в жизни. — И сэр Аарон неожиданно спросил: — Кто защитник?

— Крэмп¹.

— Крэмп.

Оба произнесли это имя как нечто малозначительное, и, однако же, этим было все сказано, как будто собеседники обладали умением читать мысли друг друга. В их интонациях не слышалось никакой злобы. Скорее даже звучал некоторый оттенок восхищения, и все же оставался стойкий привкус чего-то ограниченного, лишнего полета, ибо, разумеется, сама фамилия уже создавала ощущение узости и заземленности. Собеседники задумались.

— Я полагал, что защиту поручат Мод Эпсом.

— Так и было. Но человек, которого вы именуете «нашим американским гостем», дал ей отвод.

Сэр Аарон состроил гримасу.

— Он совершил ошибку.

— Разумеется.

— Ваша, должно быть, идея — пригласить Мод Эпсом?

— Сознаюсь — моя.

— Я так и думал. Что же, пообедаем? — сказал сэр Аарон, впервые за всю беседу по-настоящему оживляясь.

---

¹ «Cramp» по-английски означает «ограниченный, узкий».

Вернувшись из клуба в свой кабинет, сэр Невилл заявил, что встреча с сэром Аароном успокоила его, насколько это вообще возможно при данных обстоятельствах. Во всяком случае, пицца была съедобной. Полтора года назад «Кембл» пережил кулинарный кризис, но сейчас явно уже оправился. Сэр Невилл радовался этому, хотя был одним из очень немногих членов клуба, способных заметить упадок, а ныне возрождение кухни. Теперь оставалась лишь одна неизвестная — или, вернее, практически неизвестная величина: лорд-судья Плантагенет-Уильямс, которому надлежало слушать дело на предстоящей квартальной сессии в Хартфорде. Судья был стар — один из самых старых судей — и пользовался репутацией очень хорошего судьи, но сказать, как это следовало понимать — то ли «очень хорошего» для своего почтенного возраста, то ли «очень хорошего» с точки зрения объективной оценки его профессиональных качеств, — было почти невозможно. Для процесса Крамнэгела сэр Невилл предпочел бы Джорджа Глэдборна или Говарда Фитцэндрию — судей более современных, в меру прагматичных, толковых и решительных, воспринимающих быстро меняющийся мир с чувством тревоги, не сужающим, однако, широты их мышления. А вот свидетельств того, что судья Плантагенет-Уильямс движется в ногу со временем, не было никаких, как, впрочем, и того, что он вообще сохранил еще способность двигаться. Он никогда в жизни не состоял ни в одном клубе, поэтому в том, что он добрался до высшей ступеньки в своей профессии, было нечто и сверхъестественное и одновременно пугающее. У сэра Невилла даже мелькнула мысль, что Плантагенет-Уильямс вполне мог достичь таких результатов неодолимой цельностью характера — качеством, вызывавшим отнюдь не меньшее количество судебных ошибок, чем многие другие.

Однако никаких практических мер принять было нельзя. Главному прокурору не подобает создавать впечатление, будто он пытается повлиять на судью перед началом процесса. Вот здесь-то и оказывалась полезной дружба-дружба и клубы, которые при необходимости позволяли придать вид дружбы мимолетным знакомствам. Если человек предпочитает всех чураться и полагает, что подобная изоляция позволяет ему сохранять объективность и открытый взгляд на жизнь, что ж, это его личное дело. Однако же сэр Невилл подозревал, что большинство из тех, кто решает сохранять открытый взгляд на жизнь, приходят к подобному решению через некоторое время после того, как их мозги герметически и навсегда закупориваются. Черт бы побрал эту демократию!

Сэр Невилл принял решение за день до суда. И сказал Биллу Стоккарду, что на следующий день не придет на работу. Билл сразу же понял, в чем дело.

— Уж не хотите ли вы этим сказать, что едете в Хартфорд, сэр Невилл?

Сэр Невилл взглянул на него с некоторым раздражением. Не ответить совсем означало придать делу излишнюю значимость. Утвердительный же ответ непонятно почему заставлял его испытывать чувство вины.

— Почему бы и нет? — спросил он.

— Надеюсь, что этот процесс не превратится в навязчивую идею.

— Справедливость вполне может стать навязчивой идеей, Билл. И если навязчивая идея находит выражение в данном процессе, мне не остается ничего другого, как просто ей не препятствовать.

— Чем мне объяснять ваше отсутствие? Легким недомоганием?

— Это слишком уж в стиле Букингемского дворца. Просто отвечайте, что меня нет.

— Вы хотите, чтобы я поехал с вами?

— Я бы предпочел, чтобы именно вы говорили, что меня нет на работе. У вас это прозвучит правдивее, чем у кого-либо другого.

— Пожалуй, вы правы. Благодарю вас.

Уровень личной свободы отнюдь не возрастает по мере продвижения человека по социальной лестнице — это сэру Невиллу было прекрасно известно. Будь он простым начальником тюрьмы, он мог бы удовлетворять свое любопытство по поводу Крамнэгела сколько душе угодно. Но главному прокурору это было недоступно. Поэтому ему приходилось полагаться на источники столь же доброжелательные, сколь и далекие от него по кругозору и среде, — например, на инспектора уголовной полиции Пьютри.

— Чудной парень, — сообщил Пьютри. — Похож на человека, спятившего после какого-то случая на войне — иначе и не объяснить. По складу характера типичный

сержант, или, точнее сказать, фельдфебель. То совершенно толково рассказывает о своей работе — а он прекрасно разбирается в полицейской службе, и у него дельные соображения; мы, правда, привыкли думать совсем иначе, но его соображения вполне могут и сработать, — в общем, профессионал, настоящий стопроцентный полицейский. Это с одной стороны. А потом он вдруг ни с того ни с сего начинает бушевать — нет, до драки не доходило. Лично я убежден, что в тот раз все дело было в проклятом алкоголе: он просто заводится, и это, пожалуй, еще опаснее. Выражается очень соленым языком — особенно при дамах. В больнице, когда его обследовали на вменяемость, стоило зайти в комнату женщине, как он разражался потоком отборнейших ругательств...

— Вы уверены, что он не пытался симулировать сумасшествие?

— Да нет же, совсем наоборот! — вскричал Пьютри. — Он убежден, что его оправдают и что со следующей недели он снова сможет приступить к исполнению своих обязанностей. Он же нам всем разъяснил самым недвусмысленным образом, что весь остальной мир мы можем оставить себе — он его по завязку рассмотрел в Англии, а о том, что делается в других местах, вполне может догадаться: везде глупость, бестолковщина, никакой современной техники, кругом кишмя кишат коммунисты — американцу в таком мире без оружия не прожить. Причем, учтите, имеется в виду не просто револьвер в кобуре под мышкой, а автомат у бедра да куча даров цивилизации в придачу.

— Вот это меня и беспокоит, — вздохнул сэр Невилл. — Сам я не имею ничего против подобных речей. Я нахожу их освежающими и колоритными. Но где же гарантия, что британский судья преклонного возраста не истолкует в том духе, в каком они произносятся?

— Вы меня совсем замучили, сэр Невилл, — рассмеялся Пьютри. — Вас всегда приходится слушать очень внимательно, чтобы понять, что же вы все-таки имеете в виду. Но я понял. «В том духе, в каком они произносятся». Здорово!

— Рад, что вам понравилось, — сознался сэр Невилл. — Но удовольствие, доставленное вам моими шуточками, вряд ли поможет нам решить проблему. Весьма печально, что все же выдвинуто обвинение в предумышленном убийстве.

— Но ведь с технической точки зрения это было убийство.

Сэр Невилл еле заметно поморщился.

— Мне до смерти надоели формальности и технические детали, — отрубил он. — Будь моя воля, я бы настоял на непредумышленном убийстве. Мне совсем не улыбается вам допустить применение иного термина хотя бы на секунду — это слишком рискованно.

— Ну, какой же там риск, сэр Невилл. Крэмп обязательно выстроит сильную защиту. Сэр Аарон не дурак, а лет десять назад Плантагенет-Уильямс считался очень хорошим судьей.

— А сейчас?

— Сейчас? Насколько мне известно, он и сейчас пользуется хорошей репутацией, но сейчас он стар.

— Он был стар и десять лет назад.

— Но сейчас он... сейчас он еще старше.

Открытие процесса омрачилось происшествием, которого не мог предвидеть никто. Войдя из темного коридора в зал суда, Крамнэгел увидел льва и единорога, держащих щит с государственным гербом, — зрелище, веками леденившее сердца и виновных, и невинных, поскольку означало оно, что они стоят перед судом самой нации, стоят в наготе своей перед полками, бряцающими мушкетами, перед вымышленными лошадами, гибралтарской скалой и заблеванными палубами броненосцев, перед всем ужасающим геральдическим ритуалом, — одиноко стоят под бременем предьявленных им обвинений. Но Крамнэгелу это все было как об стенку горох, потому что его рефлексы вырабатывались совсем другим набором раздражителей. Он разглядывал убранство зала суда как экспонаты выставки какой-то затерянной в джунглях культуры, а затем перевел взгляд на лорда-судью Плантагенета-Уильямса, который делал вид, будто изучает разложенные перед ним документы. Крамнэгел увидел престарелого патриция, что-то бубнившего себе под нос, нацепившего себе на голову то ли швабру, то ли какую-то скамканную тряпку, которую, словно теннисную туфлю, кто-то опустил в белый раствор, чтобы отчистить. Крамнэгел нахмурился, затем улыбнулся. Потом перевел взгляд на сэра Аарона Уэллбехолдена, тоже старательно копавшегося

в бумагах; у него ярко блестела губа, а взгляд был тусклый. Голову сэра Аарона венчал такой же необычный головной убор. Крамнэгел хихикнул про себя и тут заметил Локвуда Крэмпа, которого привык видеть либо простоволосым, либо в потрепанном котелке — настолько потрепанном, что сквозь протертые поля местами виднелся картон. Сейчас же голубые глаза взирали на него по-дружески ободряюще (сохраняя при этом обычную непреодолимую дистанцию) из-под точной копии головных уборов судьи и прокурора. Багровую физиономию с ее моркового цвета порослью обрамляли белые кудряшки... Нет, это уж было слишком! Крамнэгел не сдержался и дал волю распиравшему его смеху.

Судья и сэр Аарон подняли от бумаг удивленные глаза, а на галерее для зрителей зашуршал шепоток. Крэмпа такой поворот дела заинтересовал и встревожил. Судья хотел было призвать к порядку, но не решился: сначала надо все же уяснить до конца причину сего веселья. Поскольку все судьи страдают привычкой притворяться, будто их потрясает каждый пустяк, дабы заставить злоумышленников прочувствовать всю глубину своих преступлений, лицо судьи Плантагенета-Уильямса немедленно и без особых усилий приняло безмерно возмущенное выражение, но выражение это было всецело следствием привычки, и потому дальнейшее поведение судьи никак не соответствовало принятой им позе. Подобно школьному учителю, стоящему перед хихикающим классом, он, разумеется, в ужасе заподозрил, будто что-то не в порядке с его внешним видом. Скрюченные пальцы судьи быстро пробежались по макушке парика, словно пытаясь найти там какой-то малопристойный предмет, прищипленный булавкой. Ничего не обнаружив, судья решил заодно поправить парик, который и так сидел безукоризненно. Тогда он как бы между делом, но тщательно оцупал свое лицо и, будто охорашивающаяся птица, оправил мантию. Затем посмотрел на стул, на потолок, на Крамнэгела. А Крамнэгел, вцепившись руками в барьер перед скамьей, как в ручки мотоцикла, дергался и извивался над ним в попытке подавить охвативший его приступ смеха.

— Что с вами такое? Вы больны? — спросил судья.

Почему-то, заговорив, эти субъекты в париках становились еще смешнее. Так бесконечно смешны люди, расхаживающие нагишом по душевным спортивных клубов с благопристойным видом одетых особ. И так же нельзя удержаться от смеха, когда из-под невероятного головного убора выглядывает существо, обладающее, оказывается, даром речи да еще требующее, чтобы его принимали всерьез.

— Он болен? — спросил судья, обращаясь неизвестно к кому.

Один лишь сэр Невилл прикрыл глаза как человек, ожидавший самого худшего и увидевший, что все его опасения сбылись. Он мгновенно понял, что даже самые незыблемые, освященные временем символы не могут оставаться вечными в мире, который веками довольствовался пешей ходьбой, потом вдруг неожиданно — на памяти одного поколения — затрусил рысцей, потом понесся галопом, а потом вдруг полетел и летит теперь так быстро, что глаз не успевает следить за тем, что происходит вокруг, за постоянно меняющимся пейзажем. А все эти старики, упорно верящие, что они руководят событиями, по-прежнему продолжают исполнять старинный церемониал, по-прежнему садятся в самолеты и автомобили и входят во дворцы, отдают почести и пожимают руки, возлагают венки к гогилам неизвестных солдат. Они по-прежнему делают заявления для печати и отвечают на вопросы с тщательно отрепетированной и потому глубоко прочувствованной искренностью. Но хоть они и не замечают этого, на них почти никто не обращает внимания. Они похожи на актеров, играющих перед пустым залом и кланяющихся при гробовом молчании.

Обретя дар речи, Крамнэгел начал защищаться, но совсем перед другим судом, совсем в другом измерении.

— Здесь, значит, вот какое дело, ваша честь, — начал было он, но не смог сдержать нового приступа смеха.

— Меня следует называть «милорд», а не «ваша честь», — объявил судья только ради того, чтобы сказать хоть что-то.

Нахмурившись, Крамнэгел подумал с минуту и решил, что согласиться со словами судьи никак не может, поскольку в подобном обращении есть оттенок богохульства: «милорд» — это же «мой лорд», «мой владыка»; да что он в самом деле, владыкой небесным себя возомнил, что ли? Вдруг на Крамнэгела накатилась новая волна смеха, от которой он затрясся как заячий хвост и даже стал подвывать.

— Я вынужден приказать вам взять себя в руки! — крикнул судья и обратился

к Крэмпу: — Могу ли я просить вас повлиять на вашего клиента и заставить его держать себя в руках?

— Прошу позволения напомнить вам, милорд, что мой клиент — иностранец и что, без сомнения, тягостные обстоятельства и непривычная обстановка повлияли на него, — вступился за своего подзащитного Крэмп.

Неужели они не способны понять, что выглядят смехотворно в глазах тех, кого не причили с детства содрогаться при их виде? В конце концов Крамнэгел, разумеется, сумел справиться с охватившим его приступом, хотя во время всего процесса на губах его то и дело блуждала желчная улыбочка, угрожая рецидивом смеха. Он уразумел, что подобным поведением ему не расположить к себе людей, в руки которых попал. Пленнику канибалов не пристало шутить о калориях.

Сэр Аарон излагал дело продуманно и тактично, ясно давая понять, что обвинение отнюдь не требует головы подсудимого, а всего лишь выполняет печальный, но необходимый долг в силу того, что превратности судьбы положили конец жизни старого Джока. Призванные в свидетели три старика стояли на том, что вплоть до печального финала беседа носила исключительно добродушный характер, хотя Крэмп своим перекрестным допросом все же добился и от них, и от старухи признания в том, что Джок изрядно провоцировал Крамнэгела.

— Не забывайте, — заметил мистер Бригс, — что Джок был коммунистом, хоть их у нас немного, а они кого хочешь могут завести, даже социалиста — я про нынешних социалистов говорю, — и для Джока это была не политика, а религия, вот именно — религия.

Сэр Невилл с симпатией посмотрел на Бригса. Вот, пожалуйста, — старый проstack, у которого своя голова на плечах и который героическими усилиями почти добивается того, что его понимают.

— То есть, по-вашему, коммунизм заменял ему веру в бога? — спросил Крэмп.

«Ну и идиот же ты. Крэмп! Ведь своим лицемерным вопросом ты убил всю простодушную непосредственность сделанной Бригсом оценки!»

— Мне трудно сказать, сэр, поскольку в его душу влезть я не мог, да и поздно уже...

— Но в любом случае впечатление складывалось именно такое?

«Это уже лучше, Крэмп, но напортил ты все же здорово».

— У меня да.

— Ясно. Не могли бы вы припомнить, как именно он провоцировал подсудимого?

— Да нет... — Мистер Бригс старался припомнить. — Нет... Но он точно подзуживал его. Это все знают, но только мы все тогда не очень... Нет, точных слов я не припомню...

Выступая в собственную защиту, Крамнэгел проявил склонность к словоохотливости. Но ведь он совсем не привык ни к выступлениям в подобном качестве, ни к манере давать суду показания по возможности односложно — для того, по всей вероятности, дабы обезопасить невежд и возложить всю тяжесть их оправдания или обвинения на плечи тех, кто умеет красноречиво выступать в суде, и черт с ними, с теми фактами, на которые нельзя ответить просто «да» или «нет». Поэтому Крамнэгел то и дело игнорировал требования судьи лишь подтвердить или отрицать тот или иной факт и напористо ввязывался в словесную баталию. Он не привык к тому, чтобы с ним обращались как с дураком, и не имел желания проводить подобный эксперимент в столь ответственный момент, когда решалась его судьба. И ни молоток судьи, ни грозные его предупреждения не могли остановить Крамнэгела. Поэтому открытые и бурные столкновения между чванливым величием суда и бурным негодованием обвиняемого в убийстве временами казались просто неизбежными.

— Можете ли вы припомнить, как именно он вас провоцировал? — спросил Крамнэгела Крэмп.

— А то нет? А вы как думали? — пролаял Крамнэгел.

— Вовсе не следует прибегать к подобному тону, — упрекнул его судья.

— А вас никогда не привлекали по обвинению в убийстве, ваша честь? Нет? Так вот, если б привлекли, да еще по сфабрикованному... — Молоток: тук, тук, тук. — Да дайте же договорить! По сфабрикованному, подтасованному обвинению... — Тук! тук! — ...вы б любой тон испробовали... — Фортиссимо. — ...чтоб посмотреть, от какого будет больше толку!

— Если вы не прекратите, я обвиню вас в неуважении к суду! — крикнул судья.

— Нашли чем пугать, меня ведь по обвинению в убийстве судят! — Крамнэгел огляделся по сторонам, ища одобрения проявленной им иронии, но обнаружил лишь послушную и исполненную благоговения публику. — Надо же, что за чучела, — пробормотал он.

— Не могли бы вы описать некоторые из провокаций, о которых вы упоминали? — спросил Крэмп.

— Мне что, опять разрешается говорить только «да» и «нет»?

— Я настоятельно рекомендую вам изменить тон и поведение, — заявил судья, — в особенности по отношению к вашему собственному адвокату. Мы ведь здесь для того, чтобы помочь вам, в рамках, разумеется, предъявленного вам обвинения.

— Ну да, конечно, я и забыл совсем, — ответил Крамнэгел, проявляя свое оригинальное чувство горького юмора.

— Да не заводись ты так, Барт, — пробормотала Эди.

Сидевший подле Эди майор Батт О'Фехи обнял ее за плечи, философски покачал головой и глубоко запустил зубы в свою жевательную резинку.

— Вы хотите знать что сказал мне тот старикашка? — спросил Крамнэгел. — Что ж, я помню, как он обозвал демократию гнилым орехом.

— И что же, по-вашему, он хотел этим сказать? — осведомился Крэмп.

— А разве и так не ясно? — Крамнэгел сбычился, не веря собственным ушам.

— Я хотел бы знать, как истолковали его слова вы.

— По-моему, он хотел сказать, что демократия окоцурилась, что демократия обделалась, что демократия — выжатый лимон. Продолжать или хватит?

— Делал ли он какие-либо специфически антиамериканские заявления?

— А то нет! Он заявил, что Соединенные Штаты вторгались в Россию. Заявил, что нам нечего делать во Вьетнаме. Заявил, что он — коммунист. — Но здесь Крамнэгел загнулся. Он вдруг понял, что все это звучит не очень-то провокационно. И сменил тон. — Дело не в том, что он говорил, а в том, как он это говорил, вы уж мне поверьте. Да он просто издевался и все пытался меня как-нибудь уесть, ясно, нет? У нас дома всегда предупреждают и дипломатов, и военных, что в некоторых зарубежных странах, где, значит, люди нам здорово завидуют, такие вещи часто случаются. Перед отъездом за границу у нас даже брошюры такие выдают, вроде «Как быть хорошим американцем за границей». Там сказано: «Помните, что каждый гражданин является таким же послом нашей страны, как и любой аккредитованный посол США». Именно так и сказано, я сам видел такую брошюрку, и я, значит, изо всех сил старался делать то, что там рекомендуется, только, видно, так уж люди устроены, что ли, — стоило мне услышать, как поносят мою страну, да еще кто? Человек, открыто признавшийся, что состоит членом коммунистической партии... и при этом еще и атеист — да, вот еще, он к тому же атеист: мол, на бога и на молитвы у него нет времени, прямо так при всех и заявил! — Крамнэгел понизил голос, как нашкодивший ребенок. — Ну, а тут еще виски с пивом и незнакомая обстановка... да просто отсутствие должного самоконтроля — вот и все дела... Так что, когда старик сунулся в карман, я и подумать толком не успел: у нас ведь в полиции, пока не дослужишься до руководящей работы, все время приходится заниматься огневой подготовкой, но я, даже когда стал начальником полиции, все равно ее не бросил, до сих пор раза два в неделю хожу в спортзал, чтоб, значит, сохранять форму, и в тир хожу обязательно, может, я и впрямь чересчур активен для своего положения — кто его знает... Ну, в общем, как я увидел, что тот старик лезет в карман за пушкой — я ведь честно думал, что за пушкой, — ну, я и колебаться не стал.

— Во да ет!.. — пробормотал Батт О'Фехи.

— О Батт, он может быть таким великолепным! — проворковала Эди. — Я так люблю его!

— Знаю, милая, знаю.

— И такое с вами случилось впервые в жизни? — спросил Крэмп.

— Нет, с э р , — отвечал Крамнэгел.

Судья выпучил глаза и наклонился вперед.

— Не будете ли вы любезны изложить суду обстоятельства, при которых имело место предыдущее происшествие подобного рода? — попросил Крэмп.

— Пожалуйста... Дело было в конце сороковых... в сорок восьмом — сорок девятом, где-то в этом районе... Я, значит, дежурил по участку в деловой части нашего города, а там тогда жуть что творилось... Ну, знаете, ребята из армии возвращались

обученные убивать, а тут ночью податься некуда, днем скучища... ну и мы, конечно, начеку. И вот, значит, на углу Монмут и Седьмой, где ювелирный магазин Зиглера — он там и теперь стоит, — вижу, молодой парень лет двадцати, светловолосый и коротко остриженный, пулей вылетает из двери магазина и бежит по тротуару. Я ведь таких случаев в кино сколько угодно видел, публика тоже — поэтому уже и начала терять к нам доверие. Я и подумать не успел, как револьвер оказался у меня в руке и начал плеваться свинцом, а этот юноша — Касс Чокбэрнер его звали, по гроб жизни не забуду — уже лежит на тротуаре ярдах в двадцати от собственных мозгов. Вот, кажется, и все.

— Он ограбил ювелирную лавку? — спросил судья с жадностью ребенка, слушающего сказку на ночь.

Как было бы легко и приятно ответить «да»!

— Нет, сэр, не ограбил. Он... — Крамнэгел запнулся. Касс Чокбэрнер и старый Джок начали сливаться в его мозгу воедино, в один тяжкий крест, который теперь не снимешь с плеч. — Он только... только обручился, сэр... ваша честь... и просто зашел в лавку купить к свадьбе кольца, сэр... У него был отличный послужной список, и он собирался жениться на прекрасной девушке... А я его убил, ваша честь.

Зал суда замер. Столь простодушно обвиняя себя, Крамнэгел выглядел не менее достойно, чем Дрейфус, даже еще достойнее, ибо тот всего лишь показал себя стойким, тогда как Крамнэгелу представилась возможность изложить свою вину, хладнокровно ее при этом преуменьшив. И, правильно уловив чутьем момент и обстановку, он не преминул этой возможностью воспользоваться.

Тишину нарушил Крамп:

— Не будете ли вы добры сообщить суду о последствиях ваших действий?

— Никаких последствий не было, сэр.

— Никаких? — не веря своим ушам, переспросил судья. — И суда не было?

— Нет, ваша честь, не было.

— Почему?

— Расследование, конечно, имело место.

— Не было суда несмотря на то, что поведение вашей жертвы не давало вам ни малейшего повода стрелять?

— Нет, сэр. Как я уже сказал, имело место расследование.

— И каков же был его результат?

— Я получил выговор, ваша честь, но я помню, что тогдашний начальник полиции — Ритчи Маккэррон, прекрасный человек и отличный полицейский, просто отличный — вызвал меня к себе в кабинет, и я решил, что сейчас-то меня мордой в гов..., то есть в экскременты и сунут... Я уж думал, мне так врежут, что я захочу, чтоб я сам лучше помер вместо того парня. А начальник мне сказал так. И я цитирую, насколько точно помню. «Барт, — сказал начальник, — на том, что ты натворил, и погореть недолго, но я не собираюсь полоскать тебе мозги — хоть бессмысленной пальбы я не люблю: мы в городе ее не потерпим — это одна сторона вопроса, а теперь, когда с этим покончено, я хочу тебе сказать, что на твоём месте я поступил бы точно так же. С каждым постовым это разок-другой случается, и я такому полицейскому доверяю больше, чем человеку, который никогда нигде не оступится. Это все, конечно, строго между нами», — говорит он и угощает меня сигарой. Сигара была зеленая, я к таким не привык, и меня стошнило. А в следующем же списке на повышение была моя фамилия.

— Не хотите ли вы сказать, — заметил судья дребезжащим голосом, — что сейчас с вами и произошла вторая из тех ошибок, которые каждый стоящий полицейский рано или поздно должен совершить?

— Я ничего такого не хотел сказать, ваша честь, — покорно ответил Крамнэгел. — Я, значит, просто рассказал про то, что было, как вы просили.

Судья счел за лучшее объявить перерыв на обед.

8

В маленьком захолустном городке не так-то просто пообедать в день ярмарки, если не заказать места заранее. Сэр Невилл это предвидел и сейчас пробирался к своему месту сквозь толпу толкавшихся у стойки бара фермеров. Уже получив желанные стаканы с выпивкой и держа их над головой, они с грубоватой деликатно-

стью прокладывали себе путь к столикам, громко сообщая друзьям об удачно выполненной наконец миссии. В этом водовороте сэр Невилл внезапно столкнулся лицом к лицу с сэром Аароном, и, словно два мореплавателя, потерпевших кораблекрушение в бурном море, они заговорили, насколько позволял рев стихии:

— Начал он просто катастрофически, но к концу собрался и, по-моему, финишировал весьма солидно. Занятный тип. Совсем из иного мира. Ведь из иного, а?

— Вы заслуживаете величайшей признательности, — отвечал сэр Невилл, которого толкали со всех сторон. — Ведь даже в предусмотренных законом границах вы могли бы допрашивать его намного жестче.

— Делаем, что можем. Но я согласен с вами, главный прокурор: мы не способны его судить. Довольно скоро неизбежно начинаешь задавать себе вопрос: а кого мы вообще способны судить? Вот какую реакцию вызывает парень вроде нашего американского гостя.

— Как, по-вашему, идет процесс?

— Если бы судьей был я, он шел бы вполне прилично. Иногда бывает полезно произвести два столь разных впечатления, какие произвел на суд Крамнэгел.. Не знаю, право.. Все теперь зависит от старика Плантагенета-Уильямса.

Прибой придвинул к ним мистера Элбертса, и тот услышал их разговор. Теперь он проследовал за сэром Невиллом в обеденный зал. Они миновали Крэмп, приютившегося подле стены. Упершись рукой в стену и не давая толпе вдавить себя в Крэмп, сэр Невилл спросил защитника Крамнэгела, чем, по мнению последнего, может кончиться процесс.

— Не имею ни малейшего представления. Воевать с гуннами было куда легче, чем защищать янки. Это все равно что пытаться выжать правду из ребенка: он беспрельдно простодушен и всю работу делает сам. Но потом вдруг попадается узелок в веревочке, и он застопоривается на какой-то ужасной ерунде. Он показался мне конченным, когда пытался защищаться, — хотя бы потому, что в его положении все равно не победишь, а только произведешь плохое впечатление, — *мы-то* все это знаем, а *ему*, к сожалению, пришлось это познать на опыте. С другой стороны, когда он начал объяснять, то был просто великолепен. Просто великолепен! Благодарен, как древний римлянин. Не пойму даже, что на него нашло.

— Очевидно, при всей разнице в наших проблемах и традициях человек, поднявшийся до его положения в обществе, должен все же иметь какие-то хорошие качества.

— Это верно, но я ожидал от него большего.

— Тоже правильно. А каковы ваши предположения?

— Старик Плантагенет-Уильямс своих мнений не выдает. Сидит — неприступный, как айсберг. Не знаю, право. — Крэмп хитро улыбнулся. — Не ожидал я вас здесь встретить, главный прокурор. Неужели дело настолько захватывающее?

— Если я скажу, что просто случайно проезжал мимо, вы ведь мне все равно не поверите?

— Вряд ли.

— Вы беседовали с сэром Аароном?

— О да, в туалете. Старый адвокатский трюк. К сожалению, в здешнем туалете три кабинки — я его знаю издавна, — и кабинку номер три занял господин из «Дейли мейл». Правда, через четверть часа ему пришлось капитулировать перед натиском перегруженных мочевых пузырей; нас же с сэром Аароном тревожить не решились, поскольку мы люди чересчур почтенные, так что нам удалось перемолвиться словом. Наши мнения во многом совпадают.

Сэру Невиллу пришлось пригласить мистера Элбертса составить ему компанию, поскольку мистеру Элбертсу некуда было деваться, но сэру Невиллу удалось получить лишь очень маленький столик — и то лишь в награду за свою предусмотрительность. Удовольствия от проявленной им любезности он не получил, ибо мистер Элбертс с его несколько ядовитой изысканностью и повадками всезнайки отнюдь не принадлежал к тому разряду заморских обитателей, которым сэр Невилл мог симпатизировать.

— Да, — начал мистер Элбертс, — с каждым днем я все больше восхищаюсь величием и красотой вашей замечательной страны.

— Очень любезно с вашей стороны, право, — пробормотал в ответ сэр Невилл.

Столь поразительно щедрая лесть казалась наиболее подходящей стрелой для ахиллесовой пяты англичан. Сэр Невилл с куда большим удовольствием предпочел бы

отбиваться от какой-нибудь вполне обоснованной критики. Здесь он себя чувствовал на привычной почве. Он сам был настолько полон критицизма, что знал все щелчки в броне и умел в зависимости от желания либо защищаться, либо атаковать.

— Я мог бы получить никому не нужное повышение по службе и стать советником на острове Маврикий или культурным атташе в каком-нибудь Мали, но я предпочел остаться в Лондоне. Я просто с наслаждением — не могу подобрать иного слова — окунаюсь в британский образ жизни, — продолжал мистер Элбертс.

— Что вы говорите?

— Да, да. Конечно, музей Гуггенхайма или Музей современного искусства, возможно, обладают лучшими коллекциями, но где там душа? — Он энергично покачал головой и сам ответил на собственный вопрос: — Нет, мне уж лучше подавайте старушку галерею Тейт с ее паршивым освещением и некоторыми сомнительными шедеврами. — Он постучал себя в грудь двумя пальцами. — Душа, — повторил он. — Она хотя и неохотно, а все-таки присутствует в каждой артерии британской жизни.

Сэр Невилл встревожился. Слова мистера Элбертса произвели на него довольно приятное впечатление, но как-то огорчительно слышать справедливые замечания из уст человека, которому ты уже решил не симпатизировать. В своем роде мистер Элбертс оказывался столь же непонятым, сколь и Крамнэгел. Странные все-таки люди эти американцы.

— Какое впечатление производит на вас процесс? — осведомился сэр Невилл.

— Именно такое, как я только что объяснял. Хотел бы я знать, насколько к этому всему причастны лично вы, сэр Невилл.

— Абсолютно никак. Я к этому процессу не причастен совсем, — отрезал сэр Невилл.

— Вот это и замечательно. Нет никакой возможности открыто признать, что Крамнэгел идиот, не развязав при этом мешок с неприятностями, и все же то, что дело носит ненормальный характер, явственно звучит в каждом вопросе обвинителя и судьи. Если бы все эти нюансы можно было выразить словами, то самым подходящим словом было бы «сговор», ибо во всей атмосфере процесса чувствуется понимание того, что перед судом очутился недоумок, действовавший в момент стресса под влиянием своего замутненного сознания, — человек, которого можно судить лишь по его собственным меркам. Я ощущал эту атмосферу так сильно, что просто был потрясен, услышав, как обвинитель облек мои мысли в слова. Меня это потрясло, потому что в подобном выступлении не было необходимости. Ведь суд и так все уже понял.

— Суд-то, возможно, и понял, но понял ли судья? Вот что нас сейчас тревожит.

— О, разумеется.

— Вы думаете, ему удастся выкрутиться?

— Думаю, что у него есть шансы. Другой вопрос — думаю ли я, что он этого заслуживает.

— И что же?

— Думаю, что нет.

Сэр Невилл поднял брови.

— Оригинальная точка зрения, — заметил он. — Почему же нет?

Улыбка мистера Элбертса получилась мрачноватая, как у человека, знающего, что ему придется отстаивать заведомо непопулярную точку зрения.

— Не знаю, право, как начать, сэр Невилл. У нас дома сейчас очень много говорят о расизме.

— Как и везде.

— Верно, как и везде. Обычно расизм воспринимается как производное от весьма жестких оценок, базирующихся лишь на цвете кожи. Черные, белые, желтые и краснокожие. Нечто вроде грубой и зловещей игры, в которую, увы, могут играть все, кому не лень. Но расизм — не только это. Я твердо придерживаюсь мнения — это мое убеждение, от которого я ни при каких обстоятельствах не откажусь, — что Америка держится на английских корнях. И я полагаю, между тем, что дала Америке Англия и что дала ей Германия, что дали ей Ирландия, и Италия, и евреи, и Швеция, и Голландия, и Япония, лежит такая же разница, как между тем, что дала ей любая из этих стран, и тем, что ей дали негры. Иными словами, между белыми существуют такие же острые расовые противоречия и трения, как и между черными и белыми, особенно если учесть, что мы страдаем привычкой оценивать черных, исходя не из их специфических качеств, а только лишь исходя из их способности или неспособности

выполнять работу белого. Расист, который считает, что из негра не выйдет такого же хорошего полицейского, как из ирландца, не просто белый расист, а ирландский расист, поскольку с таким же предубеждением ирландец относится и к армянам, и к пуэрториканцам. В полиции терпимо относятся ко всем национальностям, потому что это демократично и по-американски, но эта интеллектуальная терпимость лишь обостряет потаенные предубеждения, из которых и произрастают всякого рода идиотские побасенки, принимаемые всеми на веру, если они достаточно хлесткие, — это тоже демократично, тоже по-американски и все такое прочее. Мы любим говорить о драчливости ирландцев, почему-то мы миримся с драчливостью ирландцев, но ни секунды не потерпим драчливого ливанца. То, что в одном рассматривается как здоровый бойцовский дух, в другом будет рассматриваться как зловеющая склонность к насилию и поножовщине. Мы любим говорить о еврейском юморе, но кто когда-либо слышал о финском юморе или о назиданиях турецких мамаш?

— Возможно у турок просто нет такого института мамаш?

— Есть, и еще какой! Я ведь там работал и, доложу я вам, сыновья почтительность у турок — это нечто чудовищное. У каждого хоть мало-мальски стоящего турецкого генерала обязательно есть свирепая мамаша годков эдак под сто.

— Из того, что мне известно о вашей стране — а известно мне позорно мало, — у меня сложилось впечатление, что вы всегда особенно широко открывали двери именно малым народам, которые на ваших берегах обретали свое второе «я». В частности, я имею в виду ирландцев и евреев. Ведь у себя дома ирландцам не с кем драться, кроме как друг с другом, да иногда с англичанами. Вряд ли такая диета удовлетворяет голодный кулак. И чтобы проявить себя подлинными ирландцами в той степени, как им бы хотелось, ирландцам пришлось перебраться в Америку. То же и с евреями. Они ведь больше умеют говорить, чем слушать, — это красной нитью проходит через всю их историю, — и, пожалуй, Иисус Христос не кончил бы так трагически, если бы евреи в его аудитории больше слушали и меньше говорили, а римляне — наоборот: больше говорили и меньше слушали. Так это или не так, но факт остается фактом: в Израиле, где у них нет другой аудитории, кроме арабов, евреям изощряться в своем юморе бесполезно. Их юмор требует более широкой публики, вот они и двинулись в Америку, чтобы всем проповедовать свое кисло-сладкое восприятие жизни. А вот такие меньшинства, как русские, имеют предостаточно местного колорита и у себя дома — от Достоевского до Сибири и обратно, — поэтому тем из них, кто прибыл в Америку, нет особой необходимости так уж держаться за свою специфику.

— Интересное утверждение, сэр Невилл, и все же это не совсем верно.

— Ничто не бывает «совсем верно», в противном случае не было бы нужды в законах.

— И разговаривать тоже было бы не о чем.

— Вот именно.

Мистер Элбертс улыбнулся.

— С англичанином невозможно быть серьезным.

— С англичанами *всегда* можно быть серьезным, — строго поправил его сэр Невилл. — Что действительно трудно — это быть глубокомысленным. Отсюда и Оскар Уайльд.

— Но он был ирландцем.

— Однако писал об англичанах и для англичан. Ирландцы спяну не поняли бы.

Мистер Элбертс поиграл вилкой.

— Крамнэгел, — сказал он, — просто образец ограниченного провинциального деспота, который вечно болтает о правах и равных возможностях; помогает друзьям и гадит тем, кто не проявляет по отношению к нему должной почтительности; бьет ниже пояса, когда никто не видит; пускает слезу, глядя на флаг; не доверяет неграм, мексиканцам и евреям; любит поговорить о равенстве всех рас; носит зеленое в день святого Патрика¹ и излишне рьяно мажет лоб пеплом в черную среду². Он ничего не дает обществу, но зато много берет и мнит себя воплощением мужества, чистоты и благочестия.

Сэр Невилл рассмеялся.

¹ 17 марта, в день св. Патрика, покровителя Ирландии, принято надевать что-либо зеленое.

² Первый день великого поста в римско-католической и протестантской церквях.

— О боже, ну и изобразили же вы его! Ваш Крамнэгел (надеюсь, я выговариваю его фамилию правильно) кажется мне одним из тех сентиментальных, бравых и безжалостных людей, которых сотрудник Скотланд-Ярда, ведущий его дело, причисляет к разряду «фельдфебелей». А вы ведь знаете, как ведет себя унтер, случись ему очутиться среди тех, кто, по его мнению, занимает более высокое положение в силу удачи или происхождения, — он начинает чваниться и из кожи вон лезет, пытается показать, что всем обязан только себе, не то что некоторые, которых он мог бы назвать. «Не то что некоторые» — это расхожая фраза унтеров. Подобная черта характерна для людей такого рода в любой стране, и мы способны распознать ее, как и вы. Я сразу вижу человека, приученного думать своей головой, он и думает своей головой, пытается угадать, каких мыслей ждут от него те, кто учил его думать; понимаете, о чем я? Этот человек получает власть и, прежде чем отдавать приказы, вспоминает, какие приказы получал сам, и отдает их как свои собственные. Возможно, я клеветую на него, а возможно, сужу о нем, исходя из того, что мне известно о его английском эквиваленте. Поэтому причины, на основании которых вы его осуждаете, я не могу признать достаточно вескими. Нам нужны собаки, чтобы защищать наши дома, нам нужны люди, чтобы воевать на наших войнах. Мы, черт возьми, сами во всем виноваты. Иногда собака согрешит от избытка усердия и укусит хозяина. Иногда фельдфебель потеряет ориентацию и начнет воевать в пивной. Как я уже сказал, мы во всем виноваты сами. Мы хотели создать таких людей, и мы их создали!

Мистер Элбертс прикрыл глаза, всем своим видом выражая благоговейную почитительность.

— Все это лишь укрепляет меня в высоком мнении о вашей стране.

— Что «это»? — Теперь сэр Невилл рассердился. Разрази гром Генри Джеймса, его треклятый котелок и преклонение перед королевой... или тогда был король?

— Как что? Да то, что, невзирая на все приведенные доказательства и все эти игры в суде, вы умудряетесь сохранять подобное великодушие.

— Вы говорите, как первый из отцов-пилигримов, решивший воспользоваться обратным билетом.

— Именно таковым я и являюсь, хоть и ношу маску личного помощника генерального консула Соединенных Штатов, будучи по званию консулом первого ранга. — И мистер Элбертс покачал головой над собственной шуткой, пряча от сэра Невилла взгляд.

Вслед за стремительным обменом репликами наступило молчание, во время которого сэр Невилл размышлял о судьбе. В вопросах общественных личное мнение в силу хрупкости ценится не слишком высоко. Как часто в театре он искренне наслаждался первым актом и в прекраснейшем настроении выходил в буфет, где узнавал, что общее мнение оказывалось куда более сдержанным. В итоге ему приходилось либо отстаивать свою точку зрения, либо малодушно уступить по ряду вопросов, чтобы не быть невежливым. Дискуссия в антракте неизбежно сказывалась на его отношении ко второму акту, чистота восприятия исчезала. В конце спектакля он аплодировал, если полученное им удовольствие все же оправдывало подобное выражение восторга, или же начинал лучше понимать ход мыслей других людей и покидал театр уже не таким расстроенным, а по большей части обеспокоенным самим собой. После этого все светские разговоры о данной пьесе воспринимались, как вдруг открывшаяся старая рана. Необходимость защищать ее или осуждать с помощью аргументов, которые пришли в голову не ему первому, утомляли его. И он с удивительной быстротой забывал, что происходило на сцене, что вызывало тогда его восторг и заставляло ожесточенно спорить, и лишь повторял то, что говорил уже раньше, когда речь заходила на данную тему. Так постепенно привычка подрывает память. Потому-то сэр Невилл, несмотря на частые приглашения, боялся театральных премьер как огня.

В юриспруденции же каждый процесс был премьерой, и избежать этого было невозможно. И вот теперь, когда наступил антракт, сидя над деревенским пирогом и сосисками с пикулями, они все пытались угадать, что там черкает на полях программки великий критик. Сэр Невилл окинул соседние столики быстрым взглядом. Разумеется, судьи Плантагенета-Уильямса оказаться здесь не могло, но сэр Невилл все равно поискал его глазами. Судья, наверное, заперся в своих покоях, чтобы оградить себя от давления извне и сквозняков, жует бутерброд без корочки, потягивает чай и раскладывает все по кристально чистым полочкам своих непостижимо упорядоченных мыслей.

Процесс закончился быстро. Свидетелей было мало, и в силу не зависевших от них обстоятельств они не могли припомнить ничего из случившегося с той сжатой четкостью, которой всегда требует хороший судебный процесс, в противовес расплывчатой неопределенности и путанице, с какою происходят в жизни события. И сэр Аарон, и Крэмп оправдали возлагавшиеся на них надежды, причем сэр Аарон сделал особый упор на постигшее подсудимого невезение, выразившееся в том, что многолетняя практика обращения с огнестрельным оружием взяла верх над алкогольным опьянением и пуля нашла цель. Сэр Аарон признал даже, что дело Крамнэгеда не лишено элементов личной трагедии — элементов, которые должны смущать всех, ибо перед каждым нормальным человеком время от времени неизбежно встает вопрос: «Где пределы моего терпения? Где пределы моей выдержки? На что я способен, если в моем присутствии начнут поносить все, что для меня свято? До какой степени я способен владеть собой, если выпью лишнего? Когда я, изрядно выпив, веду свою машину домой, вижу ли я сквозь лобовое стекло реальный мир или навязанную алкоголем фантазию?»

Временами судья моргал от изумления, не веря своим ушам, до того невозможно было понять, на чьей стороне выступает сэр Аарон, всю используя свой викторианский дар нагнетания ужаса: ведь если так пойдет и дальше, то мистеру Крэмпу вообще не придется ничего говорить.

Крэмп попросил присяжных поставить себя на место американского полицейского, оказавшегося за границей, но присяжные единодушно отвергли это предложение. С поистине беспредельным упорством описывал он им умственное состояние человека, ищущего утешения в одном-единственном стаканчике после ужасной аварии, в которую он попал; описал Крэмп и то, как единственный стаканчик перерос в серию стаканчиков — исключительно потому, что в сложившейся ситуации уклониться от участия в выпивке было бы просто невежливо. И то, как разговор — вначале невинный и веселый — перешел в ожесточенный спор, когда спорщиков разгорячил алкоголь.

— Спиртное, виски растревожило тот тихий омут, который таится в глубине души каждого из нас, омут, воды которого обычно удерживаются в покое полученным нами воспитанием, чувством гражданской ответственности и образованием, но которые, если их взбаламутить, выносят на поверхность все, что есть в наших душах первобытного, всю скопившуюся там ненависть, агрессивность, болезненные воспоминания детства, кошмары — всю атавистическую темень, восходящую к каиновой печати. — На этой страшной фразе он сделал паузу и обвел присяжных взглядом непроницаемых голубых глаз, вызвав у каждого чувство неловкости. — Такой омут, такие мутные воды таятся в душе каждого из нас.

— Однако здесь не то место, где избавляются от них, — прошептал сэр Невилл мистеру Элбертсу, который вдруг весь затрясся от бурного, хоть и молчаливого приступа смеха, так что сэр Невилл сразу же пожалел о своей шуточке.

Завершая речь в защиту своего клиента, Крэмп решительно отверг обвинение в преднамеренном убийстве: при данных обстоятельствах оно просто смешотворно, хотя с формальной точки зрения и нет другого обвинения, которое можно было бы выдвинуть против подсудимого. По мнению защитника действия подсудимого еще можно было бы рассматривать как непредумышленное убийство, да и то на подобной точке зрения могли настаивать только лишь исключительно безжалостные и бездушные люди. Он искоса взглянул на судью, но лицо судьи хранило беспристрастное выражение. Разумеется, оставлять безнаказанным беспричинное убийство в общественном месте, да и в других местах, нельзя никак, признал защитник. Но перед нами достойный слуга общества, человек, занимающий в своих родных краях ответственнейшее положение и добившийся в порученном ему деле больших успехов, которым воздали должное его сограждане, наградив его этим завидным свидетельством (здесь Крэмп полностью привел текст памятного адреса, слегка морщась от «неоклассицизмов» в выражениях). В силу сложившихся обстоятельств человек этот, прожив на свете более полувека, ни разу в жизни не выезжал за пределы Соединенных Штатов. И если в проблемах своего края он разбирается до тонкостей, то представления о жизни в других краях не имеет никакого. И посему присяжные — пусть даже из одного уважения к нашему великому союзнику, который всегда был важнейшим, а иногда и просто единственным оплотом демократии в нашем резко разделенном мире, — должны счесть своим священным долгом оправдать одного из ответственных должностных лиц великой союзной державы, запутавшегося в трагической ловушке вдали от

родных берегов, — человека, которому грозит тяжкое наказание не за преступление, как убедительно показали все представленные суду факты, а всего лишь за совершенную им ошибку.

— Понравилось бы вам, если бы местный главный констебль был арестован американской полицией и предстал перед американским судом, совершив столь же глупейшее преступление?

В зале суда стояла тишина, и что-то в характере этой тишины подсказало Крэмпу, что многие из присутствующих не имели бы ничего против подобной ситуации. Поэтому он быстро вернулся к прежней — менее умозрительной, более риторической — аргументации и закончил свою речь на высокопарной ноте, которая вполне была под стать высокопарно-мрачному стилю сэра Аарона, не прозвучи она в устах Крэмпса с оттенком раздражения. Раскрасневшись, весь дергаясь, он взмахнул несколькими листами чистой бумаги и уселся на место, стиснув зубами желтый карандаш взамен отсутствующей трубки. По его подбородку потекла струйка слюны, отчего он сразу стал похож на огромного младенца в белом чепчике; в глазах его по-прежнему не отражалось ничего.

Судья начал заключительную речь. Голос его звучал бесстрастно, но манера ласкать языком каждое слово свидетельствовала о былом умении наслаждаться вещами, абсолютно безразличными большинству других людей. Если этого старичка как следует выбить, подумалось сэру Невиллу, то из него поднимется облачко библиотечной пыли и навечно повиснет в воздухе.

— Если вы решите, — заявил он присяжным, произнося слова нараспев, как детский стишок, — если вы решите, что перед вами человек, вошедший в пивную с желанием убить и удовлетворивший это желание, лишив жизни свою несчастную жертву, то возможен лишь один вердикт: виновен в предумышленном убийстве. Из показаний свидетелей следует, что подсудимый никоим образом не мог быть ранее знаком с убитым, следовательно, нет никакого сомнения в том, что их встреча носила случайный характер, характер встречи двух людей, которым довелось утолять жажду — или, вернее сказать, предаваться своим слабостям — в одном и том же заведении. Поскольку подсудимый не проявил никаких признаков ненормальности, за исключением склонности чересчур поспешно хвататься за оружие, с которым, как нам стало известно, ему позволено расхаживать у себя дома, то не возникает и предположения, что мы имеем дело с сумасшедшим, страдающим манией убийства первого встречного. Следовательно, нельзя предполагать, что подсудимый мог бы совершить предумышленное убийство ранее неизвестного ему лица.

С другой стороны, вы можете посмотреть на это и так, что — как весьма красноречиво показал защитник и в чем его, к некоторому нашему удивлению, поддержал королевский прокурор — перед вами стоит человек, занимающий высокий официальный пост в дружественной нам стране и волею несчастного случая забредший далеко от родных и привычных ему мест. Если этому поверить, то здесь перед нами стоит заблудшая овца с золотой душой и безупречной репутацией, хотя эта овца уже и заблудилась однажды в том же направлении, что и сейчас, и притом в тех краях, где ей следовало бы от этого воздержаться и где наказание, как мы поняли, заменили поощрением и повышением по службе. Но как бы там ни было, сей вопрос, слава богу, лежит за пределами нашей юрисдикции и, следовательно, за пределами нашего суждения, хотя нам, пожалуй, вполне позволительно заметить, исходя из представлений о жизни в нашей относительно безопасной сфере существования, что поощрение и продвижение по службе являются сомнительным методом пресечения произвольных убийств. И если подсудимый вскормлен на подобного рода интеллектуальной диете, то нет ничего удивительного в том, что наш образ мышления не приходится ему по вкусу. Персонажи «Алисы в стране чудес» тоже, вне всякого сомнения, испытывали бы подобные затруднения, попытайся они приспособиться к жизни в Англии, и мы сочли бы своим долгом позволить чувству жалости умерить выносимое им порицание. Вполне естественно, что человеку, вздумавшему играть в гольф, схватив за ноги фламинго вместо клюшки, придется иметь дело с Королевским обществом защиты животных от жестокого обращения; более того, играя подобным образом, он вряд ли добьется на поле успеха, и — такова уж человеческая натура — он оставит фламинго в покое скорее по этой причине, нежели из боязни преследования со стороны Королевского общества.

Волшебные сказки всегда доставляют нам безграничное удовольствие. Особенно

с возрастом, когда перед нами все больше и больше раскрывается литературный и житейский подтекст этих полетов фантазии и границы между ними и реальностью становятся все более расплывчатыми. Я всегда готов верить сказкам, и все же мы обязаны спросить себя: правдоподобна ли, допустима ли вообще мысль о том, чтобы иностранец был совсем уж незнаком с образом жизни в других странах и прибегал к оружию в качестве последнего аргумента в политической дискуссии с незнакомым ему человеком? И даже если подобная мысль покажется нам допустимой и приемлемой, должны ли мы проявлять к такому человеку особую снисходительность, учитывая его высокое положение на родине, или же, напротив, должны ожидать от него более высоких стандартов поведения? Если мы осуждаем простого человека с улицы за то, что он не знает, что к чему, то может ли закон подходить с иными мерками к ответственному лицу, которому сам бог велел это знать? Можно ли вообще по-разному трактовать закон в зависимости от обстоятельств? Давайте предложим Алисе спросить об этом Червонную даму.

Если же вы поверите, как нас только что просили поверить, что этот высокопоставленный «простак за границей»¹ ввязался в кабаке в острую дискуссию и прибег к оружию для утверждения своей точки зрения только потому, что привык к подобной аргументации, как и к поощрениям и к повышениям по службе за ее применение, тогда ваш долг состоит в том, чтобы вынести оправдательный вердикт.

Есть, однако, и иная альтернатива. Если вы считаете, что перед вами стоит человек, у которого не хватило ума заявить об имевшемся у него оружии при таможенном досмотре, — а это само по себе исключило бы все дальнейшие проблемы, — если вы видите в нем человека столь наивного и искренне считающего, что начальник полиции автоматически остается начальником полиции, куда бы он ни приехал, человека ограниченного, лишённого живости ума, тщеславного, задиристого, грубоватого, в чем-то добросердечного дурака и очень во многом избалованного ребенка, то следует вынести вердикт одновременно и строгий, и милосердный. Если вы верите, что он зашел в пивную с единственной целью провести время, пока не вернется его жена, и начал неводержанно пить исключительно под влиянием той атмосферы любезной щедрости, которая часто возникает при случайных знакомствах в барах и пивных, и что затем он оказался втянутым в дискуссию, которая становилась все более и более ожесточенной и бессмысленной и которая закончилась тем, что он застрелил беззащитного человека, тогда ваш долг состоит в том, чтобы вынести вердикт: «Виновен в непредумышленном убийстве».

И последнее. Если вы верите, что подсудимый — в невежестве своем и под воздействием алкоголя — искренне считал, будто его жертва пыталась достать оружие, чтобы напасть на него, тогда еще можно квалифицировать его действия как акт самообороны. Если же вы полагаете, что есть большая и очевидная разница между тем, как человек лезет в карман за носовым платком, и тем, как он лезет в карман за огнестрельным оружием, — разница в скорости, характере и манере движения, которую не может не заметить даже изрядно выпивший человек, то не может быть иного вердикта, кроме: «Виновен в непредумышленном убийстве». Помните: ни в чем не повинный человек вошел в ту пивную одновременно с подсудимым. Но один из них вышел оттуда живым, а другой расстался там с жизнью.

Присяжные совещались недолго и вернулись в зал суда с вердиктом: «Невиновен в совершении предумышленного убийства, виновен в совершении непредумышленного убийства». Судья присудил Крамнэгела к семи годам каторжных работ, и Крамнэгела, выкрикивавшего во всю глотку незанесенные в протокол выражения, удалили из зала суда. Эди завопила на судью, но мысли его уже блуждали где-то далеко.

— И все же Англия — великая страна, — сказал мистер Элбертс сэру Невиллу, улыбаясь самой несносной своей улыбкой.

Сэр Аарон был мрачен.

— Боюсь, что это я во всем виноват. Я, кажется, перестарался.

— Вы здесь совершенно ни при чем, — возразил сэр Невилл. — Во всем виновата демократия. Когда на одном борту корабля скапливается слишком много людей, они склонны перебраться на другой борт, чтобы чертова посудина сохраняла равновесие и держалась на плаву. Все лицемерно распинаются в уважении к личности, но на самом-то деле все пекется только о корабле, и ни о чем ином.

¹ Здесь автор обыгрывает название повести М. Твена «Простак за границей».

— Но не будь под нами корабля, мы бы все очутились сейчас в воде и шли ко дну.

— Я знаю.

— Следовательно, вы ничего лучшего предложить не можете?

— Нет. Пока не т, — добавил он скромно, с грустной улыбкой. — Но не очень это все складно.

— Вы просите невозможного.

— Если не просить невозможного, то какой же тогда смысл жить?

9

Процесс сразу имел целый ряд последствий. Заливаясь горячими слезами, Эди дала пресс-конференцию. Все сдерживающие центры ее тотчас отказали, когда она, такая маленькая и тоненькая, стояла одна посреди конференц-зала лондонского отеля «Лексингтон». Майор Батт О'Фехи не сопровождал ее, поскольку она сама пожелала драться в одиночку.

Вопросы в основном задавали репортеры бульварных газетенок и воскресных приложения, специализирующихся на скандальных процессах.

— Что вы думаете о нашем английском правосудии?

— Спросите лучше, что я думаю о ваших английских законах, а правосудия здесь я что-то не заметила.

— Что ж, справедливо. Вы, значит, считаете, что вашего мужа просто следовало отпустить на все четыре стороны?

— Что за идиотский вопрос! Ты, никак, только-только попал в репортеры, сынок?

— Что вы намерены делать теперь?

— Что я намерена делать? Драться! Вот что! Смешно вам, а? Смешно, что женщина хочет драться? Позвольте вам заметить, что мы умеем это делать лучше, чем многие из вас, мужчин. И хотите знать почему? Потому что у нас больший выбор оружия, чем у вас, вот почему! Да, я намерена драться за своего мужа, и никаких гвоздей!

— Как именно вы собираетесь драться?

— Если хотите услышать, как именно, то вам придется услышать еще кое-что. Вы думаете, наш родной город потерпит такое? Вы думаете, такое потерпит Америка? Я сделаю все, что смогу, чтобы доставить вам кучу неприятностей. Я обращусь на радио, на телевидение, если надо — выйду на улицы, только чтоб рассказать людям, какие у вас тут на самом деле порядки. Все им расскажу о вашем гостеприимстве и о вашем христианском чувстве добрососедства — семь лет в вонючей яме!

— Вы, значит, христианка?

— Он еще спрашивает, нахал! Я — католичка.

— Намерены ли вы просить о свидании с мужем перед отъездом на родину?

— Естественно. И еду я домой только для того, чтобы потом вернуться и вырвать его отсюда! Я еду, значит, домой, чтоб подсобрать денег, создать фонд борьбы и выступить по телевидению, как я уже говорила. Я своего мужа не брошу!

— Сколько бы ни пришлось за него драться?

— Сколько бы ни пришлось за него драться!

— Хоть все семь лет?

— Хоть все семьдесят, хоть сколько угодно. Я люблю своего мужа, понятно вам? И прошу вас, ребята, об этом написать.

— А вас не смущает.. вас никогда не смущала мысль о том, что вы живете с человеком, способным стрелять в других людей?

— Я не могла бы уважать человека, не способного решить дело перестрелкой, если нужно. Я не могла бы уважать мужчину, не способного обращаться с оружием. Я, видите ли, не первый раз замужем, так что смело могу утверждать, что знаю, о чем говорю.

— Сколько же раз вы были замужем?

— Я-то? Четыре раза. И всегда за полицейским, чем и горжусь.

— Четыре раза? Но вы же только что заявили, что вы — католичка. Разве ваша религия допускает такое количество браков?

Эди помолчала, затем с угрожающим видом покачала головой, не сводя с допрашивавших ее репортеров пронзительного взгляда.

— Ишь умник какой сыскался, — сказала она наконец. — Я вышла замуж в пятнадцать лет за постового Уоррена С. О'Хэрита. Мы не очень-то вместе уживались, но я оставалась с ним, пока он не погиб в катастрофе, когда на Сто семьдесят третьем шоссе между Бекфордом и Нью-Уиттенбергом столкнулось сразу семь машин... В семнадцать лет я стала вдовой. — Эди выкрикивала все это размеренно, точно диктовала, чтобы репортеры успевали записывать ее слова. — Затем был Ларри Баньян из уголовного розыска. Отличный был сотрудник, но мне изменял. Я ничего такого плохого о нем сказать не хочу, потому как он скончался. Продолжать, нет? Он помер от лейкемии. Диагноз ему только перед самой смертью поставили. Слушаете, да? Потом, значит, начал за мной ухаживать Чет Козловски. Пока ухаживал, был мужик — первый сорт, но вот потом... В общем, идеала не бывает, так, что ли? Это, наверное, даже вы здесь знаете. Чет ввязался в перестрелку с гангстером у Барниева «Погребка на крыше» — есть у нас такая забегаловка на одном чердаке. Погибли оба... А потом на меня положил глаз начальник полиции Крамнэгел. Вот мы вроде и подошли к сегодняшнему дню — верно? Ну так вот, в Священной книге ничего нет такого, чтоб запретить доброй католичке снова выйти замуж, если ее дражайшей половины не стало. Говорится-то ведь так: «Пока не разлучит нас смерть» — помните? Или вы не женаты? — усмехнулась она.

Но журналист попался на редкость бессовестный. Нимало не смутившись, он хладнокровно продолжал допрос:

— А не удивительно ли, что женщина четыре раза подряд выходит замуж только за полицейских?

— Вы что же, хотите состряпать из моей жизни колонку для «Хотите верьте, хотите нет» и сорвать свой кусок на гонораре? Ничего тут нет удивительного! Если б не мое невезение, я до сих пор была бы замужем за одним полицейским, так? Мой отец — он ведь тоже полицейский, лейтенант Каспар Х. Миттелхаузер-младший — сейчас уже на пенсии. В родительском доме я мало с кем могла познакомиться, разве что с другими полицейскими, поэтому мои замужества в порядке вещей. Как в порядке вещей и то, что я собираюсь сейчас драться за своего мужа.

— Апелляцию подавать будете?

— Случись мне еще раз увидеть этого сукина сына судью с его засаленной тряпкой на кумполе, я харкну ему в глаза, чтоб им лопнуть. А насчет апелляции, так я здесь затем, чтоб драться, а когда я собираюсь драться, я собираюсь победить!

Следующим утром две газеты опубликовали огромные фотографии Эди. На одной, подобранной умышленно злобно, она была изображена с широко раскрытым ртом под заголовком: «Я здесь затем, чтоб драться». На другой она была изображена, приложив кулак ко лбу, с закрытыми глазами.

Сэр Невилл заказал все газеты, вышедшие в тот день, и за завтраком миссис Шекспир нашла его непривычно молчаливым. Прочитанное — как стандартная «кляк-ва» газетенок, претендующих на выражение взглядов среднего человека, так и безликая сухость более уважаемых изданий — вызвало у него чувство отвращения. Никто из журналистов не смог выйти за привычные рамки описания суда или хотя бы поразмышлять над обломками человеческих судеб, остающихся после каждого судебного процесса. Рассматривая портреты Эди, втиснутые между изображениями обнаженной скульптуры, которую только что запретил за непристойность муниципальный совет города Фишгарда, и улыбающимися лицами трех волосатых английских хиппи, выставленных с Азорских островов за полуночную черную мессу у городского фонтана, сэр Невилл ощутил глубочайшее разочарование. До этого он имел обыкновение читать лишь две наиболее известные газеты и, отказываясь от других источников информации, пожалуй, сознательно закрывал глаза на все невероятные события, повседневно происходящие вокруг. Само по себе человеческое существование мало в чем изменилось, но вот манера, в которой оно стало подаваться — или теперь, кажется, это называется у публицистов: «продаваться»? — начала походить на попытку предугадать мнение публики и потрафить ему, выделяя и обсасывая наиболее лакомые аспекты события в ущерб всем остальным. Общее впечатление создавалось такое, будто каждый кусочек информации то ли тщательно выколачивался, чтобы его легче было усвоить читающим кретинам, то ли подавался сквозь мутную призму восприятия развратника, вздумавшего читать мораль. Разносторонней объективной информации как таковой в газетах не было; ее заменяли по-телеграфному коротенькие сенсацион-

ные заметочки, состряпанные на скорую руку и с полным пренебрежением к грамматике, причем одна казалась невероятнее и инфантильнее другой, и каждая была аккуратно, как леденец, упакована в обертку стандартной стилистики. От них и пахло, как от леденцов — эрзацем.

Стоит ли тщательно воспитывать детей, думал сэр Невилл, обучать их искусству цивилизованной дискуссии, прививать им основы гражданственности, если с первых же шагов их жизнь подвергается такому ужасающему воздействию посредственности? Зачем биться над развитием интеллекта, зачем гнаться за такими химерами, как справедливость, беспристрастность, права человека, когда везде и всюду торжествует убожество и верхоглядство? Это был один из тех редких дней в жизни сэра Невилла, когда он искренне был счастлив, что у него нет детей. Он чувствовал себя бессильным, изможденным, никому не нужным педантом, то есть бесполезным излишеством, без которого вполне могло обойтись — да и должно было бы обходиться — любое современное государство. Он принял твердое решение бросить разгадывать кроссворды — подобно тому как многие решают бросить курить — и благодаря недюжинной силе воли продержался целую неделю. Зато, вновь предавшись своему пороку, устроил себе настоящую кроссвордную оргию, благо он тщательно сохранял все номера «Гардиан» на случай проявления слабости.

Крамнэгел же тем временем начинал свое восхождение на голгофу, автоматически превратившись в объект для обычных унижений, сопутствующих вступлению в тюремную жизнь. У него изъяли личные вещи и переписали, чтобы вернуть их владельцу по истечении срока заключения. Самого же его — голого и дрожащего от холода — подвергли малоприятному медицинскому осмотру. После осмотра заключенному пришлось расхаживать в белой простыне, напоминая своим обликом куклуксклановца, потерявшего капюшон во время негритянского погрома, — пока ему не выдали грубую тюремную робу. Крамнэгел всеми силами пытался сохранять самообладание, и к чести его надо сказать, что по большей части ему это удавалось. Удавалось благодаря тому, что он пытался оценить все с ним происходящее беспристрастным взглядом социолога, изо всех сил убеждая себя, что происходит это все не с ним, а с кем-то другим, он же всего лишь присутствует как своего рода почетный наблюдатель, которому предоставили возможность ознакомиться для сравнения с работой исправительных заведений по обе стороны Атлантики.

Ему сообщили, что его приговор может быть пересмотрен по отбытии четырех с половиной лет заключения из полученных им семи; что по истечении двух лет и трех месяцев его дело рассмотрит комитет по помилованиям, но в любом случае Крэмп преисполнен решимости подавать апелляцию. В итоге предстоявший Крамнэгелу срок заключения как-то не обретал законченных очертаний во времени. Еще сохранялись надежды на будущее, и сам факт пребывания в тюрьме не представлялся ему чем-то неизбежным и ужасным. Он еще не освоился с этой полужизнью, подменившей вдруг его настоящую жизнь, и, дай бог, никогда с ней не освоится.

Но все равно первая ночь в тюрьме показалась ему вечностью.

В камере не было ни воздуха, ни света, кроме ввинченной в потолок тусклой лампочки, мерцавшей как глаз сторожевой собаки, чуть подернутой настороженным сном и готовый в любую секунду вспыхнуть при малейшем движении пленника. Ночь не принесла облегчения, не принесла ничего, кроме часами длившихся кошмаров, которые на самом деле длились не более десяти секунд, — вспышки молний под закрытыми веками, барабанный грохот в ушах.

Пришел рассвет, но светлее в камере не стало. Только стало слышно, как ворочаются во сне уже свыкшиеся с тюрьмой соседи, цепляясь за остатки сна, как за обломки детства, будто ища в них убежища от горестей ждвшей их наяву жизни. Услышав, что соседи начали пробуждаться, Крамнэгел затих — теперь ему предстояло одиночество в толпе, а не наедине с самим собой. Он даже погрузился в короткий (а может, долгий?) сон.

К тому времени, как его выпустили из камеры умыться к завтраку, он уже был в состоянии трезво обдумать дальнейшую линию поведения. Все еще кипит от обиды и возмущения, он, однако, уже начал понимать, что пропадет совсем, позволив он превратить себя в покорного арестанта. Инициатива во всем должна оставаться за ним. Он не станет ни с кем дружить, потому что дружба разносит заразу духовного крушения. Он ни за что не станет членом этого коллектива временно изъятых из об-

щества, потому что позже, когда он выйдет отсюда, подобная капитуляция перед желаниями покарвавших его властей оставит на нем неизбежный отпечаток. Под прикрытием дымовой завесы угрюмой замкнутости он развернет резервы, коварно эшелонирует оборону и начнет с тюрьмой войну на изматывание.

Его навестил священник — улыбчивый человек с обманчиво мягкими манерами и хватками атлета, воспринимающего жизнь как спортивную игру, ведущуюся по свистку судьбы.

— Спалось, наверное, ужасно? Все мы так первую ночь.

Мы? Ну и нахал!

— Я спал как убитый, ваше преподобие, — отвечал Крамнэгел.

— О, вот как... А вы... вы что же, здесь впервые?

Да как он смеет, что я ему, уголовник какой? Спокойно. Споко-о-йно. Крамнэгел собрал всю свою выдержку.

— Конечно, впервые. А почему вы спрашиваете?

— Обычно первую ночь спать хорошо лишь те, у кого, к сожалению, уже сдалась привычка бывать здесь часто и относиться к королевским тюрьмам как к гостиницам. И все равно, учтите, первую ночь и они хорошо не спят.

— Что вы говорите, — сказал Крамнэгел с полнейшим безразличием, не удосужившись даже придать своим словам характер вопроса.

— Боюсь, что это действительно так. Меня информировали, будто вы кричали во сне, вот я и решил зайти удостовериться, что у вас просто синдром новичка — и ничего больше.

— Я кричал во сне? — спросил Крамнэгел недоверчиво, но без особого удивления и я. — Нет, сэр, вы, вероятно, ошиблись. Я не имею привычки кричать во сне.

Увидев, что священник ему все равно не верит, Крамнэгел прищурился, как бы напрягая память (явно при этом переигрывая), и медленно пробормотал:

— Вообще-то, если припомнить, кричал тут один вроде как от боли... Дальше по коридору...

— Нет ничего постыдного в том, что человек тоскует по дому, если чувствует себя всеми брошенным. В конце концов отнеситесь к этому как мальчик в школе-интернате к своему первому дню.

Надо поставить этого хмыря на место, но только спокойно, не теряя хладнокровия. Мальчик, значит? Интересно, что это он вдруг загнул насчет «мальчика»? Не понимает, что ли, что к чему?

— Вы, наверное, не знаете, кто я такой, ваше преподобие.

— Здесь мы все равны, и никому нет дела до того, кто кем был раньше. В беде мы все живем одной семьей, пытаюсь с божьей помощью примириться с выпавшим нам уделом.

— Вас это тоже касается? Почему же вы тогда одеты по-другому, а не так, как мы?

— Разница между нами лишь в том, — отвечал священник, — что я могу на ночь уходить домой. Да, конечно, я понимаю, что вам это кажется очень большой разницей, и, однако же, почти все время, когда я не сплю, я провожу здесь.

— Разница есть и в другом, ваше преподобие. Вы ко мне обращаетесь сверху вниз, а я должен отвечать вам снизу вверх.

— Ну, это не совсем так. Просто дело в том, что я в каком-то смысле представляю бога, пусть даже в самой малой мере. Вы верующий?

Крамнэгел нахмурился.

— Конечно. И никто не посмеет этого отрицать. У меня есть свой исповедник, преподобный Делрик из лютеранской епископальной церкви в Солнечной долине, и когда я вернусь домой, я собираюсь задать через него пару вопросов большому боссу там, наверху.

— Какому боссу?

— Ну, тому, который в облаках. Который движет землей и солнцем и читает наши мысли, как раскрытую книгу.

— А, понимаю.

— И если он может прочесть мои мысли прямо сейчас, то он должен знать, что я очень даже взбешен.

— Взбешен?

— Да, взбешен, — спокойно отвечал Крамнэгел, как бы найдя наконец после долгих поисков нужное слово. — Может, вам по душе весь этот треп насчет дружков

по несчастью и что мы здесь все равны, а мне — нет и никогда не будет. Мой бог мне никогда не указывал, что я такой же, как все и со всеми равен, кроме как в том смысле, в каком записано в конституции, что мы все перед богом равны.

— Но я только это и имел в виду...

— Э, нет, дело не только в этом. Вы хотели, чтоб я забыл, кем я был, пока не попал сюда. Вы хотели, чтоб я сдался и начал думать, будто я такой же, как все здесь, — душой и телом, потому что на мне такая же вонючая тюремная роба. Нет, я на это никак не согласен, и мой бог никогда не указывал, что готовит мне такой удел, потому что зачем ему, в противном случае, было делать меня начальником полиции, поручать мне такую ответственность и заставлять почти с миллион людей приветствовать меня на улицах? Только и слышно было, куда ни пойдешь в любое время дня и ночи: «Привет, начальник!», «Как дела, начальник?», «Не берите в голову, начальник!». Меня уважали! Я даже позволю себе сказать, что меня любили! Правда, без балды, я вам мозги не вкручиваю. Меня действительно все любили и часто говорили мне об этом. А почему? Потому что знали: я, с божьей помощью, старался работать как можно лучше, старался изо всех сил. Вот почему.

— Что значит для вас бог? — спросил священник. — Каким вы его видите?

Глаза Крамнэгела сузились.

— Мне не нравится ваш тон, ваше преподобие.

— А я вас не боюсь, — ответил священник, от которого вдруг повеяло спокойствием человека, всегда имеющего про запас несколько благочестивых приемов дзюдо.

— А я вас и не пугаю, — выдал из себя улыбку Крамнэгел. — Но у меня есть вам один совет. Тюряга здесь, похоже, большая, места хватит нам обоим. Так что держитесь от меня подальше, и это все, о чем я вас прошу. Мне осложнения ни к чему. И моему богу тоже.

Священник усмехнулся. Он любил заглядывать вперед и искать во всем потенциальный пример для чтения морали. Его мысленному взору уже рисовалось, как это огромное тело с горькими рыданиями падает на колени, обнаружив, что его бог — это всего лишь умозрительное отражение его самого, раздутое до невероятных размеров, и что смиренное бляение ягненка еще никогда не находило отклика в его сердце. Священник уже предвкушал великолепную проповедь, которую в конечном счете составит на этой истории. Чтобы добиться победы, ему следовало лишь проявить терпение, потому что он чувствовал, что его бог одолеет бога Крамнэгела, если даже с Крамнэгелом не сумеет справиться он сам.

Никто из заключенных не произвел на Крамнэгела особого впечатления, но они все безо всякого стеснения пялили на него глаза, поскольку следили за процессом по газетам и хотели теперь понять, что же на самом деле представляет собой новый член семьи «собратьев по несчастью».

Только один из заключенных не оставлял упорных попыток сблизиться с Крамнэгелом. Это был веселый, надрывно кашлявший старичок с приятно-озорным выражением лица. Время от времени он наставлял на новичка указательный палец и, делая вид, будто стреляет, голосом довольно сносно имитировал треск автоматной очереди. Затем, как бы поясняя, он выкрикивал что-нибудь вроде: «Чикаго!», или: «Ишь ты, умник», или: «Я нашпиговал тебя свинцом, бэби!» с акцентом, который он считал присущим чикагским гангстерам, но который на самом деле был всего лишь рычащим кокни.

Только такой полубезумный старик мог проникнуть сквозь все укрепления возведенной Крамнэгелом обороны и тем самым поставить его душевное равновесие под угрозу. В конце концов происшествие, закончившееся смертью старого Джко, началось ведь с неожиданного приступа симпатии к старикам и их невинным старческим причудам. Тщательно все обдумав, Крамнэгел решил, что терпимое отношение к старому дурню прекрасно может сочетаться с твердой линией, проводимой ко всем остальным. В этом решении сказался и прилив оптимизма, вызванный в его душе первой волной писем от Эди со вложенными в них газетными вырезками, освещавшими ее вызывающе боевую пресс-конференцию. Сентиментальность, размягчившая его душу при виде такого проявления солидарности и готовности драться за него, требовала выхода, вот он и разговорился со старцем, которого, как выяснялось, звали Гарольд, или попросту Гарри.

Единственный сохранившийся зуб запирал, подобно скале, вход в рот Гарри, и,

как о скалу, о него разбивались, разлетаясь брызгами во все стороны, потоки гонимой языком слюны.

То обстоятельство, что между Гарри и Крамнэгелом столь явно и столь быстро завязалась дружба, объяснялось, по-видимому, тем, что оба они в своем развитии не так уж далеко ушли от мира детских фантазий и, очутившись в суровой и мрачной атмосфере тюрьмы, не дающей воображению никакой пищи, оба оказались вынуждены замкнуться в своем вымышленном мире, воспринимая порой свои вымыслы как реальность.

В ответ на телефонный звонок сэра Невилла начальник тюрьмы майор Эттлиси-Гор сообщил ему, что заключенный привыкает к своей новой жизни с большим трудом, что он угрюм и некоммуникабелен, что священник, который умудряется превращать закоренелых преступников в пай-мальчиков, ничего не смог от него добиться. Но обнадеживает то, что он, кажется, сумел подружиться с одним рецидивистом лет под восемьдесят, неким Гарри Мазерсом, который провел за решеткой более тридцати лет

— Рецидивист лет под восемьдесят? — не поверил своим ушам сэр Невилл.

— Да. Но он не совсем нормален. Отчасти старческий маразм, по-моему, отчасти же просто врожденный идиотизм. Вся жизнь он то и дело был нашим гостем.

— За что же?

— Да в основном по всякой ерунде, но последнее время в нем вдруг взыграло честолюбие, и он взялся за ограбление банков, хотя для таких дел ни к черту не годен. Он, вообще-то, дай бог чтобы награлбл тысячонки на две за все свои тридцать лет преступной деятельности.

— Весьма печально. И все же я рад, что Крамнэгел нашел себе друга.

— Да, но... Боюсь, что ненадолго. Через две недели Гарри выходит на волю.

— О боже! Но если вы о нем справедливо судите, то он на воле не задержится.

— Он может скоро умереть. Ему семьдесят шесть лет, и он был отравлен газом еще в первую мировую войну.

10

На следующей неделе кампания, начатая Эди в родных краях, достигла апогея. Эди нанесла визит мэру Города, который был весь участие и даже осушил ее слезы собственным, украшенным монограммой, носовым платком. Когда Эди в третий раз излагала свою печальную повесть, описание судебного процесса приобрело в ее устах столь зловещий характер, что у слушателя волосы вставали дыбом, поэтому к тому времени, как она добралась до Арни Браггера, процесс над Крамнэгелом в ее изложении начал выглядеть таким же фарсом, как облыжное обвинение Сократа.

Судья, согласно версии сей патриотки, выглядел человеком злобно пристрастным в понятия не имевшим в невежестве своем о широчайших свободах, к которым привыкли граждане США, а потому и явно антиамерикански настроенным, самодовольно окопавшимся в своем ограниченном книжном мире среди разваливающейся от ветхости страны, где вместо кондиционеров приходится довольствоваться сквозняками, вместо свободы — абсолютным произволом, а вместо широких горизонтов бескрайних вольных просторов — туманом, густым, как гороховый суп-пюре. Тамошние юристы в описании Эди выглядели чудовищами из диснеевских мультипликационных фильмов: у одного вся рожа поросла какой-то дрянью, у другого выпирает рыло, как носик у кофейника, а уж кто из них прокурор, а кто защитник — вообще не поймешь, потому что оба дуют в одну дуду. Свидетели там не свидетели, а те же диснеевские уроды; полицейские ничего из-под своих шлемов не видят, носят жуткие башмаки и невнятно мычат.

В своем донельзя наэлектризованном мифотворчестве Эди заходила слишком уж далеко, и потому для большинства ее слушателей это звучало неубедительно, но достаточно невероятно, так что история Эди заняла еще больше полос в местной печати, чем в лондонской. Единственная утренняя газета Города — «Правдоискатель и свободный оратор» — даже тиснула передовую под заголовком «Природа правосудия», в которой цитировались источники столь разные, как Библия и судья Феликс Франкфуртер¹,

¹ Член Верховного суда США с 1939 по 1962 г.

и где напоминалось гражданам, что государственный департамент обязав защищать американцев не только в тех странах, которые не приемлют свободы личности, не и в таких, как Южная Корея и Англия, где прокламируется дружба к Америке. «В наш век развитых средств связи не так уж много и требуется от наших аккредитованных послов. Пусть наш представитель в Лондоне пойдет куда следует и задаст кому следует пару острых вопросов. Этого требует не только один наш Город, но и вся Америка, и сама Справедливость, вечно слепая, но, будем надеяться, не глухая все же», — так кончалась статья.

Как только в печати наметилась подобная линия, легко удалось организовать комитет и без труда найти для него фигуру председателя в лице одной из наиболее занозистых личностей Города — генерал-майора в отставке Кливера Т. Камбермора, крепкого орешка, человека с багровой физиономией, на которой выделялся рот, словно наспех зашитая рана, и смелыми крупными мазками был явственно выписан скверный характер.

Общественный, как принято выражаться, вес генерала Камбермора покоился сразу на нескольких китах. Прежде всего он был генералом, а генералы в Америке, подобно птице Феникс, склонны до бесконечности восставать из пепла бессмысленно разрушительных битв — они восстают в первозданной чистоте своей во всем безупречные, с репутацией непреклонных авторитетов в любой области. Мнения генералов по любому вопросу, включая образование, архитектуру и изобразительные искусства и социологию, постоянно выясняются и широко освещаются печатью. Разумеется, каждый отдельно взятый генерал получает свою долю лавров соответственно громкости своей репутации, и вот в этом-то отношении лично генералу Камбермору что-то не везло. Если генерал Паттон однажды ударил солдата и нажил крупные неприятности, то генерал Камбермор бил солдат не единожды, но никто не обратил на это никакого внимания. Даже жертвам его рукоприкладства не пришла в голову мысль пожаловаться. Все дело, видимо, было в каких-то особых качествах генерала Паттона, придавших вцепленной им солдату затрещине характер исторического события, и в отсутствии тех же качеств у генерала Камбермора, из-за чего раздаваемые им солдатам оплеухи оставались явлением сугубо эфемерным. Хотя ему вечно мешали развернуться либо события, либо отсутствие оных, любви к шкодливости в нем оставалось предостаточно, а это уже немало.

— Это дело... дело об аресте этого... как его... ну, начальника полиции Крамнэ-гела... это, значит; позор, чтоб их так и разэтак... Будь по-моему... по-моему... я б уж показал этим... этим красноундирникам!... как трогать наших! Мы, ей-же-ей, знаем, что такое справедливость красноундирников, а? Спросите хоть генерала Вашингтона! — заявил генерал Камбермор в ходе телевизионного интервью, раскрасневшись от гнева и, как принято выражаться, от того, что выкушал лишнего. Этого заявления оказалось достаточно, чтобы разжечь страсти наиболее экстремистски настроенных элементов в Городе, тех мужчин и женщин, пресная жизнь которых была напрочь лишена каких бы то ни было острых ощущений.

Группа этих экстремистов (во всяком случае, все подумали на них, поскольку полиция не спешила даже выдвинуть свою версию) подложила бомбу в британское консульство в Хьюстоне, оказавшееся ближайшим к Городу британским представительством. Бомба взорвалась, ранив прислугу-негритянку, которая несла из буфета кофе и пирожные. Как раз в это время местное отделение процветающего и способствующего просвещению торгового дома «Сакс и Фриденберг», раскинувшего сеть гигантских универмагов по всему Югу и Среднему Западу Соединенных Штатов, приступило к проведению в Городе Недели британских сыров с целью помочь британской торговле и показать этим французам, что на них, черт побери, свет клином не сошелся. Однако выставка-продажа сыров, для украшения которой из Англии прислали типичный лондонский автобус и четырех «бифитеров»¹, закончилась плачевно. «Чедеры» и «чеширские», «уэнслейлельские» и «кэрфилли» вылетали из разбитых окон вперемежку с британскими флажками и портретами королевы. Автобус перевернули и подожгли, а бедным старикам «бифитерам» изрядно намяли бока. Британское консульство в Хьюстоне отправило в Лондон депешу, рекомендующую министерству иностранных дел

¹ Так американцы называли английских солдат во время войны за независимость американских колоний.

² «Бифитеры» — «мясоеды» — прозвище стражников лондонского Тауэра. Их живописными средневековыми костюмами до сих пор любуются туристы.

воздержаться от дальнейшей посылки в США автобусов в даров вплоть до нормализации обстановки. «Бифитеров» же отослали обратно в Тауэр через Монреаль.

Когда известия об этих событиях достигли тюрьмы, авторитет Крамнэгела вырос до небес. В глазах заключенных он превратился в таинственную, личность, и замкнутость его стала вызывать в их сердцах благоговейный трепет. Ведь не каждый день британской тюрьме выпадает честь принимать человека, способного вдохновить бунт на расстоянии пяти тысяч миль. На тюремщиков это все произвело впечатление, пожалуй, еще более сильное, чем на заключенных, и, будучи как-никак хозяевами положения, они реагировали не молча, а с юмором — правда, не без оглядки. Лед был особое внимание во времена, когда каждый день по всему миру переворачивают сотни автобусов то недовольные водители, то возмущенные студенты, то разозлившиеся пассажиры, то разъяренные мусульмане, то объявившие крестовый поход католики, то праведные протестанты, то скорбящие евреи — любая из миллиона сект, групп и фракций, имеющая повод для недовольства. Что же до избиения «бифитеров», то тут газеты явно преувеличили, дабы придать делу побольше пикантности, в действительности же им намяли бока не больше, чем при прохождении через Тауэр обычной группы американских туристов.

Даже священник подошел к Крамнэгелу и сказал:

— Я прочел в газете, что ваши подчиненные в дальних краях поднялись с оружием в руках.

— Наверное, мой бог услышал мои молитвы, — отрубил Крамнэгел и удалился такую царственной походкой современного Лира, что за его спиной почти явственно возникла фигурка пожилого шута, натягивавшего священнику нос.

Сидя в своем кабинете, сэр Невилл искренне и с детским упорством надеялся, что хулиганы уничтожат побольше британской собственности и докажут тем самым правоту его точки зрения. Погром, устроенный на ярмарке сыров, — платформа для демарша неубедительная, и даже перевернутый автобус вряд ли привлечет к себе особое внимание во времена, когда каждый день по всему миру переворачивают сотни автобусов то недовольные водители, то возмущенные студенты, то разозлившиеся пассажиры, то разъяренные мусульмане, то объявившие крестовый поход католики, то праведные протестанты, то скорбящие евреи — любая из миллиона сект, групп и фракций, имеющая повод для недовольства. Что же до избиения «бифитеров», то тут газеты явно преувеличили, дабы придать делу побольше пикантности, в действительности же им намяли бока не больше, чем при прохождении через Тауэр обычной группы американских туристов.

И все же сэр Невилл развил в обеденный перерыв бурную деятельность, выпив коктейль в одном клубе, пообедав во втором и выпив кофе в третьем, и в каждом из них старался коснуться в разговоре дела Крамнэгела. Как часто бывает в Англии, его собеседники, которые пользовались репутацией хорошо осведомленных людей, по большей части отвечали:

— О, а я этого и не заметил. На какой, говорите, странице? — Или: — Что ж здесь удивительного? Провинция, она и есть провинция! — А затем, не веря ушам своим: — Где-где это произошло?

С одним или двумя собеседниками сэру Невиллу повезло больше, чем с другими, но в целом орешек оказался чересчур крепким. Слишком незначителен был ущерб от бунта, и слишком уж незаметен был Город Крамнэгела. Другое дело, случись это все в Нью-Йорке или еще лучше — в Вашингтоне...

Как уныло подытожил потом результаты сэр Невилл в разговоре с сэром Аароном:

— Раньше говорили: «Слишком мало и слишком поздно». А теперь надо сказать: «Слишком мало и слишком далеко».

— До тех п о р, — пробурчал в ответ сэр А а р о н, — пока обстоятельства еще позволяют нам жить, сохраняя иллюзию комфорта и мираж благосостояния, управлять страной через парламент, вести дела через министерства, а на самом деле править ею из клубов, всегда что-нибудь будет казаться «слишком», а что-то чем-нибудь еще.

— В е р н о, — согласился сэр Невилл с присущим ему ненавязчивым лукавством. — И дай бог, чтобы так было всегда. Выпьем за это.

Тем временем комитет, столь успешно созданный Эди в родном Городе, начал выдыхаться. Жизнь, к несчастью, не остановишь; и в общей сумятице убийств, изнасилований, грабежей, похищений, сидячих забастовок в служебных помещениях, сидячих забастовок перед входом в служебные помещения, демонстраций «за» и «против», сексуальных извращений, наркомании, избиений и нападений нюни, распушенные по поводу начальника полиции, влипшего в невероятную историю, и его отважной половины не

могли надолго завладеть вниманием публики. Комитет провел два-три заседания и тщательно разработал план предстоящей кампании, осуществление которой, как всегда в подобных случаях, требовало изрядных средств. Но поскольку деньги в фонд комитета жертвовались весьма неохотно и в скромных количествах, то в итоге вся грандиозная программа действий оказалась на мели. Выжав, согласно своему обыкновению, из этой авантюры минимально возможное количество дивидендов, генерал Камбермор проявил достойную стратега мудрость и сказался большим. Попытки Эди привлечь к своей кампании людей за пределами Города не увенчались успехом. Газеты считали, что уже внесли свой вклад в борьбу, опубликовав передовицы, но редакторов разочаровала вялая реакция читателей, а даже такие великие издания не могут позволить себе отдавать свои страницы не пользующимся успехом темам из боязни потерять читателей, объясняли Эди редакторы. Не помогла, разумеется, деятельность комитета и распространенная по газетам фарисейская статейка, которую сочинил Ред Лейфсон, сидя в своей инвалидной коляске, столь же далекой от житейских бурь, как папский престол. «Что же случилось с великой кампанией по спасению начальника полицейского управления Крамнэгела, начатой с такою помпой не кем иным, как генералом Камбермором и вечной полицейской женошкой Эди Крамнэгел, — кампанией, которая уже обошлась бывшей Великой Британии в половину национального дохода от продажи сыра «чеддер» в будущем году? Неужели мои друзья и коллеги-читатели (привет вам, друзья!) сыты по горло старомодными рыданиями в платочек и уже готовы забыть тех, кто все равно сошел с пробега?»

Эди возмутилась злобным тоном статьи, но редактор лишь пожал плечами:

— Газета есть газета, Эди, вы же понимаете. Вы ведь напечатали у нас, что вам было нужно, факт? Публике начхать на то, что говорят газеты, если это говорят газеты, сказал ли это Уолт Уитмен или Орсон Уэллес, или еще кто — неважно, кто именно, важно, что правильно сказал. Поймите, Эди, у Реда Лейфсона в нашем Городе полно врагов. Мы только потому его и держим: его ведь по большей части читают из злости. А эта его статейка только вызовет сочувствие к вам, честно говоря.

Правильно. А дело было в том, что мало кто любил Крамнэгела, когда тот был на вершине славы, и факт его падения никоим образом не способствовал увеличению числа его сторонников. Не нашлось ему значительной поддержки и среди законодателей общественного мнения — другой источник дохода, откуда можно было ждать крупных сумм при небольшом количестве жертвователей. Так называемое «свободное общество» никогда не отличалось милостивым отношением к своим жертвам. Оно неизменно проявляет больше благотворительности, чем милосердия, потому, наверное, что затраты на благотворительность снижают сумму налогообложения, а милосердие лишь попусту съедает время. У столпов местного общества, привыкших думать лишь о наиболее легких путях обогащения и об образе жизни, наглядно демонстрирующем успех, просто не оставалось времени ни на что, кроме удачливых и прибыльных деяний, особенно с тех пор, как исполняя обязанности начальника полиции стал Ал Карбайд, тем более что он перестал показывать зубы. Напротив, он относился теперь к Джо Тортони, Бутсу Шиллигеру, Милту Роттердаму и другим широко известным и уважаемым в обществе бандитам и мошенникам со всей почтительностью, какая подобает их высокому положению на социальной лестнице. Мэр Города даже устроил на своем ранчо небольшой ужин с купанием в бассейне, на который пригласил всех почтенных мошенников вместе с достаточно гибкими представителями юридического и политического мира, причем счел возможным включить в число гостей и Карбайда, чего он никогда не позволил бы себе с его предшественником, так как Крамнэгел всегда казался ему человеком слишком глупым, на которого нельзя положиться ни в добре, ни во зле. А поскольку мэр считал — и временами даже искренне, — что ухитряется творить добро посредством зла (исходя из той же логики, согласно которой лекарства для больных можно покупать и на фальшивые деньги, если никто не знает, что они фальшивые), он, вполне естественно, чувствовал себя намного спокойнее, имея дело с откровенной осведомленностью Карбайда, нежели с неуклюжим лукавством Крамнэгела.

Единственное, чего смогла добиться Эди от тех, кто присутствовал на чествовании Крамнэгела три месяца назад, было сочувственное письмо от губернатора, подписанное в его отсутствие (отсутствовал он, надо полагать, в соседней комнате) секретарем, да обещание монсеньора Фрэнсиса Ксавьера О'Хэнрэхэнти послать Крамнэгелу составленный им сборничек утешительных изречений для тех, кто сбился с пути истинного, с предисловием архиепископа Бостонского.

Хотя звезда полицейской славы Крамнэгела быстро закатывалась, на его горизонте уже начала восходить другая. Поскольку старик Гарри стал для него исповедником, которому он изливал всю накопившуюся в душе горечь, они частенько усаживались поболтать в уединенных уголках тюрьмы. Вернее, говорил — и без удержу — Крамнэгел, а Гарри слушал как ребенок, раскрыв рот. Пробелы в своих познаниях Крамнэгел заполнял фантазией и поэтому вскоре стал для старика светочем премудрости. Крамнэгел говорил о Джесси Джеймсе, Мальше Сиско, Диллинджере, Капоне, Эллиоте Нессе так, будто лично знал их всех и не раз обменивался с ними словами и пулями. Его рассказы о старых американских гангстерах были опозитизированы той же романтической эйфорией, которая заставила людей забыть весь ужас воздушных боев первой мировой войны и придала им характер прекрасного эпоса.

Старик, не ведавший в жизни иного источника знаний, кроме комиксов, временами попадал в меланхолию.

— Всю ж и з ь т ь , — говорил он, уставясь в пространство и сморщив лицо так, что подбородок придвигался к самому носу, — да, всю ж и з ь т ь я работал в одиночку. Никак не попадался партнер, чтоб, значит, слепить с ним скок в пополаме¹.

— Тут съдигться нечего, тут гордиться нужно. Диллинджер тоже был одиночка. Его и пришили-то, когда он выходил из киношки один.

Гарри изобразил автоматную очередь и сделал вид, будто падает мертвым.

— Во-во, так оно и б ы л о , — не улыбувшись, продолжал Крамнэгел. — А вот Капоне — это другое дело. Аль всегда хотел, чтоб вокруг него толпились люди. Без своей банды он был ничто, один он не испугал бы и ребенка. Но когда собирались его ребята, тут уж хоть святых выноси, до того они были отчаянные.

— Я нашпигую тебя свинцом, бэби.

— Еще бы, чего-чего, а пуль у них хватало. Уж если скажут, что продырявят кого, так продырявят за милую душу, и никаких гвоздей. В наше время их сочли бы незаконными, теперь-то мы стреляем аккуратно прямо в цель, но те старички любили палить из кармана. В былые времена, как попадешь в Чикаго и увидишь парня с дырой в кармане, можешь ставить свой последний доллар — гангстер, и все дела.

Гарри даже присвистнул — до того трудно было такому поверить.

— Точно тебе говорю. Знал я в Чикаго одного типа, твоего примерно возраста, ну, может, чуток помоложе был. Звали его Израэл Менделсон — еврей был, портной, все звали его просто Иззи, так он жутко разбогател на одной штопке карманов для гангстеров. Целое состояние нажил! Когда бросил работать, купил себе домину в Майами — это знаешь где? Во Флориде. И поставил в гостиной орган. Умер не так давно. Денег у него развелось точно грязи, и самое смешное, что ни он, ни его жена на органе отродясь не играли, а детей у них не было.

Оба задумались над столь горькой иронией судьбы, и вдруг Гарри спросил:

— А банки эти ребята грабили?

— И еще как! Но большинству из них не было в том нужды. Они так разбогатели, что начали банки скупать.

— То есть как это? — оторопел Гарри.

— Банкиров шантажировали.

Гарри снова присвистнул.

— Точно. А вот одиночкам приходилось попотеть, чтобы взять банк. У таких ребят, как Джесси Джеймс, первая заповедь была: никогда не входить в банк через парадную дверь.

— А я всегда через парадную! — разволновался Гарри. — Берешь напильник, проволоку...

— Ты что, сдурел?

— А как бы ты пошел?

— Только через черный ход.

— Мне его не найти нипочем.

— Тогда через окно.

— Я ростом не вышел, не достану. А с лестницей враз заметут, если без напарника.

— Я тебе вот что скажу, Гарри. Нынешние медвежатники-одиночки, они, конечно, воображают, что времена меняются и что даже одиночке надо шагать в ногу с про-

¹ Жаргонное выражение, означающее «совершить вдвоем ограбление».

грессом. Сегодня под Джесси Джеймса работать смысла нет — понаставили везде скрытых камер и всякого такого дерьма, так что сколько себе чулок на голову не напяливай, все равно в конце концов заметут. Поэтому многие из нынешних — я их зову «новой волной в преступности» — вообще не лезут ни в двери, ни в окна.

— А как же?.. Не, не говори, я сам догадаюсь... Через чердак, да?

— Не-а. Они, значит, берут взрывчатку и пробивают в стене дыру. Все надо планировать заранее, понял? Потом другим зарядом отшибают от сейфа дверь, а если кто помешает — ну, тем хуже для него, пусть не лезет. Налетчик тогда швыряет три-четыре бутылки с горючей смесью; и начинается пожар. А ничто так не пугает, как пожар. Я вот одного знал — взяли мы его в конце концов, хоть он от нас десять месяцев бегал, звали его Джо Корилли, или короче Джо, а полностью значит Джозеф, — так он именно таким путем в банк и проник. Тоже один работал. Все подготовил заранее: в семь вечера заявился, значит, в банк, одетый под водопроводчика, и заложил часовую бомбу. Ну, она и грохнула в час ночи, как положено, и он пролез в банк, взорвал вторым зарядом сейф, а тут как раз подъезжает к банку патрульная машина — банк-то стоял на «сторуже», — заходит, значит, полицейский вовнутрь через пролом в стене, а Джо знаешь что учудил? Взял и крикнул полицейскому сдавленным голосом: «Скорее.. вызывайте подмогу.. в сейфе пожар.. Я ночной сторож...» — и с этими словами швырнул бутылку с горючей смесью. Ну, полицейский как услышал «пожар», так и побежал в машину вызывать по радио пожарную команду, вместо того чтобы открыть огонь по Джо. А Джо тем временем отворил изнутри входную дверь и преспокойно, как хозяин, вышел из банка на шестьдесят две тысячи долларов богаче, чем был, когда вошел. И поймали мы его только десять месяцев спустя — взяли по обвинению в похищении с целью изнасилования, когда он пересекал границу штата с одной девицей. При обыске у него нашли пять тысяч еще в банковских упаковках. Я эту историю помню, потому что именно мне пришлось закатить тому патрульному — Келли его звали — головомойку за то, что он не пристрелил Джо, а побежал звать на помощь. — Крамнэгел рассмеялся. — Я, должно быть, здорово ему тогда мозги прочистил, потому как в следующий раз он нарвался на настоящего водопроводчика и, ни слова не спрося, открыл огонь. — Крамнэгел снова помрачнел. — На этом Келли и спекся. Вышибли его психиатры из полиции.

Астматически хрипя, Гарри в изумлении покачивал головой.

— Не, не пойму, как он это сделал, — пробормотал он наконец.

— Кто, Келли?

— Не, не Келли, Джо. Не пойму, и все тут.

— Я ведь тебе объяснил, — сказал Крамнэгел, уже теряя терпение.

— Ну да, объяснил. Я потому и говорю, что не пойму. Бомбу-то ведь сделать надо, нет? Ее ж у «Хэрдса» не закажешь. Потом эти бутылки с горючей смесью...

— Ну, это не проблема. Я тебе за час такую бомбу смастерю, что живо в тюремной стене дырку продырявит.

— Что ж до сих пор не смастерил?

— Чокнулся ты, что ли? Где-ж я здесь материал возьму?

— А что для бомбы надо?

— Сейчас расскажу...

И Крамнэгел начал перечислять на пальцах ингредиенты и чертить прутиком на земле схему. Гарри впитывал в себя премудрость как ребенок, которого учат азбуке. Перед ним раскрывался мир безбрежных возможностей.

Два дня спустя Гарри выходил на свободу. Прощание было дружеским и трогательным — печальный и в то же время возвышающий дух момент. Со слезами на глазах протянул Гарри руку своему наставнику. При виде его слез у Крамнэгела перехватило горло и невольно задрожали губы.

— Ты знаешь, дружище, мне даже уходить отсюда не хочется, — пробормотал Гарри.

— Иди, дружище, иди и покажи им там... И за меня покажи... за Большого Барта...

И надзиратель повел старика навстречу немилой его сердцу свободе.

Для Крамнэгела освобождение Гарри оказалось катастрофой. До ухода Гарри он не отдавал себе отчета в том, до какой степени тот стал ему необходим — как в роли дружельного, пусть и не совсем нормального слушателя, так и в роли исповедника, которому можно излить душу. С его уходом вокруг Крамнэгела воцарилась тишина, и на него навалилось то ужасное состояние, которое мучило его в первую тюремную ночь, он снова увидел вокруг себя заключенных и обнаружил, что за неимением других заня-

тий изучил всю обстановку своей камеры до тошнотворных подробностей. Об апелляции не поступало никаких новостей, письма от Эди приходили все реже и становились все короче, а улыбка священника — все наглее.

Затем, шесть дней спустя, около семи часов утра сильнейший взрыв потряс Найтсбридж¹, и весь эдвардианский фасад здания «Манчестер коттон бэнк» с его карнизами, горгульями, бойницами, башенками и прочими финтифлюшками обрушился на мостовую, полностью перекрыв движение. Прохожих на улице в этот час, к счастью, не оказалось, хотя кинувшиеся к месту происшествия люди и нашли там старика водопроводчика со сморщенным лицом, выхаркивавшего в клубах пыли легкие. Сначала полиция приняла Гарри за невинно пострадавшего человека, случайно оказавшегося на месте катастрофы, но у одного из констеблей вызвали подозрения три канистры, висевшие на обмотанной вокруг талии старика веревке.

— Зачем они вам? — спросил констебль, но Гарри все еще бился в тисках сильнейшего кашля и ничего членораздельного ответить не мог.

— Как по-твоему, Билл, что это у него такое? — спросил констебль у коллеги в услышал в ответ:

— На мой взгляд, канистры с горючей смесью. — После чего полицейские переглянулись, затем пристально посмотрели на старика и все поняли.

В участке Гарри быстро опознали, поэтому ему разрешили сесть, и теперь он сидел завернувшись в одеяла, потягивая сладкий горячий чай, и отвечал на вопросы примчавшегося из Скотланд-Ярда Пьютри, решившего, что акт столь невероятного вандализма обязательно должен иметь либо политическую, либо расовую подоплеку, ибо чем же еще объяснить его размах, неистовство и явное отсутствие профессионализма в исполнении?

— Но почему вы взялись именно за «Манчестер коттон бэнк», Гарри? Почему? Вы, случайно, не спутали его с каким-нибудь другим зданием?

— Спутал? Как бы не так, — сплюнул Гарри. — Я знал, что делал.

Пьютри переменял тон:

— Вы работали без помощников, старина?

— Я всегда работаю только один.

— Я знаю, что так оно всегда и было, но человек ваших лет не станет, черт возьми, обрушивать фасад банка просто так — ни с того ни с сего. Кто еще работал с вами, Гарри?

— Никто! — сверкнул глазами Гарри.

— Тогда скажите, сколько вам заплатили? И кто?

— Я сам. Я сам собирался заплатить тем, что отсюда вынесу.

Пьютри поднялся со стула.

— Не заставляйте меня тратить зря время, Гарри. Я человек занятой.

— Я тоже был занятой, пока меня не сволокли сюда.

Сыщик наклонился к Гарри, придвинул лицо к самому его носу и попробовал очень мягкий, очень деликатный подход:

— Здесь замешана политика?

— Чего?

— Кто вам заплатил? Арабы? Или ирландцы?

— Да не-е. Зато вот ему теперь будет что рассказать.

— Кому, Гарри? Кому?

Гарри крепко сжал челюсти, так что даже губы исчезли. Он молчал.

Пьютри вздохнул.

— Вам теперь легко не отделаться, мой мальчик Гарри. Вам семьдесят шесть лет. Это ваш двадцать девятый арест. И если раньше суд всегда проявлял к вам снисхождение — именно потому, что вы работали в одиночку, — то теперь вы выступаете как участник шайки, причем, извините меня, самый глупый ее участник, который берет все на себя, в то время как остальные продолжают гулять на воле. Нет, теперь от суда снисхождения не ждите. К тому же на этот раз вы попались не на мелочи, не на каких-нибудь серебряных подсвечниках. Вы уничтожили черт знает на сколько миллионов частной собственности, так что я не удивлюсь, если...

Пьютри запнулся, потому что в глазах Гарри вдруг вспыхнул огонек, зажженный сознанием исполненного долга. В них так и светились уничтоженные им миллионы, и

¹ Фешенебельный район лондонского Уэст-Энда, известный своими ювелирными магазинами.

в сердце Пьютри впервые закралось неприятное подозрение, что старик действительно работал один.

— Ну, хорошо, — сказал он устало. — Допустим, у вас не было соучастников.

— Так-то оно лучше. Больше похоже на правду, — сказал Гарри.

— Почему вы маскировались под водопроводчика?

— Под кого же мне еще маскироваться?

— Почему вы не пошли на дело в своей обычной одежде?

— Меня слишком хорошо знают, нельзя было рисковать. И вообще, когда у них идут брать банк, почти всегда переодеваются водопроводчиками.

— Где это «у них»?

— В Дикси¹.

— В Дикси медвежатники обычно переодеваются водопроводчиками, когда идут на дело. Вы это хотите сказать?

— Вот именно.

— Откуда, черт побери, вы это узнали?

— Слухом земля полнится.

— Слухом, значит. Так-так. А одежду водопроводчика где взяли?

— Взял напрокат в театральной костюмерной мастерской Абрахамса.

— Ну, хоть с этим разобрались, — сказал Пьютри своему помощнику. — Отправьте костюм обратно к Абрахамсу. Так, а горячая смесь вам на что?

— Проникнув в банк, я собирался его поджечь.

— Вы соображаете, что несете? Сержант, этих слов в протокол не записывать!

— Конечно, соображаю! Если б в дыру, которую я проделал в стене, полезла полиция, я бы сказал им, что в банке начался пожар, а чтоб они в этом не сумлевались, бросил бы туда одну из своих малюток, ясно?

— Но как вы вообще додумались до взрывчатки и горючей смеси? Кто вам изготовил бомбу и смесь?

— Я сам все изготовил! — рявкнул Гарри.

— Ни черта вы сами не изготовили! — закричал в ответ Пьютри.

— Не верит, — вдруг захихикал Гарри. — Он мне не верит! — И снова сцепил челюсти так, что исчезли губы.

Пьютри раздраженно посмотрел на него.

— О, боже мой, только этого еще не хватало. Ну, хорошо, вы сами ее изготовили, сами.

— Так-то оно больше на правду похоже.

— Но кто же вас научил?

— Сам сделал. А кто учил — неважно.

— Мне как раз важно.

— Сам сделал, и все тут.

— Да вы же в жизни ничего сами не сделали.

— Спорим?

Придя в отчаянье, Пьютри сгреб Гарри за плечи, рывком поднял его из кресла и завопил:

— Кто?! Кто вас надоумил, Гарри?!

— Он, — ответил Гарри испуганно.

— Кто он?

— Барт. Мой кореш. Большой янк с веснушками. Лучший стрелок на Западе Дрался с Диллинджером.

— Крамнэгел? — переспросил Пьютри, не веря собственным ушам.

— Во-во, он с а м ы й. — Гарри был полон желания поддержать репутацию друга. — И он совсем не виноват, что у меня не вышло. Он-то мне все растолковал как надо. Он не виноват — просто она у меня грохнула раньше времени. Я, наверно, не тот провод к будильнику подсоединил, или он отошел, или будильник я взял какой-то барахольный, кто его знает. В общем, она должна была рвануть в час ночи, а рванула, только я ее поставил.

— Как вы прибыли на место преступления?

— Автобусом.

— Народу ехало много?

---

¹ Распространенное название южных штатов США.

— Пришлось стоять.

Пьютри закрыл глаза: его било мелкой дрожью.

— Ну, хоть она и рванула раньше положенного, я все равно мог забраться вовнутрь и взять деньги. Одного вот только не учел.

— Чего же именно?

— Пылищи. Я же еще в первую мировую наглотался газа, а потом схватил туберкулез. Одно осталось легкое. Вот про пыль я и не подумал — дышать-то не смог, а то б пролез вовнутрь и зажег горючку.

В Скотланд-Ярде все забегали. Снеслись с тюрьмой. Майор Эттлиси-Гор опросил надзирателей, и один из них припомнил сцену прощания друзей.

— Так точно, сэр, ясно помню, как Крамнэгел говорил Гарри: «Иди покажи им — с приветом от меня, от Большого Барта».

— Вот как, — мрачно произнес майор. — А еще с кем-нибудь этот Большой Барт беседовал, вы не заметили?

— Никак нет, сэр, он ведет себя очень замкнуто, — доложил другой надзиратель, и все его коллеги подтвердили то же самое, за исключением одного, который видел, как Крамнэгел не раз прикуривал у Неда Прэтфолда. Майор Эттлиси-Гор сразу насторожился. Нед Прэтфолд был одним из самых многообещающих талантов преступного мира Британии — больше, правда, пока обещающим, чем добившимся рекордных результатов. Нет, все эти прикуривания не пришлись начальнику тюрьмы по душе. Где-то в глубине его подсознания засело туманное изображение американских гангстеров, неизменно обсуждающих каждый свой отчаянный шаг, прикуривая друг от друга, обжигая спичками палец за пальцем. Весьма вероятно, что это была всего лишь картина, навеянная виденными в юности гангстерскими боевиками, но кто знает, как попадает в наш мозг добрая половина содержащейся в нем информации? Достаточно будет сказать, что вставшая перед умственным взором майора сценка подействовала на него весьма убедительно, и по его просьбе Крамнэгела перевели в отделение максимально строгого режима расположенной на морском острове тюрьмы — как раз в тот день, когда апелляцию Крамнэгела отклонили.

11

Узнав о случившемся, сэр Невилл был вне себя — не столько от гнева (за всю свою жизнь он так и не научился отводить им душу в тяжелую минуту), сколько от беспомощности и сознания того, что с его ведома и отчасти даже его именем попираются каноны справедливости. Подобных и еще более трагических случаев полна история. Склоняясь перед обстоятельствами, правосудие часто творится безжалостно и наспех, буква закона редко оказывается способной объективно воздать за совершенный грех, и несть числа смертным приговорам, вынесенным дрогнувшим голосом и нетвердой рукой.

Сейчас, правда, о казни не шло и речи, так что сэр Невилл был избавлен от душевных мук, которые выпали бы на его долю, будь приговор по подобному делу вынесен сто лет назад. Но все равно даже самая незначительная судебная ошибка, хоть на гран допустившая отклонение от справедливости, так же непростительна, как и ошибка вопиющая в своей очевидной грубости. Можно было пытаться утешать себя тем, что Крамнэгел никак не походил на героя. Он не Андре Шенье, способный найти бессмертные слова в тот момент, когда была доказана его принадлежность к смертным. И все же общие представления о том, что такое героизм, изменились настолько — хоть это и не облечено в слова, но, по крайней мере, подсознательно признано, — что Крамнэгел, сей огромный, грубый, крикливый и тупой бурбон, скорее мог воззвать к чувствам современного человека, нежели утонченный и изысканный поэт в рубашке с распахнутым воротом...

Горячо сочувствуя молодежи, сэр Невилл соглашался с большей частью ее жалоб и протестов, и если в своей поддержке молодых не заходил далеко и не одобрял их, когда они били по голове полицейских, то лишь потому, что считал, что они бьют не по тем головам, по которым следовало бы. Не испытывал он и тягик бунту, в отличие от некоторых своих сверстников, пытающихся вспрыснуть подобным образом в свои умирающие вены немного живительной влаги. Напротив, подобно большинству холо-

ствяков, он чувствовал себя старше, чем был на самом деле, выглядел моложе своего возраста я со всем смирился.

Однако некоторые его друзья встревожились тем, что столь блестящий человек начал проявлять растущие признаки беспокойства. Не будучи от природы грубым, он все чаще стал затевать ссоры. Друзья сэра Невилла высказывали предположения, что всему виною перемены в образе жизни (предположения, вероятно, отчасти справедливые), и тем не менее недуг носил столь явно интеллектуальный характер, что только слепой мог принять причину за следствие.

Дело в том, что сэр Невилл занимал пост главного прокурора вот уже почти три года; срок его пребывания в этой должности подходил к концу. Что станется с ним потом — это уже его дело, но пока ему приходилось жить в заточении своего кабинета, в панцире официального костюма, терзаясь значительной, хотя и ограниченной ответственностью. Случались дни, когда он влетал в свои клубы с таким видом, точно готов был кого-нибудь ударить, но вместо этого наткнулся на хорошо знакомого и принимался за самокопанье, приправленное чувством юмора, что помогает и сохранить лицо, и вовремя остановиться.

Однако иногда ему все-таки случалось взорваться, наткнувшись на какого-нибудь сэра Иниго (фамилия его писалась Чивернейкс, но произносилась Чинни), мертвенно-бледную, выжившую из ума мумию из бывшего министерства колоний, или на багроволицего, вечно ворчащего и трясущегося от злости бизнесмена сэра Пола Гора.

— Нет, Н. Н., это никуда не годится — услышать такое от главного прокурора, просто ни в какие ворота не лезет. Что подумают иностранцы, услышь они вас? И так в доброй старой Англии стало не продохнуть от всякой пакости, набившейся из колоний. А уж что сказал бы мой дражайший дед? Могу себе представить! Повернулся бы, наверное, к Асквиту¹ или к тому, кто этим ведал, и спросил бы без обиняков: «Не слишком ли мы миндальничаем с черной костью?» Он никогда не грубил, наш первый лорд Гор, но подколоть умел. И вас, Н. Н., он бы уж никак по головке не погладил, убежден. Он был много талантливее меня, хотя я оставляю намного больше денег после своей смерти, но, видимо, нельзя иметь все сразу. Так вот, как я вам говорил, пока речь не зашла о моем предке: в стране нашей развелось столько всякой накипи из колоний, что Англии не узнать. Заезжаю я тут в воскресенье в соседнюю таверну пропустить стаканчик — и что же вижу? Сплошные негры, пакистанцы, барменша и та из Югославии. А американцы — те вообще едут и едут. В газетах только и читаешь, что они проглотили еще одну почтенную старую фирму, а потом, когда их полицейский приезжает сюда и превращает старенную английскую деревеньку в какое-то Чикаго, вы еще хотите этого мерзавца отпустить восвояси! Я вам скажу, что бы я сделал, будь моя воля. И не сомневаюсь, что деду бы это понравилось. Вывез бы из Синг-Синга дюжину профессиональных американских гангстеров и приговорил бы этого полисмена с непроизносимым именем к казни, причем чтобы казнь эту осуществили его же сородичи.

Сэр Иниго выражал свои мысли экономно, вероятно потому, что провел изрядную часть своей долгой жизни в тропиках, а не среди сырых торфяников подобно лорду Гору, который, казалось, всегда говорил не для того, чтобы высказать мысль, а для того, чтобы разогреться.

— Розга эффективнее виселицы. Виселица бесчестит, розга лишь унижает, — прокрипел сэр Иниго. — Держите в каждом доме моченую розгу, и в ваших исправительных заведениях будет тихо, как в больнице Челси.

— Ваша точка зрения, возможно, и была бы правильной применительно к Британскому Гондурасу тысяча восемьсот семидесятого года, то есть времен вашей молодости, сэр Иниго, но у нас сегодня такой метод могут одобрить разве что в домах терпимости. Вероятно, с вами согласятся еще и те, кому из-за отсутствия материнской любви пришлось по душе жизнь в частных закрытых школах, но вряд ли согласится кто-нибудь еще, — заявил сэр Невилл и нажил себе еще одного врага.

С лордом Гором он не потрудился полемизировать вообще, ограничившись лишь напоминанием о том, что одна из его собственных компаний — «Горекс», производящая лампочки, батарейки и тостеры, только что стала так называемым «уважаемым членом» американской корпорации «Морнингсайд», более известной своими крематориями из сборных панелей и пластиковыми корпусами для счетчиков на автомобильных стоянках.

---

¹ Генри Герберт Асквит (1852—1928) — видный деятель либеральной партии, премьер-министр Великобритании с 1903 по 1916 г.

— Я вовсе не прикидываюсь, будто не похож на других, — прорычал лорд Гор: — Я, слава богу, не такой фарисей, чтобы бить себя в грудь и кричать, что я лучше своих соседей. Я лишь говорю, Н. Н., что вы из тех немногих, с кого мы еще можем брать пример.

— Интересно, согласился бы с вами ваш дед?

Намек был столь прозрачен, что даже лорда Гора привел в недоумение. Ничего не поняв из слов сэра Невилла, он пришел к заключению, что тот оскорбил память его деда, и высочил из комнаты, бурча себе что-то под нос насчет нежелания сидеть за одним столом со всякими большевиками.

— Почему бы вам не отдохнуть от ваших клубов? — спросил Билл Стоккард сэра Невилла, когда тот вернулся на работу.

— По-вашему, они для меня вредны?

— Сейчас — да, и даже очень.

— Сейчас? Вы считаете, что я нездоров?

— Этого я не могу сказать. Но вы последнее время на себя не похожи. И я заметил, что по утрам вы себя чувствуете лучше. Однако складывается впечатление, что вы с нетерпением ждете обеда, а потом возвращаетесь с обеда расстроены и уже ничего не можете делать и уходите без пяти шесть. Когда вы уходите, я слежу за вами из окна. У вас даже походка меняется. Вы сутулитесь и семените мелкими шажками,

— Да вы и вправду за мной следите!

Билл вынул из стола пачку промокашек.

— Вот, взгляните, сэр. Раньше вы всегда оставляли свой кабинет в таком же безупречном виде, в каком он был до вашего прихода. На вашем столе не было ни пылинки. Вы никогда не прикасались ни к календарю, ни к промокашке, потому что держали в голове все телефоны и дела. Мне казалось, что вы гордились этим. А сейчас...

Он веером разложил на столе промокашки, словно колоду огромных карт.

— Вы каждый день изводите по штуке — вот, пожалуйста!

Все промокашки были исчерканы, покрыты сложными геометрическими фигурами, изображениями отрубленных голов, тонущих кораблей, причем линии были прочерчены с такою силой, что места прорвали бумагу.

— Н-да, если посмотреть на дело с этой стороны... — задумался сэр Невилл. — И все равно, класть мне каждый день на стол новую промокашку — просто расточительство.

— Я все время надеялся, что это заставит вас опомниться.

— Совесть курильщика скорее пробудится, если он увидит полную пепельницу на другое утро после вечеринки.

— Что ж, могу оставить вам исписанные промокашки...

— О нет, спасибо, — рассмеялся сэр Невилл, и вдруг в нем проглянул славный, мягкий и легко ранимый человек. — Вы очень добры ко мне, Билл, — сказал он.

— Трудно работать с человеком, не имея... — Билл замялся и, посмотрев на сэра Невилла, отважился довести свою мысль до конца: — Мы тут с Эллен — это моя жена — подумали как-то, что, может быть, вы согласились бы сделать в своей светской жизни перерыв и поужинать с нами.

— С большим удовольствием, Билл, — тихо ответил сэр Невилл.

— Мы живем в маленькой квартирке в одном из этих огромных современных домов, поэтому Эллен сначала хотела вызвать на вечер няню для детей и пригласить вас поужинать с нами в ресторане, но я воспротивился. Я сказал ей, что в вашем нынешнем состоянии вам будет много полезнее побыть у семейного очага, пусть даже и очень скромного.

— На какой день назначаете, доктор? — подмигнул ему сэр Невилл.

— Как насчет завтра? — Настойчивость Билла объяснялась одним: он понимал, что сэр Невилл остро и безотлагательно нуждается в помощи.

— Отлично.

— Вот и прекрасно. Я напишу вам адрес на бумажке.

— Не надо писать, Билл, я и так запомню, — ответил сэр Невилл. — Право же, запомню.

Сэр Невилл не только запомнил адрес, но даже и не забыл вовремя исчезнуть с дегустации вин, сославшись на мигрень.

То ли на него подействовала уютная теснота квартирки, в затемненных комнатах которой спали с приоткрытыми дверями дети, то ли общество иной, нежели миссис Шекспир, женщины, но ужин в семье Стоккардов сразу же начал оказывать на него

целебное воздействие. Миссис Стоккард оказалась проворной, толковой и мягкой женщиной с открытым взглядом задумчивых зеленых глаз, в которых сверкали черно-желтые искорки, и с породистым, чуть вздернутым носиком, слегка раздувающимся в ноздрях. Ей часто приходилось вставать из-за стола, поскольку она была и поваром, и официанткой, и хозяйкой. В ней было что-то от женщины, носящей толстую шерсть и развезжающей в фургоне, но голос ее и манеры были лишены аффектации.

Сэр Невилл смотрел на нее с удовольствием, и это было столь неожиданно, что даже вызвало у Билла улыбку.

— Я рассказал Эллен об этой истории с Крамнэгелом, — заметил Билл, — и она во многом разделяет вашу точку зрения.

— О, вот как?

— Тягостная история, — сказала миссис Стоккард. — Тем более тягостная, что уж очень она нелепа. Ведь ее можно воспринимать серьезно только потому, что это действительно произошло. А иначе в жизни не поверишь, что такое может быть.

— Абсолютно точно. Самое же неприятное заключается в том, что произойти может все что угодно, как мы, к своему ужасу, узнаем.

— А какого вы мнения о Крамнэгеле? — спросила миссис Стоккард. — С вашей точки зрения, это высокопоставленный кретин?

— Дело даже не в этом, миссис Стоккард, а в том, что в разных концах света под словом «разум» понимаются разные вещи, и в отличие от денег стандарты разума нельзя перевести из одной валюты в другую. Крамнэгел не укладывается в стандарты нашего понимания не потому, что они выше или ниже американских, а потому, что они абсолютно и коренным образом отличаются от них. Я никогда не был в Америке и не имею ни малейшего намерения ехать туда, но у меня тем не менее складывается твердое убеждение, что американцы до сих пор так и не оправились от шока, полученного ими, когда они вырвали у нас свободу, — сие достижение весьма легко поддается преувеличению, учитывая то состояние, в каком мы пребывали в те времена, — но, может быть, мы будем понимать их лучше, когда настанет наша очередь вырывать свою свободу у них. Как бы там ни было, мы с ними придерживаемся разных представлений о свободе. Мы знаем, что свобода — подобно никотину, алкоголю и сплетням — приятна и даже полезна в малых дозах, но злоупотребление ею может привести к летальному исходу.

В результате — и, надо думать, к сожалению — мы привыкли жить, употребляя даже меньше драгоценного снадобья, чем надо бы. У них же запасы исчерпываются до дна, как только проклевывается жила, вероятно, поэтому они кажутся нам похожими на врача, который вводит больному такое количество противоядия, что больной заболевает. В качестве примера позвольте вам сказать, что в ходе следствия по этому делу я узнал, что у них во многих городах судьи и начальники полиции избираются голосованием, и при том, как обстоят там дела, я не удивлюсь, если узнаю, что и жертвы у них тоже избираются.

Ужин у Стоккардов встряхнул и оживил сэра Невилла, но и заставил его по-хорошему взгрустнуть. Прежде чем погасить ночник, он долго смотрел в потолок и плыл на волнах воображения.

На следующий день сэр Невилл явился на службу очень пунктуально, и его промашка до конца дня хранила первозданную чистоту. Обедал он в ресторане с Биллом и работал допоздна. Среди людей, которым он звонил в тот день, был и Пьютри; сэр Невилл высказал ему свое неудовольствие: зачем потребовалось наказывать Крамнэгела за то, что он рассказал выжившему из ума старику, как изготовить горючую смесь.

— Тут можно возразить, что Крамнэгел несет ответственность за случившееся, поскольку он прекрасно знал, сколь по-детски впечатлителен и легко поддается убеждению Гарри Мазерс.

— Можно, но не должно, — резко ответил сэр Невилл. — Крамнэгел сам так же по-детски впечатлителен и так же поддается убеждению, а кроме того, можно возразить, что, поскольку Гарри Мазерс старше Крамнэгела, ему следовало бы знать, что к чему.

— Он так стар, что уже просто выжил из ума.

— То же самое можно сказать о судье Плантагенете-Уильямсе, но до сих пор ему это не мешало.

Теперь сэр Невилл ждал лишь удобного случая, чтобы обратиться по поводу Крамнэгела непосредственно к министру внутренних дел. Срок его пребывания на занимаемой должности истекал, а вместе с ним истекало и терпение.

Крамнэгел в своем новом обиталище попал в атмосферу иную, нежели в прежней

тьюрме. Надзиратели здесь казались моложе и подтянутее, заключенных было меньше и они принадлежали к другой породе. Несмотря на то, что поток писем от Эди давно превратился в обмелевший ручеек и из длинных и иступленных они стали короткими и грустными, у Крамнэгела несколько поднялось настроение — отчасти, наверное, благодаря осознанию того, что он не поддается, а, стиснув зубы, борется за существование, но вполне возможно и потому, что он снова почувствовал себя причисленным к сливкам общества, пусть даже это были сливки преступного общества. В его новой тьюрме содержался Эдвард Тайхоу, получивший сорок лет тюремного заключения за шпионаж — продажу за границу некоторых из все еще имеющихся в Англии секретов. Правда, его волнистые светлые волосы и скошенный подбородок не соответствовали представлениям Крамнэгела о шпионах. Сидел там и Джереми Сабак, один из братьев-мальтийцев, повинных в смерти не менее сорока видных членов преступного мира. Их считали столь опасными, что почти в каждой тьюрме сидел кто-нибудь из этой семьи, но нигде не содержали больше чем одного. Познакомился Крамнэгел и с Портером Эллисоном, Ноэлом Бурпейджем, Уильямом Гансмитом и несколькими другими ловкачками по части продажи автомобилей, которые прикарманили четыре миллиона фунтов стерлингов, захватив перевозивший золотые слитки «боинг». Дело это изрядно нашумело в свое время. Пилот «боинга» Перси Каули-Мидлгорп — прославленный герой битвы за Британию — до сих пор находился в бегах и считался особо опасным преступником. Снобизм заключенных, обитавших в отделении максимально строгого режима питался не только сознанием собственной профессиональной исключительности, но и тем, что они зарабатывали изрядные деньги, печатая в журналах из номера в номер рассказы о своих похождениях и даже публикуя свои мемуары. Всех их раздражал Тайхоу, поскольку никто не мог за ним угнаться. Он спокойно отказался от услуг литературных обработчиков, заявив своим размеренным тихим голосом, что не позволит засорять свой литературный стиль дешевым журнальным жаргоном.

Его книга вышла в свет вскоре после прибытия в тьюрму Крамнэгела, и собравшись по заключению жадно листали критические рубрики газет в поисках рецензий на нее. «Санди таймс» и «Обсервер» отозвались о книге более чем лестно. «Телеграф» же реагировал весьма сдержанно: его литературный критик считал, что шпиону нельзя разрешать наживаться на приговоре к сорока годам заключения. Книга хорошо расходилась, и Тайхоу послал экземпляр с автографом начальнику тьюрмы мистеру Макинтайру-Берду. Прочитав книгу, мистер Берд немедленно созвал совещание персонала с целью усилить меры по обеспечению охраны.

Повесть о зловещей карьере братьев Сабак увидела свет в нескольких номерах журнала «Новости мира», а захват «боинга» освещался журналом «Народ».

К Крамнэгелу поначалу относились без того уважения, к которому он привык в прежней тьюрме, главным образом потому, что английский преступный мир достиг зрелости, позволявшей ему держаться независимо от служившего ранее примером американского собрата. Более того, наиболее выдающиеся его представители считали, что американская преступность загнивает и находится в состоянии упадка — не потому отнюдь, что ФБР преуспело в очищении от нее страны, а потому, что она начала отклоняться от бывшего четкого курса на наживу в запутанную область политических и расовых проблем, лишенных какого бы то ни было финансового интереса. Мало того, американцы еще позволили хиппи скомпрометировать наркоманию.. Однако сам факт пребывания Крамнэгела в тьюрме максимально строгого режима говорил в его пользу и помог ему обрести определенный вес, поэтому когда к нему обратился выходящий огромным тиражом еженедельник «Затемнение» с предложением печатать из номера в номер его мемуары, Джереми Сабак охотно ввел его в круг тюремных литераторов и даже дал ряд ценных практических советов по поводу того, как следует торговаться с редакцией.

«Все расскажу, как знаю» — называлась первая часть воспоминаний Крамнэгела. опубликованная в «Затемнении». Снова раскопали фотографию Эди и рядом с ней тиснули портрет какого-то Гекльберри Финна, больше похожего на персонажа немого кино начала века, чем на Крамнэгела. «Когда взрослые спрашивали меня, босоногого взъерошенного уличного мальчонку, кем я хочу быть, я гордо задирал веснушчатую мордашку и отвечал: «Буду полисменом, чтоб, значит, убивать гангстеров». Мог ли я тогда знать то, что знаю теперь, разглядывая сквозь решетки моей камеры серое английское небо в крупную клетку...» Из текста сразу становилось ясным, что у Крамнэгела появился двойник-англичанин.

Поощряемый большинством грабителей «боинга» и не послушавшись Джереми Сабака, Крамнэгел согласился продавать каждую публикацию своих мемуаров за пятьсот фунтов стерлингов и велел переводить деньги в свой банк в США. Но к советам Сабака относительно авторского права на публикацию своих трудов в других странах он отнесся очень внимательно.

— Рассказы об успешных преступлениях хорошо идут в Италии, — говорил тот, — и при умном подходе к делу можно занять целый капитал в лирах. На открытом рынке они почти ничего не стоят, но если нужно уйти «на дно», на них можно уютно и много лет прожить в Сицилии, включая расходы на взятки и покровительство мафии. Хорошо идет товар и в Германии, но там больше любят преступления с политическим или сексуальным уклоном — вот если вставить в текст каких-нибудь амазонок в мехах, высоких сапогах и с хлыстом да еще сделать одну из них бывшей любовницей Геринга, тогда дело в шляпе. В Голландии и Бельгии рынок, конечно, небольшой, но ведь миллионные состояния начинаются с копеечных доходов, а большие деньги со временем приходят сами. Америка? Нет, там слишком сильна конкуренция, да и потом придуманные сюжеты обходятся им дешевле. У них меньше платят по суду за клевету.

В ответ на звонки сэра Невилла начальник тюрьмы сообщал, что в отделении максимально строгого режима установилась необычно спокойная атмосфера. Он объяснял это тем, что наступил разгар литературного сезона, но, разумеется, то, что его подопечные превратились в группу школьников, усердно и старательно корящихся над контрольной, никоим образом не означает, что свойственная им склонность к проказам оставила их навсегда. Начальник тюрьмы ожидал бури после затишья, особенно когда литературные упражнения приведут к тому, что банковские счета авторов пополнятся достаточными суммами и им захочется начать тратить деньги на воле.

И действительно, неделю-две спустя Крамнэгел вдруг ощутил вокруг себя атмосферу необычной напряженности. Без сомнения, человек, не имеющий опыта и подготовки полицейского, не заметил бы ничего из ряда вон выходящего, но в людях, подобных Крамнэгелу, полное отсутствие чувствительности ко многим другим бияниям жизни всегда сочетается с обостренным нюхом на назревающие взрывы человеческих эмоций. Здесь проявляется та самая интуиция, которая позволяет им, придя на место преступления, со сверхъестественной быстротой разобраться в происшедшем и мгновенно выделить и арестовать всех, вокруг кого чувствуется атмосфера вины. Подобно тому, как приступ ревматизма предсказывает старику наступление плохой погоды, полицейское чутье подсказывало Крамнэгелу, что под внешне безмятежной гладью существуют мощные подводные течения. Вглядываясь в глаза собратьев по заключению, он пытался уяснить характер, направление и силу этих течений, но для этого было еще слишком рано.

Как-то к концу вечерней прогулки — уже наступило то неопределенное время дня, когда водители начинают включать фары, — Крамнэгел заметил, что налетчики, сидевшие по делу о захвате «боинга», обмениваются такими намеренно лишенными выражения взглядами, что ошибиться в их значении было невозможно. Любопытная особенность человека — всегда либо переигрывать, либо недоигрывать, не умея точно соблюсти чувство пропорции даже в создаваемых им шедеврах. А теперь налетчики стали подтягиваться к одной стороне двора, передвигаясь с подчеркнутым безразличием, явно свидетельствующим о наличии тайных намерений.

— Сейчас что-то будет, — уголком рта шепнул Крамнэгелу Сабак.

— Он мне рассказывает, — весь напрягшись, тихо буркнул тот в ответ.

Теперь уже все начали понимать, что называют какие-то события, — все кроме двух надзирателей. Откуда-то издалека донесся рокот вертолета, словно в воздухе забил крыльями огромный беззащитный доисторический ящер. Надзиратель взглянул вверх и насторожился наконец. Шум исходил непонятно откуда и нарастал с невероятной быстротой. Что-то здесь было явно не так. Устраивать такой шум в городе не положено. Тем не менее он становился все громче и громче, и вот — разинув рты, подобно персонажам фантастического фильма, перепуганным сверхъестественным явлением, — они увидели, как над их головой, словно огромное черное насекомое, появился вертолет и перелетел над тюремной стеной, хитро и ехидно отражая своим единственным выпуклым глазом последние лучи заходящего багрового солнца.

На землю с грохотом обрушились канистры, и из них повалил густой дым. В ответ на робкие выстрелы надзирателей застрекотал пулемет. Один из надзирателей пошат-

нулся и упал, второй схватился за грудь, задыхаясь в жестоком приступе кашля. Вслед за канистрами из вертолета полетели картонные коробки. Крамнэгел рванулся вперед — в облака дыма и слезоточивого газа.

— Куда ты?! — крикнул ему вслед Сабак.

Но Крамнэгел, набрав в легкие как можно больше воздуха, не мог ему ответить. Он вцепился в одну из картонок как раз в тот момент, когда ее начал раздирать, доставая оттуда противогаз, один из налетчиков — Билл Гансмит. Сбив Гансмита с ног мощным ударом в челюсть, Крамнэгел подхватил выроненный им противогаз. В этот момент из локтя вертолета вывалилась веревочная лестница, и две фигурки, обе в противогасах, начали карабкаться по ней вверх сквозь дымовую завесу, охватившую уже изрядную часть двора. Вскочив на ноги, Гансмит бросился на Крамнэгела, пытавшегося натануть на себя противогаз. Сцепившись, оба рухнули наземь. Один из людей на веревочной лестнице замешкался, затем полез было вниз, но второй схватил его за плечо. Пилот беззвучно кричал что-то в стеклянном пузыре своей кабины, а лопасти винта с чавканьем и скрежетом рублили воздух. Гансмит вскочил было, обливаясь слезами, задыхался и размахивая руками, но Крамнэгел вцепился ему в лодыжку мертвой хваткой. Пилот решил, что с него хватит, и вертолет полетел прочь. Дымовая завеса оказалась плотнее, чем рассчитывали налетчики, и пилоту пришлось сбавить высоту. Эллисон успел залезть в кабину, но менее черствый Бурпейдж, тревожась за товарища, замешкался на лестнице. Вертолет прошел над самой тюремной стеной; Бурпейдж врезался в нее, и тело его протащило по вмурованному в ее поверхность железному шипам и битому стеклу. Невыносимая боль пронзила Бурпейджа, он выпустил из рук лестницу и рухнул на проложенное вдоль тюрьмы шоссе. Его изуродованное, неестественно сплющенное тело распласталось посреди дороги, и даже противогаз не мог скрыть страшного оскала смерти на его лице.

Когда дым рассеялся, надзиратели с автоматами на изготовку взяли в кольцо Крамнэгела и Гансмита, которые все продолжали кататься по земле, хотя Гансмит наглотался газа так, что его рвало. Крамнэгела удивила ярость, с какою надзиратели оторвали их друг от друга, и возмутили удары прикладами под ребра, когда надзиратели погнались его в камеру. Слышно было, что он что-то кричит в противогазе, но надзиратели с перепугу не желали терпеть никакого неповиновения. Крамнэгела втолкнули в тесную камеру, а вслед за ним втолкнули и Гансмита. Минуту спустя в дверь вошел бледный и взволнованный начальник тюрьмы. Надзиратели, которым было явно не до шуток, сорвали с Крамнэгела противогаз. На лице его вокруг глаз остались два красных отпечатка — там, где в кожу впились стекла.

— Что, бежать пытался? — забрызгал слюной начальник тюрьмы.

— У меня и в мыслях...

— Молчать! Нет, это вам не поможет. Уж я позабочусь. Не поможет! Я-то собирався обойтись с вами по-хорошему, замолвить словечко перед комитетом по помилованию, но теперь дудки! Ни за что в жизни! А вы, Гансмит, осуждены на двадцать лет, и вам прекрасно известно, что вас теперь ждет, — никаких послаблений, никаких пересмотров, отсидите от звонка до звонка, сколько вам сейчас? Двадцать пять? Двадцать шесть? Вот вам и вся жизнь впустую. Что же до вас, — он повернулся к Крамнэгелу, нахмурившемуся от недоумения, — то нам здесь не нужны ваши грязные американские штучки, ясно? У вас семь лет, да? По-моему, мало еще. Вы, говорят, были начальником полиции в какой-то богом забытой дыре? Стоит ли удивляться, что наш мир дошел до такого состояния, если таких, как вы, назначают руководить полицией!

Этот град незаслуженных и несправедливых оскорблений заставил Крамнэгела вскипеть. Лицо его задергалось, запылало от ярости.

— И это ваша благодарность? — прорычал он.

— Благодарность?! — взвизнул начальник тюрьмы.

— Какого же хрена я, по-вашему, сцепился с этим парнем?

— Вам, кажется, велели заткнуться, — угрожающе рявкнул старший надзиратель.

— А вы не суйтесь!

— Почему вы с ним сцепились? — заорал начальник, выйдя из себя и не обращая внимания на старшего надзирателя. — Да потому, что вы ударились в панику, как гусы во время кораблекрушения, когда возникает драка за места в шлюпке и люди топчут друг друга, чтобы спасти свои шкуры. Но вы могли бы не беспокоиться. Все равно мы всех вас переловим, всех. И вашего подполковника Каули-Мидлторпа в придачу. А сейчас обоих на неделю в одиночный карцер. Потом поговорим еще.

— Да скажи ты ему, что я пытался помешать тебе бежать! — приказал Крамнэгел Гансмиту.

— Молчать! — крикнул старший надзиратель. — А ну, двигайте, двигайте. Пошли в карцер!

Крамнэгел попятился в угол камеры. Гансмит же застыл на месте, безучастно глядя на него.

— Вот что я скажу вам, ребята, — подобрavшись, тихо сказал Крамнэгел, — Барахло вы. Просто барахло, и ни в какой я ваш карцер не пойду.

— Не пойдешь? — так же тихо переспросил старший надзиратель. — И кто мы, по-твоему, как ты говоришь?

После взаимной прикидки сил и возможностей надзиратели кинулись на Крамнэгела и принялись его лупить. А он, исполненный сознания своей правоты, яростно отбивался.

— Сэр! Сэр! — донеслось из коридора.

— В чем дело? — откликнулся начальник тюрьмы.

— Бурпейдж мертв, сэр.

— Мертв?

— Сорвался с лестницы и упал на Балаклавское шоссе.

— Вот бедняга.

— Он еще был жив, когда мы нашли его, но в себя так и не пришел.

Неожиданно схватка вспыхнула вновь. Надзиратели, на минуту отпустившие Крамнэгела, чтобы выяснить, не требуются ли они в каком-то другом отсеке тюрьмы, были застигнуты врасплох стремительным броском Гансмита, который безо всякого предупреждения налетел на Крамнэгела и принялся колотить его, выкрикивая: «Сволочь! Сволочь! Сволочь!» Гансмита еле оттащили, а из разбитого носа Крамнэгела на бетонный пол камеры хлынула кровь.

Начальник тюрьмы и надзиратели в полной растерянности услышали, как Гансмит, истерично всхлипывая, обвинял Крамнэгела в убийстве своего друга и всякий раз с удвоенной яростью обзывал его сволочью.

— То есть как же это понять... — начал было начальник тюрьмы, но осекся, боясь ответа на собственный вопрос и его возможных последствий. Но волновался он напрасно, поскольку Крамнэгел все равно уже был не в состоянии отвечать.

— Мы бы все удрали, — простонал Гансмит, — если бы не эта сволочь...

Надзиратели ловили взгляд начальника тюрьмы, как гончие, ждущие свистка хозяина, но начальник, растерянный и встревоженный, прятал от них глаза.

— Что стоите, помогите ему подняться! — приказал он, как будто это приказание было вполне в порядке вещей.

— Отправить его в карцер, сэр?

— Отведите в мой кабинет. В карцер отправьте Гансмита.

Уходя, Гансмит смерил Крамнэгела взглядом, в котором читалось нечто большее, чем отвращение.

Глаза у Крамнэгела слипались, когда он, скорчившись, сел на краешек дивана в кабинете начальника тюрьмы, — он походил на боксера, который сидит в своем углу ринга после полученного нокаута, ничего уже не понимая, но все еще готовый снова ринуться в бой, несмотря на багровую пелену, застилающую глаза.

— Сигарету? — спросил мистер Макинтайр-Берд.

Сигарету! Когда он застрелил Касса Чокбэрнера, начальник угостил его сигарой, но что взять с Англии — это же страна без шика. Крамнэгел попытался заговорить, но разбитые губы не слушались его. Он просто покачал головой.

— Ужасно неприятно... Но вы, надеюсь, понимаете, что нам очень трудно было представить себе, чтобы заключенный стал помогать администрации тюрьмы. Когда вы схватились с Гансмитом... да еще в противогазе... Ну, поставьте себя на мое место!

— Попробуйте для разнообразия поставить себя на мое, — с трудом выговорил Крамнэгел. — Хотел бы я посмотреть, как вам это понравится.

— Если бы я не обладал такой способностью, любезный, то, наверно, и не пригласил бы вас к себе в кабинет, не так ли? — ехидно заметил начальник тюрьмы.

— Пригласили бы или нет — не в том вопрос, — внешне спокойно произнес Крамнэгел. — Вы что, думаете, это такая уж большая честь — сидеть в вашем каби-

нете? Подумаешь! Вот у меня был кабинет, так перед ним приемная была в два раза больше вашей. И ковер от стены до стены, и холодильник в виде комода под Марию-Антуанетту... — Он умолк и потрогал свои распухшие губы. Ему было больно говорить, больно думать.

Начальнику отнюдь не доставила удовольствие столь критическая оценка его представлений о комфортабельном кабинете, но ввиду совершенной им опасной ошибки он вынужден был унять свою гордость.

— Мне остается лишь поблагодарить вас, — сказал он с довольно глупым видом, инстинктивно оглядываясь, чтобы лишний раз убедиться в отсутствии свидетелей.

— За что?

— Видите ли...

— За что? — сухо повторил Крамнэгел. — Эти ребята, надо отдать им должное, прекрасно знали свое дело. Все рассчитали до доли секунды — просто отлично все спланировали, прямо как израильтяне на Ближнем Востоке, когда послали свою авиацию ниже уровня действия радаров, — так рассчитали, что их не схватить бы за хвост, особенно при такой дымовой завесе, да еще слезоточивый газ... — Он приложил платок к губе, пососал ее и вздрогнул от боли. — Все так отработано, будто они прикидывали операцию в разных погодных условиях, затем выбрали безветренный день, рассчитали, как долго будет рассеиваться завеса... Нет, отличный план, отличный... Одного они только не предусмотрели...

— Чего же именно? — невольно спросил начальник тюрьмы.

— Любой самый отличный план не сработает, если вдруг что-то срывается. Так досконально все планировать нельзя — когда план чересчур хорош, его должны выполнять роботы, а не люди. Один маленький просчет — и весь план летит к чертям.

— В чем же, по-вашему; они просчитались? Чего не учли?

— Вы что, смеетесь? — спросил Крамнэгел. — Разве они учли, что в дело вмешаются я? Вы же знаете, что произошло, да? Не полез я в драку и не схватись с Биллом Гансмитом, вся шайка унесла бы ноги прежде, чем вы успели бы сообразить, что происходит. Они растерялись, а этого уже достаточно. Они испортили все дело паникой. Пилот пытался наверстать потерянное время, слишком близко подошел к стене и убил Бурпейджа. Вы за это хотите меня поблагодарить? За это за все?

— Да, за это, — пробормотал, растерявшись, начальник.

— Тогда благодарите меня не за то, что я помог сорвать побег, а за то, что я его сорвал. Да, я! — Он ткнул себя в грудь пальцем. — Я, заключенный номер шесть один шесть дробь один девять пять семь. Крамнэгел, Бартрам Т. Начальник полиции в какой-то богом забытой дыре США. И раз уж мы заговорили об этом, позвольте вам сказать, что ваша охрана ни к черту не годится. Они ничем мне не помогли. В жизни не видел такой дерьмовой охраны.

— Не говорите так, — с обидой сказал начальник тюрьмы, словно Крамнэгел начал богохульствовать в его присутствии, чем не столько разгневал, сколько смутил его.

— Если кто и почуял сразу, что назревает что-то, так это мы, заключенные. А ваши охранники все трепались друг с другом. Даже когда уже был слышен шум вертолета, один из ваших парней продолжал рассматривать свои ногти, решая, пора их стричь или нет. В жизни такого не видел.

Зазвонил телефон. Начальник тюрьмы, измученный всем случившимся и уже до того свыкшийся с необходимостью все время оправдываться, что сам перестал понимать, как и на что ему реагировать, снял трубку так испуганно, словно был абсолютно уверен, что кто-то придумал очередной и еще более зловещий способ помучить его.

Послушав немного, он сказал:

— Да, я понимаю.

Лицо его оставалось почти непроницаемым.

— В море? — Он снова послушал собеседника. — Благодарю вас.

И повесил трубку. Крамнэгел вопрошающе посмотрел на него. Начальник стоял с бесстрастным видом, не зная, как сообщить американцу полученные новости, да и стоит ли вообще откровенничать с заключенным.

— Что упало в море? — спросил Крамнэгел. — Вертолет упал в море?

— Что? Нет, ничего.

— Вертолет упал в море? А что с Портером?

— Его взяли.

Наступила пауза.

— Что же, вы так и не поблагодарите меня?

— Я уже высказал вам всю признательность — больше ничего добавить не могу, — с неожиданным, поистине детским упрямством сказал начальник тюрьмы и почувствовал острый прилив раздражения: почему обстоятельства ставят его в столь неловкое положение — ведь он даже ясность мысли потерял.

Крамнэгел поднялся с места,

— Куда вы? — спросил начальник.

— Пожалуй, хватит с вас моего общества на сегодня.

— Я еще не отсылаю вас. Наш разговор еще не окончен.

— Да бросьте вы, — сказал Крамнэгел, которого вдруг охватила страшная усталость. — Вам, наверное, не очень-то приятно видеть меня здесь и выслушивать мои нотации по поводу того, как управлять тюрьмой.

Такого проявления сочувствия начальник тюрьмы не ждал. Он вообще не знал, чего теперь ждать.

— Да, неприятно, — признался он.

— Могу себе представить, — усмехнулся Крамнэгел. — Нужны вам мои замечания как рыбе зонтик, да и вообще — каким путем, черт побери, может тюремщик отблагодарить уголовного, разве что чисто неофициально?

— Совсе необязательно. Мне пришла в голову мысль, которая может быть осуществлена вполне официальным путем. Я полагаю — особенно в свете нашего.. гм.. временного недопонимания мотивов ваших действий, — что вы заслуживаете самого внимательного к себе отношения. Таким образом я склоняюсь к решению отослать вас отсюда.

— Отослать? — переспросил Крамнэгел. Надеяться на полное освобождение он никак не мог — на это у начальника тюрьмы нет власти, но что же он хочет сказать, идиот чертов?

— Да, я не вижу никаких оснований содержать вас и впредь в тюрьме максимально строгого режима.

— Знаете, что я вам скажу? Все тюрьмы одинаковы, что одна, что другая. Я даже скажу вам больше: здесь хоть преступники классом выше, чем в той бочке с сельдями, куда меня засадили поначалу.

— Это, конечно, очень любезное замечание с вашей стороны. — Начальник откашлялся. — Всегда приятно услышать, что... — Начальник тюрьмы оборвал фразу на полуслове. «Нечего его распускать, а то, оглянуться не успеешь, как он усядется на мое место». — В общем-то моя мысль перевести вас была продиктована не одним лишь стремлением воздать должное вашему поступку, но и опасением, что вы больше не будете пользоваться здесь такой популярностью, как прежде.

— А что вы, собственно, против меня имеете? — нахмурился Крамнэгел.

— Нет, нет, дело не в н а с, — торопливо заверил его начальник тюрьмы. — Уверю вас, что с нашей стороны вы встретите наилучшее к себе отношение... но это едва ли поможет вашим отношениям с другими заключенными. Боюсь, что это вызовет совсем противоположный эффект.

Крамнэгел побледнел.

— Верно... И, зная, какая у вас здесь паршивая охрана, мне вряд ли стоит рассчитывать на защиту с ее стороны. Пока тот ублюдок решит, стричь ему ногти или нет, меня уже пришьют.

Начальник тщетно пытался что-то придумать, чтобы защитить репутацию своих подчиненных, но в конце концов решил, что молчание само по себе обладает достаточным бесценным достоинством, которое только и может заменить отсутствие конструктивных мыслей в неудачные дни.

— Господи Иисусе, был бы со мной мой револьвер... — сказал Крамнэгел.

Начальник тюрьмы подскочил. Он не был уверен, что правильно услышал слова собеседника, но Крамнэгел уже направлялся к двери.

— Один последний в о п р о с, — сказал начальник.

Крамнэгел остановился и повернулся к нему.

— Что вас заставило так поступить?

— Наверное... — И Крамнэгел замолчал, задумавшись, только челюсти его ходили ходуном, как будто коренные зубы увязли в море жвачки и пытались высвободиться из н е г о. — Наверное, то, что полицейский всегда останется полицейским; сэр.

Он открыл дверь и, прежде чем ожидавший в коридоре охранник успел что-либо произнести, сказал:

— Ладно, пошли.

На следующее утро Крамнэгела нашли полумертвым в дальнем углу камеры. Никаких следов драки не было видно. Говорил он шепотом:

— Скажите начальнику, чтоб он меня отослал отсюда, как хотел. Скажите, чтоб поживей, иначе слишком за многое придется ему отвечать... Слишком, черт побери, за многое...

— Одно хорошо, — заметил начальник тюрьмы, ожидая, пока его соединят с министром внутренних дел. — Если возникнут вопросы, почему у Крамнэгела в кровь разбито лицо, нам лишь останется списать все на уголовников.

— Так точно, сэр, — согласился старший надзиратель. — Нет худа без добра.

12

Газеты были полны фотографий вертолета, лежавшего на дне, водолазов и полицейских. Почти все печатные издания изложили на своих страницах ход событий, иллюстрируя рассказ либо схемами, либо старыми фотографиями тюремного двора с нарисованными на них стрелками. О Крамнэгеле, однако, не упоминалось ни словом. И только позвонив по просьбе сэра Невилла под каким-то благовидным предлогом начальнику тюрьмы, Билл Стоккард узнал, в ответ на всколше заданный вопрос, что Крамнэгела переводят обратно в прежнее место заключения.

— Очень рад это слышать, — сказал Стоккард, — но не могли бы вы мне сказать почему?

— Ну просто... просто мы решили, что так будет лучше.

— Лучше? — Молчание в телефонной трубке. — Я понимаю, что это дело больше не находится в нашей компетенции, но сэр Невилл проявил к нему такой интерес, что, право же, из простой любезности, если даже не по какой-либо другой причине...

— Честно говоря, его очень невзлюбили другие заключенные.

— Почему же?

— Ну, знаете... он высокомерен... строит из себя этакое всезнайку... да и потом среди заключенных в крыле максимального режима сильно развиты антиамериканские настроения... Печально, но факт.

— Как, по-вашему, чем они вызваны?

— Думаю, что разницей в методах. Янки когда-то держали монополию по части преступности, но это уже все в прошлом. Преступники других национальностей, особенно британцы, ушли в этой области далеко вперед, они применяют огромное количество усовершенствованных войной новых методов и к янки теперь относятся как к публике, безнадежно устаревшей, но по-прежнему задирающей нос и хвастающей своим мастерством.

— Но достаточно ли этих причин, чтобы объяснить неприязнь лично к одному человеку? Извините, мистер Берд, я хотел бы задать еще один вопрос, если позволите. В чем выразилась неприязнь к нему? Имели ли место... ну, скажем, какие-то эксцессы?

— Эксцессы? — проворчал мистер Берд. — Так, всего лишь синяки.

— Синяки? И много?

— Вы что, допрашивать меня решили? — Начальник стал приходить в свое обычное взвинченное состояние. — Разве управление главного прокурора имеет право меня допрашивать?

— Разумеется, нет, но ведь правилами отнюдь не возбраняется задавать межведомственные вопросы, не так ли? Если возбраняется, то мне подобная инструкция неизвестна.

— Я отвечаю на ваши вопросы в полную меру своих возможностей.

— Именно так, мистер Берд, и я очень вам признателен. Разрешите мне только задать один последний вопрос.

— Давайте спрашивайте.

— Разве ваши надзиратели не в состоянии помешать заключенным наставлять друг друга синяки?

Начальник тюрьмы перешел на крик:

— С тех пор как я принял эту тюрьму, я только и делаю, что прошу увеличить штаты! Это уже старая история! У меня слишком мало людей, а те, которые есть, либо

совсем одряхлели, либо безответственные мальчишки. Да вы покажите мне такого парня, который решит сделать службу в королевских тюрьмах делом своей жизни, пока не получит отказа по меньшей мере в десятке других мест!

— Благодарю вас за проявленную любезность, мистер Берд.

Положив трубку, Билл рассказал о случившемся сэру Невиллу. Тот позвонил майору Эттлиси-Гору.

— Нет, его еще не доставляли, но думаю, что скоро привезут. По правде сказать, я принимаю его обратно без особого восторга. Неужели его больше некуда было деть?

— Но почему его вообще отправили обратно к вам? — поинтересовался сэр Невилл.

— Насколько я понял Макинтайра-Берда, он в неважном состоянии.

— Но нам сказали, что ему просто наставили синяков.

— Синяков? Его везет сюда карета «скорой помощи».

— «Скорой помощи»? — встрепнулся сэр Невилл. Он принял решение. — Скажите, вы не будете возражать, если мой помощник или кто-нибудь еще из моих сотрудников побеседует с Крамнэгелом, как только он прибудет к вам?

— Пожалуйста. Если вы сумеете меня от него избавить, я буду только рад. Насколько я могу судить, он сеет смуту везде, куда бы ни попал. Сначала застрелил в пивной старика, потом инспирировал взрыв банка, а теперь вот сцепился с другими заключенными, и они избили его до полусмерти.

— Скажите, — неожиданно спросил сэр Невилл, — а вам известно, когда это произошло? Когда они напали на Крамнэгела?

— Вчера. И администрация тюрьмы настаивает на его немедленном переводе.

— Вчера. А позавчера имела место попытка побега, не так ли?

— Я об этом и не подумал.

— Пойманных беглецов вернули в прежнее место заключения?

— Полагаю, что да. Такова обычная практика.

— Благодарю вас.

Крамнэгела внесли на носилках в комнату, откуда заключенные обычно выходят за стены тюрьмы. В этом странном аквариумном мире молчания и подводных течений никто и не обратил особого внимания на то, что его доставили из тюремного лазарета, где он провел ночь под охраной надзирателей. Принесли его личные вещи, а машина «скорой помощи» въехала задним ходом во двор. Крамнэгел, закрыв глаза, лежал на стоявших на полу носилках.

— Что случилось, дружище?

Крамнэгел с трудом разлепил веки. В глазах его расплывалось смутное изображение склонившегося над ним старика, так сморщившегося, что половина лица его исчезла.

— Не смейся меня, Гарри, — пробормотал он, — смеяться больно, черт его...

— Достали они тебя?

— Достали, приятель.

— Я отомщу им за то, что они с тобой сделали. — И Гарри изобразил очередь из автомата.

— Ну и лопухнулся же ты со своей бомбой, приятель.

— Я все сделал, как ты сказал, но что-то получилось не так, а что — я и сам не знаю. — Старик расплылся в улыбку. — Ну да ничего. Мне сказали, что я нанес убытку миллионов на двадцать. Представляешь? Вот это да! — Старик был счастлив и исполнен сознания собственного достоинства. — А все благодаря тебе, дружище. Теперь я проведу последние годы в максимально строгом режиме. Я о таком и мечтать никогда не смел — Гарри Мазерс в спецтюрьме! Да еще месяц назад меня просто засмеяли бы, но теперь — и все благодаря тебе — я могу высоко держать голову!

— Вам нельзя быть здесь! Как вы сюда попали? Вас ищут по всей тюрьме!

Черт бы побрал надзирателей. Крамнэгел снова закрыл глаза не столько от боли, сколько от отвращения. Пока они там перекуривали и сравнивали, у кого ногти длиннее, его уже десять раз могли пришить.

Затем Крамнэгела отнесли в санитарную машину и отправили в старую тюрьму. Днем в тюрьму приехал Билл Стоккард и навестил Крамнэгела в лазарете. Стоккард пришел в ужас от того, что ему пришлось увидеть и услышать.

— И все это случилось с вами после того, как вы помогли предотвратить побег банды налетчиков?

— Совершенно верно. Но, знаете ли, сэр, мне вряд ли пристало обвинять их. Я должен был бы помнить, что такое тюрьма — тюрьмы ведь везде одинаковы. Может, в Греции и в Гватемале они потеснее, а в Калифорнии в лучших камерах теперь, возможно, стоят телевизоры, а в Китае заключенным вместо завтрака вбивают в глотку труды председателя Мао, но в принципе разница между тюрьмами небольшая. Любая тюрьма — это место, где люди надеются на лучшее и ожидают худшего. Это всех касается — и заключенных, и тюремщиков. С моей стороны было безумием ввязываться в это дело, чтоб помочь им. Я, пожалуй, просто, значит, забыл, что сам сижу за решеткой. Я, наверное, все время так сильно пытался об этом забыть, что и вправду забыл.

Такой Крамнэгел пришлось Стоккарду по душе.

— Что же, может, и не зря вы пострадали, мистер Крамнэгел. В конце концов, вы привлекли внимание к своему делу.

Вернувшись в Лондон, Билл рассказал о своей поездке сэру Невиллу и подробно ответил на все его вопросы. Сэр Невилл не столько расстроился, сколько почувствовал облегчение. Ему казалось, что все происшедшее оправдывает его задиристое поведение в своих клубах. Как и во время суда, Крамнэгел, хотя и неудачно начав, все же давал своему защитнику право гордиться им. Поэтому сэр Невилл снял телефонную трубку и попросил срочной встречи с министром внутренних дел. Естественно, она произошла лишь два дня спустя, за обедом в отдельном кабинете Клуба юных ветеранов, членом которого состоял министр. В свои сорок с лишним лет достопочтенный Клайв Белпер был сравнительно молод для занимаемого им высокого поста, но он жил в эпоху, когда молодость сама по себе уже считалась достоинством в высших кругах. Он был достаточно высок и потому несколько сутулился, голову его венчали рыжеватые мальчишеские кудряшки, оставлявшие свободным лишь темя, на котором сквозь редкие волосы просвечивала лысина, поэтому в одних ракурсах он казался совсем лысым, в других — пышноволосям. Он носил очки с довольно толстыми стеклами, так что глаза за ними, когда он с кем-то беседовал, часто казались застывшими, то ли потому, что он так внимательно вслушивался в слова собеседника, то ли потому, что мысли его в это время были где-то очень далеко.

Сэр Невилл поведал ему сагу о Крамнэгеле — историю, увы, еще не завершённую, — излагая ее в свойственной ему убедительной манере, рассказывал все, как было, и в то же время нисколько не пытаясь скрыть своего предвзятого к делу отношения.

— Совершенно ясно одно — не правда ли, сэр Невилл? — что необходимо произвести расследование того, что происходит в наших тюрьмах максимально строгого режима. Если потребуется, вызовите начальника той тюрьмы. Сейчас, кстати сказать, вполне удобный момент для подобных действий, поскольку у членов парламентской оппозиции появилась четкая тенденция задавать неприятные вопросы. Растущее количество сенсационных побегов и растущий уровень преступности автоматически делают меня мишенью для них. Они, говоря по правде, спекулируют на страхах публики. Будь я в оппозиции, я делал бы то же самое.

— Могу ли я напомнить вам, мистер Белпер, — не без язвительности заметил сэр Невилл, — что вы состоите не в оппозиции, а в правительстве. И что, следовательно, в ваши обязанности входит не создавать сумятицы, задавая неприятные вопросы, а, напротив, предотвращать постановку таких вопросов, принимая мудрые решения. Я добивался встречи с вами не для того, чтобы просить расследования работы тюрем максимально строгого режима. И хотя подобное расследование во многом облегчит мою душу, оно вообще вряд ли входит в компетенцию моего ведомства. Я хотел встретиться с вами для того, чтобы обратить ваше внимание на следующее: в тюрьме находится человек, который не должен там находиться. И я хотел бы посоветоваться с вами относительно имеющихся у нас возможностей прекращения дела или, по меньшей мере, облегчения участи этого человека.

— Вашу критику, сэр Невилл, я воспринимаю в том духе, который вы, без сомнения, и хотели ей придать — в духе нотации доброго дядюшки, — сказал Белпер, показывая в улыбке зубы и хорошее воспитание, — но я, право же, считаю, что вы проявляете некоторую, пожалуй, сентиментальность по отношению к этому американскому полицейскому. В конце концов, он ведь убил человека, англичанина.

— Шотландца.

— В самом деле? Ну, в любом случае он убил британского подданного, находясь на английской земле. И согласно закону — поправьте меня, если я ошибусь, — он должен предстать за совершенное преступление перед судом, и если его жертва умерла, то не может быть иного обвинения, чем обвинение в убийстве.

— Верно.

— Итак, этот человек предстал перед судом, суд признал его виновным в непредумышленном убийстве и приговорил к семи годам. Суд уже продемонстрировал достаточную степень милосердия и присущего нашему веку разума. Суди его присяжные, какие обычно заседали лет пятьдесят назад, и судья прошлого века — висеть бы ему на виселице...

— Я подхожу к делу не с юридической, а с человеческой точки зрения, господин министр. Или, вернее, лишь в том смысле с юридической точки зрения, что я убежден: будь на процессе судьей Максвелл Лиройд или, например, Ламли Джейкобс, а не Плантагенет-Уильямс, у обвиняемого были бы изрядные шансы получить оправдательный приговор...

— Даже при наличии мертвеца?

— Могла быть допущена мысль о самозащите. Даже мысль об иллюзорной необходимости самозащиты в глазах человека, привыкшего защищаться против применения огнестрельного оружия. Для этого лишь требовались судья с воображением, адвокат, способный эффектно подчеркнуть наиболее немислимые аспекты дела, не выставляя их в совсем уж невероятном виде, и пара завзятых любителей кино в составе жюри. Мне мало встречалось дел, которые столь сильно зависели бы от элементов удачи в подборе состава суда, как это.

— Но вы, я надеюсь, и не рассчитываете на полное исключение элементов удачи из судебного процесса?

— Против них есть только один прием, и этот прием непогрешим, — медленно произнес сэр Невилл.

— Какой же? — был вынужден спросить министр.

— Сострадание.

Министр улыбнулся, не веря собственным ушам.

— Право же, сэр Невилл, от вас я ожидал более профессионального подхода. В конце концов вы ведь не просто профессионал, вы — блестящий профессионал.

— Что вы подразумеваете под словом «профессионал», сэр?

— Человека, ищущего решений в рамках возможного, но не за их пределом.

На этот раз настала очередь сэра Невилла улыбнуться.

— Нам не следует забывать, что пределы возможного — это царство человека, а то, что лежит за этими пределами, — царство божие. Если под понятием «профессионализм» подразумевается отчуждение от всего божьего, то я с вашим определением не согласен. «Сострадание» может казаться вам слишком простым словом для словаря искушенного человека, но я и не намерен оправдываться в том, что употребил слово «сострадание». Я просто снова обрел его и устыдился того, что сорок лет легко без него обходился. Сострадание — это все, чего я прошу для Крамнэгела.

Белпер не сводил с лица сэра Невилла пристального взгляда: столь неожиданное истораживающее проявление душевного тепла тронуло его, и тем не менее он спрашивал себя, не начинает ли сэр Невилл постепенно расслабляться с разумом.

— Как, по-вашему, мог бы почувствовать подобное сострадание я? — спросил он наконец.

— Пока не знаю. Давайте вместе рассмотрим факты и, может быть, придем в итоге к какому-то решению. О процессе нам все известно. Суд под председательством Плантагенет-Уильямса приговорил Крамнэгела к семи годам. Крамнэгел отправляется в тюрьму, где завязывает дружбу со старым чудаком, с откровенно не расстающим с тюрьмой. Удовлетворяя любопытство старого дурня, Крамнэгел рассказывает ему несколько историй о жизни Чикаго и Дикого Запада, а заодно объясняет, как делаются бомбы и горючая смесь. По воле случая обстоятельства складываются так, что срок заключения старика кончается и он выходит на волю; поскольку в том, что он считает своим мозгом, еще свежи формулы изготовления адских машин, ой взрывает здание банка. Обвиняют в случившемся — причем совершенно несправедливо — Крамнэгела и переводят его в тюрьму максимально строгого режима. Здесь он помогает тюремной администрации предотвратить групповой побег, а его в награду сначала избивают надзиратели, затем еще более жестоко избивают заключенные. Что же происходит теперь?

Вы намерены расследовать деятельность начальника и руководящего состава персонала тюрьмы максимально строгого режима, и они, безусловно, будут строго наказаны, когда вся правда о случившемся выплывет наружу. В итоге Крамнэгел наживет себе непримиримых врагов как среди заключенных, так и среди тюремщиков. За жизнь его — за то, что останется от его жизни, — нельзя будет дать и ломаного гроша. Думал ли обо всем этом судья Плантагенет-Уильямс, бесстрастно приговаривая Крамнэгела к семи годам заключения? Полагаю, что нет.

— Ваши аргументы очень убедительны, господин главный прокурор, — беспомощно рассмеялся Белпер, — но я просто не осмелюсь пойти на какие-либо официальные шаги, чтобы облегчить участь этого несчастного. Я, в конце концов, типичное политическое животное. При нашей системе правления получается почему-то так, что здравый смысл рождается не в итоге мудрого решения правителя или бдительности оппозиций, а в итоге столкновения двух противоположных точек зрения, выраженных со страстью и с юмором. Я просто не могу ускорить решение комитета по помилованию, не могу и приказать освободить под предлогом примерного поведения вашего Крамнэгела после того, как он отбыл всего несколько недель из семилетнего срока наказания. Мы живем в такое время, когда общественное мнение реагирует на преступность все более и более нервозно, а обе политические партии, как я уже говорил, подливают масла в огонь, пытаясь использовать эту нервозность в своих целях во время выборов.

— И все-таки необходимо что-то сделать, — решительно заявил сэр Невилл.

Белпер задумался, потом нахмурился и заговорил очень серьезно, тщательно подбирая слова:

— Я понимаю, что вас мучает, лучше, чем вы думаете, сэр Невилл, но если вы позволите покригиковать вас человеку, который несколько младше вас по возрасту, то я хотел бы заметить, что вы ослабляете собственную позицию, добровольно отказываясь от профессионального подхода к делу и заменяя его высокоморальными соображениями, которые вы делаете своим единственным оружием, вместо того чтобы более, чем когда-либо, полагаться на ваш макиавеллиевский талант ориентироваться в запутанных ситуациях. Вы же в конце концов стремитесь спасти человека. Привлекая в качестве союзника меня, вы не имеете ни малейшего шанса на успех. Должен вам сказать, что я вообще не верю в успех вашего дела, но у вас все-таки будет больше шансов, если вы начнете действовать один... Или рука об руку с Макиавелли.

— Что же предлагаете вы, о государь? ¹

— Идею, заведомо бредовую, но она может послужить иллюстрацией того, в каком направлении работает у меня мысль. Вы могли бы, например, перевести вашего Крамнэгела в одну из этих новых экспериментальных тюрем без решеток и замков — в Лайберн или в Трассмор, а там начать подстрекать его к побегу.

Сэр Невилл задумался, затем лицо его просветлело.

— Вы совершенно правы, — сказал он. — Ведь нарушать законы куда веселее, чем соблюдать высокие принципы, да и сами-то эти принципы существуют лишь благодаря беззаконию.

— Послушайте, ведь я, ей-богу, просто так сказал первое, что в голову взбрело... в качестве примера...

— Напротив, напротив, вы подали прекраснейшую идею. Лайберн находится всего в двадцати милях от Ливерпуля, а там порт и суда. Можно, пожалуй, уговорить Скотланд-Ярд не гнаться за Крамнэгелом прямо по пятам и позволить ему, так сказать, выскользнуть из рук, когда его корабль выйдет из трехмильной зоны.

— Я ничего больше не желаю слышать, сэр Невилл.

— Что вы имели в виду, когда сказали, что, взяв вас в союзники, я обрекаю все дело на неудачу? — сердито спросил сэр Невилл.

— Каждый делает все, что может, сэр Невилл, — в этом главное... Никто тут возражать не станет. А ни о чем другом я и не прошу.

— Вы совершенно правы, — с самым серьезным видом отвечал сэр Невилл. — Никто ведь не может сделать больше, чем способен сделать.

(Окончание следует)

---

¹ «Государь» — известное произведение Н. Макиавелли.

ПИТЕР УСТИНОВ

Крамнэгел

РОМАН

Перевод с английского Ю. ЗАРАХОВИЧА

13

Лицо у Крамнэгела постепенно зажило, и он сидел сейчас напротив Энгуса Певерелл-Проктора в очень современного стиля кабинете, выполненном из местных строительных материалов. Певерелл-Проктор был неисправимым идеалистом с застывшей на губах ангельской улыбкой, лишь подчеркивавшей завораживающую мягкость его зеленых глаз, которые, словно застойные лужи, тускло поблескивали под высоким мостиком бровей. Голосом тоненьким, как у эльфа, он выщепывал слова, руки же его были крепко стиснуты, точно двое любовников. Он был не просто человек, а человек с призванием и целью в жизни.

— Лайберн, — мурлыкал он, — не похож ни на один исправительный дом в мире... По правде говоря, мне вообще хочется видеть в нем нечто большее, чем исправительный дом, — дом для размышлений, дом переориентации, прачечную души... Я надеюсь, что вам будет здесь хорошо. Вы прибыли несколько поздно, чтобы помочь в сооружении церкви, но я надеюсь, что вы не откажетесь потрудиться, когда мы начнем рыть котлованы для бассейна. У нас часто устраиваются лекции, концерты и театральные представления, и участие в них, разумеется, является обязательным. Но этим и исчерпываются все наши обязательные дела. — Он сверился с лежащим на столе листочком. — Завтра Уайтчепельский квартет исполняет три последних квартета Бетховена. Во вторник генерал-майор сэр Гордон Маквикарий читает лекцию на тему: «Цейлон — а что дальше?», а в пятницу мы начинаем репетировать пьесу «Как важно быть серьезным». Не думаю, чтобы остались свободные роли, но теперь, когда у нас появились вы, мы можем изменить свои планы и поставить потом «Окаменевший лес»¹. Мы давно уже хотели осуществить эту постановку, но не было никого, кто действительно подходил бы на роль гангстера.

Крамнэгел едва верил своим ушам, а несколько минут спустя он и глазам своим не поверил. Большинство заключенных, рассматривавших его — кто надувшись, а кто с веселым любопытством, — показались ему либо ненормальными, либо весьма и весьма странными. Во время беседы с мистером Певерелл-Проктором он в основном молчал, настолько неожиданным оказался ее тон, как и вся изысканная атмосфера. У Крамнэгела возникло странное чувство, что его перевели по ошибке в дом для престарелых. Хотя среди заключенных попадалось много молодых людей, все они казались беспомощными и уязвимыми.

Первоначально дела вдруг снова чуть было не приняли дурной оборот, когда Крамнэгелу показали его комнату (в Лайберне помещения для заключенных назывались комнатами, а не камерами), которую он должен был делить с негром-барабанщиком, попавшимся на марихуане. Крамнэгел против его общества не возражал, поскольку негров-наркоманов знал хорошо, но барабанщик оказался расистом до мозга костей. Он прикидывался сторонником «черных пантер» и требовал называть себя не Миддротом Артурсом, а Мустафой Абдулом.

— Уберите отсюда этого легаша! — вопил он, — Мустафа Абдул ни с каким таким белым легашом жить не станет.

— Ты мне мозги не пыли! — завопил Крамнэгел в ответ Абдулу, который на самом деле был родом с Тринидада, где вел относительно счастливое, хотя и бедное существо-

¹ Пьеса известного американского драматурга Роберта Шервуда. Окончание. Начало см. в № 8, 9.

вание, но жаждал найти повод жаловаться на что-то, и который в качестве первого шага по пути к мелкому мученичеству решил выдавать себя за американца. — Ты меня знать не знаешь, даже разглядеть меня своими треклятыми зенками толком не успел, так что не имеешь никакого права на меня орать!

— А мне и не нужно знать легаша-янки, чтоб иметь о нем представление, — продолжал глумиться над ним Мустафа. — Что я, Чикаго не помню? Литл-Рока? Или Бирмингема в Алабаме?

— Еще только вякни, и Лайберн тоже на всю жизнь запомнишь — останется от тебя одно пятно на полу.

Мустафа начал заводить глаза вверх, как изрядно выпивший человек, его желтоватые белки, уже затянутае катарактой, дергались в такт притоптывавшим ногам, высывавшемуся языку и конвульсиям. Вскоре на губах его выступила пена, и он затряс плечами, будто пытаея сбросить с них невидимый, но прижимавший его к земле тяжелый груз. Весь дрожа и дергаясь, он бормотал что-то ритмичное на непонятном щелкающем наречии.

— Что это ты тут за чертовщину развел? — несколько нервно спросил Крамнэгел.

— Порчу на тебя на вожу, — пропел Мустафа и отбежал в сторону, весь дергаясь.

Смерив соседа взглядом, Крамнэгел понял, что тот сейчас доведет себя до невменяемого состояния, и резко рванул дверь.

— Эй! — крикнул он двум длинноволосым надзирателям, которые жевали что-то в конце коридора. — Этот тип на меня порчу наводит. Мне это не нравится. Уберите его отсюда — или его, или меня. Здесь и без порчи невесело, так что она мне совсем ни к чему.

— О боже мой, опять он за свое, — отвечал тщедушный надзиратель, прерывая на полуслове разговор с коллегой и подходя к Крамнэгелу. — Он это делает каждый раз, как к нему кого подселяют. На самом-то деле его проклятия ровно ничего не значат, а потом, когда с ним познакомишься поближе, ведет он себя очень дружелюбно.

— Я вовсе не намерен с ним близко знакомиться. У него изо рта идет пена, я с такими людьми связываться не хочу. Пойдите к этому длинному, который со мной беседовал, и скажите ему, чтобы меня перевели в другую камеру, ладно?

Надзиратель постучал ладонью по двери, пытаея вывести Мустафу из транса.

— Что вы там делаете? Снова плохо себя ведете? Мистеру Энгусу это не понравится. Вот скажу ему, он у вас гитару отберет, ей-богу отберет!

Но все уговоры были явно ни к чему. Мустафа стих, перегнулся пополам и застыл.

— Нет, разговаривать с ним без толку, — сказал отчаявшийся надзиратель. — Придется звать доктора О'Тула. Ну, пошли к мистеру Энгусу.

Крамнэгела отвели в другую «комнату», где представили новому сожителю, лысому толстяку, развалившемуся в постели, хотя было лишь пять часов дня. Подле кровати на аккуратной тумбочке, покрытой ситцем, стоял манекен головы, на котором покоился рыжеватый парик.

— Что вы здесь делаете, лежебока? — спросил надзиратель.

— Меня что-то стало знобить, и я сказал себе: «В постель, старина, в постель, это единственное для тебя место».

— Вы обращались к доктору О'Тулу?

— Ну его, вашего доктора, у него дурной глаз.

— Что за чушь вы мелете!

— Ну, так руки у него холодные. — Лежавшего на кровати человека передернуло.

— Познакомьтесь с мистером Крамнэгелом, вашим новым соседом. Мистер Крамнэгел — мистер Ливингстон.

К чему мистер Ливингстон добавил:

— Надо полагать.

— Привет, — сказал Крамнэгел, изучая своего нового соседа.

Надзиратель вышел за дверь. Крамнэгел подошел к окну и посмотрел на распаханное поле, расстилавшееся вдаль до еле видной ограды. Решеток на окне не было.

— Я читал о вас.

Крамнэгел обернулся к Ливингстону.

— О, вот как?

— Странно, что вас прислали сюда. Вы ведь, в конце концов, убили человека, не так ли? А здесь заведение не для буйных, о нет, совсем нет. Что же — мне, значит, бояться вас?

— С какой стати вам меня бояться? Не выходите за рамки, и мы с вами прекрасно поладим. Вы здесь за что?

— Растление малолетних.

— Серьезно? Вы, значит, и есть один из этих психов, которые подкарауливают девочек?

— Меня наблюдает доктор О'Тул. Но как грязно вы меня оскорбили! При чем здесь девочки?.. Меня зовут Корал. Ни на какие другие имена я не отзываюсь. Корал или Королева-мать. Некоторым так больше нравится. Наверное, потому, что я здесь уже давно и помогал советами многим молодым людям, с которыми меня сводила судьба.

— Ну, ладно, ладно, будь по-твоему: Корал так Корал. Меня зовут Барт. И если ты не хочешь, чтоб я звал тебя Чарли, не думай звать меня Беатрисой.

Говоря по правде, Крамнэгел очень быстро свыкся с присутствием Корал, который, как оказалось, изрядно любил поспать и был совершенно безобидным существом.

Днем Крамнэгел трудился на строительстве церкви, где пригодилось его умение класть кирпичи и где его подвиги на поприще топора и пилы вызывали восторженное одобрение, поскольку многие боялись повредить себе на работе руки. Вскоре он уже стал десятником и даже начал давать указания надзорителям и архитектору (сидевшему в тюрьме за уклонение от уплаты налогов), что и как можно сделать лучше и как добиться большей жесткости конструкций. Мистер Певерелл-Проктор следил за строительством из своего окна, на глаза его навертывались слезы восторга, а перед мысленным взором уже вставал бесконечный шпиль, пронзающий небесную твердь подобно игле огромного шприца, до отказа наполненного сывороткой веры, и он дивился чуду. Он был одним из тех немногих, кто еще сохранил умение дивиться чуду, а временами даже восхищаться им. Крамнэгел рисовался его воображению гладиатором, ослепленным потоком яркого света в момент своей победы на арене, последовавшим за этим светом и пришедшим не на высоты морального триумфа, но во мрак катакомб, чтобы там его могучие и страшные руки научились служить добру.

В удовольствии, которое доставляло Крамнэгелу участие в строительстве, не было ничего мистического, и то, что сооружал он церковь, не имело для него никакого символического значения. Значение имело то, что он снова руководил, снова стоял во главе, снова мог рычать на подчиненных, быть веселым, покладистым и в то же время весьма опасным начальником и мог порисоваться перед публикой.

Но вот обязательное посещение, например, концертов камерной музыки пришлось ему по душе куда меньше. В музыке Бетховена он не обнаружил четкого ритма, а оркестр из четырех струнных инструментов показался ему явным разбазариванием средств. За те же деньги можно было нанять четыре трубы да три контрабаса с ударником и получить двойную отдачу. За весь концерт под одно только скерцо и можно было прищелкнуть пальцами, но даже эта невинная попытка принять участие в концерте вызвала негодующие взгляды и возмущенное шиканье со стороны тех меломанов, которые знали, как глубоко ценит красоту мистер Энгус. Публика проявила еще большее возмущение, когда Крамнэгел попытался заговорить с соседом во время исполнения одной из медленных частей, и немало очей было возведено к небу, когда он вдруг спросил: «Господи Иисусе, что же это за музыка такая, что и поговорить нельзя?»

Певерелл-Проктор снисходительно улыбнулся, глядя на своего огромного медведя, своего огромного доброго гиганта, бредущего горной тропой к прекрасному.

Лекция о Цейлоне, прочитанная отставным генералом, оказалась менее занудной, чем Бетховен, в основном потому, что сопровождалась демонстрацией диапозитивов, так что глаз хоть на чем-то мог отдохнуть, не утомляясь созерцанием четырех человек, дергавшихся без конца на сцене. Вообще-то Крамнэгел всегда считал Цейлон островным придатком Африки, а не Индии, путая его, надо полагать, с Мадагаскаром, о котором он что-то слышал, но понятия не имел, где этот остров находится; кроме того, Цейлон или нечто похожее ассоциировалось в его памяти с одним приключенческим фильмом, где Хэмфри Богарт играл главную роль. Генерал оказался человеком педантичным и информировал своих слушателей о том, что на санскрите остров назывался Сингала Двайп, что большинство греков и некоторые римляне называли его Тапробана и что арабы звали его Серендиб. Генерал говорил медленно, с большими паузами, как бы давая слушателям записать эти ценнейшие сведения. Он показал им собственную работу диапозитивы с видами Коломбо, но снимал он обычно с такого расстояния и с такой выдержкой, что Коломбо можно было легко выдать за Колумбус, штат Огайо.

Крамнэгела милосердно не включили в состав исполнителей пьесы «Как важно быть серьезным», но в виде любезности он отрывался от руководства строительной командой, забегал на репетиции и наблюдал за тем, как Корал готовится к предстоящему триумфу в роли леди Брэкнелл — роли, к исполнению которой он был подготовлен самой природой, не обладая, пожалуй, лишь некоторой мужеподобностью и энергией, присущими этому образу.

Создавалось впечатление, что великий эксперимент мистера Певерелл-Проктора осуществляется вполне успешно, во всяком случае если иметь в виду определенную категорию заключенных. Однако Лайберн, безусловно, все еще трудно было представить себе в качестве подходящего места для закоренелых преступников, сохранивших контакты с преступным миром на воле. Крамнэгел поэтому рассматривался как подопытный кролик (и, как выяснилось позже, совершенно ошибочно), и мистер Певерелл-Проктор видел подтверждение правоты дела всей своей жизни в том, что убийца — следовательно, отпетый и от природы испорченный головорез — оказался наиболее энергичным и старательным рабочим из всех заключенных, да еще проявлявшим наибольшее чувство ответственности. Начальник тюрьмы обходил свои владения, осиянный благочестивыми мыслями.

В Лондоне же сэр Невилл принял у себя главного инспектора уголовной полиции Пьютри и был приятно удивлен, но и немало шокирован тем, что Пьютри с одобрением отнесся к его преступному плану освобождения страны от человека, которого она не могла судить, но могла лишь наказывать.

— Не предлагай эту мысль вы, сэр Невилл, рано или поздно я бы предложил ее сам, — сказал Пьютри.

Будучи новичком-правонарушителем, сэр Невилл не переставал поражаться тому, сколь склонен человек к преступным действиям, и после беседы с Белпером и Пьютри спросил себя, не ошибался ли он всю жизнь в своих оценках рода человеческого, не прошел ли он все ступени своей карьеры с шорами на глазах, побуждавшими его считать себя непорочнее прочих. Высшие принципы морали просто бесчеловечны. В этом и состоит их величайший недостаток, который начинает проявляться, стоит применить их к людям.

— Да, — устало продолжал Пьютри, — тогда, сгоряча, мы все пришли к твердому убеждению, что Крамнэгел обучил Гарри Мазерса изготовлению бомбы и горючей смеси, чтобы таким путем отомстить британскому правосудию, но сейчас, тщательно все обдумав, мы поняли, что, по всей вероятности, абсолютно неверно оценили ситуацию. Гарри ведь только ломает комедию, а на самом деле это — хитрющий старый негодяй. Крамнэгел же по части оценки людей — не особый мастак. Он, наверное, просто предавался романтическим воспоминаниям, рассказывал Гарри чудеса и всякие страсти о подвигах гангстеров у себя на родине — он ведь предельно патриотичен, если речь идет о чем-то американском, в том числе и о преступности, наш Крамнэгел, а старик Гарри все, наверное, мотал себе на ус, надеясь вырваться вперед и оставить своих престарелых коллег-одиночек за флагом. Так что переводить Крамнэгела в тюрьму максимально строгого режима мы не имели никакого права. В результате же этого перевода произошло невероятно печальное событие: в новой тюрьме его жестоко избили за то, что в нем выжили инстинкты полицейского, а потом чуть не убили сами заключенные. Любопытно, что здесь явно виден почерк мальтийцев, а не налетчиков, которым он помешал бежать, но в преступном мире случаются таинственные союзы, как и в любви, а предателей никто не любит. Крамнэгел же просто забыл, какой на нем наряд. А теперь нам следует избавиться от него. Я на сто процентов согласен с вами, сэр Невилл. Теперь согласен, хотя и не соглашался раньше. Мы должны избавиться от него, пока не случилось что-нибудь еще и пока этот здоровенный чурбан не остался на нашей совести до конца наших дней.

— Из Лайберна трудно бежать?

— Насколько я знаю Крамнэгела, жизнь в Лайберне ненадолго придется ему по вкусу. Там ведь содержат одну шушера, сопляков и извращенцев, да мелких жуликов, уклоняющихся от уплаты налогов, а начальник — редкая зануда.

— И всего лишь двадцать миль до Ливерпуля.

— Вот именно. Мы установим наблюдение за Лайберном. Я съезжу и побеседую с местной полицией. Что бы ни случилось, все контакты должны оставаться устными, ни слова из наших разговоров не должно фиксироваться на бумаге.

— Разумеется. Что бы ни случилось, мы не имеем права подвергать риску министра

внутренних дел, впутывать его в эту историю, — лицемерно сказал сэр Невилл, пряча от Пьютри глаза.

— Это резонно, — согласился Пьютри, столь же лицемерно пряча глаза от сэра Невилла.

И все же дни шли, а Крамнэгел по-прежнему оставался в тюрьме — он подгонял рабов на строительстве храма, давал советы относительно исполнения роли леди Брэннелл, речи которой он находил малопонятными, побронзовел от загара и был в отличной физической форме. От Эди по-прежнему ни слова.

Дело в том, что после провала кампании Эди впала в прострацию, много шла и целыми днями не вылезала из домашнего халата. Волнующие и героические дни остались позади, а вокруг шумел и гудел Город, занятый другими делами, ищущий новых и лучших судеб. Последней каплей для Эди оказалось назначение на пост начальника полиции Ала Карбайда. Это событие было отпраздновано пышным обедом в Бизоньем зале отеля «Гейтуэй Шератон», на который Эди, очевидно, забыли пригласить.

Вернувшись в свой кабинет, кабинет Крамнэгела, переделанный теперь по вкусу нового хозяина — под американский колониальный стиль с изображением старинного оружия на белых стенах, — Ал обнаружил в приемной Эди, одетую во все черное, с черной вуалью и всеми положенными атрибутами траура.

— Эди, — сказал он, нервно улыбаясь. Ему почему-то показалось, что она пришла убить его. Обычно женщины именно так и одеваются, когда собираются стрелять в мужчин. Но никаких резких движений не последовало, и из черной перчатки не выглянуло вдруг пугающее рыло револьверчика с перламутровой ручкой.

— Я пришла поздравить тебя, Ал, — сказала сдавленным голосом Эди.

Видно было, что она плакала.

— О, спасибо, дорогая!

— А заодно и напомнить себе, как выглядит дерьмо.

— Послушай, Эди, — холодно улыбнулся Ал, — как ты можешь так разговаривать со мной, Алом Карбайдом, твоим старинным приятелем?

— С тех пор как я вернулась домой, ты и пальцем не шевельнул, даже по телефону ни разу не позвонил. Разве так ведут себя старинные приятели?

— Но, Эди, милая, ты ведь должна понять, в каком сложном положении я очутился, ты же понимаешь, правда? Барт, к несчастью, здорово влип. Ты вернулась домой и организовала такую кампанию, просто диву даешься, хотел бы я заслужить такую верность, — но я ведь не мог поддерживать ее официально! Я посылал деньги — честное слово, посылал, у меня даже квитанция сохранилась, — но я же нахожусь на службе у городских властей, как и Барт в свое время. Я не могу участвовать в кампаниях.

— Кампаниях! При чем здесь кампании! Просто позвонить ты не мог? Просто сказать: «Эди, девочка, я на твоей стороне»? Да вообще ничего не говорить, кроме: «Это я, Ал, помнишь меня?»

— Конечно, милая, конечно, но у меня своих неприятностей был вагон. Не таких, конечно, как у тебя, но все же...

В приемной начальника полиции, намереваясь поздравить Ала с назначением, собиралась всякая мелкая сошка, не приглашенная на банкет. Они заходили в дверь с поздравлениями на устах и тут же осекались при виде миссис Крамнэгел.

— Послушай, Эди, а не поужинать ли нам сегодня? Я заеду за тобой пораньше, в полседьмого, чтобы мы успели съездить в «Серебряную шпору» или куда-нибудь еще за пределы штата, — мягко предложил Карбайд.

— Разве ты не собираешься отпраздновать свой успех с Эвелин?

— Эвелин и я... стали друг другу чужими. Как я уже сказал, у всех у нас свои проблемы... Не такие, конечно, как у тебя, но за неимением других...

Ровно в шесть тридцать у обочины тротуара возле дома Эди затормозил большой двухместный лилово-зеленый «олдсмобил», и из него вышел Ал в летнем, устричного цвета, костюме с пуговицами из крокодиловой кожи. Вместо безутешной вдовы, атаковавшей его днем, Ал увидел перед собой тщательно прибранную хитрую бабенку, которая открыто и с вызовом, распушив хвост и развернув знамена, демонстрировала свое женское естество. Они отправились в «Серебряную шпору» — заведение на восемьдесят процентов бутафорское и на остальные двадцать гастрономическое, с интерьером под

«настоящий американский стиль», с официантами, одетыми под Буффало Билла¹, и колочими, как подковные гвозди, официантками. Усевшись, они развернули меню размером со страницу «Нью-Йорк таймс», в котором гигантскими буквами были проставлены названия всего лишь нескольких блюд, и с удовольствием заказали коктейли, причем Ал немного порисовался, указывая, насколько они должны быть сухими, как их надо смешивать и как подавать. Эди же с невольным восхищением рассматривала этого требовательного самца в действии.

Сидя за столиком, полускрытым в призывной тьме, лишь чуть-чуть рассеиваемой единственным источником света — еле мерцающей жаровой, — окутанные тихой музыкой, лившейся им в уши, они завели серьезный разговор, и Эди впервые за долгое время ощутила близкое присутствие живого полнокровного мужчины, в высшей степени привлекательного, откровенного и доступного.

— Что произошло у вас с Эвелин? — спросила Эди. — О вас же всегда говорили как об идеальной паре?

— Что происходит между мужчиной и женщиной? — сказал Ал, морща бровь в неубедительной демонстрации глубокомыслия, чересчур быстро сменившейся чересчур бойкой улыбкой. — В один прекрасный день вдруг нет больше тайны... Остались одни ответы, а вопросов больше нет... Все выдохлись, пожалуй...

— По твоей вине?

— Да... и нет.

— Но все-таки?

— Да. Я ничего не могу с собой поделать, Эди, я человек в сексуальном отношении чрезвычайно активный. Многие мне завидуют, но здесь не одно лишь развлечение... Стоит мне только поглядеть на женщину — не обязательно даже на хорошенькую, — как мне хочется лечь с ней в постель... Надеюсь, я не шокирую тебя?

— Да что ты! Это дело естественное, — солгала Эди, покраснев до корней волос.

— Бог ты мой, да если б Эвелин считала это естественным, мы, может, до сих пор были бы вместе. Но она относилась к этому совсем по-другому, ревновала, как тигрица, а сама все время жаловалась, что я ее извожу, грязно ругаюсь, что от нее мне нужно только одно, а ее духовных качеств я не замечаю, но какого же черта... Я ей и сказал, что за духовным я хожу в церковь.

— Может, ты просто ее напугал? — предположила Эди, поигрывая вилкой и проявляя глубочайшее сочувствие к подруге, на что женщина способна лишь тогда, когда знает уже наверняка, что подруге из несчастья не выбраться.

— Это после семи-то лет супружества?

— Женщины меняются. И намного больше, чем мужчины, — вздохнула Эди. — И стареют быстрее.

Ал мгновенно, как птица на лету, переменял курс:

— Почему же ты-то не стареешь?

Эди прикусила губу, чтобы сдержать улыбку или вскрик.

— Я? Мои лучшие дни уже позади. Четверо полицейских! Да знаешь ли ты, что это такое?

— Кому же знать, как не мне? А вот знаешь ли ты, что для всей нашей полиции ты — все равно что счастливый талисман? А для меня... для меня ты намного больше... всегда была больше... Живая женщина из плоти и крови... с сердцем... с телом... с чувствами и желаниями... И все это досталось здоровенному жлобу, даже не способному по достоинству оценить тебя...

— Не говори плохо об отсутствующих, которые не могут защитить себя, — с трудом выдохнула Эди, сглотнув слюну, чтобы смочить горло.

Ал пошел со своей козырной карты:

— Может, прямо к десерту перейдем?

— К десерту? — эхом отозвалась Эди и окинула его откровенным взглядом: посмотрела на глаза, сначала на один, затем на второй, затем, прищурившись, на оба сразу, затем перевела взгляд на рот.

— Поедем домой.

Они потянулись друг к другу, но он вдруг отшатнулся.

— В чем дело? — спросила она, проявляя простодушное преклонение перед рекламными кинороликами. — У меня изо рта дурно пахнет?

¹ Буффало Билл — прозвище Уильяма Фредерика Коди (1846—1917), героя американского фронта — разведчика федеральных войск во время Гражданской войны, охотника и актера, ставшего известным персонажем американского фольклора.

— Не здесь, — отвечал Ал, пытаясь закрыться ладонью.

— В чем дело?

— Ред Лейфсон...

Ал уловил в полутьме блеск металла, и сейчас инвалидная коляска уже подвозила своего улыбающегося пассажира к их столику.

— О, что мы здесь видим? Накануне вступления в должность будущий начальник полиции Алан Кармай Карбайд пересек границу штата, чтобы отужинать с женой своего смещенного предшественника! Как прикажете понимать эту встречу — служебное дело, личное или попросту красивый жест?

— Право, Ред, такие вопросы... Эди очень расстроена — вы же знаете... Ей-богу, это самое меньшее, что я мог сделать...

— Значит, сплшем все на красивый жест, а? — сказал Ред, царапая что-то в своем блокноте, и продолжил с усмешкой: — Надеюсь, вы не станете обещать, что вырвали бы мне ноги, если бы они у меня были, и не станете, подобно своему предшественнику на вашем высоком посту, разукрашивать мою машину штрафными квитанциями?

— Мне незачем это делать, Ред, поскольку я верю в вашу личную порядочность.

— Серьезно? Ну, тогда вы один такой оригинал на весь город. Нет, правда, зачем вам понадобилось перевозить даму через границу штата? В этом, надеюсь, нет никакого тайного умысла?

— Мне просто нравится здешняя кухня.

— Что же вы заказали?

— Что это такое, Ред, черт возьми?

— Всего лишь любопытство гурмана, Ал. Я тоже люблю это заведенье — оно стоит того. Я люблю атмосферу американизма. Не знаю даже, как объяснить... В ней есть цельность... Она наша, как...

— Как яблочный пирог?

— Точно. И вам здесь нравится больше, чем где-либо в городе?

— Как и всем людям, Ред, мне нравится разнообразие.

Ред взглянул на Эди и улыбнулся.

— Оно и видно, — сказал он.

— Ты просто грязная, подлая тварь, самый гнусный, мелкий червячишка из всех, которые копошатся в помоях, — прошипела Эди.

— Ага. Наконец хоть что-то, пригодное для цитирования, — лихорадочно зачиркал карандашом Ред.

— Эди! — попытался урезонить ее Ал. — Она просто не в себе. Нервное напряжение...

— При чем тут нервное напряжение! Меня просто тошнит от этого калеки, прикрывающегося своими увечьями! Интересно, как это ты остался без ног? Да я знаю как! В детстве упал со стула, когда подсматривал в замочную скважину, что творится в спальне. Как насчет этого, процитируешь?

— Конечно, конечно, — бросил посеревший от злости Ред, поспешно отъезжая. Только вот такая баба и могла его пронять.

Когда он удалился, Ал сказал:

— Лучше бы ты не делала этого, Эди, но я очень рад, что ты так поступила. Пошли, я отвезу тебя домой.

Они ехали, включив магнитофон, изливавший потоки сладкой музыки, и Эди чувствовала себя желанной женщиной, к которой мужчина проявлял свои чувства удивительно тонко. Она то и дело бросала украдкой взгляд на застывшее лицо и уставившиеся на дорогу светло-голубые глаза, на привлекательные складки вокруг чувственного рта и думала о том, как будут ей завидовать все женщины, осуществись ее дикая мечта, как будут все размышлять о том, что же в ней есть такого, что позволило ей добиться своего.

Машина подъехала к ее дому. Однако Ал и не подумал выскочить из кабины и открыть ей дверцу. Подождав минуту, она открыла ее сама и вышла на тротуар, изрядно рассердившись и в то же время понимая, что глупо было предаваться подобным фантазиям. Но что же еще остается по мере того, как прибавляются годы? Одни лишь фантазии...

— Не зайдешь выпить на прощание?

— Может быть, его тронет отчаяние этой последней попытки?

— Конечно, зайду, — ответил Ал. — Только вот машину поставлю

— Оставь ее прямо здесь.

— Нет, здесь нельзя.

— Почему нельзя? Это ведь мой участок.

— Потому и нельзя, что твой. Я теперь начальник полиции, — пояснил он, и Эди не могла не услышать в его голосе вульгарного самодовольства. — Где-то здесь рыщет Ред Лейфсон... иди в дом.

Эди повиновалась. Как только она закрыла за собой входную дверь, ей сразу подумалось, что она делает большую глупость, приглашая к себе в дом известного в городе бабника. Но подумала Эди об этом скорее для очистки совести. Поставив пластинку с музыкой под настроение, она притушила свет и зажгла палочку благовоний. Потом закрыла входную дверь на засов и пошла в свою комнату.

Неожиданный рев телевизора, заглушивший поставленную ею пластинку, заставил ее вздрогнуть.

— Налей себе выпить, — крикнула она.

Не отвечая, Ал последовал ее совету и развалился в кресле Крамнэгела, вперившись в телевизор. Шел старый фильм о похождениях Чарли Чана на Гавайях. Но как только Ал начал понимать суть интриги, вошла Эди, облаченная в свое прозрачное одеяние, с мундштучком а-ля Мата Хари в руке, и спросила:

— Секс, кто желает?

Ал залился хохотом.

— Над чем ты смеешься? — возмутилась она.

— В жизни не видел такого! Ух ты! — И он испустил боевой клич ковбоя из родео.

По старой привычке Ал проснулся в половине седьмого утра. Эди, к его удивлению, уже не спала и смотрела на него серыми, печальными и прячущими тревогу глазами.

— Привет, — сказал он. — Как я сюда попал?

— Ох, Ал, — пробормотала она разбитым голосом. — Я думала о Барте.

— Барт, конечно, отстрелялся, — ответил Ал, стараясь выразиться помягче.

— Это зло.

— Что зло?

— Зло сейчас говорить о Барте «отстрелялся»...

— А и черт с ним, — прорычал Ал. — Ну ладно, тогда я скажу «обделался», как и хотел сказать с самого начала.

— В его случае даже это слово лучше, чем «отстрелялся». Бедный Барт. В тюрьме, на чужбине, за тысячи миль от нас...

— Это намного уменьшает возможность его возвращения домой прямо сейчас...

— Я никогда не жила по-настоящему, пока не встретила тебя...

— Держу пари, что ты всем так говоришь.

— Я говорю совершенно искренне, Ал. О боже, какой ужас!

— Ужас?

— Я чувствую, что влюбляюсь в тебя, Ал.

— Постой, постой, — Ал даже сел. — Мы же с тобой едва знакомы.

— Я знала тебя много лет... Не зная тебя настоящего... — продекламировала она нараспев.

— Это еще что значит, черт побери? Послушай, Эди, не надо строить иллюзий. Я этого не стою. Я превращу твою жизнь в сплошную муку.

— Может, мука с тобой лучше, чем счастье с другим?

— Что-что?

— Барт, — сказала она печально. — Жлоб несчастный.

— Вот это и есть демократия, — объявил Ал. — Ты пришла, наконец, к точке зрения большинства.

— Ты всегда так считал?

— Всегда.

— С самого начала?

— С самого начала.

Наступило молчание.

— Я приготовлю тебе завтрак.

— Не беспокойся, — ответил Ал. — Перехвачу что-нибудь по дороге.

— Но мне хочется приготовить тебе завтрак, — настаивала она.

— Я не могу столько ждать, — сказал он, надевая часы.

— Да что с тобой, Ал? — воскликнула она. — Всего ведь половина седьмого.

— Сначала я должен заехать домой, — терпеливо пояснил он, — и лечь в постель, чтобы миссис Макалистер подумала, что я в ней спал. Потом мне нужно принять душ, чтобы пол был мокрый. Короче говоря, надо создать впечатление, что я ночевал дома.

— О боже, и так приходится маскироваться полицейскому при каждом прелюбодеянии?

— Не смей произносить это слово! — скомандовал Ал, поспешно крестясь, и крадучись подошел к окну.

Когда он посмотрел через щель в жалюзи на улицу, Эди включила свет.

— Выключи немедленно! — завопил он, кулем рухнув на пол.

Эди расхохоталась. Было что-то неотразимо забавное в том, как одетый в одни лишь наручные часы начальник полиции лежал под подокозником и выкрикивал приказания.

— Почему? — спросила она.

— Выключи, черт бы тебя побрал! — прошептал он угрожающе.

Напевая «Сумерки в Турции», Эди начала изображать танец живота, постепенно приближаясь к окну и к своему скрючившемуся на полу владыке.

— Да выключи же ты его, ради бога! — взмолился он. — На улице стоит красный автомобиль, которого там не было, когда мы ложились в постель, а в нем кто-то сидит.

Эди нагнулась, посмотрела через щель в жалюзи. Человек, о котором говорил Ал, стоял у машины и смотрел прямо на нее; Эди медленно отошла к тумбочке близ кровати и выключила стоявшую на ней лампу.

— Вряд ли кто-нибудь сумеет с улицы рассмотреть, что происходит в комнате.

— Знаешь что, — ответил Ал, ползя к ней по-пластунски, как идущий в атаку пехотинец времен первой мировой войны, — если человек захочет рассмотреть, то рассмотрит все, как надо, это я тебе говорю. Все зависит от того, сколько за это платят.

— А, все равно, это совсем не тот, о ком ты подумал. Он же стоит у машины. А теперь зашагал взад-вперед.

Ал уже был сыт по горло ее глупостями.

— Черт возьми, Эди, если я захочу взять под наблюдение какой-нибудь бордель, я же не буду сам торчать на тротуаре, верно? Нет, я поставлю полицейского. И все другие боссы тоже так делают. Ред ведь не станет сидеть всю ночь у тебя под дверью в своей инвалидной коляске, а? Зачем ему это нужно, когда он может послать на задание начинающего репортера?

Зазвенел дверной звонок.

Оба замерли.

— Не открывай, — прошипел Ал.

— А если это телеграмма от мамочки? — прошептала Эди.

— Ага... телеграмма... или Барт вернулся... А может, президент Соединенных Штатов к тебе с визитом, — также шепотом ответил Ал. — В полседьмого утра.

— Но если что-то случилось с мамочкой?..

— То все равно уже поздно беспокоиться. Да и вообще с ней ведь ничего не *должно* было случиться, так что же беспокоиться?

— Я себе в жизни не прощу...

— Посмотри, тот тип еще у машины? — взмолился Ал.

Эди прильнула к щели в жалюзи.

— Нет...

— Значит, тот, что звонит сейчас в дверь, и есть тот, который стоял у машины.

— А может, и кто другой.

— О, конечно, людей на улице сейчас полно, выбирай любого.

Снова зазвенел звонок.

Ал принял решение.

— Другой выход есть? — спросил он, натягивая трусы.

— Через кухню.

— Откликнись на звонок, удержи его разговором, пока я не оденусь и не смоюсь отсюда к чертям.

— Когда мы снова увидимся?

— Нашла время спрашивать! Репортер Реда Лейфсона ломится в дверь, а она тут разводит сантименты! Ладно, ладно, я тебе позвоню.

— Нет, Ал, ты не имеешь права просто так уйти из моей жизни.

— Но я же сказал — позвоню.

— Я тебе не верю.

— Как ты можешь, детка! — притворился оскорбленным Ал.

— Поклянись!

— Клянусь!

— Клянись головой твоей матери!

— Клянусь.

— Головой твоей матери?

— Откуда ты эту клятву выкопала?

Снова и очень настойчиво зазвенел звонок.

— Клянусь, клянусь головой моей матери, — прошептал он, и они на цыпочках вышли в холл.

Пока Ал быстро и бесшумно одевался, Эди посмотрела в замочную скважину и, кивнув Алу, спросила хрипло:

— Кто там?

— Э-э-э... Мы ищем начальника полиции Карбайда, миссис Крамнэгел, — ответил голос. — Можно мне войти?

— Кто вы такой? Вы из полицейского управления?

— Не совсем... Мы... мы помогаем полиции.

— Помогаете полиции? Неужели наша полиция стала настолько беспомощной, что ей приходится помогать?

— Видите ли, в городе произошло очень серьезное вооруженное ограбление. Все ищут мистера Карбайда.

— Почему бы вам не заехать к нему домой?

— Миссис Карбайд заявила, что его не было дома всю ночь.

Разинув рот, Эди бросила разъяренный взгляд на уже почти одетого Карбайда, тот лишь раздраженно пожал плечами.

— Что вы сказали? — спросил голос за дверью.

— Я ничего не говорила вообще, — отрезала Эди. — Вы еще не сказали мне, кто вы такой.

— Я — Батч Креновиц, из газеты.

— Из персонала Реда Лейфсона?

После минутной заминки голос ответил:

— Ну да, иногда я и с ним работаю. Нам, значит, сообщили, что вас видели с мистером Карбайдом за ужином в «Серебряной шпоре», вот мы и подумали, что вы, может, знаете, где он сейчас.

— А я вот не знаю, — ответила она резко. — Но хотела бы знать, какое вы имеете право стучать по ночам в дверь к чужим людям.

— Да я и не стал бы стучаться, сударыня, не увидь я у вас света, а так я решил, что вы уже встали.

Застегнув молнию на брюках, Ал попытался поцеловать Эди на прощание, но она оттолкнула его. Он было посмотрел на нее волком, но сдержался и пошел на цыпочках в кухню, завязывая на ходу галстук.

— Я что-то не расслышал ваших последних слов, — заявил голос.

— А я ничего и не говорила, — отрезала Эди. — По-моему, вам пора убраться отсюда и оставить меня в покое. — Тут она вдруг вспомнила, что должна задержать репортера как можно дольше. — То, что я ужинала с мистером Карбайдом, лишь воздает честь прекрасному человеку...

— Это кому же? Миссис Карбайд?

— С вашего позволения, я говорю о *мистере* Карбайде! — пролаяла Эди. — После всего, что случилось, мистер Карбайд не хотел, чтобы я чувствовала себя одиноко и скверно в тот день, когда его назначили начальником полиции... Поэтому он и пригласил меня поужинать.

— За пределами штата?

— Он пригласил меня поужинать, — Эди уже вошла в форму и выплевывала ядовитые слова с привычной ядовитой интонацией и в привычном темпе. — Я приняла приглашение. Некоторое время спустя он сказал мне: «Эди, это было чудесно, но теперь мне пора возвращаться к Эвелин». Он отвез меня домой, а затем...

— В таком случае вы расстались буквально несколько минут назад, потому что его дома еще не было.

Слова репортера прервал злобный собачий лай.

— О, вот теперь мне пора! — весело воскликнул репортер. — Да, и еще: для американки вы очень хорошо исполняете танец живота, миссис Крамнэгел.

Прислушиваясь к лаю собак, Эди внезапно улынулась. Она совсем забыла предупредить Ала о доберман-пинчерах, которых держал на дворе ее сосед. Для этого не было ни времени, ни возможности. Поспешно бросившись в кухню, она поглядела в открытую дверь и заметила человека в плаще, мелькнувшего во дворе и скрывшегося из виду. Как раз в этот момент солнце вырвалось из туч и величественно засияло, пролив свет и тепло на блестящую от росы траву и подрагивающие листья и ослепив Эди. Она закрыла глаза и радостно пила непривычный воздух раннего утра. Эди надеялась, что собаки, которых хозяин уже усмирил, успели все-таки вцепиться в костлявый зад Ала. Он вполне заслужил такое наказание, этот обманщик со всеми его печальными разговорами об одиночестве, этот раб своих желаний. Эди тихо притворила дверь, отгораживаясь от внешнего мира, но даже не стала запирает ее. Она любила его. Сейчас, оставшись одна, Эди была абсолютно в этом уверена. И даже если он в настоящий момент ее не любит, Реду Лейфсону не составит, наверное, труда убедить его в обратном. Хорошо было жить, да еще в краю Свободы.

14

Разочарованию сэра Невилла не было предела. Нет, это просто невероятно: прошло уже больше трех недель, а все сообщения из Лайберна говорили о довольном, успокоившемся человеке, с головой ушедшем в тонкости создания церкви, обреченной на тошнотворное уродство беспредельной вульгарностью проектировавшего ее архитектора и чувством тупого символизма, обуревавшим душу вдохновителя ее строительства, которому вся жизнь представлялась лишь битвой меж солнечным светом и полуденным мраком с заведомо неизбежной победой света. Согласно получаемым сообщениям, Крамнэгела иногда посылали и в поле — сажать картошку, шпинат и капусту. С сельскохозяйственных работ великан возвращался в свой добровольный плен лишь с наступлением ночи. Он брел устало, но весь так и сиял от сознания, что хорошо потрудились, и светился ангельским благочестием.

— Я больше не способен понять этого человека, — стонал сэр Невилл. — По его милости самые святые порывы души выглядят как жалкие потуги ханжи-фарисея казаться самому себе порядочным. О, как я жалею о том, что он своими выстрелами проложил себе дорогу в мою жизнь, как я желал бы, чтобы этого никогда не случилось! Как бы я желал, чтобы у него хватило порядочности извинить меня от этого! Как бы я желал... Но что толку в желаниях?

— Я тут размышлял кое о чем, — заметил Билл.

— И что же вы надумали?

— Если человек способен помочь тюремным властям сорвать побег, да еще при этом и без всякой задней мысли, то есть не имея намерения к ним подлизаться, а действуя исключительно под влиянием душевного порыва, то уместно предположить, что как раз тюрьма без решеток и пробудит в нем чувство чести. То есть раз ему доверяют, он не может злоупотребить оказанным доверием.

— Ну вот, теперь вы заставляете меня терзаться и страдать.

— Почему же?

— Потому, что я не могу не оценить абсолютную точность ваших умозаключений. — Сэр Невилл беспомощно водил пером по промокашке. — Итак, по-вашему, — снова заговорил он, — подстрекнуть его к побегу может лишь возвращение в обычную тюрьму с решетками?

— Но нет гарантии, что и это поможет, — ответил Билл.

— То есть либо мафия, либо бешеные мальтийцы разорвут его на части?

— Либо он выбьется в начальники тюрьмы.

— Вы всегда были оптимистом, — невольно улыбнулся сэр Невилл.

— Я вообще не думаю, что мы можем с уверенностью ставить на возможность его побега. Ставить на это — значит принимать решение, возлагая при этом всю ответственность опять же на него самого.

— Иначе говоря, это значит принять решение чисто по-британски, прийти к компромиссу. Но компромисс ведь вполне может принести практические плоды, потому что никто не ожидает ничего подобного от такого столпа морали, как я.

— Но получите ли вы достаточное удовлетворение, позволив ему бегать, если считаете себя обязанным внести весомый вклад в обретение им свободы?

— При чем здесь удовлетворение? — резко отмахнулся сэр Невилл. — Надеюсь, я еще не превратился в старую бабу, нуждающуюся в ежедневной порции удовлетворения. Благодарю покорно, но я для этого слишком большой прагматик. Я всего лишь хочу избавиться от него. Я хочу, чтобы он вышел из-под моей юрисдикции; и не потому, что наши законы плохи или хороши, а потому, что он сделал их беспомощными. Я даже не питаю к нему сочувствия, а просто глубоко обеспокоен. Весь ужас не только его положения, но и нашего я осознал в тот момент, когда в зале суда его разобрал смех. Я вдруг внезапно увидел всех нас его глазами и почувствовал, что я смешон. А почему? Очень просто — потому, что в тот момент я и был смешон. Как и все остальные.

— Да, но когда его здесь уже не будет, — стоял на своем Билл, — не начнете ли вы думать, что мы должны были изыскать законную возможность освободить его?

— О б о ж е , — вздохнул сэр Невилл. — Дожить бы еще до того дня, когда его здесь уже не будет. Нет, Билл. Мы ведь тщательно изучили все, как говорится, пути и возможности и не упустили ни одной мелочи. И никакого законного, конституционного способа избавиться от него мы не нашли. Тот странный американец, мистер Элбертс, как раз сказал мне тогда за обедом, проходившим в атмосфере сдержанной истерии, что даже самые блестящие конституции устаревают со временем и с непредсказуемым развитием прогресса. Прибытие в Англию начальника полиции американского города с револьвером за пазухой и есть один из непредсказуемых шагов этого самого прогресса, а если наш гость окажется лишь первой ласточкой и вслед за ним на наши берега хлынут его сотоварищи и начнут шататься по пивным, отправляя на тот свет стариков-шотландцев, то нет никакого сомнения в том, что по прошествии должного времени будет создан и соответствующий механизм для решения подобных вопросов — ведь наша юридическая система бредет вперед от прецедента к прецеденту, как человек, переходящий реку вброд, ступает с камня на камень. Но сейчас это пока еще случай беспрецедентный, и несчастному правосудию с его завязанными глазами не отличить Крамнэгела от заурядного профессионального убийцы. Потому-то я и не испытываю особого подвижнического желания изменить закон. Гораздо легче изменить место пребывания Крамнэгела.

— Легче ли?

Подумав немного, сэр Невилл наморщил нос.

— Должно быть легче, Билл.

Пьютри тоже немало поразила отличная репутация, заработанная Крамнэгелом в Лайберне.

— Ведь Лайберн — это просто рассадник разврата, — пояснял он сэру Невиллу. — Но я не думаю, что начальник полиции мог оказаться, как это принято называть, «латентным гомиком». Такие грешки обычно водятся за начальниками генштаба, римскими императорами и тому подобной публикой, но ни о чем подобном среди высших полицейских чинов я не слышал. Если же дело не в этом, то нельзя не прийти к иному выводу, кроме того, что американская полиция дошла до состояния глубочайшего упадка. Чтобы человек даже не попытался совершить побег — это уж совсем предосудительно, особенно если с ним обращаются не столько как с преступником, сколько как с военнопленным. Нет, я этого не понимаю. И, будь у меня такие подчиненные, я бы им не доверял. В любом случае мы не можем следить за Лайберном вечно. Местная полиция недовольна нашим вмешательством в их дела, а мои люди скучают.

Как раз вечером того дня, когда Пьютри ослабил бдительность, вечером, когда чудесный солнечный день с хрустальной ясностью переходил в безмятежную ночь, Крамнэгел, придя ужинать, получил письмо. Этим днем он славно потрудился, установив над алтарем уродливейший цветной витраж, изображавший то ли сотворение мира, то ли что-то в этом роде.

Щедро намазав на хлеб маргарин, Крамнэгел развернул письмо. И почти сразу же погрузился в чтение, забыв обо всем на свете. Дочитав до конца, он принялся читать письмо сначала, водя по каждой строчке пальцем, чтобы не пропустить ни слова. Затем сложил письмо, сунул в карман и машинально принялся снова за ужин. На лице его не отразилось ничего, но участия в застольной беседе он не принимал. Мозг его лихорадочно работал. Он вполне мог понять, что одиночество и шаткость

положения оказались для Эди непосильными — если она ему изменяла, то он не желал об этом знать; если ей так лучше, если она счастлива, ну и ладно, он ничего не имеет «против», он даже «за». Но развестись с ним сейчас, когда он оказался в беде, — это уже низость. Мало того: из всех мужчин во всем проклятом мире ей обязательно понадобилось выбрать именно этого сморчка Карбайда, этого ханжу, читающего ему нравоучения о борьбе с преступностью. Нет, это уж и впрямь слишком. Последняя соломинка переломила спину верблюда да еще как — вместе с горбом. Ярость, закипевшая в душе Крамнэгела, ослепляла его. В тот вечер должна была состояться премьера «Как важно быть серьезным». Он обещал Корал помочь с гримом. Выйдя из столовой, Крамнэгел побрел по коридору в уборную. Там в это время не было никого. Оставшись один, Крамнэгел больше не в силах был сдерживаться. Он завыл и забился о стену, пока его не остановило острое чувство боли. Лицо его задрожало, и по нему потекли крупные горькие слезы, он вскоре почувствовал во рту их солоноватый привкус. Опершись о переборку между туалетными кабинками, он горько рыдал. Наконец, рыдания его стихли, и хотя из легких его еще вырывались всхлипывания, он уже обрел способность думать.

Надо выбираться отсюда. Но не сейчас. Не сегодня вечером. Пожалуй, лучше бежать среди бела дня. Надо действовать по обстановке. Использовать фактор внезапности. Завтра работ на строительстве церкви нет, завтра предстоит идти на эти чертовы огороды. «Оттуда и смоюсь. Но сегодня надо приготвиться. Деньги, паспорт, все такое прочее. Что прочее, сам толком не знаю, но что-то быть должно. Прочее бывает всегда, только в большинстве случаев о нем забывают».

Теперь, когда у Крамнэгела появились зачатки плана, его охватило чувство животного благополучия, которого он давно не испытывал. Чувство было такое, как будто у него прорвался нарыв и наступило облегчение. Недоразумения, в которые он все время попадал, уже казались забытыми кошмарами прошлого. Ушли в прошлое его уязвимость, его благочестие — все личины, которые он нацепил на себя для самозащиты, были сброшены, и из-под них вновь выглянуло его старое свирепое «я». Он даже поблагодарил за это Эди и Карбайда: своими неосмотрительными действиями они заставили его очнуться и спасли от полной капитуляции. Думал он теперь лишь об одном — сладости мести. Если никто еще не говорил раньше, что месть сладка, думал он, то это должно быть сказано сейчас.

— Ты сегодня что-то больно веселый, — заметил Корал, уже в гриме леди Брэкнелл. — Уж не потому ли, что видишь, как я нервничаю?

— Что же тут удивительного, что нервничаешь, — ответил Крамнэгел. — Бог ты мой, у тебя же большая роль, да еще с такими вычурными словами. Вот и нервничаешь, конечно.

Перед началом спектакля Крамнэгел проводил Корал за кулисы и подбодрил его напоследок. Он наткнулся там на мистера Бэрджесса, работника тюремной администрации, отвечавшего за театральные постановки: под его руководством Крамнэгел должен был готовить роль гангстера в пьесе «Окаменевший лес».

— А, Крамнэгел, — сказал мистер Бэрджесс, — вы-то мне и нужны.

— Слушаю, сэр?

— Я попросил костюмеров прислать вместе с костюмами для этой пьесы пару костюмов для нашей следующей постановки, чтобы вы могли заблаговременно их прикинуть на себя. Вы ведь человек нестандартно больших размеров, поэтому вам надо подогнать костюм заранее, чтобы не создавать паники в последний момент.

— Да, хорошая мысль. А где эти костюмы, сэр?

— Где-то здесь, среди декораций.

— Вы хотите, чтобы я их примерил прямо сейчас?

— Нет, не сейчас. До начала спектакля осталось всего десять минут.

— Но я быстро.

— Нет, не стоит.

Вот черт! Окинув взглядом ворох одежды, Крамнэгел приметил три еще не распакованных коробки.

На премьере, казалось, собралась вся тюрьма. Мистер Певерелл-Проктор отыскал Крамнэгела.

— Я только что снова был в церкви и просто глаз не мог оторвать от витража. Воистину славное дело. Как вы себя чувствуете после столь одухотворенного труда?

— Отлично, начальник... сэр... Просто отлично, такой чувствую душевный подъем.

— Да... да... — понимающе сказал начальник.

— Вот только брюхом время от времени маюсь.

Мистер Певерелл-Проктор, казалось, несколько удивился такому обороту беседы.

— Вам следует обратиться к доктору.

— С вашего позволения, зайду, сэр, если это будет продолжаться. Странно, ей-богу, всю жизнь у меня желудок работал как часы — а тут на тебе!

— Да, странно, — согласился начальник тюрьмы, думая совершенно о другом.

— Прямо судорогами схватывает.

— Что ж, надеюсь, что пьеса вам понравится, — заканчивая беседу, сказал начальник тюрьмы.

Пьесу Крамнэгел нашел несмешной и донельзя занудной, но даже придется она ему по вкусу, ему все равно было бы не до смеха. Выждав момент, когда почти все участники спектакля были на сцене, он встал, схватился за живот и пошел к выходу, постаравшись обратить на себя внимание мистера Певерелл-Проктора и продемонстрировать ему свои муки. Выйдя на воздух, он кинулся за кулисы. Со сцены доносились скучные реплики. Он услышал голос Корал: «Саквояж?» — после чего почему-то раздался взрыв смеха. Войдя в пустую артистическую уборную, Крамнэгел лихорадочно вскрыл картонку с костюмами и обнаружил в ней наряд священника. Священник явно был низкорослый. Положив сутану на место, он вскрыл следующую коробку. Там лежал жемчужно-серый костюм с широкими лацканами, рубашка и яркий цветастый галстук фасона двадцатых годов. Полный гангстерский наряд. Крамнэгел поспешно скатал костюм в узел, закрыл коробку, вышел во двор и побежал к уборным.

Запершись в уборной, он разделся до белья и натянул костюм. Костюм оказался велик. Тогда он снова переоделся в тюремную одежду и вернулся в свою комнату. Подняв матрац, он расстелил под ним украденный костюм, затем снова вышел во двор. Если б знать, сколько будет длиться эта проклятая пьеса...

— Что вы здесь делаете, Крамнэгел?

— Да вот живот схватило...

— Уборные в противоположной стороне.

— Я хотел прилечь немного. Плохо себя чувствую. Слабость какая-то.

— Вы ведь знаете, что посещение пьесы обязательно для всех, да? Если вам уже лучше, то я бы на вашем месте вернулся в зал.

— Да был я там. Начальник знает, что я вышел, я ему сказал.

— А, вот что? А как пьеса?

— Дерьмо собачье.

— Да ну?

— Зато Корал забавляется, как никогда в жизни.

— Ну и хорошо. А то всю неделю прямо как не в себе.

Как только надзиратель скрылся из виду, Крамнэгел метнулся к административному блоку, стараясь держаться в тени. Вокруг никого не было видно. К этому времени Крамнэгел уже хорошо изучил расположение тюрьмы и полагал, что знает, где что хранится. С облегчением вздохнув, он вошел из залитого светом коридора в темный кабинет начальника тюрьмы. В соседней комнате, где работали секретарши, должно находиться нечто вроде досье. Он огляделся по сторонам. Со стены на него снисходительно смотрела королева. Она, казалось, одобряла его действия. Он молча прошел в соседнюю комнату. Там даже сейфа не было. Слава богу, что в этом заведении все основывалось на доверии. «Верить в бога — значит доверять ближнему своему» — гласил девиз этой вонючей дыры, но по-латыни, разумеется, а для Крамнэгела было все равно, что латынь, что китайская грамота.

Он открыл ящик и нашел свое дело под буквой «К». К каждой карточке были прикреплены ключ и номер личного шкафчика. Открыв трясущимися руками шкафчик под номером 317, он увидел знакомый зеленый паспорт. С паспортной фотографии на него глядел более молодой, более энергичный Крамнэгел, человек с честным и решительным лицом, не познавший еще унижений и трагедии. Да, трагедии! Глаза живого Крамнэгела подернулись влагой от жалости к самому себе. Он достал из шкафчика деньги — почти тысячу долларов, которые были тогда при нем. Затем дос-

тал ключи и документы. Поколебавшись немного и ощутив острое чувство боли, он все же решил оставить свой револьвер на месте, почти как визитную карточку на память. Затем он запер шкафчик, снова прошел по коридору через административный блок и уже собрался было вынырнуть во двор, когда увидел валившую из театра толпу. Спектакль закончился. Теперь придется врать Корал, изображать восторг. Выйти из дверей административного здания, пока во дворе находились надзиратели и заключенные, он не смел — как же он объяснит, зачем он тут? В коридоре послышались голоса. Тяжело дыша, он прижался к стене. Как будет ужасно, если ему не повезет именно теперь, когда все шло так удачно. Толпа рассеивалась. Скоро во дворе никого не останется. Наконец он осмелился чуть-чуть приоткрыть дверь, выбрался наружу и замер. Потом осторожно двинулся вперед.

— А, вот он где! — раздался голос надзирателя. — О господи, ну и заставили же вы нас поволноваться!

Крамнэгел инстинктивно схватился за живот.

— Ой, как мне плохо, — простонал он.

— Все в порядке, с э р , — кричал надзиратель. — Он здесь. Говорит, что ему плохо.

Медленно подошли начальник тюрьмы и несколько надзирателей.

Мистер Певерелл-Проктор грустно улыбнулся.

— Боже мой, Крамнэгел! Как я мог сомневаться в вас... Но я и не думал, что вы способны совершить побег после всех наших общих трудов по строительству храма господня. Разве может святой Христофор¹, говорил я себе, бросить младенца в воду на середине пути? Вы оправдали мое доверие. Благодарю вас за это. Но вы пропустили великолепное зрелище! Какое наслаждение нам всегда доставляет Оскар! И как хорошо ему было бы в Лайберне! — Он вздохнул. — Но в его времена Лайберна еще не существовало, и Оскару Уайльду пришлось сидеть в Рединге, не так ли? — В его голосе зазвучали более начальственные нотки, вероятно потому, что в воздухе чувствовалась вечерняя прохлада. — Возьмите завтра больничный, Крамнэгел. Спокойной вам ночи.

— Вы слышали? — спросил надзиратель.

— Конечно.

— Это приказ.

Некоторые люди всегда — в силу своей профессии — делают все не так. Теперь придется менять планы. Но он уже изъясил ключ из кабинета начальника и наряд гангстера из костюмерной. Держась на всякий случай за живот, Крамнэгел побрел в свою комнату, где, уже надувшись, его ждал Корал.

— Тебя не было в зале, когда дали занавес.

— Но то, что я успел посмотреть, мне очень понравилось, Корал, просто очень.

— Но до конца ты ведь не досидел. Тебя не было видно в зале, когда мы раскланивались.

— У меня живот схватило.

Крамнэгелу уже надоели эти игры. Корал сумел влезть в его жизнь, поскольку судьба свела их под одной крышей, и в их отношениях установилась ворчливая, почти домашняя атмосфера. Теперь же, когда Крамнэгел решил бежать, все это бесконечное перешучивание со стареющим гомосексуалистом, постоянно требующим к себе внимания, выглядело нелепо и неестественно.

— Начальник сказал мне, что, по его мнению, ты был просто великолепен, Корал.

— Начальник? Ты, значит, к ним подлизываться стал?

— Слушай, иди ты... стараешься сделать приятное, а он...

— Сам виноват. Ты ведь обещал мне, что будешь аплодировать, а сам ушел.

— Ну, ладно, ладно, ты заткнул за пояс и Сару Бернар, и Кэти Хэлберн, и Минни Маус, а помоги тебе чуток природа, так ты бы и Микки Мауса перешеголял.

Корал со свистом вдохнул воздух и надулся, эти слова Крамнэгела оказались последними, которыми им суждено было обменяться.

Оба легли спать молча, после того как каждый с подчеркнутой любезностью предоставил другому возможность первым воспользоваться умывальником, чтобы избежать необходимости разговаривать. В темноте Крамнэгел настороженно прислуши-

¹ Ссылка на легенду о святом Христофоре, покровителе путников и мореплавателей.

вался к движениям соседа — тот долго ворочался в постели, все еще возбужденный спектаклем, вновь переживая каждый момент его. Наконец он заснул. Крамнэгел же занялся расчетами. Бежать следовало около полуночи. До Ливерпуля двадцать миль. Делая четыре мили в час, он достигнет района гавани часов в пять утра, ну, скажем, в половине шестого. А тревогу и погоню поднимут не раньше шести. Да, двигаться придется быстро. Он вылез из кровати и соскользнул на пол. Оделся как можно тише. Тюремную одежду сложил под простынями и в качестве злого прощального жеста снял с манекена парик соседа, взъерошил его и положил на подушку, прикрыв пододеяльником так, чтобы волосы только чуть-чуть торчали. Было просто здорово снова надеть рубашку с воротничком и галстуком, было здорово снова иметь в кармане свой паспорт и почти тысячу долларов наличными, да еще немного в дорожных чеках. Тихонько открыв дверь, он осторожно, с ботинками в руках, прошел по коридору и вышел во двор.

Самый удобный маршрут пролегал мимо строительной площадки церкви, а потом через невысокую стену и прямо в распаханное поле. Вокруг не было видно ни души. Крамнэгел вошел в здание церкви, перелез через груды мусора, вышел через недостроенную ризницу, прислонился к стене, чтобы надеть башмаки, и, пытаясь, принялся натягивать их на пятки. Он постарел и отяжелел. Прикинув на глаз высоту стены, он подпрыгнул, но до верха не достал. Обтерев ладони о брюки, он виновато огляделся по сторонам, испытывая чувство неловкости из-за неудачи первой попытки. Крамнэгел отошел назад и разбежался снова. Бежал он легко, неторопливо, воображая себя знаменитым прыгуном с шестом, но приземлился, увы, не по ту сторону перекладины. Что за идиотизм — не суметь убежать из тюрьмы без решеток только потому, что он не может одолеть такую низкую стену! Отчаяние, охватившее Крамнэгела, заставило его предпринять еще одну попытку и разбежаться энергичнее, чем раньше. На этот раз вцепился в стену, чтобы не упасть. Но и подняться он не смог, а просто повис на стене, пытаясь отдышаться. Неожиданным движением, рассчитанным на то, чтобы захватить стену врасплох, он зацепился одной рукой за верх и медленно потянул вверх по шероховатой поверхности левую ногу. Последним усилием он взвалил свое тело на стену и замер, уронив голову на шероховатый бетон. Появись сейчас у стены собаки, он сдался бы без малейшего сопротивления. Но вскоре инстинкт самосохранения взял верх. Крамнэгел перекинул свое изнывающее от боли тело на другую сторону и мешком сполз вниз. И вот он уже брел по взрыхленному чернозему поля.

Ориентируясь по дорожным указателям, Крамнэгел определил направление на Ливерпуль и через некоторое время вышел на шоссе. Он, разумеется, предпочел бы проселочные дороги этому огромному открытому шоссе, где одинокий пешеход всегда привлекает к себе внимание, и рассудил, что если идти против движения транспорта, то вряд ли кому из водителей придет в голову подобрать его. Нужно как можно быстрее добраться до гавани — там он легко затеряется в вечной суете морского порта; бредущий же по ночному шоссе человек в голубой рубашке с белым галстуком, на котором охорашивается павлин, и в пропахшем нафталином добротном, с широкими лацканами, деловом костюме серо-стального цвета не может не привлечь к себе внимание. Неожиданно рядом остановилась машина. Крамнэгел замер, схваченный светом фар. Полиция.

— И куда же это вы, по-вашему, направляетесь? — поинтересовался голос с типично ланкаширским акцентом.

— Слышь, парни, я в Ливерпуль иду или нет?

— Никак янки?

— Натурально. Хлебнул, понимаешь, и... Тьфу ты, ну и надрался же я! Слышь, а куда это меня занесло, черт возьми? И куда подевалась эта рыженькая?

Из полицейской машины донесся добродушный смех.

— Вы хоть помните, в какой вы стране?

— Ну, это-то я знаю. Не, не подсказывайте, я сам вспомню... Соединенное Королевство? — напрягшись, предположил он.

— Откуда вы? С военно-воздушной базы в Шиддингтоне?

— Не-а, я моряк... радист с американского корабля... О господи, забыл, как называется моя треклятая коробка!

— Не «Титаник» случаем? — предположил один из полицейских, вызвав дружный хохот остальных.

— Гм...

— Пока до гавани доедем, вспомните?

— Доедем?

— Влезайте в машину, мы вас подбросим к границе портового района. Дальше не можем — не наш участок.

Они ехали, и рация без умолку трещала, передавая сведения о мелких кражах и подозрительных бродягах. Глядя на минутную стрелку, двигавшуюся по кругу, Крамнэгел все больше и больше нервничал. Он то и дело представлял себе, как эта старая кляча Корал встает среди ночи, чтобы сходить в сортир, обнаруживает пропажу парика и закатывает истерику. С него вполне станется перебудить всю тюрьму из-за своего паршивого парика. Такого, правда, до сих пор не бывало, но Крамнэгел рассердился от мысли, что Корал может это сделать. Нос его вдруг нервно дернулся, почуввав заливший кабину запах камфоры. Крамнэгел сунул руки в карманы пиджака, чего не удосужился сделать раньше, и обнаружил, что они набиты маленькими шариками.

— Откуда это так разит нафталином? — спросил водитель.

— Э... э... От меня, наверно, — ответил Крамнэгел.

— Что, любите этот запахок?

Ишь остряк нашелся! В Крамнэгеле уже зашевелился призрак полицейского начальника, готового облаять соплика-водителя и рывкнуть на него: какого, мол, черта он вылезает со всякими замечаниями, достаточно непонятными, чтобы быть оскорбительными?

— Я провожу большую часть жизни в море, юноша, — отвечал Крамнэгел с достоинством, в котором прозвучала нотация. — А выходной костюм у меня один, вот мне, значит, и приходится за ним следить. А в Китайских морях моль — что твоя летучая мышь, так и жрет все, зараза.

— В Китайских морях? — спросил третий полицейский. — А я думал, вы туда больше не ходите.

— Когда я говорю «Китайские моря», я, значит, имею в виду воды вокруг Тайваня, ясно? — прорычал Крамнэгел.

Тем временем рация продолжала монотонно бормотать, сообщая о мелких кражах, подозрительных бродягах, попытках ограбления со взломом и даже о попытке изнасилования. Проведя по лбу рукой, Крамнэгел смахнул несколько капель холодного пота и понял, что ему страшно. О боже, ну дай человеку хоть один шанс. Он просто не может допустить, чтобы его схватили прямо в полицейской машине, когда по рации поступит сигнал о его побеге. Ничего себе история получится, курам на смех. «Да вы знаете, где его взяли?» — уже слышал он издевательский вопрос. «Крамнэгел? Это Крамнэгела так поймали? Да не может быть... Не может... Что? Даже не ФБР, а англичашки? Анг-ли-чаш-ки?»

— Выпустите меня! — прорычал он.

— Мы же еще не доехали, — удивился водитель.

Взяв себя в руки, Крамнэгел мирно сказал:

— Час блевану.

Резко взвизгнули тормоза, громче, чем в любом гангстерском фильме. Выбравшись наружу, Крамнэгел перегнулся пополам и закашлялся, схватившись за горло.

— Подождать вас? — окликнул его водитель.

Отрицательно махнув рукой, Крамнэгел рухнул на колени. Так, хорош. Главное — не переигрывать. Он снова поднялся на ноги и глубоко вздохнул. А то еще переборщишь, чего доброго, да и угодишь в больницу. Он услышал, как отъехала машина. От разыгранного спектакля у него действительно так схватило живот, что он скорчился, а на глазах выступили слезы.

— О боже! — сказал он.

Первые неуверенные и робкие лучи рассвета уже пробивались оранжевыми пятнами сквозь низко нависшее серое небо, когда остроконечные черно-белые гангстерские башмаки Крамнэгела ступили на сырые бульжники мрачной территории ливерпульских доков. Туфли эти были созданы для гладких паркетов бальных залов и будуаров, а не для скользкой и неровной мостовой, и Крамнэгел совсем сбил себе ноги. Он принялся высматривать подходящий корабль. Судить о том, насколько корабль ему подходит, он мог лишь на глаз — в надежде, что новичкам всегда везет. Крамнэгел, как и следовало ожидать от человека его склада, принялся высматривать американский

флаг, как высматривает шпиль знакомой колокольни почтовый голубь. Но американский флаг он нашел лишь над одним судном — огромным кораблем, по виду военным транспортом, на борту которого красовалась надпись «Генерал Огастас Б. Сэвидж». Вряд ли подходящее судно для беглеца — Крамнэгелу оно представилось скорее гигантским плавучим патрульным автомобилем.

Чем быстрее светало, тем больше Крамнэгел нервничал. Однако его успокаивало то безразличие, с каким люди, находившиеся в доках в эти утренние часы, проходили мимо друг друга. В обычное время Крамнэгел счел бы такое к себе отношение проявлением враждебности. Но сейчас он был за это благодарен.

Повернувшись во сне на другой бок, Корал открыл один глаз и тут же снова зажмурился. Какие-то мысли промелькнули в его не проснувшемся еще мозгу, да так быстро, что лоб невольно нахмурился. Глаз раскрылся снова, вслед за ним второй. Привыкая к полутьме, он посмотрел на подставку для своего парика. Подставка была такой же гладкой и блестящей, как и его собственный череп. Он сел на кровати, охваченный внезапным приступом паники. Исчезли его волосы! Он перевел взгляд на кровать Крамнэгела. На подушке торчал хохолок, но тело странным образом съезжилось. Корал тихонько поднялся с постели, словно увидев что-то сверхъестественное, резким движением сорвал с кровати соседа одеяло и завопил.

Несколько минут спустя мистер Певерелл-Проктор уже говорил по телефону с полицией, а затем, получив в Скотланд-Ярде номер, связался с Пьютри, который согласился, что случившееся достойно сожаления.

— Далеко не уйдет, — услышал Пьютри собственный голос и немедленно набрал номер сэра Невилла. — Надеюсь, что не разбудил вас, сэр Невилл. Дело в том, что Крамнэгел смылся, дал деру.

— Слава богу! — вскричал сэр Невилл.

— Я считал нужным поставить вас в известность, но не думаю, что нам следует проявлять такой энтузиазм.

— Но почему?

— Мало ли кто может нас услышать.

— Кому есть дело до Крамнэгела? — заметил сэр Невилл.

— Полиции, — весьма раздраженно ответил Пьютри.

— Неужели вы хотите сказать, что у нас прибегают к подобным методам?

— Ну, мало ли что бывает иногда, одна линия подключается к другой... — пробормотал Пьютри.

— Что ж, в таком случае спасибо вам за трагические новости, — весело ответил сэр Невилл. — Так лучше?

— Не стоит благодарности. Я немедленно еду на службу, только вот побреюсь.

События развивались со скоростью, превзошедшей худшие предположения Пьютри. Приехав в новое здание Скотланд-Ярда, он обнаружил, что его сотрудники настроены весьма оптимистично, поскольку экипаж полицейской машины сообщил, что подвозил человека, приметы которого совпадали с приметами Крамнэгела, и этот человек совершенно явно направлялся в гавань. Пьютри раскурил трубку, чтобы избежать необходимости высказывать какое-либо мнение, и, спрятав лицо в клубях сизого дыма, принялся ругать про себя Крамнэгела. С таким везением и такой ссоркой его наверняка арестуют, когда он обратится к постовому с просьбой сказать, который час, — причем обратится вовсе не затем, чтобы действительно узнать время, а просто из потребности в человеческом общении.

Однако в этот момент Крамнэгел уже находился на борту грузового парохода «Агнес Ставромихалис», имевшего обыкновение шляться вокруг свега подобно нищему бродяге, перевоза среди прочих грузов из одного порта в другой грязь и ржавчину. У его флага было что-то общее со звездно-полосатым полотнищем, поэтому душа Крамнэгела откликнулась на изображенный на нем символ, хотя на флаге красовалась всего одна звезда вместо привычного гордого созвездия. О порте приписки корабля — Монровии¹ — Крамнэгел никогда и слыхом не слышал, но решил, что он, должно быть, находится в Техасе, поскольку у штата Техас на флаге одна звезда. Вот ведь суки, даже свой собственный флаг заимели! И он окончательно запутался, узнав, что командует кораблем грек по имени Фемистокл Макарезос.

¹ Столица Либерии.

— Звучит вроде по-шотландски.

— Разве я похож на шотландца? — дружелюбно спросил капитан, буравя Крамнэгела маленькими, как две смородинки, глазками, разделенными тонким, как лезвие бритвы, длинным носом.

— Ну уж цену-то вы заломили точно как шотландец, это я вам верно говорю. Сколько, значит, вы хотите?

— Пятьсот долларов — наличными.

— Да вы отдаете себе отчет, что просите?

— А вы сравните эту цену со стоимостью каюты обычного рейсового лайнера.

— Где я, по-вашему, достану нужные документы?

— На берегу. Мы отплываем только через два часа, — непринужденно ответил капитан.

Коллебаясь, Крамнэгел облизал губы. Макарезос улыбнулся.

— Что, некогда сбежать за ними? — спросил он. — Все ясно. Итак, я избавляю вас от ненужной суеты, излагая вам факты, как они есть. Вам нужно лишь довериться мне. Идет?

Крамнэгел снова заерзал, похлопывая себя по карманам.

— Ну, ладно, — сказал капитан, как бы предлагая положить конец шуткам и перейти на серьезный тон. — Взвесьте сами преимущества и недостатки ситуации. У вас есть причина убраться из Англии, у меня есть возможность вас вывезти. Удобной кровати, чистой воды, съедобной пищи — этого я вам предложить не могу. Это вам может предложить рейсовый океанский лайнер. Но если у вас нет желания проходить таможенный досмотр, то лучше плыть со мной. И прошу я за это всего-навсего пятьсот долларов да еще, может, немного нетрудной работы.

— Работы? Я, значит, должен вам выложить половину косой, да еще и работать сверх этого?

— Совсем немножко. — Многозначительно пожав плечами и подняв вверх брови, капитан сумел придать своим словам оттенок иронии. — Палубу подраить, посудку помыть, здесь вытереть, там подтереть — вас от этого не убудет. Я бы и сам этим занимался, да только я ведь капитан, а это не способствует укреплению авторитета капитана в глазах команды.

— А как насчет профсоюзов? — упрямо спросил Крамнэгел.

— На этом корабле профсоюза нет.

— Нет? — откликнулся возмущенным и неверящим эхом Крамнэгел.

— Похоже, вы не привыкли плавать на не охваченных профсоюзами кораблях, — холодно заметил Макарезос. — В таком случае, если работа на корабле, где нет профсоюзной организации, вам не по душе... другими словами, если вы смутьян, ищите себе другой корабль.

Крамнэгел мгновенно обдумал положение. И почему он вечно проявляет благочестие там, где не надо? Какое безумие заставило его ринуться через тюремный двор, подобно атакующей кавалерии, чтобы ввязаться в драку с бегущим из тюрьмы заключенным? Почему, черт возьми, из него все время лезет полицейский? Какое там — полицейский! Патриот, а не просто полицейский, патриот с возвышенным образом мысли, с чистым образом жизни, богобоязненный миссионер, действующий от имени всего человечества... И что прикажете делать такому чудесному человеку, если он попал в столь грязный мир?

— В гробу я их видал, эти ваши профсоюзы, — буркнул он, пытаясь развеять впечатление о себе как о смутьяне.

Капитан улыбнулся:

— Я выразился не совсем точно, сказав, что мы не охвачены профсоюзом.

— То есть как?

— Мы принадлежим к профсоюзам Либерии, — продолжал капитан.

— Это еще что за чертовщина?

— Не имею ни малейшего представления, — отвечал капитан. — Итак, что же вы решили?

— Вы идете в Галвестон, штат Техас?

— Верно.

— И просите пятьсот колов.

Не успел капитан ответить, как в каюту ввалился какой-то азиат и пробурчал что-то на непонятном восточном языке. Поскольку европейскому уху в каждом восточном

языке слышится сигнал тревоги, Крамнэгел не мог понять, звучала ли тревога в интонациях вошедшего или в его словах. Капитан же все понял и повернулся к Крамнэгелу.

— Полиция уже здесь, — кратко пояснил он. — Все ясно. Тысяча долларов.

— Тысяча...

— Я готов проявить благородство — семьсот пятьдесят. Будьте благоразумны. Мне ведь надо что-то дать и команде. Они знают, что вы здесь.

— Ах ты, грязная...

— В таком случае будьте любезны следовать за мной. — И капитан резко бросил что-то односложное матросу-азиату. Перед мысленным взором Крамнэгела промелькнула стена, на которой он совсем недавно лежал, и это последнее унижение перетянуло чашу весов.

— Согласен, — прошипел он. — Семьсот пятьдесят.

Выставив матроса за порог, капитан запер дверь, вскочил на свое вращающееся кресло и снял с потолка гнилую деревянную панель, местами покрашенную светло-голубой краской, чтобы скрыть наиболее безнадежно прогнившие куски.

— Лезьте туда, — приказал он.

— Туда? — простонал Крамнэгел. — Да мне в жизни не влезть.

— Я вас подпихну. Слышите голоса? Это полиция.

Крамнэгел мужественно взобрался на шаткое кресло и собрался с силами, чтобы залезть в дыру, однако это казалось ему столь же невозможным, как если бы парашютисту предложили вернуться обратно в люк самолета после того, как он выпрыгнул из него.

— Неужели у вас нет другого места?

— Не тратьте зря драгоценного времени. Мне приходится думать не только о вас, но и о своей репутации. Ну, живо, раз, два — пошел!

Крамнэгел словно заново пережил все то, что происходило с ним у стены тюрьмы, но на этот раз в присутствии свидетеля. Он повис было в воздухе, потом задержался и лишь спустя некоторое время с облегчением разлегся на деревянных балках.

— Эй, откуда это такой вонюю несет?

— Из камбуза.

Сначала Крамнэгела окружала лишь тишина и смесь дурных запахов. Затем он услышал голоса и сквозь многочисленные щели увидел синие фуражки полицейских и среди них один шлем, верхушка которого чуть не царапала потолок. Полицейские осматривали каюту, затем один из них постучал фонариком по потолку.

— А там, наверху, что?

— О, это просто декоративные панели, а за ними — металлический каркас. Там всего-то места, чтобы засунуть какие-нибудь тряпки да банку с краской. Сигарету? — быстро предложил капитан.

— На службе не курим.

— Это египетские. Возьмите домой. Очень приятно выкурить такую после обеда.

— Большое спасибо.

Угостившись сигаретами, полицейские пошли обыскивать другие помещения. Крамнэгелу казалось, что он лежит в своем убежище уже несколько часов. Когда глаза его привыкли к темноте, он увидел две точки света, немигающие и очень близко одна к другой расположенные. Потом они неторопливо приблизились к нему и оказались глазами крысы — крысы, до того насытившейся содержимым кладовой, что ее ноги с трудом несли массивное кольшущееся туловище.

— А ну, кыш отсюда! — прошипел Крамнэгел, вдруг приревновавший к ней свое крохотное убежище. — Кыш, кыш, катись в свою нору! — Крамнэгел пытался напугать крысу, но без шума и так, чтобы все осталось только между ними. Однако производимые им звуки соответствовали, видимо, словам доверия и ласки на крысином языке, поскольку громкая тварь лишь придвинулась ближе, радостно и озорно посапывая. Крамнэгела передернуло от ужаса, он почувствовал, как волосы у него встают дыбом. Но грохот якорных цепей отвлек крысу от активного продолжения нового знакомства, она отвернулась от Крамнэгела и улеглась, чтобы восстановить силы, похожая на огромную бежевую подушечку для иголок. Грохот цепей сопровождался выкриками матросов, плеском воды и стонами пытающихся включиться механизмов. Затем приливная волна выхлопных газов от дизелей облаком окутала и Крамнэгела и крысу, которая поспешно удалилась в темноту, что-то ворча высоким, скрипучим голосом диккенсовского персонажа.

Крамнэгел увидел, что капитан вернулся в каюту, и постучал по незакрепленной панели.

— Мне уже можно спускаться? — осторожно спросил он.

Капитан с усмешкой посмотрел вверх.

— А в чем дело? Разве вам не нравятся ваши покои?

— Мои покои? — Крамнэгел отодвинул панель. — Это мои покои? — спросил он гневно. — За семьсот пятьдесят долларов это мои покои?

— Вполне могли бы быть вашими, если бы вы не пожаловались.

Ну и тип! И шутки у него какие-то дурацкие.

— А вы знаете, что у вас здесь водится крыса?

— И не одна. Вы какую видели? Такую здоровую?

— Вы что, хотите мне сказать, что они у вас вместо домашних животных?

— Не совсем. Вы слышали когда-нибудь о том, что русские называют сосуществованием? Вот и у нас так — мы сосуществуем с крысами, крысы сосуществуют с нами. Вооруженный нейтралитет. Так какую вы видели — здоровую?

— Пожалуй, ее можно назвать здоровой, а уж породной — точно.

— Это Электра — мать, бабушка, любовница и тетка. Если вы сумели с ней поладить, вас это характеризует с хорошей стороны. А теперь постарайтесь поладить и со мной. Я спас вас от полиции. Как насчет моего вознаграждения?

Крамнэгел встал вполоборота к капитану, чтобы сосчитать свои деньги. С превеликим сожалением он расстался с семьюстами шестьюдесятью долларами.

— Вы должны мне десять долларов, — сказал он.

— А вы обязаны мне свободой, — улыбнулся в ответ капитан.

— Если, по-вашему, десять долларов такой пустяк, — вскричал Крамнэгел, — то давайте мне назад двадцатку, тогда я буду должен вам десять долларов.

— Хорошо, я должен вам десять долларов, — пропел капитан. — А теперь сидите здесь и не высовывайте носа. Мне нужно идти на мостик, чтобы вывести эту мышеловку В открытое море, где у моих дурней будет меньше шансов в кого-нибудь врезаться.

— Мышеловку? — переспросил Крамнэгел.

— И огнеопасное сооружение к тому же. Официально зарегистрировано как непригодное для плавания. Толщина корпуса в некоторых местах достигает лишь одной восьмой дюйма. Двигатель барахлит. Могу продолжать до бесконечности. Плавать умеете?

— Нет, не умею, — не сказал, а почти проорал Крамнэгел, но капитан уже поднялся по трапу на мостик. «Ни хрена себе чувство юмора, в жизни такого не встречал».

В Лондоне Пьютри покинул Скотланд-Ярд, где царил атмосфера оптимизма, и отправился к сэру Невиллу.

— Правда, самая лучшая новость — это отсутствие новостей? — спросил его сэр Невилл.

— Полностью с вами согласен, но на самом деле отсутствие новостей не является отсутствием новостей, коль скоро каждую минуту мы рискуем узнать новости. Если полиция не схватит его при первом досмотре кораблей в порту, то она снова прочешет все корабли пресловутым частым гребнем, обращая особое внимание на суда, держащие курс на США.

— Вам известно, откуда пошло выражение «прочесать частым гребнем»? — спросил сэр Невилл.

— При всем уважении к вам, сэр Невилл, я не считаю, что сейчас подходящий момент читать мне лекции, — отрезал Пьютри.

— Я сам этого не знаю, — объявил сэр Невилл, — поэтому я у вас и спросил. — Главный прокурор сегодня был в самом мальчишеском, самом задиристом настроении. Подняв телефонную трубку, Пьютри заказал разговор с Ливерпулем.

— Что вы намерены предпринять? — спросил Билл Стоккард.

Пьютри чуть улыбнулся Биллу, но не сэру Невиллу.

— Намерен рискнуть, — ответил он.

— Разумно ли это? — спросил сэр Невилл.

Пьютри не ответил. От необходимости отвечать его избавил телефонный звонок.

— Алло, пожалуйста, инспектора уголовной полиции Голэма. Пьютри, из Скотланд-Ярда. — Потом, после минутной паузы: — Алло, Брюс? Как там с Крамнэгелом, не

повезло еще? Ну и ничего удивительного. Его взяли в Стаффорде... Что? Очень просто: сел рано утром на поезд в Ливерпуле... Да, поезд пришел в Стаффорд минут двенадцать назад... Мы взяли его... Что?.. Ну, вполне естественно, что, находясь столь близко от порта, преступник, особенно преступник, хорошо знакомый с методами работы полиции, подумает, что полиция непременно бросится искать его в порту... Да нет, это абсолютно не моя заслуга, Брюс... Часто аплодисменты срывает тот, кто забил гол, хотя на самом деле заслужил их тот, кто дал ему пас... Такова жизнь... — Он медленно повесил трубку.

— Это риск, — объявил сэр Невилл, как бы классифицируя явление, с которым столкнулся впервые в жизни.

— Как вы будете выкручиваться, если начнется расследование? — поинтересовался Билл.

— Я еще не решил, потому и сказал, что это риск. По части подготовки я успел лишь познакомиться с железнодорожным расписанием. У меня просто физически не было времени продумать подробно все возможные последствия.

— Вы можете все отрицать, — несколько напряженным голосом предложил Билл.

— Это, конечно, был бы самый жестокий и некоторым образом самый безопасный выход из положения. Мне, как говорится, пришлось бы до известной степени злоупотребить авторитетом занимаемой должности: слово Голэма против моего. Либо можно было подождать полчаса и заявить, что произошла ошибка. Так, конечно, намного опаснее, поскольку в таком случае придется изобретать целую цепь воображаемых событий и придерживаться изобретенной версии. Но это глупый путь, бессмысленный. Идти по нему — только напрашиваться на неприятности.

— И именно по нему вы, без сомнения, и пойдете, — заметил сэр Невилл.

— Пожалуй, да, — вздохнул Пьютри.

— Вы могли бы довериться Голэму, — предложил Билл. — Так же, как доверились экипажу патрульной машины.

— Впоследствии. Впоследствии — да. Это единственный способ поставить точку. Заговорщикам всегда лестно быть посвященными во что-то, чего не знают другие.

Зазвонил телефон. Сэр Невилл взял трубку. Выражение его лица изменилось.

— Министр внутренних дел, — доверительно сообщил он своим сообщникам, прикрыв трубку рукой. В предвкушении разговора с министром к нему вернулись и энергия, и невинное выражение лица, и игривость. — Доброе утро, сэр, — сказал он в трубку. — Да, для этого времени года — безусловно... — Он помрачнел. — О, вы имеете в виду специальный выпуск вечерних газет, не так ли? Нет, я никак не мог, я всего лишь несколько минут назад услышал об этом сам... О да, я думаю, нет никакого сомнения в том, что он будет пойман... Это верно, да, в самом деле, он никогда не проявлял прыги, которой можно было бы ожидать от человека в его положении... нет... — Сэр Невилл снова замолк, внимательно и сосредоточенно слушая голос в трубке, затем глаза его загорелись боевым огнем. Наконец он заговорил четко и ехидно: — У меня сложилось впечатление, господин министр, что я выполнял ваши указания. Не только скрупулезнейшим образом, но также и в том духе, в каком они были отданы... Я никогда бы не поднял этого вопроса, но коль скоро вы снова к нему возвращаетесь, я могу лишь сказать, что доведись мне давать в суде показания под присягой, мне пришлось бы признать, что это вы предложили поместить Крамнэгела в тюрьму без решеток и тем самым подтолкнуть его к побегу... Шутка? Ваше слово против моего? Очень странно, что вы заговорили об этом... Я не имею ни малейшего желания впасть в мелодраму, поверьте мне, господин министр, я обладаю иммунитетом против всяческих мелодрам; в любом случае я скоро уйду в отставку и, если на то пошло, могу легко поддаться искушению взяться за мемуары... Что же до вашего слова против моего, то я — королевский адвокат, а вы — политический деятель... Нет, я не испытываю абсолютно никакого страха перед возможными последствиями... Что? Я совершенно спокоен, уверяю вас... Забыть об этом разговоре?.. Только в том случае, если я сохранил за собой право вспомнить о нем в случае необходимости... В нашей профессии никто, по всей видимости, не может знать, что произойдет дальше... Простите?.. Риск?.. — Он подмигнул Пьютри и Стоккарду. — Удачный выбор слова, смею заметить... Риск? А что такое риск, как не образ действий, разумный сам по себе, но не учитывающий предрассудков и глупости других людей... Недалновидность? Возможно... — Голос его зазвучал очень холодно и безжалостно. Было очевидно, что сэр Невилл беспредельно наслаждался этим разговором. Выслушивая сомнения, увертки и увильвания своего собеседника, он с каждой секундой все больше и больше брал над

ним верх своим многозначительным и напряженным молчанием. Наконец он соизволил заговорить: — Господин министр, каждый день вам, наверное, приходится принимать тысячи решений по различным вопросам. Если каждое из них вызывает у вас впоследствии подобные угрызения и потребность в самокопани, то позвольте покорнейше посоветовать вам, пока не поздно, подыскать себе какую-нибудь иную работу, более соответствующую вашим блестящим способностям. Возможно, премьер-министр сочтет уместным перевести вас в министерство иностранных дел. Безусловно, развитие отношений с иностранными государствами не требует столь высоких этических критериев, как те, которые вы привносите в деятельность министерства внутренних дел, зато ваша склонность к шантажу может при удаче принести стране великую славу, а в худшем случае может быть заглажена ловким переводчиком... Наглость? Прощу прощения. Каждый феникс нуждается в пламени, чтобы потом восстать из пепла. Я бесконечно признателен вам, сэръ, за то, что вы обеспечили меня им. Так или иначе, вы ведь дали мне определенные инструкции, которые я выполнил в полную меру своих способностей. Я передал ваши пожелания новому Скотланд-Ярду и уверен, что миссия, которую вы на нас возложили, в скором времени будет успешно выполнена в лучших традициях... Алло, алло... Он бросил трубку, — свирепо улыбнулся сэръ Невилл, И, помолчав, добавил: — Теперь мы настоящие заговорщики.

— Зачем вы зашли так далеко? — спросил Пьютри.

— Не так уж далеко я зашел, — ответил сэръ Невилл. — Я всего лишь ускорил свою отставку.

— Напротив. Вы для Белпера гораздо опаснее вне министерства, а не внутри его. Свобода вам заказана, если случится какая-нибудь неприятность, — сказал Билл.

— Какая может случиться неприятность? — спросил сэръ Невилл.

— Теперь Крамнэгел уже на пути к своим, и дай им всем бог здоровья.

— Мусор благополучно заметен под ковер, — мягко заметил Билл. — Его не видно, но это вовсе не значит, что он исчез навсегда. Спросите миссис Шекспир.

15

Путешествие на борту «Агнес Ставромихалис» не было особенно примечательным с точки зрения морских приключений, поскольку царившая на корабле атмосфера скорее заставляла вспомнить сырые чердаки Достоевского, чем капитанские мостики Джозефа Конрада или паруса Мелвилла. Если бы ржавый корпус судна не раскачивался, отчего Крамнэгела все время тошнило, он и не заметил бы, что находится в море. Еще хуже было то, что любой встречный корабль двигался, казалось, с безмятежной грацией лебедя, в то время как гордость Либерии задыхалась, вздрагивала, изрыгала клубы черного дыма, повисавшие в воздухе в разных направлениях, как ветви японской вишни, и еле передвигалась. Первый день прошел почти без всяких событий. К борту корабля подошла моторная лодка и доставила несколько чемоданов, а в обед случился эпилептический припадок у кока Сон И, как раз когда он подавал суп. Крамнэгел мгновенно принял командование на себя: засунул китайцу в рот тряпку для мытья посуды, скрутил его и, прижав к полу, как бешеную собаку, держал до окончания приступа. И только тут обнаружил, что, пока он демонстрировал свои познания, почерпнутые на курсах по оказанию первой помощи, остальные съели его обед.

— Надеюсь, вы очень горды собой! — завопил он. Все, как один, кивнули, давая понять, что так оно и есть.

— Они не говорят по-английски, — объяснил капитан.

— Слушайте, а что доставили на борт те чернявые ребята в лодке? — спросил Крамнэгел.

— Я помогаю всем, а не только беглым каторжникам, — последовал любезный ответ.

— Опиум, да? Или героин?

— Можете вернуть деньги за проезд и даже еще заработать, если пронесете часть этого добра.

— Через что пронесу?

— Через американскую таможню.

Крамнэгел глубоко вздохнул. Все восстало в нем, все его моральные принципы возмутились, душа бурлила, как кипящий котел. Он даже почувствовал, как горят его щеки от благородного негодования.

— Сколько? — Он услышал, как задрожал его голос, произнося слова, глубоко противные душе.

— Потом поговорим.

На второй день путешествия Али Бен Ибрагим пырнул ножом Сервеса, матроса с Мальдивских островов. Мотивы ссоры остались неясными, поскольку языков друг друга они не знали, но матросы восточного происхождения были убеждены, что Али Бен Ибрагим заподозрил в своей жертве еврея. Али Бена Ибрагима пришлось заковать в кандалы, и Крамнэгел оказался единственным человеком на борту, который был способен с этим справиться.

— Я уже начинаю спрашивать себя, что бы мы делали без вас, — рассмеялся капитан во время второго несъедобного ужина.

— Как вы, черт возьми, можете есть это дерьмо?

— Уж не умеете ли вы стряпать, а?

— Лучше, во всяком случае, чем ваш кок.

— Может, возьметесь за камбуз? Тогда этого припадочного китаёзу можно будет вышвырнуть за борт.

— Вы что, серьезно?

— Да. Их ведь почти восемьсот миллионов, его никто и не хватится.

Крамнэгел хмыкнул.

— Не нравятся мне ваши шутки, — сказал он.

— Это еще почему? Вы что, никогда никого не убивали?

— Убивал, конечно. Слушайте, я убил двоих, а может и больше, но хвастаться тут нечем. Это, позволите вам сообщить, дело нехитрое. Куда более нехитрое, чем оставить им жизнь.

— Мне нравится ваше отношение к делу, — сказал капитан. — Вы, оказывается, вовсе не такая скотина, какой кажется.

— Чем вы занимаетесь? — неожиданно спросил Крамнэгел. — Такой человек, как вы, мог бы заработать кучу денег в районе борделей любого городишка средней руки. Зачем вам наживать себе язву, служа капитаном на вонючей консервной банке?

Капитан задумчиво улыбнулся.

— Здесь я хозяин. А в городе? Компромиссы, компромиссы, проценты, взятки, грязь, грязь. И вечно все надо помнить. Кто сколько получает. Да кому это все нужно? А потом — итальянцы. Сицилийцы. Куда ни плюнь. Все только для своих. Это же просто безнравственно — своя лавочка для дядей, тетей, кузенов, братьев. В море все по-другому. — Он усмехнулся торжествующе и высокомерно. — Пусть только какой-нибудь сицилиец сунет сюда свою грязную рожу. Здесь монополия для греков. Сюда я могу пустить дядей и тетей и пустил бы, если бы мог им доверять. К сожалению, они тоже греки.

— Мэр нашего города, он тоже грек.

— Да? Молодец парень, молодец. А чем вы занимаетесь? Чем зарабатываете себе на жизнь? Просто удивительно, что вас с такой силой не взяли в полицию.

Крамнэгел почувствовал, что его так и распирает от сознания своей силы и власти, но тут же вновь обретенное умение быть двуличным взяло верх.

— Да я и мертвый бы к этим свиньям не пошел, — прочувствованно произнес он.

— Вот это мне по душе. — Капитан прищурил глаза, как бы оценивая и взвешивая личность собеседника. — А знаете, мы бы с вами могли войти в весьма долгосрочные отношения.

— Какие же?

— Я перевожу наркотики. А вы будете проносить их через таможню и распространять.

— Доход пополам?

Капитан от души расхохотался.

— Что у вас на уме? — спросил Крамнэгел.

— В конце концов, это ведь мое дело, — ответил капитан. — И я принимаю вас в него.

— Принимаете за сколько?

— Сколько платит актер агенту? Беру вас за десять процентов с выручки.

— Десять процентов выручки за девяносто процентов риска? Идите вы...

Третий день в море прошел без происшествий, если не считать того, что глухонемой матрос с Тринидада по имени Икабод Бейнс пырнул ножом старшего помощника, уроженца Брунея, и капитан предложил Крамнэгелу пятнадцать процентов вместо десяти.

— Не пойдет.

На четвертый день кончились кандалы, да и стена, к которой людей приковывали, прогнила настолько, что рухнула, и всех нарушителей дисциплины пришлось освободить.

— Почему бы вам не набрать англоязычную команду, которой хоть управлять можно? — спросил Крамнэгел, сделав минутный перерыв: он распиливал кандалы, в которые был закован Икабод Бейнс.

— Вы меня что, за дурака держите? Единственный экипаж, который устраивает меня в моем деле, это люди, не способные общаться между собой. Ясно? Самый лучший матрос — глухонемой, но природа не так уж на них щедра. Я-то знаю, что делаю, поверьте, а моим хозяевам абсолютно безразлично, что и как я делаю, лишь бы я доставлял то, что положено.

— И что же вам положено доставлять?

— По-разному бывает. В основном смешанные грузы, все, что не берут другие. Перевозку дряхлых коней из Галвестона на корриды в Испанию. Взрывчатку. Всякую всячину.

— Беглых каторжников, крыс и наркотики, — добавил Крамнэгел, отходя.

— Это вы сами сказали, — с довольным видом расхохотался капитан.

К концу второй недели Крамнэгел выглядел так, будто он провел в море большую часть своей жизни. Кожа его побронзовела, вследствие чего глаза стали казаться более светлыми. Постоянная же работа на свежем воздухе придала его поведению живость — правда, скорее звериную, нежели одухотворенную. Его власть над кораблем была неоспоримой, но в силу характера и склада ума, он властвовал над кораблем отнюдь не от собственного имени, а всего лишь представляя своего достойного всяческого осуждения хозяина, который сидел на мостике, накачиваясь смесью из сладкого вермута, узо и рецины и распевая под неуверенный аккомпанемент надтреснутой мандолины меланхолические песни, которые греки позаимствовали у турок, хотя никогда в этом не сознаются.

И вот, в один прекрасный день сернистая дымка, обернутая в кокон видимой невооруженным глазом грязи, возвестила о близости цивилизации, а очень скоро вслед за тем показались и нефтяные вышки — ненасытные костлявые куры, непрерывно клюющие землю. Глубоко, всей грудью вдохнув грязный воздух, Крамнэгел просто расплылся от чувства радости и благодарности. Всего лишь семьсот миль на автобусе, и он — дома. В то же время ему стало окончательно ясно, в чем его долг.

Новый, внешний Крамнэгел сумел адаптироваться ко стольким невероятным внешним факторам и обстоятельствам, что внутренний, настоящий Крамнэгел даже задумывался временами, не подтачивает ли все это вынужденное лицедейство его истинный характер. Спокойствия ради он мирно жил в одной комнате со старым гомосексуалистом и играл роль закоренелого преступника в обществе капитана — этой современной пародии на Улисса. Желая приветить престарелого английского уголовника и потрафить ему, он пристальным, внимательным взглядом обозрел темные от запекшейся крови горизонты американской преступности и поведал незадачливому грабителю банков обо всем увиденном. Он заставил молодых полицейских в патрульной машине ломать себе голову над тем, что им делать с пьяным матросом. Он бродил по шоссе английского севера в остроносых туфлях чикагского гангстера и вошел в литературную историю автобиографическими очерками, которых он сам не только не писал, но и не читал, но за которые получил деньги, — и если это не слава, то что же еще?

И все же настоящий Крамнэгел ничуть не изменился. Во всяком случае, так он думал, когда открыл бумажник и посмотрел на удостоверение начальника полиции, покоившееся в своем целлофановом домике, — теплое, трепещущее и живое. У него в руках все еще была власть, которой он мог козырнуть, была возможность грозить арестом всем за пределами того круга людей, которые знали, что этот паршивец Карбайд.. Но он тут же придушил эту мысль в зародыше — прежде чем она успела родиться — и решил, что документ, который он держал в руках, и есть реальность. Все же осталь-

ное — не более чем дурной сон, о котором можно будет забыть, как только станут известны настоящие факты. Факты! В воображении он видел себя сидящим на багажнике открытого белого автомобиля; он широко ухмылялся, а вокруг него, как конфетти, кружились обрывки телетайпных лент. Из окна высывалась заплаканная Эди, а Карбайда с позором изгоняли из города. Крамнэгел принял решение.

Когда «Агнес Ставромихалис», хромая, вползла в гавань Галвестона, Крамнэгел поднялся по трапу на мостик, откуда мутноглазый капитан отдавал команды машинному отделению, и полунельсоном прижал его к полу.

— Какого черта? — хрипло прорычал грек. — Нашел подходящее время!

Ни один из находившихся на мостике двух моряков и не подумал прийти на помощь капитану, поскольку оба уже успели испытать на себе «веселый нрав» Крамнэгела И без кандалов, и в кандалах.

— Верни мне мои семьсот пятьдесят долларов.

— Шутить изволите?

— Я и не думаю шутить, — сказал Крамнэгел, усиливая захват.

— По-твоему, это честно? Мы же договорились.

— Полагаю, что я более чем отработал свой проезд, капитан. Да и потом, если уж я пронесу тот чемоданчик через таможеню...

— Да отпусти же ты меня, сукин сын! Сейчас ведь на борт прибудет лоцман.

— И мы попросим его выступить арбитром в нашем споре, да?

— Ладно, ладно, согласен! — закричал капитан, заметив, что корабль уже сносит приливом.

— Ну, раз мы договорились, то с тебя тысяча долларов, идет?

— Ты, сукин...

— Сын, — договорил тихо Крамнэгел. — Иди за деньгами. Прямо сейчас. А не то пополам разорву.

— Дай мне сначала команду отдать.

— Не пойдет, — нажал посильнее Крамнэгел.

— Право руля! — завопил капитан.

Но никто не шелохнулся.

Он повторил команду по-китайски.

— Ну, ладно, проиграл, так проиграл. Пошли, — сказал он. Курчавые волосы его взмокли и растрепались по лбу.

Крамнэгел последовал за капитаном в каюту.

Грек молча отсчитал ему тысячу долларов.

— В нашем деле для тебя места нет, — сказал он тихо, но злобно. — Нет, потому что ты человек бесчестный. Наш бизнес построен на доверии. А я тебе не доверяю.

— Мягко говоря, я тебе тоже, — сказал Крамнэгел.

— Мы заключили с тобой сделку. А ты меня обманул. Ты обманщик, любезный. Обманщик.

Крамнэгел невольно покраснел. Его больно задело именно то, что капитан выразился так просто и ясно, без каких-либо эпитетов.

— Неправда, — неуверенно ответил он. И добавил: — Ну ладно, если ты так пезреживаешь, я верну тебе две с половиной сотни.

— Я не приму их.

— Это еще почему? — рывкнул Крамнэгел, ища, как обычно, опору в силе.

— Надо решить раз и навсегда, хочешь ты быть честным или бесчестным, — сказал капитан. В словах его прозвучала убежденность порочного, но умного человека. — А приняв решение и определившись, надо уже играть по правилам. Конечно, можно немного и сжульничать, когда отвернется судья — так в каждой игре заведено: лови удачу, — но перебежать из одной команды в другую не позволяется. И никто этого не потерпит.

— Ну, ладно, я был неправ. Бери свои две с половиной.

— Нет. И убирайся отсюда.

— А как же насчет чемоданчика?

— Ты думаешь, я теперь доверю тебе добра на полмиллиона? Тогда ты не сумасшедший даже, а просто дурак.

— Ну что ж, ты, значит, высказался, а я, значит, принял решение! — выкрикнул Крамнэгел.

— Прочь с дороги, иначе мы потеряем корабль.

— Нет!

Капитан ударил Крамнэгела в солнечное сплетение, а затем, когда огромный ребенок, задохнувшись, согнулся пополам, вышиб из него дух апперкотом. Падая на пол, Крамнэгел сломал подвернувшийся стул. Когда Крамнэгел пришел в себя, то увидел, что сидит в каюте и ощупывает рот пальцем, пытаясь найти повреждение. А капитан вернулся на мостик, принял на борт лодмана и мастерски пришвартовал «Агнес Ставромихалис» к пирсу.

Готовясь сойти на берег, Крамнэгел испытывал чувство горькой обиды на капитана, испортившего ему возвращение домой, но эта обида на самом деле лишь прикрывала еще более глубокую рану. Крамнэгел пришел в себя, обнаружив такую силу в человеке, настолько в себе уверенном, что он даже не испытывал необходимости эту силу демонстрировать. О боже, да если бы их отношения не дошли до такой точки, он, Крамнэгел, так и не узнал бы никогда, как аккуратно и точно умеет бить этот человек. Хорошо обладать умением причинить боль своему более сильному врагу, да еще с таким коварством, но насколько же лучше уметь скрывать это умение, уметь хранить такую тайну, хотя как же, наверное, напрягаются мускулы и сжимаются кулаки даже во время самого невинного спора.

Ища выхода из унижительного положения, в котором он очутился, Крамнэгел испытывал все большее и большее возмущение этим ленивым головорезом, который сумел так ловко использовать его в своих целях.

Крамнэгел вспомнил, как по-рабски трудился, словно дрессированная горилла, которую хозяин заставляет выполнять всякую черную работу, чтобы самому не пачкать рук. Но кто вышибал дух из припадочного кока-китайца во время предыдущих рейсов? Кто держал в повиновении и в узде дикарей-матросов? Не иначе как сам капитан. Так, значит, они боялись не тяжелых кулаков Крамнэгела, а еще более страшной, более утонченной опасности, все время маячившей на мостике? Так он, значит, всего лишь был хозяйским надсмотрщиком, на которого хозяин свалил всю грязную и опасную работу? И все задарма, да еще несправедливо выжав из него семьсот пятьдесят долларов! Кровь его вскипела от благородного негодования, а смущение быстро загладилось с помощью тех приемов, которые люди обычно используют, дабы перевести испытанное ими унижение в благородный гнев. В словах капитана Крамнэгел усмотрел лишь одну мысль, с которой он не мог полностью не согласиться: если человек выбрал себе команду, он должен оставаться в ней, а не перебежать на другую сторону. На свете, слава богу, существует такая вещь, как верность, и чертов грек скоро, к своему огорчению, в этом убедится. Крамнэгел с облегчением пересчитал свою тысячу долларов. Может, грек и сохранил свое достоинство, на какой цене? Ценой двухсот пятидесяти долларов. Но разве у настоящего достоинства может быть цена? Конечно нет, решил Крамнэгел, убирая тысячу долларов в карман.

Таможенники терялись в догадках, не в силах взять в толк, что это за птица в засаленном костюме фасона сорокалетней давности спускается с корабля по сходням. Так могли позволить себе одеваться лишь азиаты и левантийцы. Моды путешествуют медленно, и в последнем их крике где-нибудь в Карачи, Порт-Морсби или Сидоне могла только сейчас отозваться первая волна чикагского стиля тридцатых годов, но Крамнэгел был странен именно своей честной веснушчатой физиономией, возвышавшейся над всей этой приталенной утонченностью и черно-белыми башмаками, выглядывавшими из-под широченных брюк подобно носам далматинцев, высовывающимся из-под пологов палаток.

— Вы гражданин США? — спросил таможенник.

— А то нет. Слушайте, приятель, кто у вас здесь за старшего?

— За старшего? А зачем он вам?

— Это его дело и мое.

— Может, вы мне пока что расскажете, что приобрели за границей?

Окинув таможенника взглядом, Крамнэгел полез за бумажником и достал свое удостоверение.

Как и следовало ожидать, таможенник даже присвистнул.

— Откуда взялся хороший человек на этой коробке?

— Хороший, значит? — усмехнулся Крамнэгел. — Это секрет. А как бы мне повидаться с вашим начальником?

— С начальником? Враз устрою.

Начальником таможни оказался медлительный скептик, убежденный в том, что в этой жизни каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок предьявляют таможне меньше, чем могли бы предьявить. Звали его Руалд Ф. Бенедиктссон.

— Чем могу служить, начальник Крамнэгел? — спросил он. — Помимо досмотра вашего багажа?

— Нету у меня никакого багажа, — ответил Крамнэгел.

— Нет? Это довольно подозрительно, не правда ли?

— Будем считать, что я путешествую на легке, — сказал Крамнэгел тоном достаточно таинственным, чтобы мистер Бенедиктссон сразу же почувствовал желание извиниться.

— Так чем же я могу служить?

— Видите ли, я выполняю специальное задание... по линии ФБР...

— Можно было не говорить, я и так догадался, — лаконично ответил начальник таможни.

— Ну и отлично. Вот почему я путешествовал на борту...

— Я понял, — перебил Бенедиктссон. — Давайте ближе к делу. Чем могу служить?

— Мне хотелось бы обойтись без лишних распросов.

— Разве я вас о чем-нибудь спрашиваю?

— Я имею в виду — потом. А сейчас просто пропустите меня через таможню. Мне надо представить отчет.

— Валийте.

— На борту этого корабля на полмиллиона героина.

— Намек понял. Райан, проведите его через иммиграционную службу, да смотрите, чтобы его там не задерживали.

— Спасибо.

— Службу знаем.

Крамнэгел купил новый костюм и еще кое-что из одежды, а на другой день, сидя в автобусе, с ревом мчавшемся по шоссе в Атланту и затем в Город, прочитал в газете об аресте капитана Макарезоса.

Утром следующего дня автобус въехал в Город. Со все большим и большим волнением смотрел Крамнэгел на расстилавшуюся за окном территорию знакомых пастбищ. Погода была ни плохая, ни хорошая, поскольку истинный цвет неба был надежно скрыт продуктами труда рук человеческих. С уверенностью можно было сказать лишь то, что не идет дождь. Когда автобус вплыл на стоянку, Крамнэгел ощутил великую радость и сознание одержанной победы от того, что добрался до родных мест. И только сойдя с автобуса, он понял, что эта радость была уместной, пока Город еще оставался точкой на карте или названием на дорожном знаке, но сейчас, когда он уже физически оказался здесь, ему некуда было податься. Ночевать в гостинице, находясь в родном Городе, казалось просто невысказанным, но ничего другого не оставалось. У него больше не было Эди. Не было и телевизора. Не было даже банки пива со льда.

С минутку покипев, он взял себя в руки. Он не хотел, да ему и не было нужды вызывать своим видом жалость. Он вернулся, чтобы драться, и, заимствуя привычное выражение этой разнесчастной шлюхи Эди: когда он дрался, то дрался, чтобы победить. То, что он платежеспособен, поможет ему гордо и высоко держать голову в этот трудный момент, решил он. Естественно, первым делом надо взять такси и поехать в банк, чтобы выяснить свое финансовое положение. Крамнэгел махнул рукой проезжавшей мимо машине. Таксист жестом показал, что уже закончил работу, и поехал дальше. Да, черт возьми, не те стали порядочки при Але Карбайде, подумал он. Шофер второго такси вообще, казалось, не обратил на него никакого внимания, поэтому Крамнэгел шагнул на мостовую прямо перед машиной. Автомобиль дернулся в сторону, и таксист выкрикнул ругательство, на которое Крамнэгел с готовностью ответил. Услышав ответ, таксист затормозил. Крамнэгел подбрался и подпернул брюки. Таксист выскочил из кабины, рыча от ярости. Они шли

друг на друга, словно персонажи в заурядном вестерне. Но вдруг таксист замер как вкопанный и широко раскрыл рот. Крамнэгел тоже остановился.

— Начальник Крамнэгел, — пробормотал таксист.

— Ну? — откликнулся Крамнэгел грозно.

— Что ну? Вам-то уж следовало бы знать, что занятое такси не останавливают.

— Занятое? — Заглянув в машину, Крамнэгел увидел даму с пурпурными волосами, злобно уставившуюся на него сквозь усыпанные фальшивыми бриллиантами очки.

— Прошу прощения, м э м, — промямлил он.

Таксист с растущим отвращением покачал головой.

— Дерьмо, — сказал он беззлобно и сплюнул на дорогу.

Крамнэгел медленно вернулся на тротуар, окинув неприязненным взглядом собравшуюся там кучку людей.

— В чем дело? — задал он им чисто риторический вопрос, и люди рассеялись, размышляя о том, в чем же действительно дело.

Наконец он остановил такси, за рулем которого сидел молодой негр.

— Куда, мистер?

— «Пайонир энд Мерчантс бэнк».

— Это где?

— На полдороге в Понтекорво.

— Понтекорво — а я и не знал, что там есть банк.

— Раз говорю, значит, есть.

Было совершенно ясно, что таксист и понятия о Крамнэгеле не имел.

— Вы здесь в городе впервые? — спросил он.

— Я еду в банк, о котором ты в жизни не слыхал, почему же ты думаешь, что я впервые попал в этот город? — прорычал Крамнэгел.

— Да не знаю я, просто показалось что-то. У меня такое бывает, да еще как сильно! Иной раз я даже секу, когда человек вот-вот откинёт копыта. Я ему даже могу сказать — что бы ты ни делал, куда бы ни попер, где бы ни прятался, все одно скоро загнешься.

— Ну, поговорили, и хватит, — сказал Крамнэгел. Его нервозность вызвала у водителя смех — раскатистый, громкий, мелодичный африканский смех, который действовал Крамнэгелу на нервы. — Что тут такого смешного? — спросил он.

— Э, не, вы-то не загнетесь, пока еще не т. — Внезапно таксист посерьезнел и окинул отражение Крамнэгела в зеркале взглядом ясновидца. — Но из-за вас тут понаделается делов, да каких!

— Я же сказал — хватит!

— И, значит, вы здесь в городе не впервой?

— Я был в отъезде.

— Все сходится, — спокойно сказал таксист, останавливаясь у банка.

Расплачиваясь, Крамнэгел старался избежать его взгляда, но ему это не удалось. Когда их глаза встретились, Крамнэгел почувствовал, что выдает мысли, которых еще толком не осознал сам.

— Попомните мои слова, — сказал на прощание негр.

Войдя в банк, Крамнэгел увидел управляющего, Лейтема Ходника, который, сидя за столом, беседовал с клиентом.

Крамнэгел, улыбаясь, ждал, пока его узнают. Когда девушка-служащая осведомилась, что ему угодно, он попросил ее передать мистеру Ходнику, что в банк пришел мистер Крамнэгел. Девушка выполнила его просьбу. Ходник удивленно поднял глаза. Затем, отделавшись от клиента, жестом попросил Крамнэгела подойти.

На лице его застыло озабоченное выражение — нечто среднее между соболезнованием и поздравлением.

— Даже моя твою не видела, — сказал он осторожно.

— Я только что провел почти месяц на борту корабля, набитого китаёзами, — небрежно бросил Крамнэгел, — так что вполне могу обойтись без ломаного английского.

— А! Где же вы были, Барт? То есть я знаю, где вы были. Расскажите обо всем.

По крайней мере, расскажите хоть то, что хотите рассказать. — Ну, можно ли прожить больше такта?

— Все это уже быльем поросло, — величественно ответил Крамнэгел.

— Вас выпустили? Выпустили, наконец?

— Нет. Я сам ушел.

— Сам ушел?

— Да вот взбрело в голову уйти. Соскучился по дому. — Крамнэгел улыбнулся, видя, что привел собеседника в замешательство. — Давайте потолкуем кое о чем другом, — предложил он. — Как обстоят мои дела?

— Ваши дела? — переспросил Ходник.

— Финансовые дела.

— Финансовые?

— Я что, невнятно говорю или как?

— Но, Барт, когда Эди и вы... разошлись... она перевела свой вклад отсюда в другое место.

— Что она сделала? — встрепенулся Крамнэгел.

— У вас же был общий счет, как вам известно. Так что после развода она перевела все деньги в «Америкен нэчурал гэс».

Крамнэгел сердито посмотрел на него.

— Вот каково доверять женщинам, — медленно проговорил он.

— Что ж, такое может случиться и когда доверяешь мужчине. Насколько я понимаю, у нее теперь общий счет с ее супру... с началь... с мистером Карбайдом.

— Общий счет с мистером Карбайдом? Это правда?

— Так я полагаю.

— Но вы же знаете, что это были мои деньги?

— Это уж не мое дело — знать, кому из владельцев общего счета принадлежат какие деньги, — взмолился мистер Ходник, ожидая неминуемой бури.

— Это были деньги, которые я заработал. Которые я скопил. У нее же за душой не было ни цента, когда мы поженились. Она за всю свою жизнь ни цента не заработала, черт ее раздери!

— А я этого и не знал, — отвечал мистер Ходник, как будто слыша нечто чрезвычайно интересное, да еще впервые в жизни.

— А теперь она забрала мои деньги — сбережения всей моей жизни — и отдала их этому вонючке Карбайду в приданое.

— Мистер Карбайд мне и самому никогда особенно не нравился, — заявил мистер Ходник, которого начала бить самая настоящая дрожь.

— Но там ведь были и другие деньги. Деньги, которые я заработал, когда уехал отсюда.

— Да, я помню, как я был удивлен. Сказать вам, на какую сумму...

— Сумму я знаю. Я хочу их получить. Я хочу все получить! — внезапно заорал он, привлекая к себе внимание.

— Послушайте, Барт, мы же с вами не первый день знакомы... — начал урезонивать его Ходник.

— А при чем здесь это, черт возьми? — спросил Крамнэгел.

Теперь он снова был спокоен, но в спокойствии его угадывалась буря.

— Хотите позвонить Эди по моему телефону? — предложил мистер Ходник.

Крамнэгел хитро улыбнулся.

— Вы сейчас сами ей позвоните по своему телефону, — сказал он.

— Что? Я? Но что же я ей скажу? — спросил оцепеневший от страха Ходник.

— Скажете ей... скажете... — Сверившись с листочком, извлеченным из бумажника, Крамнэгел быстро подсчитал. — Скажете ей, что она должна мне восемьдесят шесть тысяч долларов сорок центов, из которых я разрешаю ей удержать деньги на хозяйство, считая со дня моего ареста по день, когда она подала на развод, но к полученной сумме требую добавить две с половиной тысячи фунтов стерлингов по курсу два доллара сорок центов за фунт — точно высчитаем потом. Вот что вы ей скажете.

— Да я этого всего и не запомню, — взмолился мистер Ходник.

— Скажете ей, чтоб гнала немедленно пятьдесят тысяч долларов, а на остальное я ей выставлю счет.

Мистер Ходник нервно набрал номер. Веки его глаз дергались, а пальцы беззвучно барабанили по колену.

— Алло, миссис Карбайд? Ее нет дома? — спросил он с надеждой. — О, — сказал он упавшим голосом. — Это вы, Эди, а я вас не узнал. Это говорит Лейт Ходник, помните такого? Давно моя твоя... да. Чему вы обязаны удовольствием?.. Скажите, а начальник Карбайд, ваш муж то есть, дома? Нет! Нет! Я с вами хочу говорить, а не с ним. Что со мной случилось? Хороший вопрос... Слушайте... — Мистер Ходник в поисках вдохновения взглянул на хмурое лицо Крамнэгела, но обнаружил в нем больше угрозы, чем поддержки. — Эди, — сказал он. — Барт вернулся. — На другом конце провода возникла ощутимая пауза. — О, он в полном порядке. Загорелый, выглядит на миллион долларов, что подводит меня к главной причине моего звонка. Помните, когда вы переводили деньги отсюда в другой банк, я вам сказал, что может произойти, когда Барт вернется домой? Ну, я не думаю, что есть смысл так подробно вспоминать, кто из нас что говорил, Эди. Он здесь, и это факт, и он в своем праве. Вы подадите в суд? Но на кого, Эди? Лояльность по отношению к кому? Нет, я не понимаю вас, моя дорогая.

Крамнэгел вырвал у него трубку.

— Эди? — закричал он в телефон. — Это я, Большой Барт. Я вернулся, и ты должна мне деньги. Я хочу получить их обратно, и никакие гвозди, иначе кому-то сильно не поздоровится, и этот кто-то буду не я, ясно? Ну, я с тобой обойдусь похорошему. На первый раз мне хватит пятидесяти тысяч... Пятидесяти тысяч, — подчеркнул он, — да, а не пяти. Ты мне доставишь их сегодня вечером к шести часам. Что, в шесть еще недостаточно темно? Хорошо, в семь. На спортивной площадке средней школы имени Милларда Филлмора¹ у моста Абеляра². Куда мы с тобой ходили на свиданки. И чтоб ты была на месте и с деньгами, а не то... Говорю тебе при свидетеле. У меня в се. — Он бросил трубку на рычаг.

— Барт, — робко попросил Ходник, — только не рубите с плеча. Никогда.

— А чего мне не рубить с плеча, Лейт? — резко спросил Крамнэгел, — Разве закон не на моей стороне?

16

Место, куда когда-то ходили на свидания Барт и Эди, возможно, не было самым идеальным для романа, но имело свои практические преимущества. Прежде всего нет мест более пустынных, чем школы по ночам, а особенно школьные спортивные площадки. Эта площадка была расположена довольно высоко над Платонической рекой — потоком грязной пенящейся воды, извивавшимся под рядом широких и высоких мостов, размеры которых более чем льстили ядовитому ручью цвета глины, протекавшему столь глубоко под ними. Панораму бедных районов, гетто и массивных домов характерной для города архитектуры выгодно оттеняла огромная свалка, разрывавшая монотонную гладь круто спускавшихся к воде берегов, как разрывают монотонную гладь травы цветы, а в тех редких случаях, когда солнце ухитрилось пробиться сквозь тусклый туман промышленных отходов, пивные банки и серебряные обертки вспыхивали в его лучах подобно фальшивым драгоценностям в поддельной короне. Помимо своей поэтичности это место обладало еще и тем преимуществом, что дорога здесь превращалась в тупик, упиравшийся в сетчатое ограждение спортивной площадки, что позволяло не без удобств предаваться любовным утехам в поставленных на стоянку машинах.

В семь часов вечера Крамнэгел стоял у площадки и ждал, как в былые времена, с той только разницей, что он не держал за спиной цветов и отлично знал, что сказать. В десять минут восьмого он начал кипеть и греметь металлической сеткой, ограждавшей спортивную площадку; в четверть же восьмого его охватило настроение более философское, и он начал воображать тысячи причин, по которым Эди могла задержаться. Около двадцати минут восьмого его ослепили фары автомобиля, который, казалось, осторожно подкрадывался к нему. Он неожиданно почувствовал себя очень уязвимым: полицейская выучка вечно побуждала его опасаться ловушки. Он осторожно пошел вперед. Машина остановилась, и он подошел к ней. Повинуясь нажатию кнопки, стекло опустилось, Крамнэгел наклонился и заглянул в окно.

— Привет, — сказала Эди.

¹ Миллард Филлмор — тринадцатый президент США (1850—1853).

² Пьер Абеляр (1079—1142) — французский философ, богослов и поэт.

— Привет, — сказал Крамнэгел. — Вылезай.

— Может, лучше ты ко мне залезешь?

Он почувствовал раздражение, но не мог не согласиться с тем, что так будет удобнее, и попытался открыть дверь.

— Сейчас отопру, — сказала Эди после того, как он подергал за ручку.

Вот ведь сука! Теперь он легко открыл дверцу и уселся на сиденье.

— Что, новая машина? — спросил он.

— Это его. Ала...

— Кадиллак «Эльдорадо». Похоже, что полицейские стали лучше жить. — Он прихуался. — Какими это духами пользуется Ал? И разве ему не нужна его машина?

— Ну, ладно, ладно, это моя машина. Мне тут внезапно привалило.

— Привалило? Мои гонорары к тебе привалили, да? — взорвался Крамнэгел.

— И вовсе не твои гонорары. У меня тетя умерла.

— Что-то не помню, чтобы у тебя была тетя.

— Ну, может, и твои гонорары, не знаю. — Теперь настала ее очередь взорваться: — А на кой тебе черт твои гонорары? Ты их в жизни не получал.

— Ну так я написал историю моей жизни! — завопил он. — И мне за нее заплатили! А у тебя потом не хватило ни любви, ни верности, не хватило ничего! У тебя их не больше, чем у плюшевой собаки! Ты ведь думала, что я там останусь на всю жизнь, да? Ты убедила себя, что я никогда оттуда не выйду, да? И поддалась на хитрые речи этого Карбайда, этого подонка паршивого!

— Не говори мне о нем, — прошипела Эди.

Крамнэгел искренне опешил, сохраняя, однако, боевую готовность. Что она еще такое удумала?

— О Барт, я так несчастна, — только и выговорила Эди, а потом разразилась рыданиями.

— Я никогда тебя не спрашивал, с кем ты спала. Я знаю, что у нас с тобой не бог весть как тебе здорово получалось... Может, я был не очень... Не знаю. Я ведь очень хорошо к тебе относился, Эди. Я простил бы тебе все на свете, ей-богу, и твои измены тоже, но почему именно Ал Карбайд? Господи, почему именно Ал Карбайд?

— Я не знаю, почему именно Ал Карбайд! — истерично завопила она. — Он бьет меня! Он садист! И вечно шляется по ночам! О боже, как, должно быть, доставалось Эвелин! А стоит лишь его спросить, где он был, — бац!левой в скулу, или правой в глаз, или ремнем для правки бритвы по заднице!

Крамнэгел вдруг заметил, что она очень хитро обходит главную цель их встречи. Но он слишком хорошо знал Эди, чтобы позволить ей увильнуть.

— Где они? — тихо спросил он.

Эди впиалась в него взглядом сверкающих глаз. Среди ресниц уже гнездились слезы, подобно каплям дождя, застрявшим в листве после весеннего ливня.

— Ты ведь так и не перестал быть моим, ты ведь знаешь это, знаешь, правда?

— И разделяю эту честь с Четом Козловски я добрым десятком других... Где же мои деньги?

— У меня их нет.

Крамнэгел смерил ее ледяным взглядом.

— Ты и вправду считаешь, что Ал тебя лупит по-настоящему?

— Ты не посмеешь. Я ведь тебя знаю.

— Я тоже думал, что знал тебя, Эди. Тот я, которого знаешь ты, как раз и думал, что знал тебя. Но теперь ни ты меня, ни я тебя, наверно, не знаем. Мне нужны мои деньги, Эди. А ты мне не нужна, поверь. Карбайду, я думаю, повезло, но мне, пожалуй, повезло чуток больше. Вот так. Выкладывай. А потом я оставлю тебя в покое, пока не подсчитаю все, что ты действительно мне должна.

— У меня нет денег.

Крамнэгел смотрел на нее, переводя взгляд с одного ее глаза на другой в поисках ненасильственного решения проблемы. Драться с женщинами он терпеть не мог, разве только в целях самозащиты, столкновение же с капитаном Макарезосом сделало его нерешительным вдвойне. Эди тоже вперила в него взгляд, а потом обезоруживающе улыбнулась.

— Да, пожалуй, ты права, — нехотя пробормотал он. — Нет у меня настроения тебя бить.

— Вот-вот, я Аду так и сказала, — благодарно ответила Эди. — Если человек не может получить то, чего хочет, не прибегая к силе, значит, он этого и не стоит.

— Как же мы все-таки договариваемся? — спросил Крамнэгел.

— Поцелуй меня.

— Обойдешься.

— Ты ведь хочешь получить свои деньги, разве нет?

— Будем считать, что мне некогда.

— Ну, в память о былых временах?

Наступила пауза. Эди вполголоса, подражая манере самых хриплых исполнителей блюзов, начала напевать: «Забить ли старую любовь... та-та... та-та... та-та...».

Он поцеловал ее в ухо — в основном для того, чтобы она перестала петь.

— Вот видите, дорогой сэр, что делает с человеком доброта? — ехидно сказала она и достала из сумочки чек.

Крамнэгел взглянул на сумму, и у него отвисла челюсть.

— Это еще что такое, черт возьми? — проревел он. — Две тысячи долларов?

— Правда, Барт, не могу же я отдать тебе все сразу, — взмолилась она. — Этот мерзавец проверяет чековую книжку каждую неделю, ей-богу, и мне вообще лучше не жить на белом свете, если он узнает.

— Но это ведь *мои* деньги, Эди!

— Я знаю, что они твои, Барт. И ты знаешь, что они твои. Но ты попробуй скажи ему!

— И скажу. Прямо сейчас поеду к нему и скажу.

— Барт, Барт, пожалуйста, прошу тебя. Дай мне время. Если удастся все это выдать за какие-нибудь мои причуды, он меня пару раз отлупит, но я полностью рассчитываюсь с тобой, только дай мне немного времени.

— Ты хочешь сказать, что нам придется встречаться здесь каждый вечер до следующего года и ты будешь выдавать мне по паре долларов в день на прожитье? Мне нужен капитал, Эди! Капитал! Мне, может, захочется его во что-нибудь вложить. Я, может, собственное дело заведу!

— Две тысячи долларов — это тебе не пара долларов, — горячо ответила она и взглянула на часы. — О боже мой, мне пора. Но я тебе вот что скажу. Приходи сюда завтра в семь, я, может, больше привезу. Пять косых, а то и десять. Ты уж позволь мне самой решить сколько.

— Нет, Эди, этот твой метод не пройдет, потому как я рассержусь. По-настоящему рассержусь.

— Ты мне всегда очень нравишься сердитый, — небрежно сказала она, включая мотор. — А теперь я поеду, не то он причепится с вопросами.

— Через день-другой ему самому придется отвечать на них, Эди, — заявил Крамнэгел, открывая дверцу.

— Я люблю тебя, Большой Барт, — сказала Эди и врезалась задним бампером в фонарный столб. Пытаясь развернуть свой огромный белый автомобиль, она чуть не сбила Крамнэгела, а пытаясь объехать его, смела несколько мусорных ящиков, скопившихся из-за забастовки местных мусорщиков.

«Одно слово — бабы», — подумал Крамнэгел, следя за тем, как машина, набрав скорость, понеслась не по той стороне дороги.

Он провел ночь в гостинице «Уэлли фордж транзистентс» — неприметном здании, состоявшем, казалось, из одних пожарных лестниц, а к семи часам вечера на следующий день снова стоял на месте романтических свиданий. Поскольку забастовка еще не кончилась, мусорные баки, сбитые машиной Эди, так и лежали на прежнем месте. Слегка моросил дождь — легкий туман висел в воздухе, как вуаль, и незаметно пропитывал одежду.

У Крамнэгела было вдоволь времени, чтобы обо всем подумать. Чек он сдал в свой банк вместе с дорожными чеками, но оставил при себе деньги, вырванные у капитана Макарезоса. С Эди на этот раз он решил быть пожестче. Корень всех его бед — в его собственном благородстве, решил Крамнэгел, из-за чего он и страдает все время. Живя среди жулья, надо самому быть еще большим жульем, более проницательным, и, прежде всего, надо быстрее преуспевать.

Вот скоро он окончательно переменится, и пусть тогда общество поостережется. Если разобраться, капитан Макарезос многому его научил. Что да, то да. Мир разде-

лен на две команды — на «плохих» и «хороших», но, как и в футболе, некоторые игроки не подходят своим командам по темпераменту и так же неуместны в них, как, скажем, протестант, играющий за католический университет Тернового венца. В таком случае только и остается, что перебежать на другую половину поля! Крамнэгел считал, что всю жизнь был в команде «хороших», даже когда общество все перепутало и пыталось напялить на него не ту спортивную форму, но раз его верность не оценили по достоинству, то он найдет себе место там, где его оценят.

Появление «кадиллака» нарушило ход его мыслей. Крамнэгел взглянул на часы. Ровно семь. Странно. Эдя никогда не отличалась точностью. Крамнэгел не пошел навстречу машине, но впился настороженным взглядом в туман, где появились огни второго автомобиля. Красная мигалка на его крыше не горела, но Крамнэгел сразу узнал полицейский автомобиль. Дело плохо.

Подъехав прямо к Крамнэгелу, «кадиллак» ослепил его светом фар и чуть не вмял в забор из металлической сетки. Крамнэгел шагнул к дверце и увидел за рулем Ала Карбайда. Сидевшая рядом с Карбайдом Эди отвернулась, пряча лицо.

— Что это значит? — спросил Крамнэгел.

— Ты арестован, Б а р т, — ответил Карбайд.

— Арестован? За что?

— Сам я тебя забирать не буду. За мной едет дежурный автомобиль. А я спешу на ужин.

— Может, все-таки выйдешь из машины? — сказал Крамнэгел.

Прежде чем Ал успел ответить, раздался голос из темноты:

— С возвращением, начальник!

— Это кто еще там?

— Марв Армстронг.

— Привет, Марв!

Ал Карбайд выпрыгнул из машины.

— Я вовсе не приказывал тебе ехать лично, — резко сказал он Армстронгу. — Я лишь приказал, чтобы дежурная машина сопровождала машину миссис Карбайд.

— А я решил поехать сам, начальник, — непринужденно ответил Армстронг. — Вы мне не приказывали не ехать.

— Ну, ладно, — Ал Карбайд был явно не в духе. — Взять его.

— Ты не считаешь, что должен мне кое-что объяснить? — спросил Крамнэгел. — И разве так я тебя учил производить арест?

— Это ты обязан мне кое-что объяснить, Барт. Ты — осужденный преступник и, согласно законам штата, должен был зарегистрироваться в полиции по прибытии. А ты этого не сделал.

— Этот закон не распространяется на приговоры, вынесенные иностранным судом, Ал, и тебе прекрасно это известно. Вот уж не думал, что ты настолько глуп.

— Да, не распространяется, но англичане могут потребовать твоей выдачи, и в таком случае мы обязаны знать твое местонахождение, чтобы отправить тебя обратно, если они решат, что ты должен отбыть свой срок до конца там.

Одна только мысль об этом вызвала у Крамнэгела внезапный приступ тошноты.

— И еще, Барт. Я не желаю, чтобы ты болтался по городу и угрожал моей жене.

— Я никогда не угрожал Эди.

— Ты заявил, что изобьешь ее, если она не даст тебе денег.

— Разве я ее избил? Я тебя бил, Эди?

Мгновенно ожившая Эди приподняла край юбки:

— Смотри, что со мной сделал этот подлец...

— Заткнись! — приказал ей Ал на тот случай, если она имела в виду его.

— Это мои деньги! — заорал Крамнэгел.

— Суд, который слушал дело о разводе, такого решения не выносил. Если ты хочешь получить хоть цент из денег Эди, опротестуй решение суда.

— Ах ты грязная скотина! Ты что, не знаешь, что это сбережения всей моей жизни?

— Ты мне угрожаешь?

— Ладно, Барт, пошли, — тихо, но убедительно сказал Армстронг. — Ничего хорошего ты не добьешься, если попытаешься решить все прямо на улице. Я здесь нахожусь только в качестве свидетеля, ты ведь это понимаешь, правда? И мне не

хотелось бы ни видеть, ни слышать ничего такого, что потом скомпрометировало бы кого-либо. И так уж хватит, верно? Так что пошли, парень, со мной, мы устроим тебе адвоката и прокрутим всю процедуру в управлении, ты же понимаешь.

Крамнэгел, оказавшись в дружелюбном объятии стиснувших его рук Армстронга, сделал довольно вялую попытку броситься на Карбайда; из глубины «кадиллака» леди Макбет наблюдала за происходящим широко раскрытыми глазами.

— Пошли, Барт.

— Как мне известно, ты сумел угрозами, насилием и вымогательством получить у миссис Карбайд чек на две тысячи долларов, — холодно сказал Ал.

Тут уж Крамнэгел ринулся на него всерьез, но Армстронг мужественно удержал его.

— Ну что ж, попробуй только получить по нему деньги, — продолжал Карбайд. — И если ты не оставишь миссис Карбайд в покое, я предъявлю тебе обвинения по всем статьям, начиная с бродяжничества и кончая вымогательством. Ты видел, как он пытался напасть на меня, — сказал Карбайд Армстронгу.

— Хотите, чтобы я его отпустил, да? — довольно неожиданно спросил Армстронг. — Чтобы прямо сразу можно было пришить ему обвинение в нападении на должностное лицо?

Карбайд почувствовал себя так, будто его ударили ножом в спину, а Крамнэгел мгновенно понял, что слова Армстронга предназначались ему. Он сразу же затих и перестал вырываться. Армстронг отпустил его.

— Ладно, Марв, пошли, — сказал Крамнэгел, глядя в землю.

— Желая хорошо поужинать. Спокойной ночи, Эди! — выкрикнул Армстронг.

Когда Армстронг и Крамнэгел скрылись в темноте, Ал чуть не взорвался от приступа холодной ярости. Вены на его виске вздулись так, что рельефно выделялись в тусклом свете уличного фонаря.

— Садись в машину, Ал, промокнешь, — позвала его Эди.

Ал отошел от машины на несколько шагов.

— Ты хочешь, чтобы я села за руль, милый?

Ал вернулся в машину, сел на свое место, взглянул на жену и ударил ее по голове. Теперь он уже снова полностью владел собой.

— Что я такого сделала?! — взвизгнула Эди.

— Ничего особенного, но на кой ляд эта сволочь Армстронг приперся сюда сам, когда я приказал просто выслать дежурного... Нарочно приехал, разумеется. Далеко метит, мерзавец.

Эди улыбнулась дьявольской улыбкой.

— Вам, полицейским начальникам, вечно не везет ни с женами, ни с заместителями. Подумать только, сколько неприятностей у Барта из-за тебя... И из-за меня. Ну, ей-богу, он заслуживает того, чтобы дать ему вздохнуть спокойно. Жены и заместители... Так трудно всегда от них отделяться...

Ал, в нарушение всех правил дорожного движения, развернул машину в обратную сторону, отчаянно нажимая на клаксон.

— Куда мы едем? — встревоженно спросила Эди.

— Домой. Я не хочу есть.

— Зато я хочу.

Но они поехали домой.

Тем временем в полицейской машине Армстронг рассказал Крамнэгелу все последние новости. Наступала пора выборов в местные органы власти, и мэр Калогеро вновь выставил свою кандидатуру, хотя и был привлечен к суду по обвинению в вымогательстве. И чем больше его имя связывали с подозрительными элементами, тем прочнее становились его политические позиции. Всевозможные бесстрашные журналисты или, вернее, журналисты, которые писали так, как будто были бесстрашными, атаковали мафию, но никогда не называли имен, и каждое их выступление до такой степени дышало духом истинной демократии в действии, что не могло не рассеять сомнений читателей. Люди стали более терпкими, но оставались такими же легковверными, как всегда. Они больше не раскисали перед разряженным политиканом, пощипывающим струны народных инструментов, или спустившимся на десять минут в неглубокую угольную шахту, или целующим детей, отчаянно пытающихся увернуться

от этой чести. Но достаточно было подкупленному аналитику общественного мнения объявить, что в ходе избирательной кампании мэром оставил за флагом своих соперников, чтобы очень многие поверили этому, даже если отдельные личности и высказывались против него. Поскольку подобных опросов проводилось пять или шесть, а выводы их не отличались друг от друга, очень трудно было сказать, кто состоит на содержании мафии, а кто — нет. На одних догадках, разумеется, далеко не уедешь, но Армстронг полагал, что организация, помпезно именуемая Институтом народного мнения, которая постоянно подчеркивала успехи мэра Калогера, целиком и полностью существует за счет преступного мира. Одним из ее директоров был Милт Роттердам.

— Ал не пытался перебить мафии хребет? — поинтересовался Крамнэгел.

— Если между нами, то Ал оказывает им всяческую помощь, — ответил Армстронг.

— Кто же тогда выдвинул обвинения в вымогательстве?

— Тут уж никуда нельзя было деться — до того все далеко зашло, что шила в мешке не утаить. По-моему, даже эти ребята сами поощряют обвинения против себя — уверен, что суд их всех обелит и оправдает.

— Ты что, смеешься?

— Нисколько. Все знают, что мафия существует. Но никто не поминает, что она спокойно может выйти из зала суда чище чистого.

— Кто же судья?

— Уэйербэк.

— Ясно. До того ясно, что блевать хочется, — сказал Крамнэгел.

— Еще бы. И все же, знаешь, Барт, я никогда толком об этом не задумывался, пока не стал заместителем начальника полиции.

— В том-то и дело, Марв. Никто об этом не думает. — И он с чувством вины вспомнил о том обеде с Алом. Гнев снова охватил его. Лицемер проклятый, мистер Карбайд-двуличный! Как он тогда распинался, что Город-де надо очистить от скверны! Крестоносец, да и только. А что он сделал, когда ему представилась возможность действовать? Отхватил себе кусок поганого пирога пожирнее, вот и все.

— Что же вы, черт вас возьми, собираетесь теперь делать со мной? — спросил Крамнэгел.

— А, пустая формальность, — вздохнул Армстронг. — Как ты сам понимаешь, не я все это затеял. Ал пронюхал о твоём возвращении дня два назад...

— Дня два назад? — встрепенулся Крамнэгел. — Как же он мог узнать? Я ведь и до Города еще не добрался,

— Не знаю, — пожал плечами Армстронг. — Днем у него было совещание с мэром. Когда он вышел оттуда, он отвел меня в сторону и сказал, что-де Крамнэгел вернулся. Но больше ничего не говорил.

— И все?

— И все. Но он вроде очень был обеспокоен. У него ведь это всегда по венам видно.

— Да уж, эти чертовы вены.

Немного помявшись, Армстронг добавил, что, вернувшись тогда к себе в управление, Карбайд сразу же заказал разговор с Вашингтоном.

— Он, значит, решил сообщить англичанам, — сказал Крамнэгел. — Через госдепартамент или через ФБР. Думаешь, ему удалось? — осмелился спросить он.

— Найди себе хорошего адвоката, и, даже если англичане сделают все возможное, чтобы тебя вернуть, дело о выдаче можно тянуть годами.

— Это точно, — согласился Крамнэгел. — Надо признать, что лучшая в мире американская система правосудия никогда не закроет ни одного дела так, чтобы его нельзя было потом открыть снова.

— Процесс можно тянуть до бесконечности — точнее, пока есть чем платить.

— Это верно.

— Есть у тебя на примете хороший адвокат? — спросил Марв.

— Нет.

И вдруг Крамнэгел весь расцвел от радости.

— Мервин Шпиндельман.

— Он сдерет с тебя сто десять процентов всех твоих доходов за последующие пятьдесят лет.

Крамнэгел заколебался.

— Пожалуй, верно. — Он задумался. — Но я помню, как он говорил, что бывают дела, за которые он берется не ради денег, а ради славы.

— Защита бывшего начальника полиции в деле о выдаче иностранному государству и о возвращении денег? — скептически спросил Марв. — Разве на таком деле он себе славу наживет? Нет, чтобы Шпиндельман заинтересовался тобой бесплатно, надо сделать что-то действительно из ряда вон выходящее — пришить кого или еще что.

— Как, опять? Слушай, мне этих убийств на всю жизнь хватит.

— Тогда не обращай к Шпиндельману.

Как раз в это время автомобиль огибал гигантскую бетонную чашу, которой раньше на этом месте не было.

— Что за... Эге, да никак это...

— Вот именно, стадион «Макдональд Шнитцлер».

— Построили его наконец?

— Ага, за четыре месяца и шесть дней. Журнал «Форчун» считает, что это национальный рекорд. Строительство велось с применением сборных пластмассовых панелей, подвергнутых обработке электроимпульсами или чем-то в этом роде, черт его знает... В общем, как ни крути, а строительство обошлось на шестнадцать миллионов долларов дороже, чем предполагалось, хотя его и завершили на месяц раньше срока. Над тем, куда уплыли денежки, можешь особенно голову не ломать. Это ведь бездоходная корпорация.

— Стадион уже открыт?

— Будет торжественно открыт вечером в пятницу — большое событие в жизни Города. Команда университета Тернового венца против «Апачей Великих озер». Сам достопочтенный Дарвуд Х. Макалпин, губернатор штата, откроет игру.

— И кто будет присутствовать?

— Все.

— Ух ты, хорошо бы и мне там побывать.

Марв Армстронг окинул Крамнэгела очень серьезным взглядом: они уже находились неподалеку от полицейского управления.

— Почему бы тебе не уехать куда-нибудь ненадолго? В Колорадо-Спрингс или еще куда.

— С какой такой стати? — удивился Крамнэгел. — Разве мы не в свободной стране?

— В свободной, конечно, — ответил Армстронг, — но я не отвечаю за то, что может сделать Ал. А он может повести себя очень погано, Барт. Я не доверяю этому типу, когда он психует. Знаешь, не нравится мне, что творится в нашем Городе, да и во всей стране, если уж на то пошло...

— И поэтому я должен уехать в Колорадо-Спрингс? — тихо спросил Крамнэгел, когда машина уже остановилась у подъезда полицейского управления. — Я думал, что если людям не нравится то, что происходит в их Городе или во всей стране, то они обязаны навести порядок. Меня всегда учили, что это и есть демократия, меня всегда учили, что Город принадлежит нам... Да в общем-то и вся страна тоже. Именно это и делает жизнь прекрасной... И значительной...

— О господи, — вздохнул Марв, — на одних этих красивых чувствах и словах далеко не уедешь, Барт. Вот ты мог кое-что сделать, когда имел власть. Ну, и сделал ты что-нибудь? Сделал?

Вот оно как все оборачивается. Крамнэгел зафыркал, чувствуя одновременно и вину, и раздражение.

— Конечно, я мог кое-что сделать. Я мог покончить с собой. Устроить себе харрикэри или как там оно называется. Каждый полицейский начальник разрывается между тем, что он думал раньше, до вступления в должность, и тем, что он обнаружил, когда в должность вступил. Ведь это он, начальник, оказался на ринге, а не его заместитель. Заместитель? Заместитель сидит себе спокойно, поглаживая сложенное полотенце, и надеется, что настанет минута бросить его начальнику... Мне вот приходилось мириться с Алом Карбайдом... Каждый раз, стоило мне лишь глянуть в свой угол, я знал, что там сидит человек, который меня ненавидит, который надеется, что меня побьют, надеется, что я сдамсь... В общем, мне приходилось с ним мириться, и он добился своего — повезло мерзавцу. А теперь Алу Карбайду приходится мириться с Марвом Армстронгом. Не так-то все это легко, Марв. Не так-то легко.

— Я знаю, что все это нелегко, Барт. Поэтому и предложил тебе уехать в Колорадо-Спрингс. О господи боже, да не обязательно именно туда...

— Не обязательно ехать никуда, — коротко ответил Барт, открывая дверь. — Давай кончать с этим дерьмом.

Несмотря на всю эту бравату, Крамнэгелу было мучительно больно входить в здание управления не его начальником, а в ином качестве. В вестибюле больше не встречались люди в странных одеяниях. Там царила атмосфера скуки, официальности и беспокойства.

— Патруля из «раввинов» больше нет? — спросил Крамнэгел.

Марв покачал головой.

— И что же теперь происходит?

— Пробивают раввинам головы.

— Все как обычно?

— Вот именно.

— Понятно.

Крамнэгел показал, что живет в гостинице «Уэлли фордж транзиентс», в номере 1140, и дал подписку о невыезде из города без уведомления полиции. Не уведомив полицию, он не мог поехать даже в Колорадо-Спрингс. У него взяли отпечатки пальцев. В полицейском управлении и так, разумеется, были отпечатки его пальцев, но не в том досье. Его сфотографировали. Он сохранил потрясающую выдержку и достоинство, на прощание пожал Марву руку, сумев не разрыдаться, но как только вышел в холодную, неприветливую ночь, слезы отчаяния хлынули градом, ослепляя его. О боже, сделай что-нибудь, заставь меня забыть об этом кошмаре! Оглянувшись по сторонам, он решил, что за ним следят. Это было уже слишком! Он пошел вперед, и тот человек тоже пошел вперед. Он остановился, и тот человек остановился тоже. Стало быть, Ал Карбайд решил вести грязную игру? Отлично. Хоть этим теперь можно занять голову.

17

Это была самая длинная ночь в жизни Крамнэгела, длиннее даже, чем первая его ночь в тюрьме. Находясь здесь, он чувствовал себя странно уязвимым, потому что возле самого окна проходила пожарная лестница, а шпингалет был наглухо замазан белой краской и, видно, никогда не открывался вообще. Покрытый густым слоем пыли старый кондиционер, который Крамнэгел попытался включить, вертя заржавевшие ручки, лишь выдал слабый запах жженой резины, дернувшись и гроыхнув, после чего замер. Включив древний переносной телевизор, установленный на трехногом столике с трубчатыми ножками, Крамнэгел увидел, что две программы он принимает в тройном изображении, а остальные не принимает вообще. Тем не менее Крамнэгел уселся на стул и вперился в экран, надеясь отвлечься от своих несчастий, но ничего не мог разобрать. Не находя себе места, он встал со стула и подошел к окну. Неоновые огни реклам, игравшие бело-красными бликами на кружевных занавесках и полуспусченных шторах, будоражили его воображение. Ему чудились какие-то тени на пожарной лестнице, да к тому же чем, в самом деле, прикажете дышать, если кондиционер не работает, а окно заперто. Однако не успел он прикоснуться к окну, как оно открылось само собой. Выглянув на улицу, он увидел двух людей, стоявших на противоположной стороне — совсем как в гангстерских фильмах. Вообще-то было еще не очень поздно, эти двое стояли у торгового всю ночь супермаркета, так что почему бы им там и не стоять? Это же свободная страна, верно? Во всяком случае, все без устали так твердят. У них есть полное право там стоять, а у полицейского есть полное право спросить их, зачем они там стоят, а у них есть полное право возмутиться тем, что полицейский их об этом спрашивает, а у полицейского есть полное право предложить им «не возникать», а у них есть полное право возмутиться тем, что им велят «не возникать», а у полицейского есть полное право заявить, что если они не перестанут «возникать», то придется пройти, а у них есть полное право считать, что им угрожают, и осуществить право граждан на самозащиту, а у полицейского есть полное право достать свой револьвер быстрее их, если ему покажется, что они полезли за оружием, и уложить их наповал, сначала, разумеется, сделав безуспешную попытку их ранить. В том-то и состоит демократия, и большая честь вернуться в ее лоно, чего бы это ни стоило. По крайней мере, у человека есть хоть шанс податься. Да, что верно, то верно. И все же что делают там эти двое? Они ведь даже

не разговаривают. Стоят себе, как манекены в портновской лавке, одно ясно — это не полиция.

Сидевшему на подоконнике Крамнэгелу вскоре наскучило следить за ними. Ему все время что-то мерещилось, но сколько он ни вертел головой, он так ничего и не обнаружил. Ясное дело, нервы.

Погрузившись в раздумье, он попытался организовать свои мысли, придать им какой-то конструктивный ход, действительно «продумать все до конца», но ничего не получалось. Слишком глубоко погрузился он в хаос и уже не мог определить своих врагов, таившихся в руинах прежде столь упорядоченного существования. Армстронг был ему другом, в этом он был уверен. Он всегда хорошо относился к Армстронгу и продвигал его по службе, так ведь? Хотя напоминать сейчас об этом было некому, разве только самому себе. Но что это за игру ведет Эди, помимо, разумеется, извечной женской игры? Неужели Ал действительно поверил, что Крамнэгел жестоко с ней обошелся, или это просто предлог? Действовали ли они заодно или каждый за себя и друг против друга? И откуда пронюхал о его возвращении мэр? Что он, такая важная птица? В светской колонке, что ли, о его приезде написали? У них есть корреспондент в Галвестоне?

И, помимо всего прочего, откуда такая враждебность к нему? Господи боже, или это не Америка, где сбережения человека святы, а чувство собственного достоинства — его право от рождения? И что это за суд, который заочно лишает человека накопленных за всю жизнь денег только потому, что его как чужака упекли в тюрьму за тридцать земель по заведомо сфабрикованному обвинению? Нет, нужно обзавестись хорошим адвокатом. И все же разве не оставалась до сих пор Америка последней в мире страной, где человек вправе все делать для себя сам, страной с великим духовным наследием пионеров, страной, где человек вбивал в землю заявочный столб и защищал собственную кровью и свою заявку, и женщин, и детей в своем фургоне? И кому нужен адвокат, если простому, говорящему простым человеческим языком человеку смелости не занимать, если он может высоко держать голову, громко, вслух высказывать все как есть — по-мужски. Рокфеллеры не спихивали на адвокатов то, что могли делать сами, потому и нажили свои капиталы. Адвокаты расплодились вместе с городами и с растущим чувством страха. В каком-то смысле они даже были явлением антиамериканским, хотя и сумели втереться в самую сердцевину американского образа жизни. Вот и наступил век посредника.

Крамнэгел решил удивить их всех. Ведь получил же он от благодарного Города памятный адрес (надо бы напомнить Эди, чтобы вернула его). И он был весьма высокопоставленной личностью, попавшей в трудный передел. Он пойдет к мэру и изложит свое дело прямоком. «У меня ведь всегда были довольно хорошие отношения с мэром Калогеро, — подумалось Крамнэгелу. — Ну, не то чтобы очень хорошие... Но довольно хорошие».

Он выглянул в окно. Те двое все еще стояли на месте. Один из них переминался с ноги на ногу. Да, они не какие-нибудь призраки, они всамделишные. Что же им, черт их раздери, еще там делать, как не следить за ним? Да, сказал себе Крамнэгел, впредь, что бы ни случилось, он больше никогда ничего не передумает и не будет менять решений. Нерешительность производит впечатление слабости. Хорошие люди есть хорошие люди, а плохие есть плохие, и вместе они не...¹ Ясно? Он отошел от окна, чтобы дать своему внутреннему «я» повнимательнее вслушаться в эти рассуждения.

Через некоторое время он снова выглянул в окно и увидел, что те двое исчезли. Символично! Даже дышаться стало как-то легче. Он пристроился в кресле поспать, но телевизор не выключил. На экране не было изображения, лишь бился, как сердечная мышца, маленький световой пульс. Закрыв глаза, Крамнэгел погрузился в тяжелый, без сновидений сон, но то и дело просыпался, потому что в комнате становилось слишком тихо, а тишина вызывала беспокойство. Когда небо посветлело, сон его стал спокойнее. Человеку, который спит один, забывшись в нору, днем спать не так страшно.

Проснулся Крамнэгел раньше, чем ожидал, и решил отправиться прямо к мэру. Позавтракав в закусочной, он сел около половины девятого в такси и поехал к зданию муниципалитета. По дороге он все озирался по сторонам, выясняя, нет ли за ним слежки, но в общем-то он мало сейчас об этом беспокоился, так как наметил план действий на

¹ Перефразировка строк Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе они не пойдут».

ближайшее будущее. Поднявшись на шестой этаж, он обнаружил за столом секретарши незнакомую девушку.

— Привет, — сказал он, — а где мисс Шопенгауэр?

— Она вышла замуж и уволилась. А меня зовут Миртл Коллирис.

— Гречанка?

— Греческого происхождения. Из Коринфа. Мама из Спарты. А вы тоже со старой родины?

— Нет. Что — Большой человек у себя?

— Это вы его так называете? Сейчас спрошу. Как вас представить?

— Начальник... Мистер Крамнэгел то есть.

— Будьте добры, пожалуйста, по буквам.

Крамнэгел нехотя продиктовал ей свою фамилию по буквам. Да, многое здесь изменилось, пока его не было. Секретарша-гречанка оказалась настолько неквалифицированной, что, даже заставив его трижды сказать фамилию по буквам, не могла потом прочесть то, что сама же записала. В конце концов ему пришлось самому прорычать свое имя в аппарат внутренней связи. Мэр сразу же и, казалось, с некоторым облегчением предложил ему зайти. Крамнэгел, приободрившись, постучал в дверь. Войдя в комнату, он, однако, был несколько изумлен тем, что его разговор с мэром будет происходить при свидетелях. В кабинете находились Милт Роттердам, Джо Тортони и судья Уэйербэк. Все они дружелюбно улыбались.

— Ну, как поживает наш каторжник? — спросил мэр.

Все остальные захмыкали. Это у него шутки такие или что?

— Я вроде вам помешал, парни? — сказал Крамнэгел, переводя взгляд с одного на другого.

— Не переоценивайте собственную значимость, Барт, — ответил мэр. В его манере говорить и держаться было нечто неопишимо уродливое. — Находитесь вы здесь или за дверью, не имеет ровно никакого значения, и я хочу, чтобы вы это знали.

Прежде чем Крамнэгел нашелся с ответом, зазвонил телефон. Мэр поднял трубку,

— Вас просит мистер Шиллигер, — сообщила мисс Коллирис.

— Соединяйте. — В предвкушении разговора мэр дружелюбно улыбнулся. Когда секретарша соединила его с Бутсом Шиллигером, мэр заговорил, пересыпая свою речь такими ругательствами, что казалось, беседа ведется условным кодом. Крамнэгел нахмурился. Это еще что такое? Сидит здесь, весь ухоженный, нананикюренный, хорошо одетый, и так грязно выражается. Грязно? Даже не то что грязно, а грязнее некуда!

— А, да, конечно, только что явился, — сказал мэр, глядя на Крамнэгела и не удосужившись выругаться — из уважения, надо полагать, к столь выдающемуся гостю. — Да, я ему скажу... Да господь с вами... Подумаешь, кто он такой? Так, никто, пустое место... Плевка не стоит... — Затем ругань возобновилась и не прекращалась до самого конца этой содержательной беседы.

— Я никогда не слышал, чтобы вы так грязно выражались, мэр, — заметил Крамнэгел, когда мэр положил трубку. — Что это на вас накатило?

— Что, я вас шокировал? — поинтересовался мэр, поправляя галстук с монограммой, вытканной готическими буквами.

— Да нет, меня шокировать не так-то легко, но вроде бы человек два года подряд получал звание «Лучший отец штата»...

— Включите-ка музыку, Милт, — перебил его мэр. Когда комнату залили размороженные звуки консервированной музыки, мэр включил стоявший у него на столе крохотный японский телевизор на транзисторах, и на миниатюрном экране забегали зверьки из какого-то мультфильма.

— Вы что, собрались здесь телевизор смотреть? — спросил окончательно обескураженный Крамнэгел.

— Наклонитесь поближе, — приказал мэр.

Крамнэгел повиновался.

— Вы спрашивали, почему я так грязно ругался? Вам, вероятно, известно, что мне предъявлено обвинение в вымогательстве. И у меня есть все основания полагать, что мой телефон прослушивает ФБР... А я не желаю, чтобы пленки с записями моих разговоров прокручивали по национальному телевидению или во время расследования в сенате, ясно? Они там ничего, кроме повизгивания, не услышат. Вот почему я грязно выражаюсь, а вовсе не потому, что грязно думаю. При своих детях я так не выражаюсь никогда.

— Ясно, — сказал Крамнэгел, — здорово придумали.

Тортони и Роттердам тоже наклонились поближе, чтобы лучше слышать разговор, но судья Уэйербэк держался в стороне, как бы подчеркивая, что оказался в этой злоеющей комнате лишь в силу какой-то таинственной причины и ничего не властен изменить.

— Вы, значит, считаете, что я здорово придумал, — сказал мэр. — На чьей же вы стороне, Барт?

Ну вот, опять начинается. Крамнэгел насупился. Удивительно, как все только об одном и спрашивают.

— Почему вы спросили об этом, мэр?

— Это ведь вы предупреждали меня, что Ал Карбайд жаждет разгромить организованную преступность, помните? — Мэр сделал звук погромче и быстро обежал глазами комнату. — Имена всякие называли...

— Да, конечно, припоминаю кое-что, — согласился Крамнэгел.

— Ну что ж, я всего лишь хочу сообщить вам, что лучшего начальника полиции, чем Ал Карбайд, в нашем городе не было. Спокойный, толковый, достойный человек, не суется в чужие дела, и я благодарю бога за тот день, когда он вступил в должность.

Тортони и Роттердам кивнули в знак согласия и посмотрели на Уэйербэка, который тоже вынужден был проявить свое отношение к обсуждаемому вопросу. Крамнэгел почувствовал, как в нем поднимается волна холодного гнева, но на этот раз он был уверен, что безупречно владеет собой.

— Очень рад это слышать, — сказал он, — поскольку всему, что он умеет, Ал научился у меня.

— Не в том дело, кто чему научился, а в том, кто что из себя представляет, — прощальничал мэр. — Ал — не ослиная задница. Закончить фразу можете сами, Барт.

— Только за этим вы меня и позвали? — Крамнэгел поднялся со своего места.

— Я вас не звал. С какой стати мне было звать вас? Вы пришли сюда по своей воле. Я проявил по отношению к вам любезность, больше ничего. Да, я проявил любезность, Барт, но на этом все. Вам нужна работа? Очень жаль, Барт, но для такого кретина, как вы, в нашем городе работы нет.

Тортони и Роттердам согласно кивнули.

— Не убавите ли вы звук в телевизоре? Я бы хотел, чтобы ФБР услышало то, что я вам сейчас скажу, Калогеро, — громко и отчетливо промолвил Крамнэгел.

Тортони и Роттердам порозовели от восторга, и даже Уэйербэк повернулся и посмотрел на него.

— То, что вы спелись с Карбайдом, вполне естественно. Он обвиняет вас в вымогательстве и выглядит праведником божьим, а к тому времени, как судья Уэйербэк вас обелит, все будут уверены, что ваша шайка — щедрейшая благотворительная организация после Международного Красного Креста.

— А вы имеете представление о том, сколько мы каждый год даем на благотворительность? — проревел Калогеро, а Тортони поспешно усилил звуки расконсервированных скрипок.

— Жалкую долю того, что вы должны были платить в качестве налогов. Это ведь воровство по-американски — дать, чтобы утаить, сколько ты сумел огрести! — проревел в ответ Крамнэгел. — А сколько вы прикарманили на строительстве стадиона, если это не секрет фирмы?

— Стадион, к вашему сведению, является бездоходной организацией! — заорал Калогеро.

— Естественно. Я потому и понял, что здесь дело нечисто.

— Убирайтесь вон! Хотя нет, подождите! — добавил Калогеро, понизив голос, и сделал жест рукой. Тортони убавил звук. — Я настоячиво рекомендую вам покинуть город, — рассудительным тоном произнес Калогеро.

— На каком основании?

— Ну, скажем, на основании здравого смысла.

— Это, то есть как?

— Почему бы вам не вернуться в Европу, Барт? Она ведь, кажется, пришлась вам по вкусу.

— Это вы шутите или всерьез?

— Только в следующий раз на вашем месте я бы отправился на борту обычного пассажирского лайнера. Это, конечно, дороже грузового парохода, ко много удобнее. Да и искушений меньше...

Крамнэгел чуть улыбнулся. Слова мэра произвели на него впечатление. Да, греков продавать нельзя.

— Что ж, теперь ясно.

— Наконец-то.

— Да, мафия работает быстрее, чем светская хроника, скажу я вам.

— Ни те, ни другие не заинтересованы в вас как в личности, Барт. Что же до меня, то я не привык тратить время на идиотов, которые суются не в свое дело. Да и мелких ворышек не люблю. И неблагодарных людей тоже. А когда все эти качества соединяются в одном человеке, то я нахожу, что от него смердит. У меня, видите ли, есть совесть и весьма высокие принципы. Мои дети гордятся мною. А вы можете сказать то же самое о себе?

— Детей у меня нет, но я вам скажу вот что...

— Вы можете идти, Барт.

— Я уйду, не беспокойтесь. Я просто хочу, чтоб вы знали: я вас не боюсь, никого из вас не боюсь.

— Вам же х у ж е , — пожал плечами Калогеро.

— И вы зря назвали меня кретином.

— Это уж мое дело.

— Я люблю наш Город... И я помню слова, которые вы говорили на обеде в мою честь, это были прекрасные слова, и они шли от самого сердца и были правдой. — Крамнэгел почувствовал, как, несмотря на всю его решимость, глаза его наполняются слезами. — И вот что я вам скажу: я ненавижу вас за то, что вы делаете с нашим Городом... Ненавижу.

Дернув за узел галстука, Калогеро распустил его и заговорил с суровым достоинством:

— А что я делаю с нашим Городом? Да знаете ли вы, что мы заняли третье место в стране по количеству пожертвований на душу населения на войну в Юго-Восточной Азии? А по весу собранных книг и журналов — второе. И я, по-вашему, должен прятать лицо от стыда, потому что вы ненавидите меня за то, что я делаю с нашим Городом?

— При чем здесь эта проклятая война? Разве мы о ней говорим? Мы говорим о Городе!

— Наша страна воюет, — заявил Калогеро. — Значит, воюет и наш Город.

С улицы донесся шум. Шум, который возникает, когда тысячи людей идут по улицам.

— Вот вам ваша война, — сказал Крамнэгел. — Прямо как по заказу. Я вас оставляю, а вы воюйте на здоровье. Большой привет!

Мэр бросился к окну.

— Выключите музыку. И телевизор. Эти длинноволосые сукины дети из университетов штата и Тернового венца! Вот дерьмо! На сегодня никаких демонстраций не было разрешено. Ну, они у меня допрыгаются! Пусть только что-нибудь выкинут — и я сразу обращусь к Дарвуду за полицией штата.

— Прекрасно! Оставляю вас воевать с детишками. Не хочу портить вам удовольствие, — бросил Крамнэгел удвери.

— Когда моя страна ведет войну с внешним врагом, я не должен спрашивать, кто мой враг и почему он мой враг, я должен лишь помочь сокрушить врага, — заявил Калогеро голосом, дрожавшим от праведного гнева.

Роттердам кивнул, а Тортони машинально вскочил со стула. Только Уэйербэк неловко заерзал в кресле.

— Прекрасная мысль, — зло сказал Крамнэгел. — И очень удобно, когда можешь найти внешнего врага так близко.

Он вышел из кабинета и спустился по лестнице в вестибюль.

Положение его определилось, и ему сразу стало легче. Вокруг него водоворотом крутились толпы участников марша протеста, и в этом водовороте поблескивали на солнце пластмассовые шлемы людей Ала Карбайда из подразделений по разгону демонстраций — они пытались предугадать, куда хлынет масса студентов, чтобы не дать ей сбить себя с позиций. Появилось несколько конных полицейских — кони нервно вздрагивали, чуя нарастающее напряжение.

К удовольствию Крамнэгела, появление у окна кабинета мэра Калогеро было встречено громким свистом. Мэр повернул голову, глянул вверх и, увидев на крыше

у флажтока студента, крикнул, чтобы тот убирался к чертовой матери. Раздался очередной взрыв иронических комментариев и одобрительных восклицаний, за которыми последовали победные возгласы, когда на флажтоке развернулся и запылесосился на ветру флаг Северного Вьетнама.

Поскольку Крамнэгел никаких других флагов, кроме американского, не знал, он принял сей подрывной символ, взвизывая над городской ратушей, за знамя университета Тернового венца и возрадовался при мысли о том, что мэру не очень-то удастся взять верх над своим внешним врагом в этой войне.

Не желая быть втянутым в происходящее, он стал отодвигаться по стенке от эпицентра событий — можно ведь наблюдать демонстрацию и издалека, с другой стороны площади. Но вдруг, перекрывая шум толпы, до него донесся небесный звук храмовых колокольчиков, и, обернувшись, он увидел группу буддистов, которые медленно и задумчиво брели в его сторону, меряя каждый свой шаг так, как будто он подводил их все ближе и ближе к вечной истине. В его мозгу сразу всплыли странные, но почему-то запомнившиеся ему слова Арни Браггера о дарованном этим людям «божественном озарении».

Возглавлял этот мерный, сопровождаемый песнопениями марш человек огромного роста, голова у него была небольшая, обритая наголо, но на ней еще проглядывали корни волос; переносица была вымазана краской, а в выражении лица соединялись доброта, юмор и самоосуждение; это выражение резко контрастировало с его могучим телом, явно предназначенным природой для содержимого менее возвышенного, но более бурного и агрессивного.

— Не купите ли благовония, чем окажете помощь нашему храму? — обратился он к Крамнэгелу.

— Чего-чего?

— Благовонные палочки, — пояснил буддист голосом, звучащим как тихое журчание в воды. — У нас есть жасминовые благовония, сандаловые и олеандровые, но, честно говоря, пахнут они все одинаково.

— У меня и дома-то нет, — ответил Крамнэгел, позволив прорваться в свой голос оттенку горечи. — Какие уж там благовония..

Стайка улыбающихся и звенящих колокольчиками девушек окружила его.

— Помолитесь вместе с нами в нашем храме. Это наш единственный дом, — объяснил гигант, в глазах которого застыло выражение чудовищной доброты.

— Вы что, буддисты будете? — спросил Крамнэгел.

— Мы принадлежим к секте Колодца бесконечных раздумий, — ответила одна из девушек.

— Ну да, помню, я вас частенько выставлял с автостоянок и всяких прочих мест. Я ведь был начальником полиции этого сумасшедшего города.

— Мы никогда не спрашиваем людей, кем они были, мы спрашиваем только, кем они хотят быть, — нараспев произнес гигант и промурлыкал коротенький гимн, подхваченный остальными. Крамнэгел тут же принял почтительную позу. Он питал глубочайшее уважение к верованиям других. А как же — в свободной стране нельзя иначе.

— Вы-то сами, юноша, смахиваете на морского пехотинца, — заметил он.

— Все это уже в прошлом, — улыбнулся гигант. — А теперь я обрел смысл жизни, и все, что было раньше, ушло, как болезнь.

— Но все же — для справки — вы служили в морской пехоте?

— Справок нет, есть только истина.

Буддисты пропели еще несколько строк гимна и снова зазвонили в колокольчики.

— Я был во Вьетнаме, — пояснил гигант, чтобы утешить Крамнэгела. — Нам говорили, что мы отправились туда с напалмом и ракетами, чтобы учить, но я вернулся оттуда, научившись сам, научившись любви и нужде.. Я прозрел духовно. Христианство было хорошо до поры до времени, но оно продалось, изгадилось, стало дешевой и превратилось в орудие ненависти.

— Продалось?

— Всегда ведь присутствовал священник, чтобы похоронить мертвых и проводить на бойню новую партию живых. Один и тот же священник всегда делал и то и другое, причем одними и теми же словами и с тем же лицемерием перед властями предерживающими, козыряя своим авторитетом от имени Всевышнего и готовя нас к судному дню — величайшему военно-полевому трибуналу. Не напоминайте мне обо всем этом. —

Он ожесточенно взмахнул колокольчиком, и мирная песнь вырвалась из глоток молчавших доселе людей, и те принялись воспевать жизнь, подобно любовникам.

К этому тихому мадригалу вдруг присоединился разноголосый, бьющий по слуху рев многих голосов, скрипучий, резкий и безжалостный. Через площадь покатились волна строительных рабочих — хулиганья в спецовках и в металлических касках, размахивавшего американскими флагами. Увидев перед собой студентов, они с марша перешли на бег — зловещий медленный бег, напоминавший атаку пехоты в какой-то давно забытой войне. Их лица были лицами людей, не приемлющих ни доводов, ни возражений. Эти лица дышали самодовольством лабораторных крыс, обученных без раздумий и колебаний вбегать в дверку, на которой намалеваны звезды и полосы. Им чужды были сомнения, а потому чужда и человечность. Последний оплот реакции всегда состоит из унтеров, а не из офицеров. Когда офицеры уже давно признали и поняли неотвратимость перемен, вызванных к жизни солидарностью рода человеческого, унтеры все еще цепляются за старый мир, поклоняются шаманам и раскрашенным идолам, оставаясь жертвами своего воинствующего рабского сознания, выкрикивают лозунги, не задумываясь ни над словами, ни над их содержанием. И вот они здесь, вот они несутся во всю прыть, раскрасневшиеся от радостного сознания, что они — в деле, опьяненные ненавистью к бесконечности человеческой мысли и души, лежащей за пределами их разума.

Крамнэгел и буддисты оказались как раз перед атакующей толпой. Неподалеку стоял заслон из полицейских, но ничто больше не прерождало нападавшим дорогу к студентам-демонстрантам.

— «Я не боюсь...» — запел гигант, и остальные подхватили песню. Первая волна пронеслась мимо них: внимание нападающих было всецело поглощено студентами и оскорблявшим их чувства флагом, который развевался над ратушей. На секунду показалось, что нападение вообще минует буддистов. Однако за первой волной медленно приближался плотный клин воинственно настроенных людей, среди которых мелькали армейские ветераны в форменных фуражках, но в штатских костюмах. Эта последняя волна захватила Крамнэгела и буддистов и понесла их к студентам, а вместе с ними и наряд полиции.

— Почему вы не на фронте, не в Индокитае? — обращаясь к гиганту, с ненавистью, раздувая ноздри, завопил джентльмен в форменной фуражке, на которой было написано «Окинава».

Буддисты запели самый мирный свой гимн.

— Вперед, ребята! — завопил Окинава, не желая нападать на буддистов в одиночку.

— Они-то хоть по крайней мере честные! — заорал еще кто-то. — Сами в желтое оделись!¹ — Эти слова были встречены взрывом хохота.

Крамнэгел нахмурился — он вдруг вспомнил многочисленные библейские истории, в нем взвырала мораль воскресной школы.

Окинава ударил буддиста, но тот лишь улыбнулся в ответ.

— А ну, прекрати! — выкрикнул Крамнэгел, твердо решивший встать на сторону Христа.

— А ты кто еще такой?

— Слышал, что тебе говорят? Прекрати! Этот парень не хочет воевать, и ты не имеешь права заставлять его.

— Ты в этом уверен? — издевательски спросил Окинава, нанося буддисту очередную удар.

Крамнэгел сгреб Окинаву за ворот, захватив рубашку, галстук и лацканы пиджака в свой огромный веснушчатый кулак.

— Отпусти! — затрясся Окинава.

Один из строительных рабочих с размаху ударил Крамнэгела по голове своей металлической каской, Крамнэгел рухнул на землю. Затем они бросились на гиганта.

Крамнэгел, шатаясь, поднялся на ноги, из разбитой головы текла кровь. Он крикнул полицейским, сдерживавшим нескольких неистовых джентльменов в форменных фуражках:

— А ну, ребята, давай сюда!

Полицейские посмотрели в его сторону, но никто и с места не сдвинулся.

¹ Yellow по-английски означает и «желтый» и «трусливый».

— Да вы что, идиоты, оглохли?

Крамнэгел начал протискиваться к ним сквозь толпу.

— Вам что, так приказали, да? — завопил он прямо в лицо ближайшему полицейскому. — Помните меня, нет? Начальник полиции Крамнэгел! Если вы сейчас же не разгоните эту сволочь, я из вас кишки вместе с дерьмом выпущу!

Полицейским было явно не по себе, но с места они не двигались.

— Что, никогда не слышали слова «долг»? — продолжал орать Крамнэгел. — Или Карбайд уже перестал поминать его? Да мне сегодня просто стыдно, что я — американист... Стыдно!

Один из полицейских беспомощно пожал плечами.

— Что, что ты сказал? — крикнул Крамнэгел, прижимая ухо к пластмассовому шлему.

— Пожалуйста...

— «Пожалуйста!» — с отвращением повторил Крамнэгел и повернулся к гиганту. Гиганта уже не было, была кучка ожесточенных людей в фуражках и шлемах, которые яростно топтали что-то, лежавшее на земле. Ослепленный яростью, Крамнэгел ринулся в толпу. На земле лежал гигант, растоптанный, бездыханный. Одна из девушек, пытавшаяся защитить его, лежала рядом. Толпа вела себя как племя дикарей-охотников, упивающих победой и опьяненных кровью; ноздри людей раздувались от первобытного запаха убийства, и все чувства напряглись в жажде уничтожения. В воздухе пахло радостью побоища, звучал торжествующий смех, жестокий и неумолимый, смех, заменяющий слезы. Лица были ужасны, на них не отражалось ничего, кроме смеси абсурдных, непристойных и отвратительных инстинктов. Все разумное было поглощено чудовищной отрыжкой подсознания. С упрямством, порожденным отчаянием, Крамнэгел снова сгрел Окинаву. Он ненавидел это лицо, а фуражка просто оскорбляла его взор. Он уставился в истеричные, пустые, несчастные глаза своего противника, как бы пытаясь понять, что же превращает человека в жалкого, тоскливо-одинокого моралиста от замочной скважины, оскверняющего своим уродством все и вся вокруг и при этом считающего, что он оказывает обществу услугу. Крамнэгел сорвал с него фуражку и швырнул ее подальше, в бушующие волны человеческого моря.

— Это же моя фуражка! — завопил Окинава так, будто его кастрировали.

— А это, — рассудительно ответил Крамнэгел, — твое рыло! — И с этими словами ударил его так жестоко и злобно, что тот исчез в джунглях топчущихся ног и утративших владельцев вещей. Гиганту уже было не помочь, но Крамнэгел дрался так, как никогда в жизни — даже в тюрьме схватка не доставила ему такой радости. Там он просто спасал свою шкуру, выпутываясь из недоразумения, здесь же он выступал единственным представителем света, чести, благородства. Он знал, что делал, и поэтому чувство радости и сознание справедливости сопровождали каждый его удар. Но силы тьмы, увы, превосходили его силы. Неожиданно в дело вмешалась полиция. И вовремя: Крамнэгел уже еле стоял на ногах. Пытаясь удержаться, он повис на каком-то рабочем, который не мог отцепиться от него, чтобы сбить его наземь.

— Встань и дерись! — хрипло и заунывно кричал рабочий. Крамнэгел расхохотался, прижимая его к себе, как партнера на танцплощадке. Он смеялся над собственной хитростью и над растерянностью противника. Но огонь схватки уже догорал.

Толпа издала громовой рев, затем площадь, словно мантией, окутало тишиной.

— «О, зришь ли ты... в лучах зари...»¹ — вырвался из тысячи глоток единодушный рев.

Одним полузакрытым глазом (второй уже не открывался вообще) Крамнэгел успел заметить, что оскорблявший чувства патриотов флаг Северного Вьетнама уже заменен восстановленным на своем законном месте звездно-полосатым полотнищем, а на крыше ратуши, прижав к груди желтые каски, стоит небольшая группа строительных рабочих.

Один за другим стоявшие в толпе полицейские в чистеньких, незапятнанных побищем мундирах снимали свои пластмассовые шлемы и, прижав их к груди, пылко включались в исполнение гимна.

Закрыв свой зрячий глаз, Крамнэгел успел пробормотать, прежде чем потерял сознание:

— Ну, теперь уж меня ничем не удивить...

---

¹ Начальные слова «Звездного знамени» — национального гимна США.

Когда Крамнэгел открыл глаза, все вокруг было белым-бело. Запах лекарств убедил его, что до встречи с Создателем еще далеко. А жаль. Ему казалось, что как раз сейчас он и был бы наилучшим образом подготовлен к такой встрече. А ведь это не каждый день бывает. Гордый тем, что сумел подумать о столь важных вещах в такой момент, он попытался шевельнуться. Но тут ему стало не до смеха. Чувствовал он себя намного хуже, чем даже после избияния в тюрьме. Он огляделся по сторонам, пытаясь не шевелить забинтованной головой, и увидел наблюдавшего за ним человека в штатском. С трудом сосредоточив взгляд, он узнал Армстронга, державшего в руке какой-то конверт.

— Это ты, Марв, — сказал он не без горечи. Он был очень зол на полицию.

— Здравствуй, Барт.

— Что это у тебя в руке, ордер на арест?

— Билеты.

— Билеты? Не понимаю.

— Билеты на самолет... В Колорадо-Спрингс.

Вот ведь сентиментальный сукин сын. Но золотое сердце, и как раз там, где надо.

— Почему именно в Колорадо-Спрингс, скажи на милость? Что там такого хорошего?

— Просто я знаю это место, Барт, вот и все. И оно мне нравится. И тебе, я думаю, понравится немножко там пожить.

Крамнэгел попытался состроить гримасу, но ему стало очень больно, да и нервам, управляющим мышцами его лица, было не до гримас.

— Так это что?... Хорошее местечко для пенсионеров... гольф по расписанию, карты, телевизор...

— Да нет же, нет! — закричал Марв. — Просто чудесное место с замечательным климатом. Я ведь сам туда ездил, а не отца своего посылал.

— И кого я должен благодарить за это? Мэра?

— Билеты от имени всего полицейского управления...

— Включая Ала.

— За исключением мистера Карбайда.

Крамнэгел вздохнул.

— Очень мило со стороны ребят, Марв, но... Помнишь, что со мной случилось в тот единственный раз, когда я получил подарок от всего управления?

— Ты же не собираешься застрелить кого-нибудь в Колорадо-Спрингс?

— Нет, — задумчиво ответил Крамнэгел, — должен сознаться, что я скорее сделаю это, если останусь здесь.

— Вот и я о том же.

— И все же...

— Ну, не обязательно в Колорадо-Спрингс, Барт. Куда угодно, где тебе больше нравится, но уезжай ненадолго. Эти билеты можно обменять на любой другой рейс той же стоимости. Пожалуйста, Барт, это ненадолго ведь...

Крамнэгел подумал с минутку. Да, что ни говори, а в друзьях у него недостатка нет. И все же в поспешности этого предложения было нечто, вызывавшее беспокойство. Угрожала ли его жизни какая-то опасность, или Армстронга беспокоила его возможная реакция на ход событий? Он слегка нахмурился. У него был прекрасный нюх, и иногда этот нюх превращался в пронизательность — это, конечно, когда он был в хорошей форме и ничем не удручен, а не когда он был усталый и взвинченный.

— Что там с этими буддистами, Марв? — внезапно спросил он.

Армстронг нервно заерзал на стуле и невольно отвел глаза в сторону. Крамнэгел, чутко на все реагирующий, посмотрел в ту же сторону и увидел, что соседняя кровать отгорожена ширмами.

— Что с тем огромным парнем? — стоял он на своем. — Ну, который Христос.

— Христос?

— Ну, тот здоровый детина, который все подставлял другую щеку.

— Да, шум, конечно, поднялся по этому поводу изрядный, Барт, — поколебавшись, сказал Армстронг.

— Шум, значит, поднялся?

— Что ж, могу тебе и сказать... Он умер.

Наступило долгое молчание.

Крамнэгел не сводил с Армстронга взгляда — безжалостного, страшного и торжественного.

— Ты ведь знаешь, кто убил его, Марв? Его убило полицейское управление.

Вот уж с этим Армстронг не мог согласиться.

— Ну, сейчас ты заходишь слишком далеко, Барт.

— Послушай, я ведь там был!

— Я знаю. Мы там тебя и нашли.

— Могли бы найти меня и раньше. И не дать им избить меня. И не дать им убить того огромного парня.

— Что ж, может, поэтому ребята так быстро и согласились скинуться тебе на билеты, когда я предложил. Им очень неловко, что так случилось.

— Неловко? Да они даже не узнали меня!

— Узнали, и еще как!

— Но у них был приказ... Я ведь не ошибся, нет?

Лицо Армстронга стало несчастным.

— Все мы выполняем приказы, Барт, ты же знаешь. Правда, не забыл еще? А мэр вызвал полицию штата. Они тут ранили пару студентов. Слава богу, не убили никого. Для одной уличной стычки и того парня хватит, но на нас накинута вся пресса, все крупные телекомпании и газеты. На улице каждый второй прохожий — репортер с микрофоном. Но прежде, чем они успели опубликовать хоть строчку, городские власти уже обвинили их в предвзятости.

— Сдай билеты обратно в кассу, Марв, купи своей жене новую шляпку. Я никуда не поеду.

— Барт, ради бога, только не злись...

— С чего мне злиться? Мне дали семь лет тюрьмы за то, что я застрелил человека при самообороне, а здесь кучка шпаны в идиотских шапках забила насмерть незащитного парня, и никто ничего им не сделает, потому что они ветераны и знают наизусть все четыре куллета «Звездного знамени». Ни хрена себе справедливость! — заревел Крамнэгел, разбрасывая простыни и пробуждая к жизни тяжелобольных на соседних койках.

— Нам просто необходимо выждать, — взмолился Армстронг, пытаясь привести в порядок простыни. — Выждать, пока мы займем достаточно влиятельное положение, чтобы суметь что-то сделать.

— Это я уже слышал. Все мы так говорим, пока карабаемся наверх, но как заберемся и начнем ходить по канату, только о том и думаем, как бы не упасть, потому что выпасть из милости — штука очень болезненная. Ал Карбайд тоже любил красивые слова, пока не пробился наверх. А теперь он на все сто — человек мэра. Знаешь, кто мне сказал это? Калогеро, собственной персоной. Так что брось ты, Марв, если уж убивают, так пусть хотя бы тех, кого надо. Нечего тратить пули на невинных, когда виновные разгуливают себе как хотят, с полными карманами денег и кредитных карточек...

— Да, кстати, у меня для тебя новость, — перебил его Армстронг, пытаясь перевести разговор на другую тему. — Помнишь, ты просил узнать, как Ред Лейфсон потерял ноги? Я выяснил — он попал под трактор на ферме, когда ему было десять лет.

— Какое мне сейчас дело до его ног?

— Ты же меня просил, вот и все.

— Я помню, я, черт побери, все прекрасно помню. Кто отвечал за регулировку уличного движения в тот день, когда я улетал в Европу? Четырнадцатого мая? Не ты ли, Марв?

— Да так сразу и не скажу.

— А я скажу. Я даже это помню. У тебя на развилке шоссе образовалась черт знает какая пробка, а дежурного вертолета и близко не было.

— А, да, точно, — подтвердил Армстронг, — как раз в тот день у вертолета полетел салыник, и шесть машин врезались одна в другую. Двое погибло.

— У тебя тоже память ничего, только кому теперь до этого дело, кроме, может, родных тех двух погибших, да и они, наверное, совсем о другом думают. У людей короткая память, Марв, в том-то и беда. Всё они забывают и притворяются, что ничего не видят. У них на глазах человек истекает кровью, а они решают: пусть это раскле-

бывают власти — полиция, «скорая помощь», кто угодно.. Зачем самим ввязываться? Это ведь может отнять время — не меньше, чем заседание в суде присяжных. Кому охота? Что ж, — теперь он говорил медленно и пугающе четко, — а мы должны сделать так, чтобы люди не забывали.

— И как же ты собираешься это сделать? — непринужденным тоном спросил Армстронг.

Крамнэгел смотрел на него своими жуткими глазами, жуткими оттого, что они по таинственной и неизъяснимой причине казались счастливыми.

— Тот буддист не имел никакого права обременять нас своей смертью, Марв. Но раз уж он умер, то мы обязаны воздвигнуть ему подобающий памятник.

Армстронг не мог отвести от Крамнэгела взгляда, а тот, чуть покачивая головой, вещал веско и убедительно — словно сама судьба.

— Еще один вопрос, Марв. Откуда вдруг взялись эти строительные рабочие? Что здесь такое большое строят? Этих сукиных детей набежало сотни четыре, а то и пять...

— Чтобы закончить стадион вовремя, организовали двойные смены..

— Чтобы успеть его завтра открыть?

— Ага.

— Вот видишь, — сказал Крамнэгел, — все сходится, как по нотам. Я и сам бы лучше не придумал. Значит, они прибежали с этого паршивого стадиона..

Армстронг не понимал, о чем говорит Крамнэгел, но ради сохранения душевного равновесия уточнить не стал. Он сунул билеты в карман и ушел, бросив с деланной легкостью на прощание: — До скорого, начальник. — Он отчаянно пытался думать о чем-нибудь другом.

Как только Крамнэгел убедился, что Армстронг действительно ушел, он шумно потребовал к себе доктора.

— Я хочу отсюда у й т и , — заявил он.

— По-моему, вам еще рано уходить из больницы, — ответил доктор и начал объяснять, что в своем нынешнем состоянии Крамнэгел только будет обузой для общества — и в самом деле: левая рука его была забинтована, и он не мог ею пошевелить, а бинты на голове нависали над левым глазом подобно балдахину, что заставляло Крамнэгела горделиво откидывать голову, хотя подобная поза никак не вязалась с его характером.

— Ну и долго еще мне придется ходить в этих проклятых бинтах? — спросил он.

— Через пару дней посмотрим ваши травмы.

— Вот как?

Крамнэгел начал разбинтовывать левую руку.

— Не смейте этого делать! — приказал доктор.

— Хотите, чтобы я поднял хай?

Крамнэгел помнил, как заключенные стучали ложками по мискам, чтобы придать своим требованиям больше убедительности.

— Нет, я не хочу, чтобы вы поднимали х а й , — весьма чопорно ответил доктор. Он впервые столкнулся с подобным пациентом и, чтобы не взорваться, тоже повел себя как ребенок. — Надеюсь, вы попадете под грузовик, — сказал он, выходя из палаты. — Под четырехосный.

Крамнэгел оказался намного слабее, чем предполагал; яркий солнечный свет и ошеломил, и ослепил его. Он оперся о перила, чтобы не упасть. Тяжело дыша, он глянул вверх и встретился со взглядом доктора, злорадно следившего за ним из окна. Этого было достаточно. Вся жизнь Крамнэгела, казалось, была сплошной цепью подвохов и побуждений, которые, разумеется, он воспринимал как вызов и которые толкали его от одного безрассудства к другому. Те, для кого существование — вечный бой, слишком глубоко ощущают упоение действием и потому не в состоянии обдумать последствия своих поступков. И им зачастую мнится, что человек, забивающий себе голову мыслями о последствиях, не способен жить полной жизнью. Тому, кто пьет лишь для того, чтобы напиться, безразличен тонкий вкус вина.

Пока доктор маячил в окне, Крамнэгел считал своим долгом идти четким и уверенным шагом. Согласно его своеобразным представлениям о чести, упасть он мог, но только не на глазах у тех, с кем имел дело. Он попытался остановить такси. Водитель сбавил ход, но затем снова нажал на газ, хотя был свободен и до конца смены было еще далеко. Есть в забинтованных людях нечто такое, что отпугивает водителей такси.

Крамнэгел добрел до перекрестка, опираясь время от времени на барьеры у магазинных витрин, чтобы сохранить равновесие. Наконец какой-то сердобольный водитель притормозил у тротуара.

— Вам помочь? — спросил водитель; лицом он походил на фермера, да и машина у него была типично фермерская — потрепанная, выдавшая виды.

— Вам со мной не по пути, — ответил Крамнэгел.

— Откуда вам знать? Залезайте. Мне туда, куда вам. Нельзя же идти в таком состоянии. Что, небось прямо из больницы?

— Точно.

Крамнэгел втиснулся на переднее сиденье. Чувство облегчения боролось в его душе с чувством горечи. Не дай бог, этот человек вновь заставит его обрести веру в людей — ведь он только-только утвердился в мыслях о мести.

— Куда поедет?

Крамнэгел назвал адрес. Это был адрес Арни Браггера. Они ехали молча.

— Что с вами приключилось? — спросил наконец хозяин машины.

— Вы не поймете.

Фермер озадаченно улыбнулся.

— Как так?

— Ну, ввязался я...

— А...

Теперь дистанцию выдерживал фермер.

— Что ж, с каждым может случиться, — сказал он наконец.

— Вы правы как никогда, — откликнулся Крамнэгел.

Они подъехали к нужному дому.

— Больше не ввязывайтесь, — любезно сказал фермер.

— Это еще почему? — с воинственными нотками в голосе спросил Крамнэгел.

— Ну, если уж вы без этого не можете, то хоть отделайте своего противника сильнее, чем он вас.

— Постараюсь, — улыбнулся Крамнэгел. — Спасибо вам большое.

Он долго звонил в дверь Арни. Наконец дверь открыла прислуга-негритянка.

— Резиденция доктора Браггера.

— Он дома?

— Вы его пациент?

— Пока еще нет.

— Он в больнице, вернется поздно.

— Поздно? Как поздно?

— Часа через два.

— Я подожду.

— Но не в доме. Не велено.

— Я подожду здесь.

Негритянка захлопнула дверь и завозилась с дверной цепочкой.

Проснулся Крамнэгел оттого, что услышал, как Арни Браггер потихоньку пытается открыть собственную дверь.

— Привет, Арни.

— Кто здесь? — испуганно обернулся Арни Браггер.

— Барт Крамнэгел.

— Господи, да что с вами, Барт?

— Помяли меня.

— Помяли? Вы попали в аварию?

— Нет, сам.

— Сам?

— Я сам нарвался, чтоб меня помяли. Мне нужно с вами поговорить, Арни.

— Только не сейчас, Барт.

— Сейчас, Арни. Мне нужно потолковать с вами сейчас.

— Я должен ехать на ужин.

— Отмените его.

— Не могу, Барт, право же, не могу.

— Предупредите, что задержитесь.

— Поверьте мне, Барт...

Крамнэгел сгреб Арни за ладканы здоровой рукой. Вид у него, наверное, был устрашающий, потому что Арни сразу съежился; зародыш улыбки застыл на его помертвелых губах.

— Вы помните, что как-то раз сказали мне, Арни? — спросил Крамнэгел. — Надо же, я-то ведь все помню слово в слово. «...Я помогу вам только в том случае, если из общества выпадете вы», — тихо произнес Крамнэгел, как бы читая слова самой священной из литаний, а затем, улыбаясь жестокой улыбкой хозяина положения, снова вперился в Арни взгляд. — Именно так вы тогда и сказали. Именно этими словами.

— Я не помню, Барт, право же, не помню.

Рука, державшая Арни за ладканы, сжалась в кулак.

— Ну-ка, скажи мне еще раз, что не помнишь. Скажи только хоть раз, ты, бесчестный сукин сын...

— Я помню, что вы приходили ко мне... Вот что, Барт... Нет смысла беседовать здесь. Пойдемте в гостиную, там удобнее...

— Вы это честно? Без дураков? Потому как предупреждаю вас, Арни: если вы решились воспользоваться тем, что я еле хожу, то я убью вас!

— Что сделаете? — рассмеялся Арни, он не мог даже вообразить себе, что такие вещи можно говорить всерьез.

— Я убью вас, — очень просто повторил Крамнэгел. — Вы что, не расслышали? Я ведь ездил в Англию на практику и теперь... Ну, знаете, как и всякое другое дело, теперь это превратилось в привычку.

Арни глубоко заглянул в его блуждающие глаза.

— Заходите, — сказал он, открывая дверь осторожным жестом человека, преисполненного решимости доказать сумасшедшему, что его не заманивают в ловушку.

Они прошли через холл в гостиную. Арни затворил за собой входную дверь, но запирает ее на засов на всякий случай не стал.

— Ладно, Барт, выкладывайте, что у вас, но только, пожалуйста, побыстрее. Сегодня Ассоциация ученых-психиатров дает свой ежегодный ужин, это очень важное событие, и я должен выступить с речью, которую будут транслировать по каналу, передающему образовательные телепрограммы по всей стране...

— Можете взять меня с собой в качестве подопытного кролика. Ей-богу, я ведь из них самый большой.

— Прощу вас, Барт.

— Ну, ладно, — неожиданно примирительно сказал Крамнэгел. — Я вам не помешаю ехать на ваш ужин. В конце концов, мне нужно совсем немного времени, чтобы испортить вам вечер.

— Что у вас на уме, Барт? — Арни сел на край кресла, сложив руки на груди и пытаясь держаться непринужденно.

— Что у меня на уме? — мрачно переспросил Крамнэгел, и Арни не сумел скрыть беспокойства, вызванного его тоном. — Это, знаете ли, хороший вопрос. На уме. Я ведь раньше никогда не задумывался над тем, что эти слова значат, просто произносил их, и все, но если задуматься, то смысл в них большой.

— Да... да, безусловно, — сказал Арни, тоже как будто одобряя эти слова.

Крамнэгел ласково посмотрел на него:

— «Я помогу вам, если из общества выпадете вы». Теперь вспомнили?

— Конечно. Да, теперь я вспоминаю, — коротко ответил Арни.

— Я так и думал.

— Но, знаете, Барт, я ведь всегда помог бы человеку в беде, даже если бы и не вспомнил, просто такой уж у меня характер.

— Ага, это я знаю. Ваш сын позаботился о том, чтобы именно таким вы и были, — повернул Крамнэгел нож в ране, и Арни вздрогнул и посмотрел на часы. — Ну вот — медленно продолжал Крамнэгел, — так случилось, что я выпал из общества. И не по собственному, как вы понимаете, желанию. Меня просто, так сказать, вытолкнули, спихнули с края обрыва. И теперь мне нужна ваша помощь, Арни.

— Почему же вы не пришли ко мне в клинику...

— Потому что мне некогда, Арни, вот почему, — несколько повысил голос Крамнэгел. — Вы ведь знаете: я убил человека.

— Да, я читал об этом, — вздохнул Арни.

— Что ж, это был глупый поступок, верно?

— Да. Да, раз вы сами так говорите, раз все так повернулось...

Крамнэгел наклонился вперед, чтобы больше походить на заговорщика.

— Да, это было глупо. Но вы знаете — почему?

— Разумеется.

— Скажите мне — почему.

— Но... но это всегда глупо — убивать людей. — Арни не нравились подобные разговоры.

— Э, нет, — отвечал Крамнэгел тоном профессора, разочарованного ответом своего любимого ученика. — Само по себе убивать людей не глупо, глупо убивать людей без причины. У этих, значит, строительных рабочих и у этих паршивцев-ветеранов была причина убивать того буддиста — ненависть, обыкновенная ненависть. А у меня такой причины не было. И приговор мне дали заслуженный, потому как был я просто обормот и кретин. Я убил человека, которого даже и знать не знал. А сейчас я выяснил кое-что еще. За убийство того буддиста никого даже и не собираются арестовывать. Это раз. А убивала его целая толпа. Это два. Вот это и есть толковое убийство, Арни. Но у меня таких преимуществ нет. Я — один, сам по себе. Поэтому не приходится рассчитывать на помощь. У меня ведь нет ничего, кроме ненависти. Ненависти, которой я научился прямо здесь, в моем родном Городе.

Побледневший Арни больше уже не смотрел на часы.

— Бар т, — сказал о н, — еще не родился такой человек, которому рано или поздно не требуется помощь. И психиатрия медленно проникает в потемки человеческого разума...

— Весь этот треп я от вас уже слышал раньше, — грубо перебил его Крамнэгел, — вы мне даже говорили тогда, что я, видно, болен, потому как не хочу лететь тринадцатого числа. Так вот что я вам скажу: потемки человеческого разума меня не касаются и не интересуют, меня интересуют активные действия, таким уж я всегда был, таким и помру — но только не в газовой камере, а в открытом бою с оружием в руках. Только... — Он помолчал. — Только я пока не собираюсь помирать, мне еще кое-кого самому нужно сперва убить. А потом и пожить немножко.

— Убить? — безучастно спросил Арни.

— Убить. Завтра вечером. На открытии стадиона. Там ведь все будут, верно? И Эди, и Ал.

— Вы хотите убить Эди?

— С чего вы взяли, что я хочу убить Эди? Эту жалкую глупую сучонку? Я не намерен убивать людей, чтобы избавлять их от их собственных несчастий. Если они такие жалкие и несчастные, то, наверное, того и заслуживают, и кто я такой, чтобы класть их несчастьям конец? Что же до Карбайда, то я так мелкие счеты не свожу. С меня хватит того, что он схлопочет по первое число за плохую организацию охраны. Нет, сэр, если уж Крамнэгел берется убивать, то впредь он будет убивать людей на самом верху.

— На самом верху?

— Вот именно. Я не желаю тратить пули на всякую сволочь вроде Реда Лейфсона. Когда-нибудь он захлебнется собственным ядом и утонет в нем. Я не стану охотиться даже на такое жулье, как мэр Калогеро, — рано или поздно его прикончит либо Шиллигер, либо Роттердам, либо Тортони, либо какой-нибудь из подпольных синдикатов. Матч начинается ровно в восемь, так? Губернатор штата Дарвуд Х. Макалпин пожмет руки игрокам обеих команд и откроет памятную доску. Так вот, позвольте вам сообщить, что на свое место он уже не вернется. И матча ему не видать, потому как он умрет.

— О боже! — в ужасе вскричал Арни. — Но что он сделал вам плохого? Ал Карбайд — это я еще могу понять...

— Этот сукин сын вручил мне билеты для кругосветного путешествия, так ведь? — устрещающе напряженным голосом перебил его Крамнэгел.

Ход мыслей Крамнэгела внезапно открылся Арни, как вдруг открывается исследователю никому доселе не известный мир. Он лежал перед ним, ярко освещенный и четко видимый, и хотя в нем было слишком много деталей, чтобы усвоить их все сразу, в общих его очертаниях не могло быть никаких сомнений, а остальное легко угадывалось.

— Вы вините во всем его...

— А где он? Сидит в своем кабинете или скорее всего потягивает коктейли у своего домашнего бассейна, пока в Городе убивают не тех, кого нужно, и не на тех,

на кого нужно, сваливают вину. Я пристрелю этого мерзавца, Арни, а затем объявлю о временном помрачении ума. Вот здесь-то вы мне и понадобится.

Арни почувствовал, как к горлу подкатила тошнота.

— Я не советую вам действовать подобным образом, Барт, право, не советую.

— А я к вам не за советом пришел. Вы всегда охотно выручали людей, которые насильно малолетних детей, выручали убийц-педерастов и всяких прочих психов. Теперь моя очередь. Я ведь выпал из общества, вы не забыли, Арни? И вы можете мне избежать приговора за убийство — это все, чего я прошу. Вы и Шпиндельман.

— Шпиндельман? Да он никогда в жизни...

— Вы что, смеетесь? По-вашему, он откажется защищать начальника полиции, обвиняемого в убийстве губернатора штата? Да это ведь и есть одно из тех дел, за которые он берется не ради денег. Тут уж дело верное — вопрос его славы. Лучше не придумать — человек служил Городу верой и правдой почти что с тридцати лет; служил настолько хорошо, что Город устроил ему чествование, на котором ему вручили памятный адрес и билеты в кругосветное путешествие, да еще первым классом, а не каким-нибудь туристским или чартером. Так вот, с тем же самым человеком несправедливо обошлись за границей, он возвращается обратно и видит, что его любимый Город превратился в помойку, в вертеп, где процветают коррупция, насилие, взяточничество — дальше можете продолжать сами. Так как же он поступает? Да очень просто — он поступает честно, поступает по-настоящему, по-американски — причем, заметьте, только потому, что он против насилия, взяточничества и воровства: поскольку все от него отмахиваются, он убивает этого чертова губернатора, чтобы привлечь внимание ко всем этим безобразиям.

— Послушайте меня, Барт...

— Переведите все это на первосортный английский язык, и ваше дело в шляпе.

— Вы хотите подменить собой закон?

— А разве Иисус Христос спрашивал разрешения в муниципалитете, чтобы изгнать торгующих из храма? Нет, сэр, не спрашивал. Ему просто повезло, что тогда еще не было ружей.

— Барт! — настойчиво сказал Арни. — Вам нужно на время уехать отсюда.

— В Колорадо-Спрингс? Слышал уже. Не пойдет.

— Я могу положить вас в больницу.

— Это пожалуйста, но только послезавтра. С удовольствием у вас полечусь.

Арни решил попробовать иной подход:

— Я ведь понимаю, что вы все это говорите не всерьез, Барт. Не понимаю только, за что вы мстите мне. Это довольно жестоко с вашей стороны — у меня не такое уж здоровое сердце. — Он прикрыл его руками. — У меня был приступ, пока вы отсутствовали, врачи говорят, что мне не так уж много осталось жить.

Неожиданно для Арни Крамнэгел вскочил и затряс его, как тряпичную куклу.

— Ты добьешься моего оправдания, Арни. Ты и Шпиндельман. Вы оба добьетесь этого. А своему сердцу ты велишь подождать, пока не кончится мой процесс. Ты дал мне обещание, и ты его исполнишь, ясно? Ты скажешь, что я был не в своем уме, когда убивал губернатора, а потом я, значит, поправлюсь благодаря твоему лечению и твоим лекарствам. Это будет чудесное исцеление, одно из самых больших чудес в истории медицины. И оно прославит тебя. Тебя и Шпиндельмана. Ты только подумай об этом. Сакко и Ванцетти, Леб и Леопольд¹, а теперь — Крамнэгел. Если вам нужен продажный судья, найдите его... Вы же всех их знаете. Не мне вас учить. Сделайте так, я потом заплачу вам за это.

— Вы мне заплатите? Как?

— Я напишу книгу. Книгу о своей жизни. Можете рассматривать весь этот эпизод как начало рекламной кампании для моей книги. Мне-то самому и строчки написать не придется — я все высказал еще в Англии. Я лишь продам свое имя, а все остальное за меня сделают. Я даже не читал своих чертовых мемуаров; все, что мне пришлось делать, — это просто жить своей жизнью. А потом по книге поставят фильм — и вот он я, во всех журналах, пожимаю руку актеру, исполняющему роль Большого Барта.

¹ Леб и Леопольд — известные гангстеры — похитители детей. Их процесс привлек всеобщее внимание в 20-х годах.

Арни хотел высмеять Крамнэгела, но ядовитое красноречие отказало ему. Ведь примеров подобного рода было множество. Кэрил Чессмен¹, скажем, продержался так долго, что читающая публика успела привыкнуть к нему и стала протестовать против беспричинной казни выдающегося литературного таланта. Так называемый сладкий аромат удачи уже щекотал ноздри Крамнэгела. А ведь если бы не эта дуэличная Далила — Эди, он уже потерял бы свои гонорары.

Арни сделал последнюю попытку заговорить с позиции человеческого достоинства и прочих добродетелей, которую человек обычно занимает, когда остается наедине с собой.

— Барт, — сказал он, — я тоже вижу, какое безобразие творится вокруг...

— Но вы привыкли мириться с ним...

— Я вовсе не это хотел сказать, Барт. Я дал вам высказаться. А теперь будьте справедливы и дайте высказаться мне.

— Пожалуйста. Я только должен напомнить вам, что вы торопитесь на ужин, Арни. Вроде бы важное дело.

— Можно ли думать об ужине, когда человек в беде, — солгал Арни.

— Вы начинаете понимать мою точку зрения...

— Это всегда была и будет моя точка зрения. Это больше чем точка зрения, Барт, это принцип врачебной этики.

— Отлично звучит, Арни. Только не тратьте таких высоких слов на меня. Приберегите их для присяжных.

— Никаких присяжных не будет, Барт. По той причине, что не будет преступления. Все, что вы мне сейчас изложили, объясняется просто: вы несчастны, озлоблены и разочарованы. Я понимаю почему — и, поверьте мне, все это излечимо. Но зачем же вымещать наболевшее на стране, которая дала вам возможность стать тем, кем вы стали, и пачкать ее имя оскорбительными комментариями, которые вызовет ваш поступок? В нашей великой стране каждый мужчина, каждая женщина, каждый ребенок имеют возможность выбора между честным поведением и преступлением, между прямой дорогой и кривой, между правильным образом действий и ошибочным. Это и есть цена и беда той свободы, которой мы наслаждаемся, и на каждом перекрестке мы должны останавливаться и вновь обдумывать свой выбор. Сейчас на таком перекрестке оказались вы. Ради бога, Барт, и ради всех нас не сделайте неверного выбора.

Крамнэгел окинул его взглядом, в котором жалость сочеталась с симпатией.

— Чушь собачья, — сказал он.

— Вы даже не считаете нужным удостоить меня возражением? Но разве вы не обязаны мне ответить?

— Чушь собачья, — повторил Крамнэгел. — Вот вам весь мой ответ. Вы пытаетесь поделить общество на плохих людей и хороших... Все вы так пытаетесь сделать, я знаю. Хотите, я вам что-то скажу? Хорошие люди — они и есть плохие. Подумайте-ка над этим. Поразмыслите. Здесь-то и лежит корень ошибки. Нет у нас выбора. И демократии никакой тоже нет. Да, конечно, законом вертят люди — не те люди, какие нужно, — но это вовсе не значит, что мы свободны. Размахивайте американским флагом, и вам все сойдет с рук, даже убийство — я же сам видел. А вот оденьтесь буддистом, и черта лысого у вас будет шанс уцелеть. Чтобы разоблачить весь этот цирк, нужно второе пришествие Христа — пусть он только сюда сунется и попросит себе праведного суда... Да он, наверно, не раз уже возвращался, у него, наверно, уже в привычку вошло являться сюда, как у бродяги на пляже входит в привычку время от времени пробовать воду. Так вот что я вам скажу, Арни, — за эти две тысячи лет она ничуть не потеплела. Теперь отправляйтесь на свой ужин, а то опоздаете. Не забывайте, вы ведь человек хороший, а хорошие люди всегда точны. Я не хочу, чтоб были неприятности.

Теперь уже Арни пытался удержать его:

— Не валяйте дурака, Барт!

— Я не валяю дурака, Арни, я просто увидел все, как оно есть на самом деле.

---

¹ Убийца-маньяк, приговоренный в 50-х годах к смертной казни. При помощи юридического крючкотворства его адвокатам удалось оттянуть приведение смертного приговора в исполнение на 15 лет. За эти годы он заработал изрядную сумму своими «мемуарами».

Я возьму на себя грязную работу, а вы добьетесь моего оправдания, вы и Шпндельман.

— А если не добьемся?

Крамнэгел пожал плечами:

— С тех пор как я вернулся, все только и пытаются заткнуть мне глотку. И мэр, и полиция, ну просто все. А вот если кого убьешь, то одно уж получишь точно — трибуну в суде, а там человеку только и остается, что говорить. Я-то могу сказать многое, потому как мне много есть чего сказать. Я могу сказать, что вы подстрекали меня убить губернатора, пообещав, что добьетесь моего оправдания, как вы добивались оправдания всем тем в прошлом, помните?

— Но это же неправда, Барт..

— Этому не обязательно быть правдой, чтобы запятнать вас. Неужели вы так еще и не поняли, как оно у нас делается, Арни? Проходит время — и люди уже не помнят, правда это или неправда, помнят только, что об этом были разговоры. И мне даже не придется особенно изощряться. Я могу просто швыряться грязью, и кое-что обязательно к вам прилипнет. Я могу, например, сказать, что в бытность свою начальником полиции застукал вас на гомосексуальной связи, но закрыл дело под нажимом вашего высокопоставленного партнера.

Арни покраснел от гнева.

— Я не гомосексуалист, и вам прекрасно это известно, Барт.

— Как я уже объяснял, вовсе не обязательно говорить правду, или до вас так ничего и не дошло? — заорал Крамнэгел.

— Вы не можете так поступить!

— Плохо вы меня знаете. Хорошие — они и есть на самом деле плохие, ясно? Я-то все понял. И я изложил вам факты по делу. А теперь приступайте к работе над ним.

— Я позвоню в полицию и сообщу им, что вы намерены убить губернатора! — завопил в ответ Арни в последнем отчаянном усилии перехватить инициативу.

— Им насчет покушений звонят каждые десять минут в любое время дня и ночи. Конечно, если вы намерены публично вступить в ряды психов, то это ваше дело, Арни. Как вы сами сказали, у каждого есть право выбора между прямой и кривой дорогами. Валийте, осуществляйте свои конституционные права в качестве психа.

Крамнэгел сунул большой палец себе в ухо, с трудом пошевелил пальцами ладони, высунул язык, зловеще скосил глаза и был таков.

На этот раз Арни запер захлопнувшуюся за Крамнэгелом дверь на все запоры и в отчаянии зашагал из угла в угол, пытаясь собраться с мыслями. В этой части дома он остался один и хотел побыть в одиночестве. Общаться с кем бы то ни было он сейчас просто не мог. Он закрыл дверь комнаты и щедро налил себе виски. Усевшись за рабочий стол, он нашел номер телефона Мервина Шпндельмана в гостинице в Цинциннати, где тот защищал жиголо, убившего шестидесятилетнюю наследницу фабриканта туалетной бумаги. Арни набрал номер. Служащие гостиницы не сразу нашли Шпндельмана, и Арни от волнения начал говорить сам с собой. Наконец великий адвокат взял трубку, голос его звучал раздраженно, как будто сие вторжение обыденных забот оторвало Шпндельмана от возвышенных размышлений.

Арни возбужденно рассказал обо всем, что случилось, но говорил так бессвязно, что вынужден был несколько раз начинать все сначала. Шпндельман же отнесся ко всей этой истории с олимпийским спокойствием, чем привел его в бешенство.

— Я удивлен, Арни, что вы решили обратиться ко мне с такой ерундой, — сказал он. — Нет, нет, я вас вовсе не порицаю... Скорее наоборот, воздаю должное вашему золотому сердцу... И, поскольку золотые сердца, как правило, бывают простодушными, мне остается лишь сделать вывод, что вся эта история заставила вас утратить ясность мысли. Прежде всего, насколько мне известно, в вашей профессии принято считать, что те, кто громче всех обещает покончить с собой, реже всех это делают... Действуют обычно те, кто меньше всех говорит... Что? Ну, разумеется, из каждого правила есть исключения, в противном случае наше существование было бы еще скучнее, чем оно есть... Возьмусь ли я за это дело?.. Да ведь никакого дела нет, Арни... Но случись так, что подобное дело действительно возникнет, защищать подсудимого будет легче легкого... И мне, разумеется, было бы жаль, достанься оно кому-нибудь из наших блестящих собратьев в Вашингтоне или Калифорнии... Крамнэгел так

и сказал?... Это производит впечатление, Арни... он, видимо, многому научился в заключении... Так всегда и бывает... Некоторые из величайших творений человеческого разума были задуманы в монастырях, а некоторые из величайших идей родились в тюрьмах... Беда в том, что люди просто никак не могут оставить друг друга в покое... Но стоит им это сделать, и наступает рассвет.

— К чему вы все это говорите, черт возьми? — прорычал Арни.

— Что, беседа с Крамнэгелом действительно так повлияла на вас? — добродушно рассмеялся Шпиндельман.

— Сильнейшим образом! Я не преувеличиваю ни на йоту. Он в отчаянном состоянии. О господи, Мервин, у меня же есть некоторый опыт по этой части. Как вы думаете, следует мне предупредить губернатора?

— Есть люди, Арни, которые умеют останавливать понесших коней, остальные же делать этого не умеют. Когда за это берется тот, кто не умеет, дело всегда кончается бедой. Губернатор вам не поверит, но кто-нибудь обязательно услышит ваше предупреждение, и, случись самое худшее, вас вызовут на ковер за то, что вы не были достаточно убедительны.

— За то, что я не кричал громче, чем кричал. И я должен оставить все это на своей совести!

— Нет, Арни, отнюдь нет. Вы слишком умны, чтобы нести такой груз в одиночку, потому вы и поделили его со мной.

— Вас это обременяет?

— Ни в малейшей степени. Я не считаю, что жизнь губернатора имеет большую ценность, чем любая другая. Это редкий осел. И для моей совести его смерть — все равно что для слона комариный укус.

Наступило молчание.

— Ладно, Мервин, вы выиграли спор. Но что мне делать, если случится худшее?

— Когда этот матч, будь он неладен?

— Завтра в восемь вечера.

— В восемь вечера?

— Да, это вечерний матч.

— Вы, разумеется, пойдете?

— Меня туда и на аркане не затащишь. Как психиатр, я не перевариваю людских скоплений. Их вид заставляет меня утрачивать веру в индивидуума, без которого... вы понимаете.

— Ну и прекрасно. Крамнэгел сказал, когда он собирается совершить свой злодейский поступок?

— Он сказал, что губернатор должен обменяться рукопожатиями с игроками обеих команд, а затем открыть памятную доску, которая, как я полагаю, находится на краю поля. А затем, сказал он, губернатор уже не вернется на свое место, потому что будет мертв.

— Ясно. На рукопожатия, надо считать, уйдет минут десять. Губернатор, наверное, захочет задать игрокам несколько вопросов, услышать их ответы — этим исчерпываются его представления о поддержании отношений с общественностью, — так что дадим ему на все двенадцать минут, согласны?

— Согласен, будем считать восемь двенадцать.

— Затем его речь — ну, это минут пять, не больше. Одно в нем хорошо — не может долго говорить. Итак, получаем восемь семнадцать. В это время он уже будет подниматься обратно на свое место. Следовательно, трагедия может произойти где-то в восемь восемнадцать. Начнется суматоха. У вас на завтрашний вечер не назначено с кем-нибудь ужина, Арни?

— Нет.

— Я бы на вашем месте проехался часов в девять вокруг полицейского управления.

— Под каким предлогом?

— Да просто так, по дороге.

— А где будете вы?

— Я заеду по пути из аэропорта. Я прилетаю без четверти десять.

— Следовательно, вы ожидаете, что это произойдет?

— Надеюсь и молюсь, что нет, — серьезно сказал Шпиндельман. — Но в любом случае я еду домой мимо полицейского управления.

19

Огни прожекторов освещали поле стадиона подобно мощным лампам, освещающим гигантскую операционную, сосредоточиваясь на центре действия и скрывая в тени сидящих по сторонам зрителей. Обе команды выстроились друг против друга, кто-то из игроков нервно переминался с ноги на ногу, и почти все непрерывно жевали резинку. Монсеньор Фрэнсис Ксавьер О'Хэнрэхэнти, круглое лицо которого, похожее на голландский сыр, излучало благоволение к людям и подчеркивало своим выражением важность происходящего, представлял своих игроков улыбающемуся губернатору. От улыбки лицо губернатора покрылось густой сетью морщинок, и он стал похож на азиата. Как и подобает в подобных случаях, он беседовал со спортсменами так, словно каждый из них представлял для него огромный интерес, но он стоял слишком далеко, и слов его не было слышно. Время от времени в перекрестие оптического прицела попадало то его лицо, то шея, то грудь. Губернатор начал пожимать руки игрокам другой команды. Улыбка монсеньора теперь несколько поблекла, зато щеки губернатора раздулись от восторга. Он был само восхищение, олицетворение порядочного человека в глазах широкой публики. И вот, наконец, его подводят к внутренней стене стадиона, где часть бетонного выступа задрапирована флагом штата. Губернатор произносит короткую и весьма энергичную речь, отмеченную печатью того самого запинаящегося красноречия, благодаря которому он приобрел столько друзей, ибо оно характеризовало его как человека, в коем ясность ума сочеталась со множеством очаровательных недостатков. Понять, что он говорит, не мог никто, поскольку микрофоны были не в порядке и из громкоговорителей вырывался лишь оглушительный свист. Вот перерезали ленту, и полотнище флага соскользнуло, открыв памятную доску с барельефами мужчины и женщины — благотворителей, пожертвовавших деньги на строительство стадиона. Дирижирующие восторгами толпы девушки запрыгали вокруг, размахивая вычурными жезлами и полупристойно двигая коленками. Губернатор начал взбираться по ступенькам на свое место, повернувшись вполборота к монсеньору и с явным интересом обсуждая с ним что-то. В перекрестии прицела вырисовывалась его голова, затем шея, затем спина. Волна дыма скрыла его.

На огромном лице монсеньора появилось выражение ужаса, и оно застыло в гримасе беззвучного душераздирающего вопля. Вниз по ступенькам катится кресло-коляска, в его поручни вцепился окаменевший от страха Ред Лейфсон. Ал Карбайд пытается подать сигнал, но из свистка не вырывается ни звука. «Это Барт! Барт!» — вцепилась ему в плечо Эди. Ал Карбайд стряхивает с себя ее руки жестом злодея из немого кино, и она падает наземь; сквозь штукатурку на ее лице пробивается гримаса гнева. Стоп-кадр. Крути сначала. Улучшенный вариант. Губернатор снова пожимает руки спортсменам. Крупным планом лицо Лейфсона, нашептывающего очередную порцию гадостей в свой микрофон; культя его ног закутаны пледом. Не перестает улыбаться монсеньор, беспредельно уверенный в том, что небеса благословят все его деяния, устремления и надежды. О господи, ну что за жвачные животные эти спортсмены! Стоит лишь прикрыть глаза, и можно подумать, что ты на фабрике — так шумно перемалывают жвачку их челюсти. Снова заговорил губернатор, изображая заинтересованность и энергично двигая челюстью; загорелая дубленая кожа, которой бесчисленные мужские лосьоны, а также туалетные воды с запахами деревьев, листвы и травы придают росистую свежесть. Снова церемония у заткнутой флагом стены, снова хорошо подобранные слова, те же самые, наверно, слова звучат из динамиков так громко, что в пору лопнуть барабанным перепонкам. Снова падает полотнище флага, открывая барельеф, снова девушки с коленками... Перекрестие прицела движется в такт сердцебиению. Не дышать... Так, хорошо... Губернатор и монсеньор поднимаются по ступенькам, их улыбки сменяются суровым выражением — не иначе как рассуждают о современной молодежи. Перекрестие прицела замирает над их головами, и вот их головы впадают в зону огня. Губернатор заполняет собой весь прицел. Шея. Затылок. Снова палец нажимает на спусковой крючок, и снова губернатора окутывает облако дыма. На лице монсеньора вновь появляется агонизирующее выражение, только на этот раз по нему течет кровь. Кровь отменяется. Монсеньор глубоко признателен. Кровь на ком бы то ни было, кроме Христа, сын мой, является богохульством.

Ладно, ладно, я ведь не спорю, святой отец. Ал со своим онемевшим свистком. Эди, одетая под Клару Бау¹. Ред Лейфсон — неожиданно за рулем гоночного автомобиля — слишком быстро срезает угол. Шины визжат, он прикрывает лицо рукой, машина вдребезги. Из-под обломков легко выбираются две ноги и уходят. Отставить. Снова все сначала. Губернатор улыбается обоим командам. Челюсти все жуют и жуют. Вопросы. Спортсмены уже начинают уставать — кому охота отвечать на них? Они ведь не интеллектуалы. Бежать им привычнее, чем говорить, и губернатор понимает это. Он улыбается все той же полной мужественности улыбкой. Теперь очередь флага. Несколько хорошо подобранных слов, несколько тысяч, несколько миллионов, да начинайте же, наконец, матч. Положение спасает звонок. Безжалостный трезвон. Что такое — воздушная тревога? «Они» напали? Русские, китайцы, «нехорошие» пришельцы с другой планеты, жаждущие покорить нас и плюющие на демократию? Губернатор смотрит в небо, прикрыв глаза ладонью. Внезапно его окружают генералы, жующие, подобно спортсменам, резинку. Что — время для нескольких хорошо подобранных бомб? О господи, да если этот трезвон не кончится, губернатор просто не сумеет подняться на трибуну навстречу своей смерти. Неужто никак нельзя его прекратить? Можно. Крамнэгел проснулся и выключил будильник.

Если не считать этого все время возвращающегося сна, Крамнэгел в общем спал спокойно. Хотя сновидение его по большей части было фантазмагорией, основывалось оно на том, что он обдумывал перед тем, как заснуть, и потому в нем все выглядело до странности четким. Крамнэгел затвердил свой план назубок, и сон представлял собой ряд вариаций на тему, заставшую в его подсознании подобно цементу. Крамнэгел был совершенно спокоен, потому что целиком и полностью отдавал себе отчет в своих действиях. Часы показывали восемь. Он встал, побрился, почистил зубы и принял душ, стараясь не замочить бинты на голове. Затем он оделся и пошел в закусную на углу, где позавтракал оладьями с апельсиновым соком и кофе с пирожным. Кофе он выпил три чашки. Раны его все еще болели, но он уже свыкся с ними и приноровился двигаться так, чтобы ощущать как можно меньше боли.

Позавтракав, он взял такси и поехал в банк, где снял со счета все деньги, оставив лишь десять долларов. Это заинтриговало Ходника, но Крамнэгел уклонился от объяснений, а в ответ на вопрос о своих ранах сказал, что попал под такси. Покинув банк, он отправился в автомагазинчик и приобрел неприметный дешевый автомобиль. Уж если человек решил взяться за дело, то делать его надо со всей дотошностью и не забывать о психологии.

Подъехав на своей машине к ближайшему универмагу, он купил комбинезон из грубой ткани и желтую металлическую каску и переоделся в них в туалете бара, куда заехал из магазина выпить пива. Затем купил несколько легких сигар, а в канцелярском магазине Лимана приобрел последний имевшийся в продаже американский флажок. Да, да, сэр, на них сейчас чрезвычайно большой спрос, во всем городе не достать. Вот именно, сэр, в патриотические времена мы с вами живем. Реакция явно перешла в наступление.

Проехав в другую часть города, Крамнэгел поставил свою машину на стоянке, откуда пешком дошел до спортивного магазина братьев Ханибург, в окне которого был выставлен катамаран, и приобрел там набор клюшек для гольфа. У продавца, обслуживавшего его, сложилось впечатление, что покупатель приобретает клюшки безо всякого выбора, что, впрочем, было вполне естественно, ибо Крамнэгел никогда в жизни в гольф не играл. Закинув сумку с клюшками за спину, он направился в сомнительную лавчонку, специализирующуюся на торговле нацистскими знаками различия для юных ублюдков, играющих в Человеков и Сверхчеловеков, а также наборами украшенных свастикой кофейных ложечек, якобы принадлежавших когда-то Еве Браун, и прочими мрачными сувенирами подобного рода. Хозяин лавчонки, седой человечек с нездоровым цветом лица и скверными зубами, стоял за прилавком, наряженный в некоторые из лучших своих товаров. Он также предлагал вниманию покупателей большой выбор армейских револьверов, винтовок и даже противотанковую пушку, к которой, как он уверял, имелся комплект снарядов. По пятам за ним неотлучно следовала полицейская собака, обученная всяким хитрым трюкам, вроде, например, того, чтобы кусать заключенных, когда надзиратель выкрикнет их номера.

— Мне нужна винтовка с оптическим прицелом, — сказал Крамнэгел.

¹ Американская актриса времен немого кино.

— Почему бы вам не заказать ее по почте? — поинтересовался хозяин.

— Да мне она нужна только затем, чтобы поугаждать мерзавцев, — пробурчал Крамнэгел. — А после Кеннеди и всех этих других убийств я фирмам, торгующим по почте, больше не доверяю. Кто их знает, насколько они надежны.

— Верно, чертовски верно. А если хотите знать, то просто пугать мало. Убивать их надо. Убивать. Осточертел мне весь этот сентиментальный треп, что они, мол, всего-навсего дети. Национальные гвардейцы тоже дети. Хорошие, славные дети, не то что всякие там грязные красные жида, которым подавай все преимущества американских граждан, а гражданской ответственности чтоб никакой. Убивать их надо, да так, чтоб прямо на глазах у родителей. Тогда б мы живо очистили страну, это я вам говорю. Верно, Вотан?

Обнажив два ряда желтых клыков, пес победно вскинул голову в ожидании дальнейших инструкций.

— Отличный у вас пес.

— Еще бы. Принадлежал когда-то генералу Гансу фон Кремпелю — не знаю, слышали ли вы о нем, — его еще называли Красным Ангелом Минска.

— Как же, слышал, — сказал Крамнэгел, который на самом деле никогда такого имени не встречал и считал его странноватым для генерала.

— Но он, конечно, не продается.

— Я так и понял.

— Я вам покажу, что у меня есть, — сказал хозяин, которому поведение Крамнэгела пришлось по душе, и вынес три-четыре снайперских винтовки.

Крамнэгел выбрал одну из них — бельгийскую, украшенную филигранью, — потому что ее приятно было взять в руки и она хорошо вместилась в сумку с ключками. А также и потому, что она была в магазине единственной, к которой хозяин сумел найти патроны.

Ну и развелось же всяких психов, думал про себя Крамнэгел, возвращаясь к машине. Да если б его вонючий пес действительно принадлежал тому нацисту, ему сейчас было бы лет двадцать семь — двадцать восемь, и все же этот сумасшедший всерьез верит собственным словам: ему и в голову не пришло хоть немного поупражняться в арифметике.

Теперь Крамнэгелу оставалось сделать лишь две покупки. Он купил два сэндвича со сливочным сыром и джемом и салат с курицей. Ему ведь предстояло долгое бдение, а взять еды будет негде. Затем он зашел в книжный магазин и долго копался в замусоленных книжках в бумажных переплетах. Словоохотливый хозяин лавки, на его счастье, куда-то ушел, а никто из продавцов не узнал забинтованного и одетого в рабочий комбинезон Крамнэгела, хотя, когда он шел по улице, некоторые из наиболее шумных членов так называемого «молчаливого большинства» приветствовали его воинственными криками.

После долгих раздумий Крамнэгел остановил свой выбор на двух книгах: «Мысли и поучения Будды» и «Горячие губки».

Вернувшись на стоянку, он сел в свою машину и поехал к стадиону. Было еще очень рано, поэтому контролеры в воротах не стояли. Он раскурил сигару. Зайдя в ворота, он наткнулся на двух строительных рабочих.

— Что это с тобой приключилось, приятель?

— А-а, избил меня, — невозмутимо отвечал Крамнэгел.

— Да, знаешь, вроде эти молокососы особенно и не сопротивлялись, но некоторые оказались большие мастаки драться.

— Да, пожалуй, мне просто не повезло. На каратиста нарвался.

Эти слова Крамнэгела вызвали взрыв смеха.

— Ты из доновановских ребят, что ли? — спросил один из рабочих.

— Угу, — ответил Крамнэгел.

— Отделение профсоюза девятнадцать ноль восемь?

— Оно самое.

— Так они же на другой стороне собираются, у восточной трибуны.

— Ну да?

— Эй, дружище, это же стадион, а не площадка для гольфа! — крикнул второй рабочий.

— А я завтра поиграть хочу! — крикнул Крамнэгел в ответ. — Но мою машину

уже столько раз взламывали, что я больше ничего в ней не оставляю, а то опять сопрут.

— Да, беда с дешевыми машинами.

— Зато с дорогими надо думать о запчастях и перепродаже, — сказал первый рабочий.

— Это уж точно. Не одно, так другое.

— Мы выступаем на университет через пять минут, приятель, — сказал рабочий Крамнэгелу.

— Спасибо за сообщение, а то я сам не знал. Я вот только схожу отолью.

— Не трать мочу здесь, приятель, побереги для студентов! — крикнул ему кто-то, но Крамнэгел уже скрылся в одном из высоких бетонных проходов. Найдя туалет, он вошел в кабину и запер за собой дверь. Выбранная им кабина оказалась в туалете центральной. Встав на унитаз, он легко дотянулся до вентиляционного отверстия и, раздвинув пластинки, прикрывавшие его наподобие жалюзи, убедился, что отсюда, если смотреть под определенным углом, хорошо видна губернаторская ложа на противоположной стороне стадиона, а ствол винтовки вполне пролезает в отверстие. Оптический же прицел уже не проходил, но у Крамнэгела в запасе было несколько часов, чтобы приспособиться. Он мог даже вообще вынуть весь вентилятор из гнезда и обеспечить себе отличный сектор обстрела. Прежде чем приступить к работе, он съел сандвич и прочел две-три страницы мыслей Будды, которые столь не соответствовали его нынешнему настроению, что он мгновенно переключился на «Горячие губки», поведавшие ему о многих сексуальных развлечениях, которых он никогда не знал с Эди. Обе книги, вместе взятые, настроили его на печальный лад. Но, пожалуй, сейчас настало время не столько для раздумий, сколько для бездумного исполнения своего плана, и он решительно принялся извлекать вентилятор из стены. Часам к четырем все было готово. Открывшаяся Крамнэгелу картина поразительно напоминала его сон. Зарядив винтовку, он принялся ждать, подобно тому как охотник на крупную дичь поджидает редчайшую добычу — замерший, настороженный и беспредельно уверенный в себе.

Через четыре часа стемнело, и на поле выстроились игроки обеих команд — они, точно скаковые лошади, переминались в вечернем воздухе с ноги на ногу, ждали сигнала к началу игры и все до одного жевали резинку. Губернатор и монсеньор Фрэнсис Ксавьер О'Хэнрэханти обходили строй игроков. Монсеньор почти не улыбался — видимо, от сознания торжественности события. Не улыбался и губернатор — видимо, из-за предчувствия. Церемония открытия памятной доски прошла сдержанно и скромно, а речь губернатора вряд ли можно было назвать речью вообще — так, несколько бессвязных фраз, восхваляющих тех непостижимо богатых людей, которые могли подарить родному городу стадион. Затем губернатор начал подниматься в свою ложу, и перекрестие прицела легло на его спину как крест крестоносца.

На другое утро в Лондоне сэр Невилл спустился к завтраку в относительно неплохом настроении. Спал он хорошо, но раз или два просыпался по непонятной ему самому причине.

— Старость, миссис Шекспир, — доверительно пожаловался он. — Прежде чем человек засыпает вечным сном, он вообще начинает хуже спать.

— Я тоже так полагаю, — отвечала миссис Шекспир, скрываясь в кухне.

Сэр Невилл взял газету и принялся читать первую страницу. Когда миссис Шекспир вернулась из кухни с тостами, он сидел, неподвижно глядя перед собой, и только губы его шевелились, пытаясь что-то сказать. Он был бледный как смерть.

Не теряя времени на расспросы, миссис Шекспир бросилась в кухню, где рядом с телефоном всегда висел список самых необходимых телефонных номеров. В этот момент позвонили в дверь. Секунду поколебавшись, миссис Шекспир бросилась открывать. В квартиру вошел Билл Стоккард.

— Как он? — тревожно спросил Билл.

— Ах, сэр...

Было достаточно взглянуть на ее лицо. Билл быстро прошел в столовую.

— Что же случилось? — услышал он за своей спиной вопрос миссис Шекспир, но у него не было ни времени, ни желания удовлетворять ее любопытство.

Сэр Невилл посмотрел на Билла и, казалось, узнал его. Ему явно мучительно хотелось что-то сказать. Билл склонился к сэру Невиллу, чтобы тому не пришлось слишком напрягаться.

Сэр Невилл что-то пробормотал.

— Простите, сэр?..

Новая попытка; казалось, сэр Невилл нарочно с детским упрямством говорит так, чтобы нельзя было разобрать слов.

— Извините меня, но я ничего не могу понять, — с безжалостной откровенностью сказал Билл.

На этот раз сэр Невилл сделал над собой усилие. Он сделал его с трудом и болью, и когда он попытался что-то выговорить, из левого глаза его потекла струйка воды и капли заблестели на щеке.

— Давайте вызовем доктора, сэр Невилл, хорошо? Мы вас сразу поставим на ноги, — быстро сказал Билл, сам чувствуя вопиющую неискренность своих слов. — Вы нашли номер, миссис Шекспир?

Пока миссис Шекспир искала нужный номер, Билл подумал о том, что вызов доктора — это всего лишь уловка, проявление трусости, попытка переложить ответственность на чужие плечи. В прежние времена существовали заразные болезни, в нашем же от всех болезней привитом мире заразно смятение человеческой души, и символом этого смятения стало то, что стерлась грань между героями и злодеями. Может, ее никогда и не существовало, этой грани, может, герои и злодеи всегда были взаимозаменяемы, но сейчас, впервые за всю долгую историю человечества, находится все больше и больше людей, достаточно уточненных, чтобы постичь и принять эту истину, и, более того, способных ощущать душевную сумятицу, не испытывая потребности в прописных рецептах морали и не признавая ничего суда, ни божеского, ни человеческого. И, быть может, вынужденные пуститься в плавание без компаса, слабые начинают прибегать к насилию лишь потому, что их охватывает паника. Паника, порожденная тем, что на их глазах мир знакомых моральных ценностей растворяется за кормой так же неумолимо, как садится солнце. Мысль о том, что таит эта еще не исследованная страна человеческой души, заставила Билла вздрогнуть, и он ухватился за теплые звуки привычных условностей подобно тому, как ребенок хватается за материнскую юбку.

— Алло, доктор Суэйтс?... Я звоню вам из квартиры сэра Невилла Нима... Боюсь, что не очень хорошо.

ЗАХОВИЧ ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (род. в 1946 г.).

Советский переводчик с английского. В его переводе опубликованы романы Р. Хайнлайна и И. Уоллеса, повести Скотта Момадея, Э. Ф. Рассела, Г. Голда, Д. Кэмпбелла, рассказы Вуди Аллена.